М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

Собрание сочинений

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ
(1828-1834)

Вступительная статья
П. Г. Антокольского

Составление и подготовка текста
Б. М. Эйхенбаума

Примечания Э. Э. Найдича

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД · 1964

Настоящее издание представляет собой избранное собрание стихотворных произведений М. Ю. Лермонтова в двух томах. В первый том включены стихотворения, поэмы, драмы 1828—1834 гг., во второй — произведения 1835—1841 гг. Издание открывается статьей П. Г. Антокольского. Тексты и примечания обогащены вновь найденными материалами. В особом разделе даны другие редакции и варианты.

ЛЕРМОНТОВ

Лермонтов требовательно напоминал о себе, его образ и его творчество вставали во весь рост перед новыми поколениями в самые переломные и трагические годы нашего века. Столетие со дня рождения Лермонтова совпало в 1914 году с началом первой мировой войны, столетие со дня гибели — в 1941 году — с началом Отечественной.

В силу этих исторических совпадений ни одна из памятных годовщин, ни в 1914, ни в 1941 году, не носила характера всенародного чествования. Тем самым итог изучения лермонтовского творчества был известным образом смят, по-настоящему не подведен. Материал между тем накоплен гигантский. Каждое из поколений вложило сюда и ревностный труд, и исторически обусловленное понимание, и находки текстов и документов.

«Лермонтовиана» огромна, но мозаична. В ней нет преемственности, которая с давних пор установлена в пушкиноведении. Новаторство уживается рядом с устарелыми взглядами и сведениями, фантастический домысел — с документальными данными. Над многими утверждениями господствует благодушное сослагательное наклонение: «Мог бы...» В самом деле, почему Лермонтов не мог бы познакомиться с таким-то и таким-то, если оба они в одно и то же время находились в одном и том же месте? Историку такого рода предположения противопоказаны.

Каждого, кто вчитывается в Лермонтова, поражает его характер, проявившийся в первых же его стихах, в дальнейшем обозначавшийся все более резко, но ни разу не изменивший себе. При знакомстве с жизнью поэта этот характер поражает еще сильнее.

Он поражал и современников, но они находили ему превратные объяснения.

В 1840 году, за год до гибели Лермонтова, его видел еще более молодой, чем он, и совсем еще безвестный тогда Тургенев. Его поразила внешность знаменитого гусара. В ней было, вспоминал в старости Тургенев, «что-то зловещее и трагическое. Какой-то недоброй и сумрачной силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно темных глаз». [1]

Несколько дней спустя Тургенев еще раз увидел Лермонтова на великосветском маскарадном балу, среди множества женских масок, которые «беспрестанно приставали к нему, брали его за руку; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места, молча слушал их писк, поочередно обращал на них свои сумрачные глаза. Мне тогда почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки...» [1]

и т. д.

Тургенев чудесный и зоркий наблюдатель. Среди многих портретно-литературных зарисовок Лермонтова, сделанных «с натуры», тургеневский портрет на первый взгляд кажется живым и убедительным. Во всяком случае, он сделан художником слова на основе сознательного отбора всех средств, подвластных писателю.

Однако он внушает тревогу! Воспоминания Тургенева — поучительный образец того, как складывалась легенда о Лермонтове, демоническом госте светских гостиных и маскарадов, где веселилась дворянская и чиновничья чернь. Восторженный поклонник прочел на лице любимого поэта то, что хотел прочесть, — то, что уже вычитал из лермонтовских стихов.

Тургенев писал свои мемуары по меньшей мере через пятнадцать лет после 1840 года. Лермонтова давно уже не было в живых. Как это часто случается с мемуарами, тургеневские органически вобрали в себя не только былое, но и думы о былом: они отражают реальные события в позднейшем ретроспективном освещении.

На протяжении всего прошлого века и в начале нашего легенда

---

[1] И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. 10. М., 1956, стр. 330—331.

о «демонизме» поэта невозбранно господствовала и в литературоведческой науке. Лермонтова изображали в отрыве от эпохи, от среды, окружавшей его, от его собственной, несчастливо и трудно сложившейся жизни. В нем видели существо, своей же недюжинностью обреченное на гибель, в самом себе несущее зародыш душевной смуты и мрака — имманентный демонизм. На этом настаивали прежде всего многие современники, знакомцы и приятели, особенно же приятельницы Лермонтова, оставившие потомству счета своих маленьких и неумных обид на поэта. Они рисовали его нелюдимым, странным, неприемлемым для их представлений о приличиях — только потому, что оказались ему не по росту.

И тень черного крыла ранней гибели заслонила от современников живое смуглое лицо юноши, с которым им посчастливилось встретиться в Петербурге или в Москве, в саду деревенской усадьбы или на пыльном бульваре в Пятигорске. Случай нередкий в истории литературы.

Сейчас мы не только чувствуем внутреннюю неполноту и недостоверность любого лермонтовского портрета, стилизованного если не под Демона, то под Печорина, или даже под Грушницкого, но сверх того доподлинно знаем, насколько богаче было живое содержание личности Лермонтова. Оно было и сложнее и проще в одно и то же время. Главное же в том, что он был молод! Молодость, молодость, молодость — вот ключ ко всем его «загадкам», если уж употреблять это слово.

Стоит привести еще одно свидетельство, завершающее сказку о Лермонтове, реконструированную позднейшими потомками. Оно тем более заслуживает внимания, что полно такой же глубокой любви к оригиналу, какая была у Тургенева, а поэтически едва ли не фантастичнее всех остальных. Оно принадлежит Александру Блоку и было написано шестьдесят лет назад:

«Лермонтов восходил на горный кряж и, кутаясь в плащ из тумана, смотрел с улыбкой вещей скуки на образы мира, витавшие у ног его. И проплывали перед ним в тумане ледяных игол самые тайные и знойные образы: любовница, брошенная и все еще прекрасная, в черных шелках, в «таинственной холодной полумаске». Проплывая в туман, она видела сны о нем, но не о том, кто стоит в плаще на горном кряже, а о том, кто в гусарском мундире крутит ус около шелков ее и нашептывает ей сладкие речи. И призрак с вершины с презрительной улыбкой напоминал ей о прежней любви своей. . .

В этом сцеплении снов и видений ничего уже не различить — все заколдовано; но ясно одно, что где-то в горах и доныне еще пребы-

вает неподвижный демон, распростертый со скалы на скалу, в магическом лиловом свете. . .»[1]

Лирическая проза молодого Блока (приведенная здесь в отрывках) по-своему поучительна как полное преображение живого образа, полный отрыв от какой бы то ни было правды жизни. Поистине — «в этом сцеплении снов и видений ничего уже не различить». Но Блок великий поэт, к нему стоит прислушаться.

Ему помогал врубелевский демон, помогало мировоззрение символиста, а больше всего — собственная молодость. Совершенно не помогала ему наука о Лермонтове, ее тогдашнее состояние. Она была скудна материалом и порочна по методу. Блок сам хорошо это знал и в своей рецензии на книгу профессора-начетчика Котляревского с большой язвительностью говорит о пороках профессорского «труда». Он предвидит возможность иного знания о поэте и настаивает на его необходимости: «Лермонтовский клад стоит упорных трудов».[2] Шестьдесят лет, прошедшие с той поры, были полны такого упорного труда. Многое в Лермонтове открыто заново и впервые.

1

Лермонтов погиб двадцати семи лет. Всего каких-нибудь тринадцать лет сознательной и творческой жизни, если отправляться от даты, проставленной под первым сохранившимся стихотворением в рукописной тетради: 1828! Дело происходило в двухэтажном деревянном доме на Большой Молчановке в Москве. Четырнадцатилетний подросток, ученик московского университетского пансиона, начал писать стихи и «как бы по инстинкту переписывал и прибирал их».[3]

Жизненная трагедия коснулась его в раннем детстве. Матери своей он почти не помнил: она рано сгорела в чахотке. Сейчас же после смерти молодой женщины вокруг младенца разыгралась жестокая семейная распря — борьба между бабкой со стороны матери и его отцом: кому он будет в дальнейшем принадлежать? Причин семейной драмы, страстей, обуревавших обоих претендентов на него,

---

[1] Александр Блок. Собрание сочинений, т. 5. М.—Л., 1962, стр. 76—77.

[2] Там же, стр. 27.

[3] М. Ю. Лермонтов. Сочинения, т. 6. М.—Л., 1957, стр. 385. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.)

мы по-настоящему не знаем. Существуют темные предания, сообщенные дальними родственниками или знакомыми, но они разноречивы.

Почему самовластная старуха, безмерно обожавшая своего внука, так возненавидела мужа покойной дочери? Почему скромный отставной офицер, участник войны 1812 года, бедняк, владелец нищей деревни в Тульской губернии, едва только овдовел, сразу покинул усадьбу покойной жены и был резко отстранен не только от воспитания сына, но и от возможности свиданий с ним в дальнейшем? Обо всем этом приходится догадываться. Впоследствии судьба отца долго занимала воображение и мучила поэта уже после смерти первого:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...
...Не мне судить, виновен ты иль нет;
Ты светом осужден? Но что такое свет?

Или совсем по-гамлетовски:

О мой отец! где ты, где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах?
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх...

Известно завещание бабки. Оно сделано в пользу внука, — поставлено одно только жестокое условие: полный отказ отца от сына; в ином случае сын лишается наследства от бабки. Вот несколько строк из этого выразительного документа: «После моей дочери остался в малолетстве законной ее сын, а мой внук, Михайло Юрьевич Лермантов, к которому по свойственным чувствам имею неограниченную любовь и привязанность, как единственному предмету услаждения остатка дней моих... если же отец внука истребовает, чем, не скрывая чувств моих, нанесут мне величайшее оскорбление...» [1] и далее, не слишком грамотно, в том же духе эгоистической самовластной гордыни.

«Предмет услаждения» остался на руках у бабки, и детство поэта началось. Е. А. Арсеньева — надо отдать ей должное — ничего не жалела для воспитания внука. Он знал все, что должен был знать дворянский ребенок. Ему было привольно и весело в Тарханах Пензенской губернии. Он был пытлив. Музыка, живопись, восковые

---

[1] «Литературное наследство», № 45-46. М., 1948, стр. 635.

куклы детского театрика — все пошло на благо его детству и отрочеству. Он рос и развивался с необыкновенной быстротой и стремительностью.

Само это развитие становится предметом повышенного интереса со стороны юноши, предметом его анализа. У пятнадцати-шестнадцатилетнего Лермонтова еще нет никаких разгадок, нет понимания того, что же такое с ним происходит, какие силы скапливаются в нем и приходят между собою в столкновение. Но он постоянно занят собою, удивляется себе, отчасти и ужасается. Во всяком случае, он вправе считать себя существом необычным, — выше или ниже нормы, он не отдает себе отчета, знает только, что вне нормы и, значит, по особому счету ответственный за себя. И это первый стимул для творчества.

Отсюда — гипертрофия памяти. «Я ничего не забываю, ничего» — признание Печорина относится и к его автору.

Рядом с гипертрофией памяти — ее оборотная сторона: пристальное всматривание в будущее. Если прошлое в конфликте с настоящим, то настоящее в свою очередь живет мыслью о будущем:

Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Странный образ! Будущее — и вдруг тюремная цепь! Ведь обычно так говорят о своем прошлом, говорят люди зрелые, прожившие бóльшую часть своей жизни. Но у Лермонтова будущее и прошедшее поменялись местами. С самого начала его лирику наполняют предчувствия: сознание своей непрочности, неблагополучия. Всюду и во всем мысль о неизбежной гибели. Она выражается по-разному и совсем еще по-детски, в наивно преувеличенном, беспричинном ужасе:

Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет, —
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.
И скоро старость приведет
Меня к могиле...

Или еще проще:

В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной...

Или, наконец:

Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет...

Что значило в душевном обиходе юного человека предчувствие ранней гибели, да еще такое точное: плаха? Почему он мог предположить для себя этот конец?

Сказалось и наносное, прочитанное, воспринятое и развитое воображением. Это — как водится в юности. Но предчувствие насильственной гибели преследовало его и в дальнейшем. Оно росло с годами. Было в нем и нечто более важное, чем отроческая тревога. У самой тревоги были реальные основания.

Лермонтов рос в годы после восстания декабристов. В день казни Пестеля, Рылеева, Каховского, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина ему было одиннадцать лет. Он рос в той же социальной среде, откуда вышли и декабристы. Дело не в конкретных биографических фактах (они тоже наличествуют), а в общей атмосфере тех лет и той среды. Далеко в Петербурге спешно возводился казенный, крашенный в желтую охру, фасад николаевской империи. На авансцену бюрократического государства вышли новые действующие лица, под стать самому Николаю Первому, — остзейские немцы, вроде Бенкендорфа и Дуббельта. Процесс одичания, снижения дворянской либеральной культуры, борьба с университетским и всяческим иным вольнодумством — все это только начиналось, но уже давало знать о себе во второй половине двадцатых годов. А в далеких, больших и маленьких, богатых и бедных, дворянских усадьбах ютилось опальное дворянство — в недавнем прошлом гвардейская молодежь, победители двенадцатого и четырнадцатого годов, а в годы лермонтовского отрочества рано постаревшие, помрачневшие вольнодумцы, оставшиеся не у дел.

Лермонтов считал себя наследником декабризма. Здесь центральный узел его отроческого и юношеского развития. С годами сознание и самосознание его определялись точнее и обогащались собственным горьким опытом, но основы были заложены в отрочестве. Вот почему незачем сводить мотивы горестных предчувствий к наносному демонизму, к иррациональной мистике. Ведь попытки такого рода тоже были!

Был ли он нелюдимым и необщительным? Такое представление о юном Лермонтове распространено в литературе и в обиходном мнении. Оно преувеличено. Было другое, легче объяснимое. Раннее, запойное чтение сделало из него мечтателя. Как многие до него и

после него, он строил воображаемые декорации для своих воображаемых героев, а заодно и себя драпировал в их черные плащи, окутывал всю эту картину загадочным сумраком в духе коричневой светотени рембрандтовских портретов. Рембрандт — самый близкий ему художник:

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений...
...Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?

Сам ли себя изображал Лермонтов или изобретал себе загадочное прошлое — все равно, у него, еще мальчика, вообще никакого прошлого не могло быть. Он искал подтверждения и опоры себе в чужих разбитых чувствах и в чужом душевном опустошении; но надежды и опустошение могли быть вычитаны только в книгах, больше нигде. За этим стояла и житейская неопытность, неизбежная для юноши из дворянской среды, но также и жажда деятельности, труда, подвига, бунт молодого чувства и разума. Он искал и находил сильное выражение в слове:

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля...

Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

Здесь рожден — но нездешний душой! Это ощущение навсегда останется в лирике Лермонтова. Это гипертрофия памяти, создающей свой миф на потребу родословной, возведенной к предкам, выходцам из Шотландии. Будут и другие мифы в лирике Лермонтова. Гипертрофия памяти обернется своего рода прапамятью. Она преследует Лермонтова всю жизнь.

Точно так же сопровождала его, так же обладала гипнотической силой над ним мысль о таинственной, неопределенной власти слова. За год до гибели он признавался:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно...
...в храме, средь боя,
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Так формулировал он свою тревогу, уже будучи двадцатишестилетним, взрослым человеком. Но и пятнадцатилетний мальчик признавался в «страшной жажде песнопенья», а семнадцати лет он писал:

Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной,
Их услышав, опять оживу я...

Лермонтов был музыкально одарен. Музыкальная стихия была так же родственна ему, как живописная и пластическая. Может быть, следует поставить в связь с музыкальной одаренностью эту власть над ним речей, чье «значенье темно иль ничтожно»? Или сослаться на запись шестнадцатилетнего юноши: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услыхал, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать...» Это все та же гипертрофия памяти, все то же мифотворчество — вечный удел и вечная тревога человеческой души:

И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Но только ли о песнях идет речь, только ли о звуках, то есть о музыкальной гармонии? Нет, «есть сила благодатная в созвучьи

слов живых», то есть в вечно ускользающем смысле такого созвучия, в самих словах как носителях смысла.

Лермонтов не оставил следов на пути, по которому шел, разгадывая свою тайну, да и нуждался ли он сам в разгадке, не дороже ли был ему поиск!

И другие ведущие мотивы его лирики заложены в ней с самого начала, с отрочества — случай сам по себе единственный в мировой поэзии. Лермонтов без конца варьирует их, переосмысливает, заново модифицирует, ищет точную формулу, адекватную содержанию. В этом смысл его повзросления. Гипертрофия памяти и пристальность к будущему идут рука об руку. Их сочетание есть не что иное, как обостренное чувство времени. Оно диктует поэту самые важные признания:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

Среди многих лирических самораскрытий, которыми так богато его раннее творчество, эти четыре строки выделяются непосредственностью. В угловатости их тона слышится безотчетная, нерасчетливая правдивость. Так говорит подросток с ломающимся, хриплым голосом. Так говорит сама молодость: *понять я не могу, что значит отдыхать!* Она всегда так говорит, и поблагодарим ее за это.

Обращаясь к девушке, недавно еще любимой, упрекая ее, «зачем ты не была сначала, какой ты стала наконец», — он говорит, в сущности, о том же самом — о времени, напрасно потерянном ради недостойной:

Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?

С его точки зрения это самое грозное обвинение женщине! Время — высшая ценность, отпущенная человеку в обрез.

С поразительным рвением, в лихорадке ночного труда, среди растущих груд исписанной, исчерканной вдоль и поперек силуэтами летящих всадников бумаги искал он выражения для настоящих, ниоткуда не заимствованных, нигде не вычитанных, противоречивых, сталкивающихся друг с другом чувств и мыслей. Это было не легким делом.

И он победил. Его работа кажется сейчас непомерно долгой, так внезапно возмужал Лермонтов. На самом деле прошло всего три-четыре года. Таким было начало. Но и вся его жизнь была началом, прологом, подступом.

Что же произошло с ним за эти решающие юношеские годы?

Внешне немногое: Благородный пансион при Московском университете, Московский университет по словесному отделению и военная школа.

Молодежь, окружавшая Лермонтова в Московском университете, во многом была ему близка. Это были такие же, как он, отпрыски дворянских семейств, более или менее родовитых, настроенные весьма оппозиционно не только к университетской схоластике, но и ко многому другому в русской жизни. Среди студентов той эпохи были Герцен, Огарев, Белинский, Станкевич, Грановский, Кетчер... Если Лермонтов и не встретился, не познакомился, не подружился с ними, это дело случая, но они сидели рядом в тех же аудиториях старого университетского здания на Моховой, слушали тех же профессоров. Круг их чтения и возникших в университете духовных интересов совпадают. Они поклонники Шиллера и трагика Мочалова, восторженные читатели новых стихов Пушкина. Лермонтов на всю жизнь сохранил благодарное воспоминание об атмосфере, царившей в университетских аудиториях:

Святое место! помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их сюртуки, висящие клочками.

Упоминание рома и неопрятных сюртуков вносит сюда элемент шутки. Но в целом эти строки серьезнее, чем может показаться. «Заносчивые споры о боге, о вселенной» связаны с философскими интересами студентов: они знакомились с немецкой философией, в частности с Шеллингом. Если эти интересы имели решающее значение в развитии Герцена и Огарева, то не бесследно прошли и для Лермонтова: отголоски увлечения Шеллингом тщательно изучены сейчас в лирике тех лет. «Гордый вид пред гордыми властями» тоже помянут не случайно, — так глухо сказано об университетской обстановке, далеко не безоблачной. Она тоже хорошо изучена и освещена в нашей науке. «Мы были уверены, — вспоминал значительно позже Герцен, — что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет

вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней».[1] Известны студенческие беспорядки, вызванные недовольством реакционными и бездарными профессорами, которым особенно покровительствовало университетское начальство. Эти беспорядки были далеко не невинным делом и кончались для многих студентов жестокими репрессиями, вплоть до исключения, до сдачи в солдаты, до ссылки в Сибирь. Еще свежа была в Московском университете страшная память об участи Полежаева.

Вторым, жестоким «университетом» оказалась для Лермонтова Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Два года, проведенные в ней, Лермонтов назвал «страшными годами». Так оно и было на самом деле. Он пережил за эти годы крутую ломку: характера, образа жизни, нравственного склада. О том, как приходилось ему ломать себя, приспосабливать к уровню гвардейских ухарей и солдафонов, свидетельствуют поэмы, предназначенные для рукописного юнкерского журнала. Эти «непечатные» строки Лермонтова ничего не могут добавить к его поэтическому облику. С детской старательностью вдвигает он в свой ямб самое дикое сквернословие, какое только существует в русском языке. Ни изобретательности, ни юмора, ни остроумия у него нет и в помине. Есть только одно: желание прослыть бывалым гусаром-циником! Чужеродная стихия, насильно усвоенная, чудовищно выпирает из этих стихов. То, что иному давалось легко, для Лермонтова было пыткой на прокрустовом ложе.

Между тем и в университетские и в юнкерские годы за его плечами был уже немалый творческий опыт и багаж. Семнадцатилетний-восемнадцатилетний юноша — уже сложившийся поэт, автор множества лирических стихов, из которых многие навсегда вошли в золотой фонд русской поэзии, автор «Измаила-бея», «Последнего сына вольности», «Ангела смерти». Уже существовали первые наброски «Демона» — он начал его пятнадцати лет. Он начал сразу во всех жанрах: лирика, поэма, роман, драматургия.

Ранняя драматургия Лермонтова являет ряд попыток — новаторских не только для своего времени. Эти пьесы остаются и сейчас неразгаданными в театре. В самом их несовершенстве залог особой самобытности и силы. Литературоведы немало потрудились над тем, чтобы найти здесь перепевы Шиллера, Шекспира, Лессинга, Байрона и еще скольких других, выводя отсюда несамостоятельность Лермонтова, его зависимость от образцов. Напрасный труд! Лермонтов,

---

[1] А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 8. М.—Л., 1956, стр. 223—224.

так же как и его «образцы» — Шиллер или Шекспир, — «брал» решительно отовсюду, откуда мог, а «мог» потому, что был начитан не менее литературоведов, знал языки и был на редкость чуток к восприятию мировой культуры. Однако гораздо щедрее питала его окружающая жизнь, прежде всего — собственная жизнь, изрядно несчастливая и все более богатая страстями, которые требовательно врывались в написанное им.

Пьесы Лермонтова полны отголосков семейной драмы, разыгравшейся в его младенчестве. В «Людях и страстях» — это раздор между отцом героя и его бабкой, в «Странном человеке» — раздор между отцом и матерью. Завещание бабки, о котором шла речь выше, цитируется почти буквально. В обеих драмах — отголоски собственных влюбленностей автора; эти параллели видны невооруженным глазом, настолько они отрочески наивны. Но дело даже не в биографичности. Вся атмосфера юношеских драм живьем выхвачена из окружающей обстановки, московской и деревенской. Тут и живые, почти портретные зарисовки помещиков и помещиц, их крепостных слуг, изображенных с сугубой симпатией, которой не заслужили со стороны автора господа этих слуг; и сверстники Лермонтова, московские студенты, весьма различные по характерам. Это общество изображается по-грибоедовски едко: «козни», «клевета», «сплетни» — для Лермонтова социально-этические категории, звучащие особенно настойчиво: «эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжит каждый день в ушах моих» — конечно же это диктует живое впечатление от московской гостиной. Когда герой «Странного человека» произносит тираду: «Несносное полотерство, стремление к ничтожеству, пошлое самовысказывание завладело половиной русской молодежи; без цели таскаются всюду, наводят скуку себе и другим», — как не угадать непосредственный отклик на только что пережитое. Он звучит как свежая дневниковая запись. Недаром весь сценарий «Странного человека» откровенно построен как дневник — каждая сцена обозначена календарной датой: «Утром 26 августа» — «Ввечеру 28 августа» — «15 сентября днем» — и так далее до конца: драма приравнивается к дневнику. Лермонтов не только стремился к реалистическому изображению жизни, больше того — он демонстративно сближал, уточнял сближение сочиненного с подлинником жизни, а этим подлинником была его судьба и судьба его близких. Сюжет, интрига, все традиционные пружины сценического действия были наспех пущены в ход, но играли подчиненную, служебную роль: помогали свести концы с концами.

Лермонтов был первым (до Пушкина!), кто взялся за ответственную и запретную тему, связанную с Пугачевщиной. Роман «Ва-

дим» остался незаконченным. В целом это, конечно, несамостоятельное произведение: главные персонажи, особенно мелодраматический горбун Вадим, явно пересажены на русскую почву XVIII века из романтической беллетристики французского происхождения. Зато в романе есть и другое. Сцены стихийного крестьянского мятежа поражают силой и правдивостью. Лермонтов оказался тут пионером. Такого изображения народного гнева, его нарастания, такой характеристики толпы негодующих, ропщущих, охваченных одним порывом людей еще никогда не было до Лермонтова в русской литературе и еще долго не будет после него! Картины, написанные Лермонтовым, суровы и жестки, они нелицеприятны. Жестокость пугачевцев ничем не смягчена. На первый взгляд автор объективен. Но социальная правда восставших обозначена с полной ясностью. Лермонтов не говорит прямо о своей симпатии к пугачевцам, но это и не требуется, о ней читаешь между строк.

И если в стихах тех же лет Лермонтов так непосредственно откликался на события русской и зарубежной жизни — на холерные мятежи в Москве, на июльскую революцию 1830 года в Париже, если в поэме «Измаил-бей» отражена борьба народов Северного Кавказа за независимость, если в «Последнем сыне вольности» звучат не только отголоски новгородской старины, но и параллели с судьбой декабристов, — то все это свидетельствует о революционном духе шестнадцатилетнего поэта, об остром чувстве современности.

Все это было у житейски неопытного юноши, выросшего в глухие годы, вне круга друзей-единомышленников. Это ли не чудо! Если надо искать ему объяснений, то они рядом: в стремительно действенном характере Лермонтова. В своей простоте, в своем типизме этот характер настолько противоположен пресловутой легенде о демонизме, что просто диву даешься, почему не заметили, не захотели заметить его такие люди, как Тургенев или Ключевский, разглядевший у Лермонтова одну только грусть!

Любовная юношеская лирика Лермонтова тщательно изучена. Названы имена дворянских девушек, которыми он увлекался. К именам, известным в девятнадцатом веке, присоединяются новые, отысканные в семейных реликвиях и альбомах. Известна родня этих девушек, их происхождение, их дальнейшая судьба, вплоть до счастливых замужеств и кончин в преклонных летах. Некоторые из них сами оставили мемуары, не всегда правдивые и точные. Намечены предположительные перипетии этих коротких и стремительных влюбленностей. Искренние и высокие чувства Лермонтова с сокрушительной силой рвутся из его строк. Здесь все ясно, и это очень хорошо.

Но осталась еще одна его влюбленность, не привлекшая к себе литературоведов и биографов. Не найдена, не названа по имени восемнадцатилетняя красавица, жившая в 1832 году у одной из московских застав, в неказистом доме, к которой Лермонтов питал чувство поразительное по откровенности признаний.

Кто она?

Вот обстановка их свиданий:

В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной,
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица отражены...

Вот что она говорит о себе:

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младых
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана мужчине — ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну — день от дня.

Вот что он говорит о ней:

Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилом южных стран.
Что красота? — ужель одно названье?..
...Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадонны — и мадонны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет...
...Ну что же? — просто дева *молодая,*
Которой всё богатство — красота!

И, наконец, вот итог счастья, пережитого рядом с нею:

Пускай ханжа глядит с презреньем
На беззаконный наш союз,

Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви...

Лермонтов был первым в русской литературе, кто смело и чистосердечно встал на защиту восемнадцатилетней дочери народа, московской «прелестницы», в словаре того времени — проститутки, и поднял высоко и гордо свое чувство к ней, с таким вызовом обществу «ханжей» и людскому предубеждению.

У какой заставы — Дорогомиловской, Пресненской или Преображенской — встречались эти двое восемнадцатилетних, как звали ее, равную по красоте мадонне Рафаэля, которая с пятнадцати лет была продана мужчине, кто она была, мещаночка или крепостная раба, одна из сотен тысяч таких же, бесследно сгинувших... Незачем гадать! Делу не поможешь.

Именно этот короткий лирически любовный цикл Лермонтова, проникнутый революционной (иначе не скажешь) правдивостью, был чреват будущим во всей русской литературе. От этой светящейся точки, от свечного огарка в убогом медном шандале, бьют снопы лучей. Они освещают призрачный Невский проспект Гоголя, и внезапно выхватывают из ненастной питерской мглы бледное личико Сони Мармеладовой, и тянутся дальше и дальше — к Гаршину, к Чехову. Проститутка, в ореоле если и не мадонны, то мученицы, останется одним из самых драгоценных достояний русского реализма.

В эти же дни было сказано:

Я жить хочу! Хочу печали
Любви и счастию назло.
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?..
Он хочет жить ценою муки,
Ценой мучительных забот
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

В этих двенадцати строках вся его страсть и вся честность. И прежде всего его нравственное здоровье: за творческую судьбу надо платить неразменным золотом жизни.

Итак, в военной школе он пробыл «два страшных года». Только что став юнкером, он писал: «И вот теперь я — воин. Быть может, этот путь кратчайший, и если он не приведет меня к моей первой цели (то есть стать писателем. — *П. А.*), может быть, приведет к последней цели всего существующего: умереть с пулей в груди — это стоит медленной агонии старика». Далее он пишет: «Мое прошлое и мое будущее и теперь идут в разные стороны, и между ними барьер из двух печальных, тяжелых лет» (т. 6, стр. 419).

Выйдя осенью 1834 года из гвардейской школы, он был человеком, который отчетливо сознает перемену, происшедшую в нем. Она была нерадостна. Той же постоянной своей корреспондентке — старшей сестре девушки, в которую он был давно влюблен и которая успела за два года разлуки выйти замуж за другого, — он признается во многом: «Моя будущность, блистательная на вид, в сущности, пошла и пуста... Кто мне поручится, что... я сберегу в себе хоть частицу пламени молодой души, которою бог наградил меня весьма некстати, что моя воля не истощится от ожидания, что я наконец не разочаруюсь во всем том, что в жизни служит двигающим стимулом?» (т. 6, стр. 426).

Стимулов такого рода оказалось достаточно, и главное дело его жизни было впереди.

2

Герцен обмолвился крылатыми словами о том, что Пушкин есть ответ, данный русским народом через сто лет на призыв Петра Великого образоваться. Формула Герцена определяет историческое значение Пушкина. В XVIII веке, в явлении таких самородков, как Ломоносов или Суворов, сказался деятельный гений народа, его общая одаренность. В Пушкине русское общество доросло до самосознания. Это произошло с удивительным блеском, — как будто при звуках праздничной увертюры, под мажорные восклицания всей оркестровой меди взвился пестро раскрашенный занавес над рождением гения! Все помогало: темперамент, унаследованный от предков, книжные полки отцовской библиотеки, превосходные преподаватели Царскосельского лицея, в чьей программе отразилось «дней александровых прекрасное начало», наконец Двенадцатый год, совпавший с тринадцатилетием Пушкина. Все добрые феи склонились над его колыбелью.

Пушкин завершил русский классицизм восемнадцатого века и открыл девятнадцатый могучим всплеском жизненной силы. Отсюда глубина его проникновения в прошлое и размах в предвидении будущего. Еще раз: Пушкин — самосознание народа.

Лермонтов моложе Пушкина на пятнадцать лет. Одна эта хронологическая справка многое объясняет. Она обуславливает разность между двумя величайшими русскими поэтами. Это люди не только разных, но и противоположных эпох. Все, что в юности Пушкина было «томленьем упованья», верой в будущее и доверием к нему, — в годы, когда мужал Лермонтов, превратилось в отчаяние. Вольная мысль русского общества была загнана в подполье.

Много лет спустя Герцен вспоминал о тридцатых годах: «Нужен был другой закал, чтобы вынести воздух этой мрачной эпохи; нужно было с детства привыкнуть к этому резкому и непрерывному ветру эпохи; надо было приспособиться к неразрешимым сомнениям, горчайшим истинам, к собственной немощности, к постоянным оскорблениям каждого дня; надо было с самого нежного детства скрывать все, что волнует душу, и не растерять того, что хоронилось в ее недрах, — наоборот, надо было дать вызреть в немом гневе всему, что ложилось на сердце... Надо было уметь ненавидеть из любви, презирать из гуманности; надо было обладать беспредельной гордостью, чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах».[1]

Покойный Б. М. Эйхенбаум, самый проницательный из советских ученых, занимавшихся Лермонтовым, был первым, кто правильно заметил, до какой степени герценовская характеристика поколения приложима к Лермонтову, к его творчеству в целом.

С самого начала сознательной жизни в Лермонтове назревала негнущаяся, упрямая, жесткая в своей последовательности, не знающая компромиссов, глубоко таимая оценка окружающего мира. Не философским пессимизмом она была продиктована: Лермонтову было не до метафизики. Он был живым и слишком страстным человеком, чтобы погрязнуть в отвлеченностях. Это пессимизм социальный. Декабристы, сосланные на Кавказ, даже они, люди по своему душевному опыту значительно более зрелые, чем Лермонтов, встречаясь с ним, удивлялись прямоте и резкости его суждений, не умели, не находили в себе сил соглашаться с ним. Они были наивнее и благодушнее, несмотря на видимую горечь и безвыходность своей политической и жизненной судьбы. Ведь и они росли вместе с Пушкиным в том же «томленьи упованья»; оно и в преклонном возрасте грело этих несчастливцев.

---

[1] А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 8, стр. 223—224.

Когда-то Мережковский назвал Пушкина дневным светилом русской поэзии, а Лермонтова — ночным. Этот пустой образ смазывает исторический смысл различия между двумя поэтами: надо помнить, что утро и полдень Пушкина это *эпоха* его юности, а ненастный вечер, незаметно переходящий в угрюмую полночь, — *эпоха* Лермонтова. Пушкин дожил до лермонтовской эпохи, а Лермонтов не дожил до ее конца.

Классицизм ничего не значил в поэтике Лермонтова. Он прошел, не оглянувшись, мимо прекрасной ясности классицизма, его гармонии и меры, строгого вкуса, изящества речи, — мимо всего, что воспитывало и дисциплинировало Пушкина с юности. Зато туман, смута, напряжение романтизма соответствовали его душевному складу.

С головокружительной, сверхальпийской крутизны увидел Пушкин Кавказ: «Кавказ подо мною!» Нужен был пушкинский дальнозоркий глазомер, чтобы в дымной синеве убегающих вниз и далеко расходящихся отрогов и пропастей прочесть философию природы и философию истории Кавказа:

Так буйную вольность Законы теснят,
Так дикое племя под Властью тоскует.
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

Лермонтов прочел то же самое — ту же тоску и то же негодование, но в противоположном. Никогда он не сказал бы: «Кавказ подо мною», потому что был внутри Кавказа. Если фокус восприятия Пушкина в бесконечно далеком, то фокус восприятия Лермонтова — в бесконечно близком, в братской душе, ясной для него как своя собственная — будь это детская душа грузинского послушника Мцыри, или подростка-черкеса Азамата, или даже душа самой Бэлы. Там, где Пушкин классически крупно ощущал пластику народных судеб на столетие вперед, Лермонтов пытал глубину жизни лотом, работал с киркой и ночной лампой, как рудокоп.

И сами средства словесного и поэтического выражения оказались у него иными, новыми по сравнению с Пушкиным. Многим, даже и сегодня, они кажутся менее совершенным аппаратом, чем пушкинский. Но это обманчивое несовершенство! Речь идет об иной, чем у Пушкина, целесообразности. Там, где у Пушкина мысль, сжатая в ясной формуле, а сама эта мысль есть результат выношенного и уже завершенного (потому и совершенного) чувства, там у Лермонтова противоположное — стенографическая запись душевной бури,

яростное нагромождение красноречия. Там, где у Пушкина строфа, законченная сама в себе, — у Лермонтова раскаты свободных синтаксических периодов, не умещенных ни в строке, ни в строфе, ни в ряде строф. Содержание распирает и расшатывает привычные формы. Но еще до содержания их распирает само дыхание поэта. Оно прерывисто и непрерывно, как всякое живое дыхание: где подъем, где спад этой волны — не всегда угадаешь. Темп разгона взят с самого начала такой, что тут все оправдано, — все, за исключением остановки и расчленения.

Лермонтовский стих оказал наиболее очевидное и глубокое влияние на все дальнейшее развитие русской поэзии в девятнадцатом веке. Представители пушкинского направления — начиная с гениального Тютчева и кончая такими, как Майков, — прошли мимо Лермонтова и тем самым, в сущности, оказались в стороне от самого мощного и многообещающего потока поэтической речи. Зато Некрасов, Огарев, Аполлон Григорьев, Тургенев (как лирический поэт) были первыми по времени, для кого лермонтовская лирика (лирика прежде всего) оказалась грамотой и трубным звуком, разбудившим их. Это была поэтическая речь, не предуказанная никакими правилами, в том самом виде, в каком она выдохнулась, выпелась из живого горла.

Едва став московским студентом, в 1830 году, Лермонтов решился на полемику со своим великим предшественником и кумиром. Полемика была тем более серьезна, что она не поколебала лермонтовского благоговейного отношения к Пушкину. Он и поспорил с Пушкиным, потому что был уверен, что они оба стоят на одной позиции. Стихотворение «О, полно извинять разврат!..» (1830 или 1831 года) Лермонтов, очевидно, написал в ответ на пушкинские стансы, напечатанные в 1828 году, — «В надежде славы и добра» (а может быть, как думают иные лермонтоведы, на его «Героя» или «К вельможе»).

Здесь с очень большой силой сказалась коренная, принципиальная разница не только между двумя поэтами, но между двумя поколениями. О ней уже сказано выше в общем, схематическом плане. Вот ее конкретное, частное проявление. Пушкин до конца своих дней не изменил историческому оптимизму. Это была для него зарядка на всю жизнь. Даже обращаясь к сосланным декабристам, даже будучи сам глубоко и уже непоправимо несчастен, Пушкин продолжал юношески верить в исполнение самых несбыточных и самых смелых надежд поколения. «Оковы тяжкие падут» — относится не к какому-то проблематическому будущему, нет, оно неизбежно сбудется еще при жизни каторжников; свобода не за горами, она обязательно

встретит их у входа и «братья меч вам отдадут». Пушкин отнюдь не кривил душой, обращаясь с добрыми пожеланиями к своему мучителю-царю.

Лермонтов никак не мог принять этого. У него не было никаких иллюзий в отношении русского правительства. Он с сожалением и недоумением обращается к Пушкину:

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

Здесь, на решающем для обоих плацдарме, у переднего края политической мысли, — Лермонтов разошелся с Пушкиным, иначе не могло случиться.

Перед ним открывалась свинцовая страна, ледяная империя, чиновный и светский Петербург. Он достаточно насмотрелся на его тягостные черты еще в военной школе, а в дальнейшем узнавал их все ближе и ближе:

Увы! как скучен этот город
С своим туманом и водой! ..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!

Это первое впечатление от императорской столицы, и поэт поспешил поделиться им в письме со своей всегдашней московской корреспонденткой. Первое впечатление не обмануло Лермонтова. Его мутило от вежливого, скользкого внимания жандармов, от холопской грязи. Несмотря на молодость, на житейскую неопытность, он знал наизусть казенные черты питерского мрака. Скоро он узнал, что «Тамбов на карте генеральной кружком отмечен не всегда», что «Тамань — самый скверный городишка», что таких городов и городишек несчитанное множество в России, что стоит отъехать от царской столицы, и пойдут рябить в глазах, как в пушкинских странствиях, «только версты полосаты» да избы, крытые черной соло-

мой... В его лирику войдет прямая, без околичностей и смягчений, оценка этой России:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Скоро он убедился и в том, что укрыться, собственно, некуда.

И все же, оказавшись изгнанником этой немытой страны, хоть и в тумане, хоть и в неясных очертаниях мечты, он угадал лицо другой родины, полной песен и тайного сердечного жара, лицо народной крепостной России, затерянной в снегах, за полосатыми верстовыми столбами и шлагбаумами его невольных подорожных.

«Если захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. Как жалко, что у меня была матушкой немка, а не русская, — я не слыхал сказок народных: в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности» (т. 6, стр. 387).

Эта дневниковая запись одинока. Чем она вызвана, с чем непосредственно связана, неизвестно, но она не неожиданна: Лермонтов черпал поэзию и в преданиях новгородской старины, и в славе московского Кремля, и в более близких по времени преданиях Двенадцатого года. Но ни история, ни былины, так вдохновенно преображенные им в «Песне про купца Калашникова», — ничто не могло заменить ему живого лица родины, к которой его тянуло «странною любовью» (люблю — «за что, не знаю сам»).

Это знаменитое стихотворение начинается отрицанием казенных вариантов патриотизма. Лермонтову одинаково чужды и «слава, купленная кровью» и «полный гордого доверия покой», — как раз те признаки величия России, о которых усердно трубила официальная пропаганда. Заодно отвергаются и «темной старины заветные преданья»: они в лермонтовские времена тоже служили «самодержавию, православию и народности» — знаменитой триаде николаевского царствования.

Всему этому псевдонародному шовинистическому великолепию противостоит в стихах убогое, бедное, крестьянское: проселок, те-

лега, «дрожащие огни печальных деревень», «дымок спаленной жнивы», степной обоз...

> И в праздник, вечером росистым,
> Смотреть до полночи готов
> На пляску с топаньем и свистом
> Под говор пьяных мужичков.

Десять лет назад подросток воскликнул: «На запад, на запад помчался бы я!» Десять лет понадобилось ему, чтобы вернуться на родину из вымышленной страны отроческих снов — на землю, трижды несчастную и трижды любимую.

Белинский, живо воспринимавший все творчество Лермонтова и с обостренным вниманием следивший за ним, прочел «Родину» в рукописи и написал другу: «Если будет напечатана его «Родина», то аллах-керим, — что за вещь — пушкинская, то есть одна из лучших пушкинских».[1] Белинский уловил в стихах Лермонтова то, что сам считал главным в развитии современной ему русской поэзии: ее демократизм.

Одинокий Лермонтов, умевший быть предельно сосредоточенным в работе, самостоятельно, на свой страх и риск прокладывал дорогу к России. Вокруг него не было культурной атмосферы, которая окружала Пушкина, не было отцовской библиотеки, да и отца не было, и дяди-поэта не было, и старшего друга-поэта, вроде Жуковского, тоже не было. Но его революционные высказывания о России полны того же сердечного жара, что и пушкинские. Он начал свое знаменитое осмысление философии русской истории, резко возражая славянофилам: «У России нет прошлого. Она вся в настоящем и будущем» (т. 6, стр. 384). В устах Лермонтова это боевая формула. Продолжил он мысль, как революционный поэт: «Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м проснулся от тяжелого сна и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия» (там же).

Значительность этой записи в поэтике Лермонтова легко обнаруживается. Герой эпоса засыпает, становится камнем, остается незримым для людей, вынужден скрываться в пещере, прикован к скале, — он ждет освобождения. Лермонтов слышал о таких преданиях и на Кавказе. Уже в «Измаил-Бее» обращают на себя внимание

---

[1] В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2. М., 1955, стр. 152.

строки о горе Шайтана, — неожиданный отголосок прометеева мифа и грузинского «Амирани»:

Чтоб хоть на миг свое изгнанье
Забыть меж небом и землей,
Здесь три столетья очарован,
Он тяжкой цепью был прикован.

В короткой и случайной записи, сделанной в альбоме друга и приведенной выше, говорится, в сущности, о том же, раскрыто многообещающее зерно русских былин и сказок: сноп прожектора ударил в ночное небо сказки и нащупал в нем то, что связало для Лермонтова сказку с его историческим днем.

Так вырос в начале тридцатых годов Лермонтов — ученик Пушкина и его невольный антагонист. Он продолжал Пушкина тем, что преодолевал его. Как во всяком художнике, в нем боролись противоречивые стихии.

Лермонтову предстояла еще одна встреча с Пушкиным. Она сняла противоречия и сломала при этом его жизнь. 1837 год был не за горами.

Первая половина тридцатых годов, до 1837 года, ознаменована для Лермонтова вынашиванием заветных замыслов, их окончательным завершением. Так произошло, например, с «Бородином».

Первый набросок на эту тему («Поле Бородина») относится еще к 1830 году.

Здесь тоже содержится рассказ солдата, присутствуют элементы народного осмысления военного подвига и те же элементы устной, сказовой и бытовой интонации, но рядом с этим — отголоски одической выспренности:

Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

Эта условно архаическая риторика уничтожена в «Бородине» 1837 года. Зато сгущена, сконцентрирована разговорная солдатская

речь, ярче обозначено народное понимание войны и сверх того выдвинута основная мысль произведения:

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри, не вы.

Так обращается к своим молодым слушателям ветеран Двенадцатого года, и его устами говорит Лермонтов о своем собственном поколении: среди слушателей старого солдата находится он сам, двадцатитрехлетний. Скоро эта мысль будет главенствовать в его гражданской лирике.

Другой, самый разительный пример его творческой зрелости — стихотворная драма «Маскарад», единственное его произведение, завоевавшее русский театр. По отношению к нему «Испанцы», «Люди и страсти», «Странный человек» всего лишь поиски формы и языка. В «Маскараде» Лермонтов уверенно овладел сценическим действием. Оно развивается логично и стремительно. Как ни сильна у Лермонтова лирическая стихия, она подчинена законам драмы. Характеры действующих лиц не только рельефны и правдивы, их поступки не только реально мотивированы, но сверх того все это благодарные роли для актеров. Конфликт драмы, ясный и в чтении, на подмостках еще выигрывает. Это вещь, созданная для театра и требующая сценического решения.

Но значение «Маскарада» выше и серьезнее внешне жанровой ценности. Лермонтов назвал его драмой. В сущности это первая реалистическая трагедия в русском репертуаре — тоже не по жанровым признакам, но в силу поднятых здесь коренных проблем человеческого общежития.

Поэтику вещи определяют две сплетенных между собою метафоры: Маскарад — Игорный дом. Что они значат для поэта?

На маскарадном балу теснится и развлекается светская чернь. Она безлика на маскараде. Маски на то и предназначены, чтобы скрыть лица, спутать и смешать людей и их страсти в полнейшем беспорядке.

Под маской все чины равны.
У маски ни души, ни званья нет, — есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.

Это философия существ бесчувственных. Даже легкость и безнаказанность самого разудалого приключения никого не радуют. На маскараде завязывается узел конфликта, ведущего к развязке.

Игорный дом в изображении Лермонтова — притон шулеров, место, где эти профессионалы тоже вынуждены носить маски и казаться не тем, что они есть, а приличными, честными, хорошо воспитанными людьми, притом и богачами.

На маскараде — игра в любовь. В игорном доме — игра на золото в крапленые карты. Но бывает, что обе эти игры оборачиваются вдруг далеко не шуточным вариантом, что обнаруживаются тайные пружины, двигающие с виду хорошо слаженный механизм, — и вот с лиц внезапно спадают маски, издавна приросшие к ним. Шулер хватает за руку честного игрока и бросает ему в лицо «подлеца».

Это произошло с главным героем драмы, с Арбениным. Лермонтовский парадокс в том, что шулер трагичен! Если у Гоголя в «Игроках» удача в надувательстве ближних составляет предмет насмешки, то у Лермонтова самый феномен карточного жульничества является символом современного ему общественного уклада и вырастает до пределов непоправимой беды, которая губит героя и весь его внутренний мир.

Лермонтов не вскрывает механизма нечистой игры героя, как это делает Гоголь в отношении Ихарева и других персонажей «Игроков». Зато Арбенин обучает новичка приемам своего искусства и откровенно перечисляет все, что предстоит узнать князю:

. . привыкнуть ясно
Читать на лицах чуть знакомых вам
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненья рук,
Всё презирать: закон людей, закон природы,
День думать, ночь играть. . .
И не краснеть, когда вам скажут ясно:
«Подлец!»

Обычные посетители игорного дома еще меньше стесняются в отзывах об Арбенине: «Видно, что мастер» — «Арбенин ваш мастак» — «Забастовал он кстати. . . с ним беда!» — и наконец: «Не по нутру мне этот Ванька Каин!»

Так в первой же сцене происходит знакомство зрителя с Арбениным. Так Лермонтов сводит романтического героя на землю, окружает его социальной средой и лишает ореола таинственности. Это важно для характеристики лермонтовских поисков жизненной правды в искусстве. В последующие годы они станут еще острее и нагляднее.

В остальном же Арбенин — светский человек, отлично вышколен-

ный для такой роли, обаятельный, пользующийся общим уважением, доверием, симпатиями, зрелый и культурный. Он на голову выше окружающих. Если ближайшие к нему друзья и приятели отлично знают, кто он и что он, то прошлого вообще не существует ни для кого из них. Прошлого можно и должно не касаться и не бередить.

Арбенин только что женился на молоденькой девушке, почти девочке. Это — брак неравный. Арбенин сразу понял трудность совместного существования с молодой женой: «Я сердцем слишком стар, ты слишком молода». Таким образом, возможность конфликта заложена в природе самого этого супружества. И не будь потерянного браслета, не используй автор первой попавшейся ему ситуации, все равно он уже дал почувствовать зрителям непрочность супружеской четы.

Арбенин боится разоблачения, — но какого! Не клички Ваньки Каина, — такое разоблачение ему и не грозит: прошлое — прошло. Грозит ему иное.

Лермонтовской прозорливости позавидовали бы Гоголь и Бальзак. Вот несколько невольных, как будто случайно оброненных, признаний или обмолвок Арбенина, произнесенных им в решающий для него момент, — они следуют одна за другой, нарастая, и определяют героя как раба социальной среды, к которой он принадлежит.

Послушай, Нина!.. я *смешон,* конечно...

С другим *осмеян* был заочно...

...Неужели
Я страшен? нет! ты шутишь, я *смешон!*

Да *смейтесь, смейтесь* же...

Что делает она? *смеется,* может быть!..

Вот чего смертельно боится этот непойманный шулер: быть смешным и осмеянным — это значит потерять все, прежде всего потерять условную честь, неотъемлемую принадлежность светского человека.

Это значит: мстить жене, убить ее необходимо для того, чтобы не оказаться смешным в глазах окружающих! Как в сказке смерть Кащея спрятана в яйце, гибель трагического героя Лермонтова — в чужом смехе: если этого героя примут не всерьез, все кончено! И это согласуется с общепринятой моралью:

Да, — пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.

Условны все взаимоотношения людей: брак и любовь, честь и позор, власть и подчинения власти — все это напоминает условия игры, в которой либо партнеры знают все ходы заранее, либо сама игра летит к черту. Самые толковые, опытные и практичные игроки делают отсюда весьма нехитрые выводы, хотя и с претензией цитировать философов:

Что ни толкуй Волтер или Декарт,
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк; рок мечет, я играю
И правила игры я к людям применяю.

Так проясняется и авторская позиция: она в полном, резком, суровом отвержении структуры таких человеческих отношений.

«Маскарад» был запрещен цензурой. Однако цензор не разглядел разрушительно взрывной силы лермонтовского замысла. Его претензии к автору были проще и мельче: не наказан порок, не вознаграждена добродетель, а сверх того — цензор на этом старательно настаивает — неуместны нападки на маскарадные балы. Цензор замечает: «Я не могу понять, как мог автор бросить следующий вызов костюмированным в доме Энгельгардтов», и далее цитируется реплика Баронессы, характеризующей эти балы,

где всякий сброд,
Где всякий ветреник обидит, осмеет...

Лермонтов целый год пытался вырваться из тисков цензуры, шел на очень крутые изменения, калечащие его драму.

Дальнейшая судьба «Маскарада» еще сложнее и печальнее. Текст его существует только в писарских копиях. Лермонтовская рукопись не сохранилась. Ни одна из копий не отражает первоначальной редакции, которая впервые была представлена в цензуру и, стало быть, единственно соответствует авторскому замыслу. Все ко-

пии так или иначе (в какой именно степени, установить невозможно) вобрали в себя поправки, сделанные Лермонтовым на предмет цензурного разрешения. Одна из самых существенных поправок — введение образа Неизвестного: он понадобился затем, чтобы «порок» в лице Арбенина был «наказан». В первоначальном же варианте преступление Арбенина, убийство жены, должно было остаться не только безнаказанным, но, видимо, и нераскрытым. Стихия зла торжествовала.

Недаром и сам Арбенин на это рассчитывает. Он рассчитывает и на большее, когда сообщает отравленной жене: «И тайной для людей останется кончина твоя»: не только убийца останется безнаказанным и даже не заподозренным в преступлении, но и его жертва посмертно будет осуждена обществом: свет

... не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Пушкинская сентенция легка и добродушна, — речь идет об измене жены. Но если толковать ее распространительно, если на место измены жены встает убийство жены, она прозвучит по-другому, — это по-лермонтовски грозное обвинение обществу.

О том, как значительна была драма в первоначальном виде, дает представление монолог Казарина, узнавшего, что Арбенин возвращается в содружество игроков. Казарин объявляет своим единомышленникам:

За то, что прежде как нелепость
Сходило с рук не в счет бедам,
Теперь Сибирь грозится нам
И Петропавловская крепость.
В такие страшные года,
Когда всё общество готово
Вдруг разорваться навсегда,
Нужней нам боле, чем когда,
Товарищ умный, господа,
С огнем в груди и силой слова,
Недурно, если он к тому ж
Любитель смелых предприятий,
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.

Так звучало разоблачение мошеннической организации внутри общества, которое и само по себе преступно, — разоблачение заго-

вора шулеров, органически вросшего в николаевскую аристократию и военщину. Лермонтов обнаружил здесь преступную круговую поруку. Такой разрушительной критики социального строя еще не было до Лермонтова в русской литературе.

В конце 1836 года двадцатидвухлетний Лермонтов окончательно отчаялся в судьбе своего любимого детища. Он был готов к новым испытаниям. Самое важное и решающее из них разразилось в начале следующего года.

3

История создания «Смерти поэта» и последовавшей расправы над их автором может быть прослежена и восстановлена с достаточной полнотой. Многие документы налицо.

Сразу после смерти Пушкина была написана первая часть стихотворения, первая и бо́льшая — вплоть до последних шестнадцати строк, обращенных к виновникам пушкинской гибели.

В таком виде стихотворение распространилось во множестве списков по всему Петербургу. Дошло оно и до Третьего отделения. По свидетельству современников, ни шеф жандармов Бенкендорф, ни другие чиновники его ведомства «не нашли ничего предосудительного» в стихах Лермонтова. Даже Николай Первый будто бы одобрил их: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина!»; даже младший брат царя, Михаил Павлович, заявил: «Этот незрелый поэт еще даст хорошие плоды!» [1]

Так оно было или по-другому, но на этот раз Лермонтову ничего не грозило.

Между тем волны общественного негодования, вызванного гибелью Пушкина, росли на глазах у порядком испуганного петербургского высшего света, на глазах у правительства. Дошли они и до Лермонтова. Он был болен в эти дни; вызванный к нему лейб-медик Арендт, непосредственный свидетель предсмертных мучений Пушкина, рассказал больному обо всем, что видел и пережил за эти дни сам. Следом за врачом к Лермонтову пришел его родственник камер-юнкер Столыпин. Раскол петербургского общества отразился в споре двух молодых людей: камер-юнкер защищал Дантеса, утверждая, что убийца Пушкина, как иностранный подданный, не подлежит русскому суду, что Дантесу нет дела до русской поэзии. Реакция Лермонтова естественна. Имея в виду всех вообще врагов Пушкина, он

---

[1] «Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1770, 1781.

отвечал: «Если над ними и нет закона и суда земного, если они палачи гения, то есть божий суд».[1]

Так родились последние шестнадцать строк знаменитого стихотворения. В них почти дословно повторяется та же мысль: «Но есть, есть божий суд, наперсники разврата...» Грозное лермонтовское слово и на этот раз быстро разошлось по рукам во множестве списков. Постарались об этом и автор и его лучший друг, С. Раевский. Лермонтов сразу стал знаменит в кругах общества, где до этого не знали его имени. Больше чем через сорок лет после гибели Пушкина критик В. В. Стасов вспоминал: «Проникшее к нам тотчас же, как и всюду, тайком, в рукописи, стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина» глубоко взволновало нас, и мы читали и декламировали его с беспредельным жаром, в антрактах между классами. Хотя мы хорошенько не знали, да и узнать-то было не от кого, про кого это речь шла в строфе: «А вы, толпою жадною стоящие у трона» и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовые, пожалуй, на что угодно, — так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Навряд ли когда-нибудь в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление».[2]

Если среди студенческой молодежи (Стасов учился в Училище правоведения) стихи получили такое воодушевленное признание, то светское общество было в бешенстве: Лермонтов поймал его с поличным. Фигура автора, безвестного корнета-гусара, внезапно выросла в глазах этого общества до грандиозных размеров. Всполошилось и царское правительство. За работу принялось Третье отделение.

21 февраля Лермонтов был арестован и водворен в одном из помещений Главного штаба, напротив царской резиденции, Зимнего дворца. В тот же день был арестован и друг его, С. А. Раевский, принимавший самое близкое участие в распространении стихов. В лермонтовском деле он вел себя с редкостным благородством.

Прежде всего Раевский попытался согласовать свои показания с лермонтовскими и послал старому камердинеру друга, крепостному слуге, записку: «Андрей Иванович! передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подал эту записку министру. Надобно, чтобы

---

[1] М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. 2, М.—Л., 1936, стр. 174.

[2] «Русская старина», 1881, № 2, стр. 410—411.

он отвечал согласно с нею, и тогда дело кончится ничем. А если он станет говорить иначе, то может быть хуже. Если сам не можешь завтра поутру передать, то через Афанасия Алексеевича. И потом непременно сжечь».

Черновик показаний Раевского и сопроводительная записка Лермонтову были перехвачены тюремщиками, и это с самого начала ухудшило положение арестованных. В своих показаниях Раевский убеждал следственную власть, что стихи «темны», что их можно толковать по-разному. Да и царские милости по отношению к вдове и детям Пушкина убедили, мол, обоих друзей в том, что врагов поэта можно «бранить».

Лермонтов так и не узнал об умело и уклончиво составленной защите друга, и его собственные показания носили несколько иной характер: он доверчиво раскрыл перед судьями свое сердце.

Показания Лермонтова начинаются с рассказа о том, какие сведения о разном отношении к Пушкину в обществе доходили до него. Он услыхал об оскорблениях, которым подвергалась память Пушкина. «Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые нападали на человека, уже сраженного рукою божьей, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого». Так же как Раевский, Лермонтов ссылается на то, что «государь император... подал руку жене и малым детям его». В связи с этим Лермонтов предполагает, что и «сановники государственные разделяли благородные и милостивые чувства государя».

«Тогда, — пишет Лермонтов, — вследствие необдуманного порыва я излил горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразил нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написал нечто предосудительное, что многие ошибочно могут принять на свой счет выражения, вовсе для них не назначенные». Лермонтов заявляет, что «этот опыт был первый и последний в этом роде»,[1] ссылается на ранее напечатанные свои произведения.

В последней части показания он сделал ошибку, в которой долго потом винил себя: он прямо назвал Раевского как распространителя стихов.

Через несколько дней последовал приговор. Лермонтов был переведен в том же звании в действующую армию на Кавказ. Раевского же «за распространение сих стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведения корнету Лермонтову о сделанном

---

[1] М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1936, стр. 177—179.

им показании» продержали под арестом в течение месяца и выслали в Олонецкую губернию.

Началась последняя пора лермонтовской жизни. Жить ему оставалось четыре года.

Его бабка тут же начала хлопотать о возвращении внука. Это ей удалось. Ровно через год Лермонтов был переведен в другой гусарский полк, стоявший в Новгороде, а еще через месяц возвращен в Петербург, в тот же полк, где служил раньше. Ему удалось добиться и возвращения Раевского. В конце 1838 года тот вернулся в Петербург.

Есть сведения, что Лермонтов не был одинок в последний год в Петербурге (1839). Он был участником известного «кружка шестнадцати», где, по словам одного из членов кружка, «все обсуждалось с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и не существовало».[1] Очевидно, участие Лермонтова в этих непринужденных обсуждениях укрепляло его оппозицию николаевскому режиму: Лермонтов искал единомышленников, естественно, в той среде, к которой принадлежал сам. Но и эти единомышленники не случайно «нашли» Лермонтова, — это процесс обоюдный. Кто на кого влиял при этом, угадать невозможно, — почему не предположить, что именно Лермонтов был верховодом в кружке! Слишком общи и неопределенны сведения о деятельности этих конспираторов тридцатых годов. Конечно, они хранили гробовое молчание о своих встречах. Не следует забывать, что в глазах николаевского правительства сами встречи для бесед на политические темы трактовались как преступление.

Так или иначе одна за другою исчезают легенды о нелюдимости Лермонтова, о его надменном равнодушии к обществу себе подобных. Еще раз вспоминаются уже цитированные слова Герцена: «Надо было дать вызреть в немом гневе всему, что ложилось на сердце». Лермонтов испытал на себе терпение такого вызревания.

Его лирика в годы вслед за гибелью Пушкина полна самых ответственных для него политических выступлений, в которых созревший гнев нашел для себя форму окончательную, как в параграфах закона.

Такова напечатанная в 1838 году «Дума» — итог размышлений о судьбах поколения, которое обречено состариться в «бездействии». О каком бездействии говорит Лермонтов, ясно из контекста:

---

[1] Цит. по кн.: Б. М. Эйхенбаум. Статьи о Лермонтове. М.—Л., 1961, стр. 27.

Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию — презренные рабы.

В немногих, рассчетливо взвешенных словах дается картина широкого плана. «Роскошные забавы» предков, «их добросовестный, ребяческий разврат» — это адресовано к недавно сошедшему с исторической сцены дворянству екатерининских и александровских времен, к их крепостным гаремам и балетам с амурами и зефирами, распроданными поодиночке. «Промотавшийся отец», над которым когда-нибудь горько посмеется обманутый сын, — и здесь возникают владельцы тысяч душ, ухитрявшиеся в течение одной ночи карточного или иного разгула проигрывать и прожигать миллионные состояния.

«Дума» — своего рода конспект по истории русского дворянства. Если современники узнавали в лермонтовском зеркале самих себя, то и потомки могли признать в нем родовое и роковое сходство.

По-новому организована в «Думе» и поэтическая речь. Куда девался неуравновешенный синтаксис, такой заметный в недавней «Смерти поэта»! Лермонтов впервые отказался от ораторского языка. Каждая строфа «Думы» закована в броню. Каждая отделена от предыдущей и последующей не только как самостоятельное синтаксическое целое, но еще и тем, что между отдельными строфами-тезисами опущены звенья подразумеваемых мыслей: автор сознательно избегает былого многословия, — он доверяет читателю, приглашая его самостоятельно разобраться в недосказанном, понять с полуслова.

Это по-своему программное стихотворение предваряет всю дальнейшую работу Лермонтова, не только поэтическую: Лермонтов уже пишет «Героя нашего времени»; сжатые формулы «Думы» будут развернуты в широких картинах современного общества, в личной судьбе главного героя.

Таково же значение и «Поэта», опубликованного вслед за «Думой». Если «Дума» констатирует безвыходность исторической участи всего поколения, то в «Поэте» указывается выход, по крайней мере для лирического героя: Лермонтов говорит не только о себе, он утверждает потенциальную мощь русской поэзии в ее историческом развитии, — мощь уже проявленную:

Твой стих как божий дух носился над толпой,
И отзыв мыслей благородных
Звучал как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

О ком это сказано, как не о ближайших предшественниках, о Пушкине, о декабристах, Рылееве и других! Само сравнение с новгородской стариной (с вечевым колоколом) отсылает читателя к декабристской традиции, к обычной у Рылеева фразеологии. Поэтому и последняя строфа, вопреки своей вопросительной интонации, звучит как призыв к действию, к подвигу:

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк,
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья!

В общем контексте, рядом с воспоминанием о вечевом колоколе, «голос мщения» является призывом к гражданской героической поэзии, как следование поэта примеру предшествующего поколения.

В стоящем рядом с «Поэтом» обращении к современнику («Не верь, не верь себе, мечтатель молодой. . .») Лермонтов, казалось бы, отрекается от действенной роли, утверждает ее несбыточность в пустом и равнодушном обществе. Казалось бы, и все стихотворение написано от имени этого общества: «Какое дело нам, страдал ты или нет». Но авторский голос слышится слишком явственно:

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой. . .

Это не только отказ делиться с кем бы то ни было из современников заветным содержанием души, опытом ее печали и страстей. В сложном сплетении чувств главенствует и хозяйничает «бешеная подруга» поэта, гроза и вьюга его рвущейся к подвигу страсти. Ей и только ей останется он верен до конца жизни.

Не одной гражданской лирикой богаты эти годы. Уже напечатана «Песня о купце Калашникове», следом за ней «Казначейша», и еще, и еще, самые зрелые, совершенные — «Ветка Палестины», «Три пальмы», «Дары Терека», «Узник», — так раскрывается широкий мир его духовных интересов, его щедрое богатство. В то же время он занят завершением давно, еще с пятнадцати лет, начатого «Демона», читает друзьям отрывки из поэмы. В феврале 1840 года разрешен к печати «Герой нашего времени», части которого уже печатались в журналах.

За день до этого разрешения Лермонтов дрался на дуэли с сыном французского посланника де Барантом, отделавшись легкой царапиной. В начале марта он был арестован, и через месяц на докладе по его делу Николай Первый собственноручно начертал: «Поручика Лермонтова перевесть в Тенгинский пехотный полк тем же чином». Это было разжалованием: Лермонтов перестал быть гвардейцем. Наказание было гораздо жесточе, чем в 1837 году. Через несколько дней, после обычной военно-бюрократической волокиты, перевод поручика в пехоту состоялся.

Пока Лермонтов сидел в ордонансгаузе, ожидая решения своей участи, к нему пришел Белинский. Пришел, не слишком надеясь на дружелюбный прием, на возможность сближения и серьезного разговора. Все вышло по-другому. В письме к Боткину, написанном после этого свидания, Белинский чистосердечно разбирается в сложном впечатлении от Лермонтова: все для Белинского сплетено в клубок противоречий. С одной стороны — «ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь», «Взгляд чисто онегинский. Печорин это он сам как есть»; с другой — «Глубокий и могучий дух», «О, это будет русский поэт с Ивана Великого!» С одной стороны — «Женщин ругает... Мужчин он также презирает, но любит одних женщин и в жизни только их и видит»; но с другой — «Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему, он улыбнулся и сказал: дай бог!..» и дальше: «Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целости своей». И, наконец, Белинский признается: «Я с ним робок». И снова возвращается к мыслям о Лермонтове в связи с переводом «молодца в армию»: «Эта разудалая русская голова так и рвется под нож». [1]

В начале 1840 года Лермонтов отправился в действующую армию на Кавказ по месту своего назначения. Он задержался в Москве, встречался с Хомяковым, Самариным и другими славянофилами, на именинах у Гоголя читал отрывки из «Мцыри».

В конце мая из московского дома поэтессы Каролины Павловой, ночью, он двинулся дальше по Серпуховской или Рязанской дороге на юг. «Он уехал грустным. Ночь была серая. Мы простились на крыльце». [2]

---

[1] В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 152.

[2] Дневник Ю. Ф. Самарина. — «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников». Пенза, 1960, стр. 211.

4

Знакомство Лермонтова с Кавказом началось еще в детстве. Кавказ и тогда вошел в его поэзию. И в первых же стихах, написанных шестнадцатилетним Лермонтовым, звучит лейтмотив всей его кавказской лирики и кавказских поэм:

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..

Увлечение Кавказом и стремление понять и осмыслить его историческую судьбу росло в Лермонтове и крепло все последующие годы.

Вот почему здесь, на последнем перекрестке его жизненного пути, встанет так любимая им, столько раз воспетая, столько значившая для него снеговая шапка Казбека!

Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон...
. . . .
Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! Душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!..
...Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?
О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

Стихи эти написаны за три года до последнего лермонтовского возвращения на Кавказ, в них говорится о возвращении на север. Но многие из его горестных предчувствий 1837 года сбылись через три года, когда он в последний раз вернулся на Кавказ.

Лермонтова часто называли «певцом Кавказа». В романтической

поэтике и в соответственном истолковании образ «певца Кавказа» выглядит примерно так:

Стремительная и крутая горная тропа. Одинокий всадник на вороном коне, в косматой бурке, на свой страх и риск перевалил становой хребет времени. Над его головой бурное небо в летящих тучах, великолепие грозы. Вокруг знойная природа, «в полдневный зной долина Дагестана», настойчиво вызывающая у него предчувствие неизбежной гибели. И опять и опять одиночество...

Ровно через десять лет после гибели Лермонтова у молодого тогда Полонского были основания, возвращаясь с Кавказа на север и предаваясь романтическим мечтам, оглянуться назад с известной оторопью:

В стороне слышу карканье ворона —
Различаю впотьмах труп коня.
Погоняй, погоняй! Тень Печорина
По следам догоняет меня...

Таким путем романтика жизни окостеневала в литературно-книжной, цитатной традиции.

Но как же обстояло дело с самим Лермонтовым? — Совсем по-другому!

Для Лермонтова — в его зрелые годы дважды бывшего на Кавказе не по доброй воле, а в изгнании, не в качестве любознательного путешественника, а в звании поручика-пехотинца — пребывание в чужом и горячо любимом им краю превратилось прежде всего в тяжелую повинность, сопряженную с каждодневной смертельной опасностью. Сверх того было и другое.

Еще в 1837 году Лермонтов начал учиться в Тифлисе «по-татарски, — язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе» (т. 6, стр. 441). «Татарский» в словарном обиходе того времени значил язык тюркских корней, а применительно к Закавказью — азербайджанский. Вот историческая судьба языка, от которого с пронзительной болью отрывал свое вдохновение в XII веке Низами Гянджеви, потому что надменный Ширваншах учтиво, но весьма решительно заявил ему:

...к тюркским нравам непричастен двор,
Нам тюркский неприличен разговор!

Через семьсот лет этот неприличный разговор стал насущно необходим для ссыльного русского офицера-поэта.

По правдоподобному предположению Ираклия Андроникова, учителем азербайджанского языка у Лермонтова, «ученым татарином», как Лермонтов его называет, был гуманист и просветитель Азербайджана Мирза Фатали Ахундов, служивший в те годы толмачом в канцелярии наместника на Кавказе Розена. Ахундов только что написал замечательную касыду на смерть Пушкина, так поразившую ссыльного декабриста Бестужева-Марлинского, что он тут же сделал прозаический перевод касыды. Наше поколение воскресило ее в стихотворном звучании:

Вся русская земля рыдает в скорбной муке, —
Он лютым палачом безжалостно убит.
Он правдой не спасен — заветным талисманом —
От кривды колдовской, от козней и обид.
Он в дальний путь ушел и всех друзей покинул.
Будь милосерд к нему, аллах! Он крепко спит.
Пусть вечно ропщущий фонтан Бахчисарая
Благоуханьем слез две розы окропит.
Пусть в бейтах Сабухи Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит!

Лермонтов пошел в ссылку за стихи о том же. И если правда, что в 1837 году два поэта встречались на берегу Куры, — им было что порассказать друг другу.

Лермонтов «ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже» (т. 6, стр. 440). Он был неприхотлив, и простота бивачной жизни была ему по сердцу. Но за привольным, казалось бы, житьем, за относительной праздностью многих дней и недель, проведенных им на Кавказе, шла работа, в которую он, как писатель и следопыт, погружался все больше и больше. Как и во многом другом, Лермонтов и тут был пионером-разведчиком. Он первый привел в русскую поэзию ашуга в сказке «Ашик-Кериб», названной им турецкой на том же основании, на каком он считал татарским языком азербайджанский. Теперь мы знаем азербайджанский подлинник Ашик-Кериба — дастаны и песни об ашуге Гарибе. Лермонтов принес в русскую поэзию струнное чонгури и зурну, принес и упоительную пляску Тамары, ее лезгинку, грузинское Лекури.

Наконец — и это, может быть, самое смелое из его открытий в области кавказского фольклора, — он привел в русскую поэзию Демона, героя, выбранного в ранней юности, — того самого Демона, который еще недавно мерещился ему где-то в католическом испан-

ском средневековье. Как случилось, что Лермонтов переселил Демона на Кавказ, окружил его дымной синевой знакомого ему с детства горного пейзажа, заставил парить над долиной Цинандали, где кахетинские князья справляли несчастную свадьбу овдовевшей еще до венчания черноокой Тамары?

На это отвечает помянутый Ираклий Андроников. Этот исследователь обнаружил и собрал большой материал в сказаниях и сказках народов Северного Кавказа и особенно в грузинском фольклоре, — эти источники могли быть известны Лермонтову, и они явственно перекликаются с сюжетным построением «Демона». Лермонтов одушевил и очеловечил фантастический образ своего отрочества. Он приблизил Демона к грузинскому Амирани — двойнику эсхиловского Прометея. Таким образом, «злой дух» превратился в богоборца:

Я царь познанья и свободы!

Лермонтовым руководил безошибочный инстинкт гениального художника, который чувствует себя полновластным хозяином в мире вековых преданий и мифов. Сравнить в этом отношении Лермонтова не с кем, разве только с Гете.

Дворянская и буржуазная наука свысока трактовала ранние кавказские поэмы Лермонтова — «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи» и другие. В них искали любые отголоски чужого, иноязычного, только не отражения жизни, не самобытность. Происходило то же самое, что с юношескими драмами Лермонтова. Ученым было любо-дорого копаться в книжных истоках. Традиционное буквоедство мешало им смотреть в глаза жизни. С. А. Андреев-Кривич [1] убедительно показал связь кавказских поэм Лермонтова с живой действительностью, с историей покорения и присоединения Северного Кавказа к России, с биографиями деятелей предшествующей эпохи. Лермонтов не мог знать их лично, он опоздал родиться для такого знакомства, но зато с детства был окружен Арсеньевыми, Столыпиными, Шан-Гиреями, которые родством и свойством были связаны с завоевателями Северного Кавказа.

Андреев-Кривич определил живой прототип лермонтовского Измаил-Бея. Это офицер русской армии, участник суворовских походов, кабардинец по происхождению, Измаил-Бей Атажуков. Исследователь раскрывает перед читателями поучительные главы кабардинского фольклора — бытующие до наших дней песни и предания об

[1] С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы жизни и биографии. М., 1957.

этом герое, его кабардинское имя Исмель Хатакшоко. Данные русских официальных документов перекликаются с кабардинским фольклором. Возникает ясная картина, принципиально важная для постижения Лермонтова и его творческих поисков. Советским литературоведом неопровержимо установлено: Лермонтов старательно искал и счастливо находил созвучный своим замыслам живой материал. Он хотел быть летописцем недавней истории края, который полюбил в творчестве. Это было сознательное решение художника-новатора, работа революционная: за ней стояла мужественная оппозиция колониальному порабощению свободного народа.

Выше было сказано о разности вӥдения Кавказа у Пушкина и у Лермонтова: Пушкин — «Кавказ подо мною», Лермонтов — внутри Кавказа. Однако Лермонтов не только внутри Кавказа, но внутри завоевания Кавказа как офицер подавляющей и победоносной армии. Лермонтов внутри войны, как ее противник.

В ряде изданий сочинений Лермонтова поэтическое письмо Лермонтова к женщине, которую он долго и безнадежно любил, печаталось под заглавием «Валерик». Это большое стихотворение, почти поэма, имеет решающее значение для характеристики идейной позиции Лермонтова в войне на Кавказе. В отношении поэтического языка оно являет новый — к несчастью, уже последний — поворот в развитии Лермонтова как поэта.

Этот рассказ оказал ни с чем не сравнимое влияние на звучание и раскрытие военной темы во всей русской реалистической литературе. Он перекликается с «Севастопольскими рассказами» Толстого, с отдельными эпизодами «Войны и мира», и дальше бежит эта крутая волна — к военным рассказам Гаршина. Можно найти соответственные параллели и в советской военной прозе — от «Разгрома» Фадеева вплоть до произведений прозаиков Отечественной войны — Симонова, Казакевича, В. Некрасова, Гроссмана, Нагибина, Бакланова.

Впервые в стихи русского поэта с такой силой вторглась проза! Проза войны, схваченная зорко и остро, как в репортаже, горькая до едкости, правдивая до рези в глазах и слез. Законам репортажа подчинен и стих, не разбавленный никаким красноречием, подчиненный заданию вместить в себя все пережитое автором в полном беспорядке первого впечатления. В результате картины, рисованные Лермонтовым, напоминают моментальные снимки, сделанные в гуще событий, под отвесным полуденным солнцем, а то и в ночной темноте при любой молниеносной вспышке — настолько они «с подлинным верны». Сюда же, в тот же напряженный ритмический ряд, врывается разноголосый солдатский гомон и говор, и снова он напоми-

нает ленту магнитофонной записи — так случайны, казалось бы, отдельные реплики, звуки стрельбы, всполошенного лагерного быта, тревоги:

Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. — Где вторая рота? —
Что вьючить? — Что же капитан?
Повозки выдвигайте живо! —
Савельич! — Ой ли? — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал.

«Страшная» сторона войны тоже никак не приподнята, не освещена зловещим багряным светом, — она просто схвачена живьем и вдвинута в стих, в кровавом, потном, грязном своем затрапезе:

Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

Так оно идет и дальше, так же точно показана и смерть отдельного солдата, и смерть сотен других безымянных. Таким языком русская поэзия заговорила впервые, и он остался ее гордостью. Имя этого языка — правда.

Но она не натуралистична. Правда приподнята Лермонтовым до высокого обобщения:

А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет?.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

И с поразительной смелостью, которая продиктована тем же совестливым чувством правды, Лермонтов обрывает голос своей тревоги:

Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: *Валерик,*
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти...

Таким встает Лермонтов в конце своей дороги — кунаком и побратимом, кровным братом людей, с которыми его свела судьба на Кавказе, — безразлично, были ли они безымянными русскими солдатами, павшими рядом с ним и напоившими его своей горячей кровью из ручья, называвшегося «Речкой Смерти», или были кабардинцами, лезгинами, чеченцами...

Рассказ о Лермонтове на Кавказе превратился в рассказ о Лермонтове на войне. Так сложилась эта жизнь: он делал противоположное тому, что хотел.

С отрочества Лермонтова тянуло к цельным характерам, к самоотверженной борьбе за свободу и счастье, и свои собственные и чужие. Он находил искомое в каждодневном суровом быте горцев Северного Кавказа, но пришел к ним как враг, с огнестрельным оружием. Он стал солдатом, знал дым случайного бивака, полет пули над головой, гибель товарищей по оружию. В том же сражении у Речки Смерти он показал чудеса отваги и офицерской распорядительности, дважды был представлен к награде и повышению, и оба раза высо-

кое петербургское начальство не признало его боевых заслуг. Царь самолично вычеркивал его имя из списка. Его уже не было на свете, а по военным инстанциям, из штаба в адрес командования шел рапорт о воле царя, «дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо на фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось удалять его от фронтовой службы в своем полку»! Свинцовые, навыкате глаза Николая зорко следили за поручиком Тенгинского полка.

Но хорошим солдатом Лермонтов был не по принуждению, не ради наград и не из лихости, которая воспитывалась в гвардии, но потому что храбрость и достоинство солдата были свойственны ему как верному сыну народа. Таким же точно, через четырнадцать лет, был в Севастополе артиллерийский офицер Лев Толстой. Лермонтов любил и понимал военных людей, знал и ценил их привычную сердечность, открытость и щедрость в дружбе, готовность жертвовать собою, собственной грудью заслоняя товарища. Рядом с «героем нашего времени», блестящим Печориным, стоит совсем не блестящий и совсем не эффектный, приземистый добрый старик — штабс-капитан Максим Максимыч. Он плохо разбирается в тонкостях дворянской культуры, мало книг прочел на своем веку, а то и совсем не заглядывал в них, так что проживи Максим Максимыч еще хоть сто лет, никогда не понять ему ни страданий Печорина, ни странных его прихотей, но симпатии самого Лермонтова всецело на стороне этого темного человека.

В те же самые времена, когда Тургенев печатал свои воспоминания, один из близких его друзей и единомышленников, переводчик и критик А. В. Дружинин, встретил на Кавказе сослуживца Лермонтова (Дорохова), который, по словам Дружинина, «коротко знал и любил покойного Лермонтова, странствовал и сражался вместе с ним, следил за всеми событиями его жизни и хранит о нем самое поэтическое и нежное воспоминание». Со слов этого очевидца лермонтовской жизни, Дружинин рассказывает, что «Лермонтов, при всей своей раздражительности и резкости, был истинно предан малому числу своих друзей, а в обращении с ними был полон женской деликатности и юношеской горячности. Оттого-то до сих пор в отдаленных краях России вы еще встретите людей, которые говорят о нем со слезами на глазах и хранят вещи, ему принадлежавшие, более, чем драгоценность».[1] Вот какова «сумрачная и недобрая сила», поразившая Тургенева на петербургском балу!

С нехитрым юмором, который вообще не слишком удавался

---

[1] А. В. Дружинин. Собрание сочинений, т. 6. СПб., 1865, стр. 564.

Лермонтову, он вывел в одном прозаическом отрывке типичную фигуру «кавказца» — бывалого офицера кавказской армии, неприведливого малого, на всю жизнь влюбившегося в чужую страну. «Опыт долгих походов, — рассказывает Лермонтов, — научил его изобретательности, вообще свойственной армейским офицерам. Он франтит своей беспечностью и привычкой переносить неудобства военной жизни, он возит с собою только чайник, и редко на его бивачном огне варятся щи. Он равно и в жару и в холод носит под сюртуком архалук на вате и на голове баранью шапку. У него сильное предубеждение против шинели в пользу бурки. Бурка — его тога, он в нее драпируется. Дождь льет за воротник, ветер ее раздувает — ничего! — бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским, портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь» (т. 6, стр. 350).

Все печорински высокомерное или по-грушницки позирующее, отчужденное от мира живых людей, казалось Лермонтову оскорбительным извращением человека. Еще раз — он любил чистых и сильных людей. И сам он был таким.

Так где же она, «сумрачная и недобрая сила»? В чем она проявилась?

Может быть, в том, что среди пошляков, окружавших этого человека слишком часто, ему действительно бывало и скучно, и грустно, и некому руку пожать? Или в том, что он изредка писал злые эпиграммы, тоже мало ему свойственные (ему не хватало для эпиграмм пушкинской легкости и изобретательности), и награждал эпиграммами ничтожества, недостойные и росчерка его пера? Или в том сумрачная и недобрая сила, что он всю жизнь был убежден, что рано погибнет, и не ошибся в этом? Или, может быть, в том она, что студент, корнет, гусар влюблялся в различных девушек и женщин и не все они были достойны его, и это не могло укрыться от его зоркости, и тогда, по молодости лет, по гусарской привычке, он ухитрялся по-своему «мстить» этим ветреницам, кружил им голову, да еще хвалился этим совершенно по-детски. . .

Но он всю жизнь пронес любовь к одной, единственной, с «глазами, полными лазурного огня, с улыбкой розовой. . .», и эта возлюбленная предпочла ему другого, лучше устроенного в жизни, более обыкновенного, который был старше Лермонтова и богаче его, и с этим спутником она прошла свой жизненный путь, гораздо более продолжительный, чем лермонтовский. Жалела ли она о своем выборе, пролила ли запоздалую слезу, когда узнала о гибели своего первого возлюбленного? Да и надо ли доискиваться ответа о давным-давно отпылавших юных сердцах!

И если еще раз охватить цикл его короткого и стремительного развития, то оно предстает в простых и поучительных чертах. Молодость Лермонтова была далеко не прожита им, да и как могло случиться иначе у этого двадцатисемилетнего человека! Он не мог отказаться от противоречий сильных и поглощающих все его существо страстей. Многое в нем еще бродило, ища выхода, воплощения в слове, то есть окончательной и единственно возможной для него свободы.

Параллельно накапливалось предчувствие перемены, которая граничит со зрелостью:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Признание не единственное и не неожиданное в мировой поэзии. Так многие прощались, прощаются и будут прощаться с молодостью. Отчасти Лермонтов предвосхитил для себя постижение бессвязного и оглушающего языка страстей. Сам-то он еще нуждался в конфликтах и бурях, душевных и физических, — как будто в бурях есть покой!

Однако по отношению к своей творческой практике он ничего не предвосхитил, и это самое главное!

Лермонтовский реализм начался с психологического анализа, с углубления в самого себя. Его привлекала правда, трезвейшая и горчайшая, добытая с бою и любой ценой, ценой любого отречения от «красоты безобразной». Высочайший образец такого отречения — Валерик, Речка Смерти.

«Герой нашего времени» — роман «от первого лица» (правда, лицо это трижды меняется). В предисловии к роману Лермонтов строго настаивает на том, что Печорин и автор — разные люди, что между героем и автором нет точек соприкосновения. Слово Лермонтова — закон. Но важно другое: изнутри осветить таким образом человека, изобличить его — современника, сверстника, приятеля — в тайных помыслах, в изворотах эгоистической диалектики, не пожалеть и развенчать героя, но при этом сделать и обратное — поднять

его над толпой пошлых проходимцев, вывести за скобки недюжинность этой человеческой судьбы, ее историческую обреченность, да еще поставить рядом с героем карикатуру на него же в лице Грушницкого — все это было изобретением в лермонтовские времена. Очень сложным изобретением.

Читатель узнает героя из трех источников и соответственно видит его с трех углов зрения: из рассказа о нем Максима Максимыча («Бэла»), из беглых, но важных замечаний самого Лермонтова и, наконец, из источника, который оказывается самым достоверным — из записок самого Печорина («Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист»). Это прием смелый, острый и нелегкий. В результате образ не двоится и не расплывается, — наоборот, он становится рельефнее и богаче психологически и в конце концов вырастает.

Но еще большее и решающее значение в целостной структуре этого многопланового и многогранного произведения принадлежит признаниям самого Печорина, которые выводят героя за рамки реально замкнутого рассказа и придвигают этот образ вплотную к заветным думам Лермонтова о судьбах поколения: «Зачем я жил, для какой цели я родился?.. А верно, она существовала, и верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...»

Таким образом, Лермонтов проецирует свое личное богатство, свою личную судьбу — на судьбу чужую, пускай близкую и похожую, а все-таки другую, он недаром настаивает, что она — другая! Рождается собирательный образ, не менее реальный, чем его автор. Соотношение, напоминающее Сервантеса и Дон-Кихота: «Для меня одного родился Дон-Кихот, а я родился для него; ему суждено было действовать, а мне — описывать; мы с ним составляем очень дружную пару». Это первый в прошлом веке европейский роман такого высокого стиля, а может быть он и единственный.

Величайшее дело лермонтовской жизни — «железный стих, облитый горечью и злостью». Он оплодотворил и окрылил русскую гражданскую поэзию девятнадцатого века. Громоносные ямбы Лермонтова продиктованы тем же стремлением к правде, добытой любой ценой, каким бы личным отчаянием ни приходилось платить за правду.

Незачем гадать, чем бы мог стать Лермонтов, проживи он еще столько или столько-то. Незачем — потому что ясно, куда и к чему он уже шел, как рос в 1839—1841 годах и в какого писателя превращался. Ни от чего в прошлом не отрекаясь, хотя и здраво оценивая прожитую юность («то был безумный, страстный, детский бред...»), Лермонтов мужественно ставил перед собою учительские, нравствен-

ные цели, предъявлял к себе требования самые высокие. Он отдавал себе отчет в ответственности задач, когда отказывался от дешевой славы развлекателя и развратителя!

Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не обольщая мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

Еще семнадцати лет он утвердил для себя этот нравственный закон:

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, теченье века
Объемлет в краткий миг оно.

Так неожиданно, в ощущении безграничного пространства и бесконечного времени, он перекликается с космизмом середины двадцатого века. Все в нем было нешуточно. В нем рос и мужал художник без артистизма, работник без отдыха, один из самых ответственных людей в русской культуре.

Уже сказано о том, как тщательно следил царь, чтобы поручик Тенгинского полка непрерывно находился под пулями. Николай рассчитал точно и знал, что в его расчетах не может быть промаха. У царя был уже немалый опыт в таких делах: в мартирологе русской поэзии значились имена Рылеева, Грибоедова, Пушкина, Бестужева-Марлинского, Полежаева.

Обстоятельства последней роковой дуэли Лермонтова неясны. Что послужило причиной кровавой стычки между Лермонтовым и Мартыновым, какое оскорбление нанес этому последнему поэт, — остается загадочным, окружено молчанием современников, да и само молчание их необъяснимо. Фигура Мартынова рисуется тоже как-то расплывчато и двусмысленно.

Обсуждение вопроса о гибели Лермонтова было под запретом в русской печати в течение очень долгого времени, даже после смерти Николая Первого, в шестидесятых годах. Одно только ясно хотя бы по глухим намекам современников: ссора Лермонтова и Мартынова

была раздута и использована какими-то заинтересованными в ней третьими лицами, в силу чего и дуэль оказалась неизбежной.

Неспроста П. А. Вяземский записал в своей книжке: «Я говорю, что в нашу поэзию стреляют удачнее, чем в Луи-Филиппа. Вот второй раз не дают промаха».[1] Тут же Вяземский вспоминает о некоей дуэли еще екатерининских времен, когда один из князей Голицыных «был убит не совсем правильно», а к тому же, прибавляет Вяземский, «Потемкин не любил его»... Как ни осторожна, ни окольна эта притча, связь ее с предыдущим суждением о гибели Лермонтова бесспорна.

Есть подозрения, что действительно Лермонтов «был убит не совсем правильно». В известной степени с этим согласуется и дальнейшее поведение Мартынова, его желание просить над собою военного суда, скорый уход с военной службы, наконец многолетнее уединение в деревне, где, по преданию, Мартынов постоянно заказывал панихиды об убитом противнике в годовщину его гибели. Существует также темное известие о предсмертном покаянии Мартынова в грехах и о том, что его духовник был потрясен услышанным, но унес тайну исповеди в могилу.

А дальше что?

Все ли пути использованы для расследования преступления 1841 года? Есть ли надежда найти необнаруженные документы, достучаться в доски давно истлевших гробов, допросить в последнем дознании мертвых и вынести последний приговор тайным убийцам и палачам гения?

Если в отношении Пушкина это уже сделано с бесспорной очевидностью, почему не предположить того же и в отношении Лермонтова? Никогда не поздно. Лучше поздно, чем никогда!

А дальше что?

Дальше картина уточнится в частностях. Давным-давно исчезнувшие физиономии проступят отчетливее, но по существу мало что изменится в ней!

Все эти судьбы, подлые или ничтожные, без следа смыты потоком времени. Память о них может воскреснуть разве что в примечаниях, напечатанных где-то далеко позади лермонтовского текста. Эти примечания, любопытные для немногих читателей, уже ничего не могут изменить в одной человеческой судьбе — прекрасной, грозной, бессмертной.

Она разрослась на родной земле цветущим садом, где поет про любовь сладкий голос и вечно зеленеет полуторастолетний дуб. Она

---

[1] П. А. Вяземский. Записные книжки. М., 1963, стр. 274.

раскинулась над землей полуночным небом — и чуткое эхо слышит, как там звезда с звездой говорит, а зоркие детские очи могут увидеть, как по небу полуночи летит ангел и несет в объятиях нерожденную душу для мира печали и слез. Она, грозная и прекрасная судьба, блестит сквозь утренний туман кремнистым путем — и нет конца пути! И подростки, юноши и девушки России склонились над книгой поэта, зачитанной еще их матерями и отцами, они растут, мужают, радуются и льют слезы над этой книгой. И пока звучит на земле русский язык, останется бессмертной эта судьба и будет нестись из края в край вселенной, долетит оно и до звезд — «из пламя и света рожденное слово!»

П. Антокольский

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

1828

ЗАБЛУЖДЕНИЕ КУПИДОНА

Однажды женщины Эрота отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремит.
Ваш подлый род один! — безумный говорит.

С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина!..

1828

ЦЕВНИЦА

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций
И куст прелестных роз, взлелеянных весной;
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так поутру туманы
От солнечных лучей редеют средь поляны.
Исчезло всё теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

1828

ПОЭТ

Когда Рафáэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал, —
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине

Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призра́к бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1828

К П.....НУ

Забудь, любезный П<етерсо>н,
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостоин бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порва́нной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, —
Везде утехи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

1829

К Д...ВУ

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей,
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!

Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незваный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю, —
И больше им не доверяюсь!..

1829

ПОСВЯЩЕНИЕ N. N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда — беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

1829

ПИР

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой

Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

1829

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы! . .
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне
Как прежде утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте! . .

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую! . .
Пред мной отличный стол,
И шаткий <и> старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,

Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!

Иль если крыса, в ночь,
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь — и тут!..
Послыша глас тревоги,
Она — давай бог ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу — и тем сытей
Всегда почти бываю.
. . . .
. . . .
Тогда я припеваю
. . . .
. . . .
«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»

1829

К ДРУЗЬЯМ

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;

Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

1829

ЭПИГРАММА

Дурак и старая кокетка — всё равно:
Румяны, горсть белил — всё знание его!..

1829

МАДРИГАЛ

«Душа телесна!» — ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовию дыша:
Твое прекраснейшее тело
Не что иное, как душа!..

1829

РОМАНС

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, — сказал он, — други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?

Душа души моей! тебя ли
Загладят в памяти моей:
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?
Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»
В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

1829

ПОРТРЕТЫ

1

Он некрасив, он невысок;
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они —
Лиют без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет,
А щечки — полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей!..

4

Всё в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья — слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, —
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

1829

К ГЕНИЮ

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня невольно к вспоминанью, —
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О, сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу, забывшись, им. Но, полный весь тоскою,
Неверной девы лик мелькает предо мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный *Гений:*
Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья...
...И я приду сюда и не узнаю вас,
О струны звонкие! . . . .
. . . .
. . . .
Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.

Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою склонял —
И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

1829

ПОКАЯНИЕ

Дева

Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

Если дух твой изнемог,
И в сердечном покаяньи
Излиешь свои страданьи, —
Грех простит великий бог!..

Дева

Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде, —
Где ж найти уплывших лет?

Не хочу я пред небесным
О спасеньи слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молися:
Недостойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней,
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,
И гееннскому мученью
Предала меня она!..
Но любови тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

Поп

Если таешь ты в страданьи,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаяньи, —
Не простит великий бог!..

1829

ПИСЬМО

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилося — и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! — Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую руку...
Далеко ты! не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть может, я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или в часы беспечного досуга
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собранья
И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало, и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огнь на девственны ланиты,
К груди младой прильнет безвестный дух,
И над главой мелькнет призрáк забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катаньи,
Проедешь ты на паре вороных,
И за тобой в любви живом страданьи
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;

И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела, —
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И — падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

1829

ВОЙНА

Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!

1829

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;

Вдруг зимних бурь раздался грозный вой —
И рушилось неверное созданье!..

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный и свободный!..

Он громкий звук внезапно раздает
В честь девы, милой сердцу и прекрасной, —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоет!..

1829

ПЕСНЯ

Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять былое счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!

1829

К...

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..

Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь, как нищий, сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И — пропасть под ногой скользящей!..

1829

РОМАНС

Невинный нежною душою,
Не знавши в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с какой-то простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодованье скрыв,
Тот может, друг, еще сказать, забывшись:
Я был счастлив!..

Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!

1829

ТРИ ВЕДЬМЫ

(Из «Макбета» Ф. Шиллера)

Первая

Попался мне один рыбак:
Чинил он, весел, сети!
Как будто в рубище, бедняк,
Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,

Что всё сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался;
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Другие две

Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Первая

И вот где он, там пир горой,
Толпа увеселений —
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрей умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы — прах пустой!

Вторая и третья

Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..

Первая

Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду
Свободною минутой, —
Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отвращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..»
И забелели волны.

1829

К НИНЕ

(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

Пусть навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!

Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..

1829

К N.N.

Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь,
Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь,—
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;

Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участье!..

1829

ЭПИГРАММЫ

1

Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук, в чести — а там
Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать, и льстить, и лгать в одно и то же время,
Признаться — очень мудрено!

4. Г-ну П...

Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастием бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной — всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит
(Но не о том, что жизни друг лишился):
Пять раз забыл он взять *билеты за визит!..*

1829

К ГРУЗИНОВУ

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины — итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..

1829

НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полно́чь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.
. . . .

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день, усталою стопою
Идет рыбак брегов на тихий склон,

Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»
. . . .

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:
«Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь, —
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь.
Там нет ни почестей, ни счастия, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

1829

ПАН

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшися лесов в таинственную сень
Или под вётвями пустынныя рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
И пляшут вкруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

1829

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

P. S.

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — Все мы человеки!..

1829

К N. N. ***

Не играй моей тоской,
И холодной и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое спокоить мщенье!..

1829

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

1829

ОТВЕТ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молньей, догорает,

Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

1829

ДВА СОКОЛА

Степь, синея, расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, тряхнувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
— «Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
— «Что ж ты видел там худого?»
— «Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милóго,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся, как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
— «Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной —
Нож для сердца вековой!..»

1829

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился:
Ах, ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же? —
Скрываются красы, как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился,
И перл между ресниц порой
Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенесть!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал!
И труп преступницы волнам
Он предал.

1829

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он пре́зрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

1829

ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов,
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И, пробужден немым виденьем,
Был строен их невнятный глас!..

1829

К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

1829

ЭЛЕГИЯ

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:

Ищу измен и новых чувствований,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

1829

* * *

Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой, прозрачной рекой
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастью летел.

1829

К С. С...ОЙ

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в младой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить, —
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

1829

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ N. N.

Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...

1829

К ***

Мы снова встретились с тобой,
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах, как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..

1829

МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное теченье...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

1829

ВСТРЕЧА

(Из Шиллера)

1

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел, дотоле неизвестный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья,
И страсти юные, и вдохновенья.

1829

БАЛЛАДА

Над морем красавица дева сидит
И, к другу ласкаяся, так говорит:

«Достань ожерелье, спустися на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят, и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!» — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной младой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят, и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

1829

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;

Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
    Тяжелой стопой.
    И молча вдруг
    Глядит вокруг.
    Зевая лениво,
    Трясет желтой гривой
    И, всех обозрев,
    Ложится лев.

    И царь махнул снова,
    И тигр суровый
    С диким прыжком
    Взлетел опасный
    И, встретясь с львом,
    Завыл ужасно;
    Он бьет хвостом,
        Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится,
И невольно ложится
    Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
    И дерзко в круг он вступает,

На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

И зрители в робком вокруг ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрят в молчаньи,
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!» —
И гордую тотчас покинул.

1829

ДИТЯ В ЛЮЛЬКЕ

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему; но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

1829

К*

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь, —
На кой мне черт душа твоя! . .

1829

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденьи бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

1829

* * *

Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я.
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлися пылкие друзья,
И я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь.

Измены душу заразили
И не давали отдохнуть,
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участья,
Ни слез, ни пламенных страстей.

Начало 1830

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось — всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

1830

К ***

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;

Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых,
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнаньи дальном он погас —
И что ж? Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..

1830

ОПАСЕНИЕ

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою,
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

1830

СТАНСЫ

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя, —
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит, —
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим, —
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

1830

Н. Ф. И....ВОЙ

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,

Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

1830

* * *

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...

Весна 1830 (?)

ВЕСНА

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди лугов местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля, —
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Не молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

1830

НОЧЬ. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир — но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилося, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звука,
Два отголоска целыя природы,
Боролися — и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья
Иль о добре свершенном возгордиться
Мешал мне мыслить; и летел, летел я
Далёко без желания и цели —

И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха — ты грешил — и наказанье
Должно тебя постигнуть, как других:
Спустись на землю — где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель — и молись. . .
Молись — страдай. . . и выстрадай прощенье. . .»
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой
Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодный трепет
Досады горькой — и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел, — воспоминанье
В меня впилось когтями, — я вздохнул,
Так глубоко, как только может мертвый —
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец
Свое ничтожество и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он, —
На воздух разлетелось. . .
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп, — и там остался я;
Здесь кость была уже видна — здесь мясо
Кусками синее висело — жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью. . .
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,

Делившего ее земные муки, —
И я помочь ему желал — но тщетно —
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ничего...
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бренные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О, сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Они остались хладны — хладны —
как презренье!
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей, —
И мне блеснула мысль: (творенье ада)
Что, если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..
И я хотел изречь хулы на небо —
Хотел сказать . . . .
Но голос замер мой — и я проснулся.

1830

РАЗЛУКА

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощеньи умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты;
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей

И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей? . .
Свершилось! Вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой. . .
Леды́ную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людя́х, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленьи обо мне. . .

1830

НОЧЬ. II

Погаснул день! — и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятой тихим,
Уснуло всё — и я один лишь не́ спал.
Один я не спал. . . страшным полусветом,
Меж радостью и горестью срединой,
Мое теснилось сердце — и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче! . .

Вот с запада *Скелет* неизмеримый
По мрачны́м сводам начал подниматься
И звезды заслонил собою. . .
И целые миры пред ним уничтожались,
И всё трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними оставалось —
И вот приблизился к земному шару
Гигант всесильный — всё на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило — единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть. . .
И вот *он* поднял костяные руки —

И в каждой *он* держал по человеку
Дрожащему — и мне они знакомы были —
И кинул взор на них я — и заплакал! . .
И странный голос вдруг раздался:
«Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал, — я здесь: я смерть! . .
Мое владычество безбрежно! . .
Вот двое. Ты их знаешь — ты любил их. . .
Один из них погибнет. Позволяю
Определить неизбежимый жребий. . .
И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
И их нигде, нигде вторично не увидишь —
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье, — только бог лишь вечен. . .
Решись, несчастный! . .»
Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди;
И наконец, преодолев свой ужас
К скелету, я воскликнул: «Оба! оба! . .
Я верю: нет свиданья — нет разлуки! . .
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилося их наказанье.
Ах! — и меня возьми, земного червя, —
И землю раздроби, гнездо разврата,
Безумства и печали! . .
Всё, всё берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего — кроме рожденья! . .
Проклятье этому подарку! . .
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд — и всюду опасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут! . .
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети! . .»
И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили — их не стало —
Не стало даже призраков и теней. . .
Туманом облачился образ смерти,

И — так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться! ..

1830

* * *

В старинны годы жили-были
Два рыцаря друзья;
Не раз они в Сион ходили,
Желанием горя,
С огромной ратью, с королями,
Его освободить. . .
И крест священный знаменами
Своими осенить. . .

1830

НЕЗАБУДКА

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Всё дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей. . .
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.

Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно, —
Сказала дева, — верю я;
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок. . .
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»

Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой. . .
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья! . .
Взор кинув, полный весь огня,
Своей красавице безгласной:
«Прости, не позабудь меня!» —
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,

Он ищет там уединенья,
И цветом *неба* он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...

Вот повести конец моей;
Судите: быль иль небылица.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

1830

СОВЕТ

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Всё с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые,
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не вображая,
Скоро ты полюбишь их.

Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден, кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

1830

ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?

Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

1830

В АЛЬБОМ

Нет! — я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;

Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца — памятник могилы! ..

1830

ГРОЗА

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется —
И здесь стою недвижим я.
Стою — ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизнию обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет незнаком со мной.

1830

* * *

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,

Угасший взор на тучи устремлен —
Не ведают, ни кто, ни что здесь он! . .

Конечно, он живал между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моленья, скрып снастей
Не трогают молчания его.

1830

ЗВЕЗДА

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко. . .
Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу
И хоть нельзя — смотреть его хочу. . .

1830

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях и серебряный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж, — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрáк
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
Ты обманут — он вновь пред тобой.

1830

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав. . .
Один меж них приметил я цветок;
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит;
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит всё о красоте своей.

1830

НАПОЛЕОН

(Дума)

В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день;

Там Франция! — там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни. . .
О! для чего так кончились они! . .

Прости, о слава! обманувший друг.
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр. . . о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на брегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, всё полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал
И тайные желанья узнавал,
Он тот же всё; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но — посмотри — уж день блеснул в струях. . .
При́зрака нет, всё пусто на скалах.

Нередко внемлет житель сих брегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как ни был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

1830

ЭПИТАФИЯ НАПОЛЕОНА

Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог;
Великое ж ничто не изменяет.

1830

К ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Тобой пленяться издали
Мое всё зрение готово,
Но слышать боже сохрани
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалека;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока,
Лишь только б не она за мною...
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье,
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

1830

ОЧИ. N. N.

Нет смерти здесь; и сердце вторит «нет»;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть всё возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

1830

КАВКАЗУ

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы́
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

1830

УТРО НА КАВКАЗЕ

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск, и светит там и там, —
Так девушки, купаяся в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор, —
Но как бежать, коль близок милый вор!..

1830

КРЕСТ НА СКАЛЕ

(M-lle Souchkoff)

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О, если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурею братом назвался бы я!

Лето 1830 (?)

СТАНСЫ

Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!

Как настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый!

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.

Мне скучно в день, мне скучно в ночь,
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.

На светлый запад удалюсь;
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь —
Никто о мне не пожалеет! . .

Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, — и провиденье
Заплотит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.

1830

* * *

Прости, мой друг! .. Как призрак я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой.
Ты можешь жить, не слыша голос мой;
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Всё кончено! — ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем его не омрачат! ..
Меня забыть прекрасной нет труда, —
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастие убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней — свинец
Тоски на нем — и что всему конец! ..
Однако ж я желал бы увидать
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк — теперь совсем, совсем оставлен ты!»

1830

ЧЕЛНОК

Воет ветр и свистит пред недальной грозой;
По морю, на темный восток,
Озаряемый молньей, кидаем волной,
Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом,
И что-то у ног их под белым холстом.

И вихорь сильней по волнам пробежал,
И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал,
И бледный, как жертва гробов,
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.

В чалме он богатой, с обритой главой,
И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной
Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.

Так с смертию вечно: чем ближе она,
Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня! . .

1830

ОТРЫВОК

На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть —
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь, как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет, —
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь — на весь ничтожный плод —
И о прошедшем вспомяну;
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой;
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем,

И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгибнем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

1830

* * *

1

Оставленная пу́стынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!

Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь — всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов.

. . . .

Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствова́нье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участья,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы

За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили! . .

1830

К . . .

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке — могила
Передо мной. Но что ж? всё пусто там.
Всё прах, что некогда она манила
К себе. Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу — пишу — но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви — но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть — пишу — пока возможно —
Сей труд души моей, любимый труд!
Прими письмо мое. Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью — так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит. . .
Я в жизни — много — много испытал,
Ошибся в дружбе — о! храни моих мучений
Слова — прости — и больше нет волнений,
Прости, мой друг», — и подписал:
«Евгений».

1830

НОЧЬ. III

Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной,
Жужжа, в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес. . .
Нет, в первый раз прелестна так она!

Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж *он?* кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?
О, если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О, если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

1830

FAREWELL [1]

(Из Байрона)

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать,
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой! . .

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, —
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь,
Лишь чувствую — прости! — прости!

1830

[1] Прощай (англ.). — *Ред.*

ЭЛЕГИЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной мгле.
Я здесь стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питая,
Один, покинув свет, и чуждый для людей,
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимный,
Семья беспечная сидит вкруг огонька
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? — слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивый и ясный, —
Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу напрасно!..
О, если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность,
Как много бы я был судьбою одолжен, —
Теперь у ней нет прав на благодарность!
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, — чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

1830

ЭПИТАФИЯ

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

1830

SENTENZ [1]

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное — как тетрадь
С давно известными стихами.

1830

ГРОБ ОССИАНА

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный,
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять! . .

1830

---

[1] Сентенция (нем.). — *Ред.*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал всё об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принесть тебе лишь может он
Любимые труды свои.

1830

КЛАДБИЩЕ

Вчера до самой ночи просидел
Я на кладби́ще, всё смотрел, смотрел
Вокруг себя; полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; вновь очей
Я не был в силах оторвать с камней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Всё стерлося... Там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит, будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он...
Вкруг тихо, сладко всё, как мысль о *ней;*

Краснеючи, волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа, со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от работ!..
Стократ велик, кто создал мир! велик!..
Сих мелких тварей надмогильный крик
Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?..

1830

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был — ты это знал —
И бедняка не кинул ты.

Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властию страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.

И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы.
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..

1830

МОЯ МОЛЬБА

Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и —
От романтических старушек.

1830

К СУ...

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.

И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

1830

ГОСТЬ

Как прошлец иноплеменный
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?» —
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздный
Возле тусклого окна...

Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.

И ему ночлег дается —
Что ж стоишь, отшельник, ты?

Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся
И к ногам ее упал.

Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею всё.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыданья и мученье
Схоронить от глаз людей.

Но рыдания звучали
Вплоть до белыя зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый,
Как замученный, лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал! . .

1830

1830. МАИЯ. 16 ЧИСЛО

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу — и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж *вами*
По разрушении! — Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?

На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет,
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

К ***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны, — нет,
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки, —
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!

1830

ЭПИТАФИЯ

(Утонувшему игроку)

Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал — гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой чудак,
Топил людей — и утопился.

1830

ДЕРЕВУ

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей! . .

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок —
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвесть;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратимо с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, — мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

1830

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек, —
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830

* * *

Всё тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным рéзвится лучом.

1830

* * *

Никто, никто, никто не усладил
В изгнаньи сем тоски мятежной!
Любить? — три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.

1830

1830 ГОД. ИЮЛЯ 15-го

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Всё сердце грело там,
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю, к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевной талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! — боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но, эту грудь страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... боюсь! —
Когда б я знал, не мог бы перенесть.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старалися они
Так отравить ребяческие дни?

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит — но вновь не будет прям, как был.

Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. — Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены.

1830

БУЛЕВАР

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо — и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскерад;
Сатиров я, для помощи призвав,
Подговорю — и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то — . . .ко всем чертям твое перо! . .

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу — и ты кричи «дурак».
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красотка в сорок лет —
Пятнадцати тебе всё нет как нет!

И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: «Как он мил!»
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** извинить! . .

Подалее на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;

Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив — буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? — он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил — чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой! . .

И я любил! — опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд — как описать всё вам?
В наряде их нет милой простоты:
Всё так высоко, так взгромождено,
Как бурею на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: *нет*.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор — стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши — вздор.
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет
И сам Башуцкой объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя — что́ в нем, никто не разберет;
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот:
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает,
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

1830

ПЕСНЬ БАРДА

Я долго жил в чужой стране,
  Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
  К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гуслями за спиной —
  Былую песню заиграл. . .
Напрасно! — князь земли родной
  Приказу ханскому внимал. . .

В пустыни, где являлся враг,
  Понес я старую главу,
И попирал мой каждый шаг
  Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
  Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
  Число убитых, чем живых.

Кто мог бы песню спеть одну?
  Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
  Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он!
  И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
  Не тронул бы его ушей.

Вдруг кто-то у меня спросил:
  «Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
  О ком бренчу, о ком пою?»
Пронзила эта речь меня —
  Надежд пропал последний рой,
На землю гусли бросил я
  И молча раздавил ногой.

1830

10 ИЮЛЯ (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой,
Суворов был его сильнейший враг.
. . . .

1830

БЛАГОДАРЮ!

Благодарю! . . вчера мое признанье
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мне твой взор покажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И всё, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

1830

НИЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

1830

К . . .

Не говори: я трус, глупец! . .
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец? . .

1830

ЧУМА В САРАТОВЕ

Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;

Уста волшебницы очей
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сластость их испив,
Я деву некогда забыл.

1830

* * *

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю;
По крайней мере есть *один,*
Который всё с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал! ..

1830

30 ИЮЛЯ.— (ПАРИЖ) 1830 ГОДА

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой;
И знамя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан,

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призра́к, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!

1830

СТАНСЫ

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты

Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты? . .
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть, и в небесах? . .

26 августа 1830

ЧУМА

(Отрывок)

79

Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы — и страна
Веселья — стала гроб — и в эти дни
Без страха обнимался они! . .

80

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был скор
И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он и день и ночь,
Отталкивал и сон и пищу прочь!

81

Другой узнал, казалось, жизни зло
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,

Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы невольно жить хотел.

82

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумьи руки — но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежимый час!

83

И час пробил! его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
Закрыл — хотя б один последний стон!

84

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Стоял его товарищ. Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался — взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

Август 1830

* * *

Нередко люди и бранили
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.

И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело,
И я не мог ему простить.

Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!

1830

РОМАНС

В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших вежд,
И легче на груди страданье.

1830

ОТРЫВОК

Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блестят
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенье дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!

Он знает: эти челноки,
Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут! . .

1830

БАЛЛАДА

(Из Байрона)

Берегись! берегись! над бургосским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда *мавр* пришел в наш родимый дол,
Оскверняючи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слыхал не один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине;
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.

1830

НОЧЬ

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит:

Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех пор
Я всё любил — я всё страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призра́к;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О боже! вот что, наконец
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

28 августа 1830

* * *

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей, —
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только наконец
Моя лишь грудь поражена,
То, верно, прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.

1830

* * *

Передо мной лежит листок,
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать — как уж страдал!

1830

* * *

Свершилось! Полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут — зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел

На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! Голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!

1 октября 1830

* * *

Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть букв приносят столько мук!
Уносят всё, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз,
И, может быть, как знать... в последний раз!

1 октября 1830

НОВГОРОД

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Всё то, к чему теперь ваш дух летит.

3 октября 1830

ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя, — пуста.

4 октября 1830

МОГИЛА БОЙЦА

(Дума)

Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.

Седые кудри старика
Смешалися с землей;
Они взвевались по плечам
За чашей пировой.

Они белы, как пена волн,
Биющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.

И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь — всё песнь; а жизнь — всё жизнь!
Он спит последним сном.

5 октября 1830

СМЕРТЬ

Закат горит огнистой полосою,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом;
Одна лишь дума в сердце опустелом,
То мысль об *ней*. О, далеко она;
И над моим недвижным, бледным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!..
Но ты! О, пожалей о мне, краса моя!
Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно.

9 октября 1830

ЧЕРНЫ ОЧИ

Много звезд у летней ночи;
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.

Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

1830 (?)

К ***

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; но меж людей
Он не годился — и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слыхал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его потонет
В забвеньи, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

1830 (?)

ЗВЕЗДА

Вверху одна
Горит звезда,
Мой ум она
Манит всегда,
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Мне радость льет.

Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор;
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек;
Усталых вежд
Я не смыкал,
Я без надежд
К нему взирал!

1830 или 1831

РАСКАЯНЬЕ

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел всё; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной;

И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврату,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

1830 или 1831

ВЕНЕЦИЯ

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары звон!
О, бойтеся, мужья, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

И мир с тобой, прекрасный Чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситеся по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчою,
Чтоб юношу сильней прижать к устам;
Меж тем вдали то грустный, то веселый
Раздался звук обычной баркаролы:

Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сровняется вода,
Страсть не воскреснет никогда.

1830 или 1831

* * *

Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота —
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

1830 или 1831

ПОДРАЖАНИЕ БАЙРОНУ

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.

Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет,
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.
И вынесть мог сей взор ледя́ный я
И мог тогда ей тем же отвечать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унесть любовь!..

1830 или 1831

К ДУРНОВУ

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
    Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
    Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна,
    Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
    Брожу беспокоен, один.

Тогда ты глаза и лицо примечай,
    Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
    Я больше не мог бы сказать.

1830 или 1831

АРФА

Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытием,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоем;

Когда друзья младые на пирах
Меня не станут поминать вином, —
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

1830 или 1831

* * *

На темной скале над шумящим Днепром
Растет деревцо молодое;
Деревцо мое ветер ни ночью, ни днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой:
Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить одинок под луной
Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пережить
И с любовию в сердце бояться любить!

1830 или 1831

ПЕСНЯ

Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я
И остался от этого след.

Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастием, мне неизвестным,
О, прости мне мою любовь.

Ты не веришь словам без искусства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.

И мир не увидит холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
И любить бы иначе не мог.

1830 или 1831

ПИР АСМОДЕЯ

(Сатира)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил

(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настежь дверь и звук шагов;
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-й демон

(говорит)

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C'est trop commun![1] — воскликнул бес державный
С презрительной улыбкою своей. —
Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалося недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слыхали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-й демон

На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,

[1] Это слишком банально! (франц.). — *Ред.*

Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобный миг;
Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-й демон

В Москву болезнь холеру притащили,
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили, и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, воврѐмя вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки доктор́ской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой», —
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

1830 или 1831

СОН

Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветр не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце, меж двух колонн,
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.

Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Всё, что оставил, всё, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...

1830 или 1831

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байро́н.
Я вижу лик полуоткрытый,
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вкруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

1830 или 1831

К ***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

1830 или 1831

ПРОЩАНЬЕ

Прости, прости!
О, сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О, лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.

Я здесь больной,
Один, один
С моей тоской,
Как властелин,
Разлуку я
Переживу ль
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
Назло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

1830 или 1831

К ПРИЯТЕЛЮ

Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любови легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалося бедой.

1830 или 1831

СМЕРТЬ

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

1830 или 1831

ВОЛНЫ И ЛЮДИ

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной толпою
Также один за другим.
Волнам их неволя и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что же? —
Души в них волн холодней!

1830 или 1831

ЗВУКИ

Что за звуки! неподвижен, внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Всё, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ, милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

1830 или 1831

11 ИЮЛЯ

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепию холмов,
Краснея, ярко заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,

В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Всё, в чем хоть искра есть страданья!

1830 или 1831

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В ребячестве моем тоску любови знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампады образнóй,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был как лед,
И очи — этот взор в груди моей живет;
Как совесть, душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

1830 или 1831

ПОЛЕ БОРОДИНА

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:

Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слыхал.

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Живые с мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,

И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил;
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил.

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Гремит *Бородино.*
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

1830 или 1831

МОЙ ДОМ

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей досягает,
И от одной стены к другой —
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, теченье века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

1830 или 1831

СМЕРТЬ

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал, и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение *творит*
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем хладным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билося, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! Я не мог
Понять, как можно чувствовать блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознанья,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бренным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
И чрез мгновенье снова жил я,

Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Всё было мне так ясно и понятно,
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где всё известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное, краткое изгнанье.

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидать ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей,
И тайных мук ничтожные причины,
И к счастию людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.

Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет — могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелося мне в гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо

Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную сырую кожу грызли.
Остались кости — и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.

Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О, сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны как презренье.

Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я *проснулся*.

1830 или 1831

СТАНСЫ

Мне любить до могилы творцом суждено!
    Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно
    Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

На пустынной скале незабудка весной
    Одна, без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
    И, как прежде, недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.

Так точно и я под ударом судьбы,
    Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
    Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду — несчастлив один.

1830 или 1831

СОЛНЦЕ ОСЕНИ

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем всё жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,

И он в глазах блеснуть не должен вновь,
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?

1830 или 1831

ПОТОК

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность — лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.

1830 или 1831

К ***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
      Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
      Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
      И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,,
      Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор
      Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор,
      И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
      Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
      Гораздо мучительней будет.

1830 или 1831

НОЧЬ

В чугун печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночною мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скучно,
Мне тяжко бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты,
Я в силах перенесть мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Всё, — только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде

Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

1830 или 1831

К СЕБЕ

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

1830 или 1831

* * *

Душа моя должна прожить в земной неволе
Недолго. Может быть, я не увижу боле
Твой взор, твой милый взор, столь нежный для других,
Звезду приветную соперников моих;

Желаю счастья им. Тебя винить безбожно
За то, что мне нельзя всё, всё, что им возможно;
Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,
Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренно полна была тоскою, —
То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,
Кто более страдал, кто боле виноват!

1830 или 1831

ПЕСНЯ

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.

1830 или 1831

* * *

Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил доныне,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

1830 или 1831

СЛАВА

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она, бессильная, страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:

Всё кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пускай поэта грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.

1830 или 1831

ВЕЧЕР

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает и тень
Скрывает всё вдали, —
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

1830 или 1831

* * *

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.

И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глубоко.
Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет толковать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

1830 или 1831

* * *

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей,
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унизить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,

Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

1830 или 1831

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти,
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес всё цепь грызет
И лает...

Но не собаки лай печальный,
Не вой метели погребальный
Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила» — ей в лицо,
И ей заветное кольцо
Покажет!..

1830 или 1831

ЗВУКИ И ВЗОР

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.

Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое вспоминанье
Я в настоящем утопил
И всё свое существованье
В единый миг переселил.

1830 или 1831

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.

1830 или 1831

К ***

Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.

На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.

1830 или 1831

ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

За дело общее, быть может, я паду
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;

Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я всё тебя любил и всё любил так нежно.

1830 или 1831

К ***

Не медли в дальной стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.

И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.

И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.

1830 или 1831

СОСЕД

Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.

Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампады,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давных лет.

1830 или 1831

СТАНСЫ

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любови,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду как ратник в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там, в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить, —

О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

1830 или 1831

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

К ничтожным, хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит

В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

1830 или 1831

РОМАНС

Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,
Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тайная келья,
Где черные мысли живут.
Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Что в сердце, обманутом жизнью, хранится,
То в нем и умрет.
Не смейте искать в сей груди сожаленья,
Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья, —
Что мне до страданий чужих?
Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидать;
Я б много припомнил минут пролетевших,
А я не люблю вспоминать!
Нам память являет ужасные тени,
Кровавый былого призрáк,
Он вновь призывает к оставленной сени,
Как в бурю над морем маяк,
Когда ураган по волнам веселится,
Смеется над бедным челном
И с криком пловец, без надежд воротиться,
Жалеет о крае родном.

1830 или 1831

ГОСТЬ

Быль

(Посвящается. . . . .)

Кларису юноша любил
Давно тому назад.
Он сердце девы получил,
А сердце — лучший клад.
Уж громкий колокол гудет,
И в церкве поп с венцами ждет.

И вдруг раздался крик войны,
Подъяты знамена:
Спешат отечества сыны —
И ноги в стремена!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.

«Клянись, что вечно, — молвил он, —
Мне не изменишь ты!
Пускай холодной смерти сон,
О дева красоты,
Нас осеняет под землей,
Коль не венцы любви святой!»

Клариса клятву говорит,
Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой —
С тобою в храм и в гроб с тобой!»

— «Итак, прости! жалей меня:
Печален мой удел!»
Калмар садится на коня
И вихрем полетел...
Дни мчатся... Снег в полях лежит...
Всё дева плачет да грустит...

Вот и весна явилась вновь,
И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
Забыт, забыт Калмар!

И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.

С невестой под руку жених
    Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
    Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит.

На нем шелом избит в боях,
    Под хладной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
    И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним...

«Что гость любезный наш не пьет, —
    Клариса вдруг к нему, —
И что он нить не перервет
    Молчанью своему?
Кто он? откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стон, не вздох он испустил —
    Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
    Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! — открыл пришлец
Лицо свое: то был мертвец.

Трепещут все, спасенья нет,
    Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, — сказал скелет, —
    Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!

Калмар твой пал на битве — там,
    В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
    Я верен был тебе!..»

Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.

В том доме каждый круглый год
Две тени, говорят
(Когда меж звезд луна бредет
И все живые спят),
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..

1830 или 1831 (?)

1831-го ЯНВАРЯ

Редеют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют, и я пою за ними
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —

Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

* * *

Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный.

И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;

И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решенье!

23 марта 1831

1831-го ИЮНЯ 11 ДНЯ

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнию иной
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить

Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? — а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принесть,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и, живой,
Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Немного долголетней человек
Цветка; в сравненьи с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода,
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть, что незабвенно! женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давных пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить — и небеса молю
О новых муках; но в груди моей
Всё жив печальный призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там — ей всё равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет — и снова в облаке укрыт;

И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, — порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;

Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят,
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;

И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что́ значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.

И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Всё. Нет, не всё: созданье есть одно,
Способное любить — хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

32

И мой курган! — любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, — есть красоты
В таких картинах; только перенесть
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

РОМАНС К И...

Когда я унесу в чужбину,
Под небо южной стороны,
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой, —
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

О, будь!.. о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог.

1831

ЗАВЕЩАНИЕ

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;

Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест прошельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

1831

* * *

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листам
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. А как узнать? быть может,
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! — шорох
В развалинах... и крик! — но нет!
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет,
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен *твоей* рукою!

Лето 1831

К ***

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно всё, что мог отдать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И мне польстив любовию сперва,
Ты изменила — бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастием моим
И, услыхав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! — вот всё, что я желаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

1831

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

29 июля 1831

К ДЕВЕ НЕБЕСНОЙ

Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.

Спокоен твой лазурный взор,
Как вспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет и твой укор —
Всё полно, дышит божеством.

Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!

1831

СВ. ЕЛЕНА

Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Воспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в ней.

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил — без предков и потомства,
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случайной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Всё в нем было тайной,
День возвышенья — и паденья час!

1831

К ДРУГУ В. Ш.

«До лучших дней!» — перед прощаньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..

Мой милый! не придут они,
В грядущем счастия так мало!..

Я помню радостные дни,
Но всё, что помню, то пропало.

Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночною
Над бурной безднoю морскою
Манящий к верным берегам,

Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит — берег недалекий
И ближе видит свой конец.

Нет! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!

1831

* * *

Блистая, пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подъемлется порой;
Но бледный лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь? — спокойствия? — о нет!

Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир, как сад,
Цветет, надев могильный свой наряд:
Поблекнувшие листья; жалок мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир;

И люди все к ничтожеству спешат, —
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. «О! когда б одно «люблю»
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новый блеск оделось!» — Так мечтал
Беспечный... но просить он неба не желал!

7 августа 1831

АТАМАН

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Собирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
И песни поют.

Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна — он молчит;
И краса молодая,
Как саван бледна,
Перед ним стоит на коленах.
И молвит она:

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой,
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.

Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».

— «Горе девице лукавой, —
Атаман ей, нахмурясь, в ответ, —
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть,
Всё знаю! .. и вновь не могу я,
Девица, любить! ..

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! — лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
Любовник другой? ..
И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?»

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор! ..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить? ..
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
И кровью детей!

1831

ИСПОВЕДЬ

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.

1831

НАДЕЖДА

Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес — ее спина,
Головка пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна,
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,

Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слыхал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!

1831

ВИДЕНИЕ

Я видел юношу: он был верхом
На серой борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдаленьи, — темно, смутно
Являлося минувшее ему —
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем.
Но верил он — одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляяся, в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о! нет!

Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня — и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь — и ближе — ближе...
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. И на крыльцо
Соскакивает юноша — и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... Ее сестра
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгну́л в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна, — так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, — но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

———

Мой сон переменился невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна

Сидела дева, нежная лицом,
С очами, полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчаньи мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойный, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливалися под ними...
И сердце сильно билось — без причины, —
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил сребристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услыхать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!

1831

ЧАША ЖИЗНИ

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает, —

Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!

1831

К Л.—

(Подражание Байрону)

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

1831

К Н. И.....

Я недостоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сóрвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

1831

А. Д. З.....

О ты, которого клеврет твой верный Павел
В искусство ёрников в младенчестве наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян,

Которому служил лакеем из лакеев
Шут, а́лырь, женолаз, великий Теличеев,
Приветствую тебя и твой триумвират:
И кто сказать бы смел, что черт тебе не брат?

1831

ВОЛЯ

Моя мать — злая кручина,
Отцом же была мне — судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться!

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне —
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой —
Небо светит мне луной;
Мои братья, в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

1831

СЕНТЯБРЯ 28

Опять, опять я видел взор твой милый,
Я говорил с тобой.
И мне былое, взятое могилой,
Напомнил голос твой.
К чему? — другой лобзает эти очи
И руку жмет твою.
Другому голос твой во мраке ночи
Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритворны
Лобзания твои?
Они правам супружества покорны,
Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты родилась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаенный
В присутствии твоем;
Умел ли презирать он мир презренный,
Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой?

Нет! я уверен, твоего блаженства
Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершенства
Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... тайной властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой счастью,
Но нежной, как любовь.

1831

К *

Не верь хвалам и увереньям,
Неправду — истиной зови,
Зови надежду сновиденьем,
Но верь, о, верь моей любви!

Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего;
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

1831

* * *

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег, летучий, серебристый
И для страны порочной слишком чистый,
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.

1831

* * *

Метель шумит, и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон,
Порой прорвавшися, гудит;
То отголосок похорон.

То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.

Пугает сердце этот звук,
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...

1831

ПЕСНЯ

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,
Пейте!
На пиру этой жизни, как здесь на моем,
Не робейте.
Как чаши, не бойтесь всё ставить вверх дном.
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать
Плу́там!
Я советую детям своим повторять
(Даже с прутом):
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать.
Я люблю очень дно доставать на пирах
В чаше!
И даже в других больше нежных местах
У П. . . .е.
На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

1831

НЕБО И ЗВЕЗДЫ

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив,
Скажут мне люди?

Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают:
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы желал.

1831

СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди — дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну — согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну — скидай свои одежды,
Не упрямься, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;

Перед тем, чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что мнится,
Я, любя тебя, — злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем,
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

1831

* * *

Когда б в покорности незнанья
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, где есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь

Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

1831

К кн. Л. Г—ОЙ

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Всё привлекательно, прекрасно,
Всё — даже люди, жизнь и свет, —
Тогда, измучен вспоминаньем,
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

1831

* * *

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

1831

* * *

Я видел тень блаженства; но вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив, — как знать? —
Быть может, я б его стал презирать
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное как звук.

Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;

И с каждым годом шире то пятно;
И скоро всё поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет,
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтоженью; но до этих дней
Я волен — даже — если раб страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной — и всё, что чуждо ей,
То чуждо мне; я родину люблю,
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшися с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

О мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах?
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.

Есть рай небесный! — звезды говорят;
Но где же? вот вопрос — и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

1831

К ***

О, не скрывай! ты плакала об нем —
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.

И я бы мог быть счастлив; но зачем
Искать условий счастия в былом!
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

1831

К **

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастие б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно и темно!

1831

* * *

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря;

В борьбе с порывным ветром этот звон
Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.

И этот звон люблю я! Он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастия людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру всё, но сам —
Сам чужд всему — земле и небесам.

1831

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

СТАНСЫ

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжко это слово
Мне услыхать в устах другого.

Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволенó?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? — едва ли!

Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена,
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви.
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет — но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

Я видел их! и был вполне
Счастлив — пока слеза катилась,
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне.
Так! всё прекрасное, святое
В тебе — мне больше чем родное.

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастием не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, злато
И все богатства чуждых стран, —
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!

1831

* * *

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет;
Ты светом осужден? Но что такое свет?

Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты сча́стливей меня, перед тобой
Как море жизни — вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

1831

* * *

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она как чу́мное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.

1831

К ДРУГУ

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать —
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;

Она шутя
Полюбит снова;
Всё, что блестит,
Ее пленяет;
Всё, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

1831

* * *

Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.

1831

ИЗ ПАТКУЛЯ

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает всё выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!

1831

* * *

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знает он.

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой;

Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

1831

ПОРТРЕТ

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

1831

* * *

Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть? — лишь ты не изменись душою —
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастия из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей
И как победе станут веселиться
Толпы других людей, —
Тогда... молю! — единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожаленья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди пощады;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
А всё не будешь жить.

1831

К Д.

Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
В очах — то она упадет.

Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!

1831

ПЕСНЯ

Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей,
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко;
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая?

Зачем грустить мо́лодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?

1831

К НЭЕРЕ

Скажи, для чего перед нами
    Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
    Прелестной, минутной, как ты?
Зачем приводить нам на память,
    Что могут ланиты твои
Увянуть, что взор твой забудет
    Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
    Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
    Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
    Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
    Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
    Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
    Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
    Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
    Кто раньше ее умирал?»

1831

ОТРЫВОК

Три ночи я провел без сна — в тоске,
В молитве, на коленах, — степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? — одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,

Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила всё,
Что в нем похоже было на любовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик — и этого довольно;
Мой час настал — час славы иль стыда;
Бессмертен иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятья приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной
И бесполезной для страны родной;
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.

1831

БАЛЛАДА

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосою
На небе зарево горит. . .

И, люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он. —
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертию бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

1831

СИЛУЭТ

Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней.

В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

1831

* * *

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм:
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.

1831

* * *

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилен он;
Другим предавшися мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

1831

СТАНСЫ

Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

Как настоящее, оно
Страстями бурными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула
И, бывши всё мне на земле,
Как всё земное — обманула.

1831

‹*НОВОГОДНИЕ МАДРИГАЛЫ И ЭПИГРАММЫ*›

Н. Ф. И.

Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!

БУХАРИНОЙ

Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..

Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь
И старовером прослывешь!

ТРУБЕЦКОМУ

Нет! мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак —
За комплимент уж принимают!
Всё то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!

Г‹-ну› ПАВЛОВУ

Как вас зовут? ужель поэтом?
Я вас прошу в последний раз,
Не называйтесь так пред светом:
Фигляром назовет он вас!

Пускай никто про вас не скажет:
Вот стихотворец, вот поэт;
Вас этот титул только свяжет,
С ним привилегий вовсе нет.

АЛЯБЬЕВОЙ

Вам красота, чтобы блеснуть,
Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?

Л. НАРЫШКИНОЙ

Всем жалко вас: вы так устали!
Вы не хотели танцевать —
И целый вечер танцевали!
Как наконец не перестать?..
Но если б все ценить умели
Ваш ум, любезность ваших слов —
Клянусь бессмертием богов, —
Тогда б мазурки опустели.

ТОЛСТОЙ

Недаром она, недаром
С отставным гусаром.

БАРТЕНЬЕВОЙ

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?
Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? — нигде я не слыхал
Того, что слышал от тебя я!

МАРТЫНОВОЙ

Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается;
Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое всё забыл!

ДОДО

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унизить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в *Талисмане* стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!

БАШИЛОВУ

Вы старшина собранья, верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,

Когда один в собраньи целом
Ему навстречу не солжет;
Итак, я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам — знает бог.
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!

КРОПОТКИНОЙ

Я оклеветан перед вами;
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! — я сегодня лгу! . .

ЩЕРБАТОВОЙ

Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы?
Что даст вам скучный брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет, как мудрец, скажу я вам:
Гораздо лучше оставаться.

БУЛГАКОВУ

На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки.
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд
Авось наместо класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
Чин и мундир паяса.

САБУРОВОЙ

Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он!..

УВАРОВОЙ

Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить:
Не спорю в этом; но не вы ли
Себя заставили любить?
Всё, что привычкою другие
Приобретают — вы душой;
И что у них слова пустые —
То не обман у вас одной!

* * *

Вы не знавали князь-Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами — но не головою.

Декабрь 1831

‹Н. И. АРСЕНЬЕВУ›

Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;

Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы младой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка
Для головы и сердца — яд!

1831 (?)

* * *

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить всё медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружат
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено́.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,

Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вкруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспоривать у ней!

1832

СОЛНЦЕ

Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..

Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блестит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?

1832

* * *

Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. Ни любви,
Ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,
Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..

1832

ПРОЩАНЬЕ

«Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой —
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана
Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сюда;
Под мокрой буркой, с горестным лицом;
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем?

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами — их убор;
Мы вольны и добры; зачем твой взор
Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят нас;
Тебя не встретит средь родных долин,
Ты сам сказал, улыбка милых глаз:
Побудь еще со мной хоть день, хоть час,
Послушай! час один!»

— «Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовию твоей,
Но всё-таки слезам твоих очей
Не удержать меня.

Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:

Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ».

1832

* * *

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройный гибкий стан,
Или большие очи? — но порой
Всё это не зовем мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог,
Взор без огня — без запаха цветок!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство — яд!

1832

* * *

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет,
То безумной страсти след, —
Так всё бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..

Неужли́ ты не видала
В час разлуки роковой,

Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.

Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса бреговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.

1832

* * *

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! Ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь — а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? — я тебя люблю, люблю!..

Ты так хорош! Бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, —
Ты помнишь? — Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье — но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих — эта всех!

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младых
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана мужчине — ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну — день от дня.

Мне мил мой стыд! он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот!
О, наслаждайся! — ты мой господин!
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя.
Мой друг! — чего не вынесешь любя!

1832

* * *

Девятый час; уж тёмно; близ заставы
Чернеют рядом старых пять домов,
Забор кругом. Высокий, худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; дождя не будет, небо ясно, —
Весь город спит. Он долго ждал напрасно;
Темны все окна — блещут только два —
И там — чем не богата ты, Москва!

Но, чу! — к воротам кто-то подъезжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. Слезает,
Одет плащом, проказник молодой;
Скрыпит за ним калитка; под ногами
Стучат, колеблясь, доски. (Между нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)
Дверь отворилась, — свечка. Кто тут? — Он.

Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ведет;
В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной,
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица отражены.

Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилом южных стран.
Что красота? — ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкий стан,
Или большие очи? — но порою
Всё это не зовем мы красотою:
Уста без слов — любить никто не мог,
Взор без огня — без запаха цветок!

Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадонны — и мадонны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет,
Лишь святости черты не выражали.
Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь, волнуясь, поцелуй звала, —
Он был не папа — а она была...

Ну что же? — просто дева *молодая*,
Которой всё богатство — красота!..
И впрочем, замуж выйти не желая,
Что было ей таить свои лета?

Она притворства хитрости не знала
И в этом лишь другим не подражала!..
Не всё ль равно? — любить не ставит в грех
Та одного, та многих — эта всех!

Я с женщиною делаю условье
Пред тем, чтобы насытить страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здоровье,
А во-вторых, я мешкать не люблю;
Так поступил Парни питомец нежный:
Он снял сертук, сел на постель небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел —
И тотчас раздеваться ей велел!

1832

* * *

Как в ночь звезды падучей пламень,
Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
Но всё под ним змея.

Меня спасало вдохновенье
От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
И в самом счастье нет.

Молю о счастии, бывало,
Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало,
Как для царя венец.

И все мечты отвергнув, снова
Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.

1832

К ***

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд! — прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил, —
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?

Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не знав коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

1832

‹В АЛЬБОМ Н. Ф. ИВАНОВОЙ›

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.

И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.

1832

‹В АЛЬБОМ Д. Ф. ИВАНОВОЙ›

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

1832

* * *

Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадонны Рафаэля,
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,

Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

1832

* * *

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и, в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину, купаясь, в таком уж смущеньи, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываяся пеной, бежит безыменная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно.

[Воздух там чист, как молитва ребенка; и люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит. В дымной сакле, зем-

лей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружье, и шьют серебром — в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.]

1832

РОМАНС

Стояла серая скала на берегу морском;
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар, — и новою тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, — но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих — минуты прежних дней!..

1832

ПРЕЛЕСТНИЦЕ

Пускай ханжа глядит с презреньем
На беззаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;

Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат;
Мы будем счастливы как можем,
Они пусть будут как хотят!

1832

* * *

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день, твои блистают очи
При встрече радостных очей;

Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То всё тебе покинуть жаль;

Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;

Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И, не рожденный для забвенья,
Я вновь черты их узнаю.

И время их не изменило,
Они всё те же! — я не тот:
Зачем же гибнет всё, что мило,
А что жалеет, то живет?

1832

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY[1]

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.

1832

ЭПИТАФИЯ

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда, рыдая,
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

1832

* * *

Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;

---

[1] Если б мы не любили так нежно (англ.). — *Ред.*

Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви;
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда, толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

1832

* * *

Когда последнее мгновенье
Мой взор навеки омрачит
И в мир, где казнь или спасенье,
Душа поэта улетит,
Быть может, приговор досадный
Прикажет возвратиться ей
Туда, где в жизни безотрадной
Она томилась столько дней;
Тогда я буду всё с тобою,
И берегись мне изменить;
. . . .

1832

* * *

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

1832

РОМАНС

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
    Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет
И душа твоя увянет, —
    В дальной стороне
    Вспомни обо мне.

Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
    При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабытой и презренной,
О, тогда, мой друг бесценный,
    Ты в чужой стране
    Вспомни обо мне.

Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит
    В мрачном, тяжком сне;
Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки...
    О, хотя во сне,
    Вспомни обо мне!

1832

СОНЕТ

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.

Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями;
Что ж пользы для меня, — я не любим тобой.

Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском

Стоит, — у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.

1832

* * *

Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья,
Я увядаю в полном цвете!
Пускай! — я не был раб земного наслажденья,
Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
Но в разный путь пошли мы оба,
И мы рассталися, и небо захотело,
Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает,
Краснея, гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
Как воскрешать всё то, что мило.
Быть может, ослеплен огнем его сиянья,
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
За мной бегущие повсюду.

1832

К *

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой,
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч-путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

1832

* * *

Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унесть бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!

1832

* * *

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга всё счастие рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне — вселенной!

1832

К *

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней;
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильней!
Ты любишь — верю — и довольно;
Кого — ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостоин я участья,
Что сам ничем не дорожу;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси былого,
Я мук своих не продаю.

1832

БАЛЛАДА

(С немецкого)

Из ворот выезжают три витязя в ряд,
увы!
Из окна три красотки вослед им глядят:
прости!
Напрасно в боях они льют свою кровь —
увы!
Разлука пришла — и девичья любовь
прости!
Уж три витязя новых в ворота спешат,
увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!

1832

БОЙ

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один — серебряной обвешан бахромою,
Другой — в одежде чернеца.
И, видя злость противника второго,
Я пожалел о воине младом:
Вдруг поднял он концы сребристого покрова,
И я под ним заметил — гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед громами,
И пал на землю черный конь.

1832

* * *

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.

Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Июль 1832

* * *

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.

Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.

Всё на свете редко стало:
Есть надежды — счастья мало;
Не забвение разлука,
То — блаженство, это — мука.

Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?

1832

* * *

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной

Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье
И столько гордых душ увлек в свое паденье!
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?
. . . .

1832

ЖЕЛАНЬЕ

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок досчатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущуся в море,
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал. . .

1832

К *

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, названье,
Вот всё, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том,
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

1832

К *

Печаль в моих песнях, но что за нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, никогда.
Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни звук,
Отзыв беспокойный неведомых мук.
Певца твоя ласка утешить не может:
Зачем же он сердце твое потревожит?

В. А. Лопухина

Акварель М. Ю. Лермонтова

О нет! одна мысль, что слеза омрачит
Тот взор несравненный, где счастье горит,
Безумные б звуки в груди подавила,
Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

1832

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал;
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

К *

Прости! — мы не встретимся боле,
Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.

Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!

Есть звуки — значенье ничтожно
И презрено гордой толпой,
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!

Мгновение вместе мы были,
Но вечность — ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истощили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! — не жалей безрассудно,
О краткой любви не жалей:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!

1832

* * *

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей... но я?..

Оставь страдальца! — будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.

Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!

Я схоронил навек былое,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..

1832

* * *

Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на *поэта!*
Я обманулся, вижу сам,
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

1832

* * *

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.

И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832

* * *

Примите дивное *посланье*
Из края дальнего сего;
Оно не *Павлово* писанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

И, наконец, я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен;
Болезнью жизни, скукой болен

(Назло былым и новым дням),
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.

Август 1832

* * *

Что толку жить!.. Без приключений
И с приключеньями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине — Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Всё веселее умереть.

Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем;
Последний стон — и всё готово,
Без дальних справок. А потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас,
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церквей)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услыхать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит

На сорок лет по крайней мере
Названье ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девица нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна...
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

1832

* * *

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О, как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

27 августа 1832

ЧЕЛНОК

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок;
Пускай прилив его ласкает, —
Не слышит ласки инвалид;
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!

Август 1832

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...
Увы, — он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Август 1832

* * *

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — но, безумный,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;

И мир не пощадил — и бог не спас!
Так сочный плод, до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья час!

И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем как нежные подруги
Колеблются на ветках — ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги.
Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

1832

ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
    На берегу реки,
И перед ним по ветру
    Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
    И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
    В другой конец подул.

И будто оживленный,
    Тростник заговорил —
То голос человека
    И голос ветра был.
И пел тростник печально:
    «Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
    Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
    Красавица была,
У мачехи в темнице
    Я некогда цвела,

И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок-любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он, —
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он, —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

1832

РУСАЛКА

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

И там на подушке из ярких песков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

1832

БАЛЛАДА

Куда так проворно, жидовка младая?
Час утра, ты знаешь, далек...
Потише — распалась цепочка златая,
И скоро спадет башмачок.

Вот мост! вот чугунные влево перилы
Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, — устала, нет силы!..
Вот дом — и звонок у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
Как мраморный идол бледна;
Потом, за снурок потянув, постучала...
И кто-то взглянул из окна!..

И страхом и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла;
Конечно, ужасней минута такая
Столетий печали была.

Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
Избавь от ножа и огня...

Отец мой сказал, что закон Моисея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
Затем, что внимала любя...

И мне обещал он страданья, мученья,
И нож наточил роковой,
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья, —
Он будет как тень за тобой.

Отцовского мщенья ужасны удары,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под хладной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
Блеснул неожиданный свет,
И что-то сверкало в руке обнаженной,
И мрачен глухой был ответ.

И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной, —
В нем всё улетающей жизнью дышало,
И больше, чем жизнью одной!

Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там, в доме, был русский, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.

1832

ГУСАР

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан;
Но знай: покой души не вечен,
И счастье на земле — туман!

Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров;
Но берегися думы черной, —
Она черней твоих усов.

Пускай судьба тебя голубит
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой, —
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?

Молчишь — и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил,
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

1832

* * *

Non, si j'en crois mon espérance,
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrai.

1832 (?)

Перевод:

Нет, если бы я верил моей надежде, я ждал бы лучшего будущего. Несмотря на расстояние, я буду с вами воспоминанием. Блуждая на другом берегу, я издали буду следить за вами; и если над вами разразится гроза, позовите меня, — и я приду.

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье

Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

1833

* * *

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезженных коней.

Но с успехом просвещенья,
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;

В наше время кормят, холют,
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней — бог весть!..

1833 или 1834

* * *

В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь поп полковой бормотал — и порой
Ревела осенняя вьюга.

Кругом кивера над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали,
Уланская шапка да меч боевой
На гробе досчатом лежали.
И билося сердце в груди не одно,
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы всё, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли:
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, недолго ты жил,
Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил
Да вечную память меж нами!

1833 или 1834

ПОЭМЫ

ЧЕРКЕСЫ

1

Уж в гóрах солнце исчезает,
В долинах всюду мертвый сон,
Заря, блистая, угасает,
Вдали гудит протяжный звон,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещет в небесах,
В долинах стад не видно боле,
Лишь серны скачут на холмах.
И серый волк бежит чрез горы;
Его свирепо блещут взоры.
В тени развесистых дубов
Влезает он в свою берлогу.
За ним бежит через дорогу
С ружьем охотник, пара псов
На сворах рвутся с нетерпенья;
Всё тихо; и в глуши лесов
Не слышно жалобного пенья
Пустынной иволги; лишь там
Весенний ветерок играет,
Перелетая по кустам;
В глуши кукушка занывает;
И на дупле как тень сидит
Полночный ворон и кричит.
Меж диких скал крутит, сверкает
Подале Терек за горой;
Высокий берег подмывает,
Крутяся, пеною седой.

2

Одето небо черной мглою,
В тумане месяц чуть блестит;
Лишь на сухих скалах травою
Полночный ветер шевелит.
На хо́лмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копья острые блестят;
Друг друга громко окликают:
«Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!»
Но вот они стрелу пускают,
Взвилась! — и падает казак
С окровавленного кургана;
В очах его смертельный мрак:
Ему не зреть родного Дона,
Ни милых сердцу, ни семью:
Он жизнь окончил здесь свою.

3

В густом лесу видна поляна,
Чуть освещенная луной,
Мелькают, будто из тумана,
Огни на крепости большой.
Вдруг слышен шорох за кустами,
Въезжают несколько людей:
Обкинув всё кругом очами,
Они слезают с лошадей.
На каждом шашка, за плечами
Ружье заряжено висит,
Два пистолета, борзы кони;
По бурке на седле лежит.
Огонь черкесы зажигают,
И все садятся тут кругом;
Привязанные к деревам
В лесу кони траву щипают,
Клубится дым, огонь трещит,
Кругом поляна вся блестит.

4

Один черкес одет в кольчугу,
Из серебра его наряд,
Уздени вкруг него сидят;
Другие ж все лежат по лугу.
Иные чистят шашки остры
Иль навостряют стрелы быстры.
Кругом всё тихо, всё молчит.
Восстал вдруг князь и говорит:
«Черкесы, мой народ военный,
Готовы будьте всякий час,
На жертву смерти — смерти славной
Не всяк достоин здесь из вас.
Взгляните: в крепости высокой
В цепях, в тюрьме, мой брат сидит,
В печали, в скорби, одинокой,
Его спасу, иль мне не жить.

5

Вчера я спал под хладной мглой
И вдруг увидел будто брата,
Что он стоял передо мной —
И мне сказал: «Минуты трата,
И я погиб, — спаси меня»;
Но призрак легкий вдруг сокрылся;
С сырой земли поднялся я;
Его спасти я устремился;
И вот ищу и ночь и день;
И призрак легкий не являлся
С тех пор, как брата бледна тень
Меня звала, и я старался
Его избавить от оков;
И я на смерть всегда готов!
Теперь, клянуся Магометом,
Клянусь, клянуся целым светом!..
Настал неизбежимый час —
Для русских смерть или мученье
Иль мне взглянуть в последний раз
На ярко солнца восхожденье».

Умолкнул князь. И все трикратно
Повтóрили его слова:
«Погибнуть русским невозвратно,
Иль с тела свалится глава».

6

Восток, алея, пламенеет,
И день заботливый светлеет.
Уже в селах кричит петух;
Уж месяц в облаке потух.
Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из-за гор.
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами.
Всё утром дышит; ветерок
Играет в Тереке на волнах,
Вздымает зыблемый песок.
Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повевает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом сгустился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струей, сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье
Верхи и корни золотит.
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блестит,
Смущая тишину паденьем.

Но вот, приметя свет дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрее стрел по лесу мчатся,
Как пчел неутомимый рой,
Сокрылися в тени густой.

7

О, если б ты, прекрасный день,
Гнал так же горесть, страх, смятенья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Заутрень в граде дальний звон
По роще ветром разнесен;
И на горе стоит высокой
Прекрасный град, там слышен громкий
Стук барабанов, и войска,
Закинув ружья на плеча,
Стоят на площади. И в параде
Народ весь в праздничном наряде
Идет из церкви. Стук карет,
Колясок, дрожек раздается;
На небе стая галок вьется;
Всяк в дом свой завтракать идет;
Там тихо ставни растворяют;
Там по улице гуляют
Иль и́дут войско посмотреть
В большую крепость. Но чернеть
Уж стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце с высоты;
И ветр бежал через кусты.

8

Уж войско хочет расходиться
В большую крепость на горе;
Но топот слышен в тишине.
Вдали густая пыль клубится.
И видят, кто-то на коне
С оглядкой боязливой мчится.
Но вот он здесь уж, вот слезает;
К начальнику он подбегает
И говорит: «Погибель нам!
Вели готовиться войскам;
Черкесы мчатся за горами,
Нас было двое, и за нами

Они пустились на конях.
Меня объял внезапный страх;
Насилу я от них умчался;
Да конь хорош, а то б попался».

9

Начальник всем полкам велел
Сбираться к бою, зазвенел
Набатный колокол; толпятся,
Мятутся, строятся, делятся;
Вороты крепости сперлись.
Иные вихрем понеслись
Остановить черкесску силу
Иль с славою вкусить могилу.
И видно зарево кругом;
Черкесы поле покрывают,
Ряды, как львы, перебегают;
Со звоном сшибся меч с мечом —
И разом храброго не стало.
Ядро во мраке прожужжало,
И целый ряд бесстрашных пал;
Но все смешались в дыме черном.
Здесь бурный конь с копьем вонзенным,
Вскочивши на дыбы, заржал,
Сквозь русские ряды несется,
Упал на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой,
Повсюду слышен стон и вой.

10

Пушек гром везде грохочет;
А здесь изрубленный герой
Воззвать к дружине верной хочет;
И голос замер на устах.
Другой бежит на поле ратном;
Бежит, глотая пыль и прах;
Трикрат сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч;
Звеня, падет кольчуга с плеч;

Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой.
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой.
Еще ружье свое он ищет;
Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мещет
В горах, и в долах, и в лесах;
Во граде жители трепещут;
И гул несется в небесах.
Иный черкеса поражает;
Бесплодно меч его сверкает.
Махнул еще; его рука,
Подъята вверх, окостенела.
Бежать хотел. Его нога
Дрожит недвижима, замлела;
Встает и пал. Но вот несется
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков; он сильно рвется
И держит меч над головой;
Он с казаком вступает в бой;
Их сабли остры ярко блещут;
Уж лук звенит, стрела трепещет;
Удар несется роковой.
Стрела блестит, свистит, мелькает
И вмиг казака убивает.
Но вдруг, толпою окружен,
Копьями острыми пронзен,
Князь сам от раны издыхает;
Падет с коня — и все бегут
И бранно поле оставляют.
Лишь ядры русские ревут
Над их, ужасно, головой.
Помалу тихнет шумный бой.
Лишь под горами пыль клубится.
Черкесы побежденны мчатся,
Преследоваемы толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона
Видали на своих брегах,
Несут за ними смерть и страх.

11

Утихло всё: лишь изредка́
Услышишь выстрел за горою;
Редко видно казака,
Несущегося прямо к бою,
И в стане русском уж покой.
Спасен и град, и над рекой
Маяк блестит, и сторож бродит,
В окружность быстрым оком смотрит
И на плече ружье несет.
Лишь только слышно: *«Кто идет»,*
Лишь громко *«слушай»* раздается;
Лишь только редко пронесется
Лихой казак чрез русский стан.
Лишь редко крикнет черный вран
Голодный, трупы пожирая;
Лишь изредка мелькнет, блистая,
Огонь в палатке у солдат.
И редко чуть блеснет булат,
Заржавый от крови в сраженьи,
Иль крикнет вдруг в уединеньи
Близ стана русский часовой;
Везде господствует покой.

Лето 1828

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Genieße und leide!
Dulde und entbehre!
Liebe, hoff' und glaube!

Conz[1]

1

В большом ауле, под горою,
Близ саклей дымных и простых,
Черкесы позднею порою
Сидят — о конях удалых
Заводят речь, о метких стрелах,
О разоренных ими селах;
И с ними как дрался казак,
И как на русских нападали,
Как их пленили, побеждали.
Курят беспечно свой табак,
И дым, виясь, летит над ними,
Иль, стукнув шашками своими,
Песнь горцев громко запоют.

Иные на коней садятся,
Но перед тем как расставаться,
Друг другу руку подают.

---

[1] Наслаждайся и страдай!
Терпи и смиряйся!
Люби, надейся и верь!
Конц (нем.). — *Ред.*

2

Меж тем черкешенки младые
Взбегают на горы крутые
И в темну даль глядят — но пыль
Лежит спокойно по дороге;
И не шелóхнется ковыль,
Не слышно шума, ни тревоги.

Там Терек издали кружит,
Меж скал пустынных протекает
И пеной зыбкой орошает
Высокий берег; лес молчит;
Лишь изредка олень пугливый
Через пустыню пробежит;
Или коней табун игривый
Молчанье дола возмутит.

3

Лежал ковер цветов узорный
По той горе и по холмам;
Внизу сверкал поток нагорный
И тек струисто по кремням...
Черкешенки к нему сбежались,
Водою чистой умывались.
Со смехом младости простым
На дно прозрачное иные
Бросали кольца дорогие;
И к волосам своим густым
Цветы весенние вплетали;
Гляделися в зерцало вод,
И лица их в нем трепетали.
Сплетаясь в тихий хоровод,
Восточны песни напевали;
И близ аула под горой
Сидели резвою толпой;
И звуки песни произвольной
Ущелья вторили невольно.

4

Последний солнца луч златой
На льдах сребристых догорает,
И Эльборус своей главой
Его, как туча, закрывает.

. . . .

Уж раздалось мычанье стад
И ржанье табунов веселых;
Они с полей идут назад. . .
Но что за звук цепей тяжелых?
Зачем печаль сих пастухов?
Увы! то пленники младые,
Утратив годы золотые,
В пустыне гор, в глуши лесов,
Близ Терека пасут уныло
Черкесов тучные стада,
Воспоминая то, что было
И что не будет никогда!
Как счастье тщетно их ласкало,
Как оставляло наконец
И как оно мечтою стало!..
И нет к ним жалостных сердец!
Они в цепях, они рабами!
Сливалось всё как в мутном сне,
Души не чувствуя, оне
Уж видят гроб перед очами.
Несчастные! в чужом краю!
Исчезли сердца милованья;
В одних слезах, в одном страданье
Отраду зрят они свою.

5

Надежды нет им возвратиться;
Но сердце поневоле мчится
В родимый край. Они душой
Тонули в думе роковой.

. . . .

Но пыль взвивалась над холмами
От стад и борзых табунов;

Они усталыми шагами
Идут домой. Лай верных псов
Не раздавался вкруг аула;
Природа шумная уснула;
Лишь слышен дев издалека
Напев унылый. Вторят горы,
И нежен он, как птичек хоры,
Как шум приветный ручейка:

ПЕСНЯ

Как сильной грозою
Сосну вдруг согнет;
Пронзенный стрелою,
Как лев заревет, —
Так русский средь бою
Пред нашим падет;
И смелой рукою
Чеченец возьмет
Броню золотую
И саблю стальную
И в горы уйдет.

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варвар, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшней не трепещет,
Когда вдруг заблещет
Кинжал роковой.

Внимали пленники уныло
Печальной песни сей для них,
И сердце в грусти страшно ныло...
Ведут черкесы к сакле их;
И, привязавши у забора,
Ушли. Меж них огонь трещит;
Но не смыкает сон их взора,
Не могут горесть дня забыть.

6

Льет месяц томное сиянье.
Черкесы храбрые не спят;
У них шумливое собранье:
На русских нападать хотят.

Вокруг оседланные кони;
Серебряные блещут брони;
На каждом лук, кинжал, колчан
И шашка на ремнях наборных,
Два пистолета и аркан,
Ружье; и в бурках, в шапках черных,
К набегу стар и млад готов,
И слышен топот табунов.
Вдруг пыль взвилася над горами,
И слышен стук издалека;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно, ездока!

7

Он понуждал рукой могучей
Коня, приталкивал ногой,
И влек за ним аркан летучий
Младого пленника <с> собой.
Гирей приблизился — веревкой
Был связан русский, чуть живой.
Черкес спрыгну́л, рукою ловкой
Разрезывал канат; но он
Лежал на камне — смертный сон
Летал над юной головою. . .

. . . .

Черкесы скачут уж — как раз
Сокрылись за горой крутою;
Уроком бьет полночный час.

8

От смерти лишь из сожаленья
Младого русского спасли;
Его к товарищам снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидели близ него всю ночь. . .

. . . .

И бледный лик, в крови омытый,
Горел в щеках — он чуть дышал,
И смертным холодом облитый,
Протягшись, на траве лежал.

9

Уж полдень, прямо над аулом,
На светло-синей высоте,
Сиял в обычной красоте.
Сливалися с протяжным гулом
Стадов черкесских — по холмам
Дыханье ветерков проворных,
И ропот ручейков нагорных,
И пенье птичек по кустам.
Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины.
Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер;
Там под столетними дубами,
В тени, окованный цепями,
Лежал наш пленник на траве.
В слезах склонясь к младой главе,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить;
(Но ах! утраченного счастья
Никто не мог уж возвратить.)

. . . .

Вот он, вздохнувши, приподнялся,
И взор его уж открывался!

Вот он взглянул!.. затрепетал.
...Он с незабытыми друзьями! —
Он, вспыхнув, загремел цепями.
Ужасный звук всё, всё сказал!!

Несчастный залился слезами,
На грудь к товарищам упал,
И горько плакал и рыдал.

10

Счастлив еще: его мученья
Друзья готовы разделять
И вместе плакать и страдать...
Но кто сего уж утешенья
Лишен в сей жизни слез и бед,
Кто в цвете юных пылких лет
Лишен того, чем сердце льстило,
Чем счастье издали манило...
И если годы унесли
Пору цветов искать, как прежде,
Минутной радости в надежде, —
Пусть не живет тот на земли.

11

Так пленник мой с родной страною
Почти навек «прости» сказал!
Терзался прошлою мечтою,
Ее места воспоминал:
Где он провел златую младость,
Где испытал и жизни сладость,
Где много милого любил,
Где знал веселье и страданья,
Где он, несчастный, погубил
Святые сердца упованья...
. . . .

12

Он слышал слово *«навсегда!»*.
И обреченный тяжкой долей,
Почти дружился он с неволей.
С товарищами иногда
Он пас черкесские стада.
Глядел он с ними, как лавины
Катятся с гор и как шумят;
Как лавой снежною блестят,
Как ими кроются долины;
Хотя цепями скован был,
Но часто к Тереку ходил.
И слушал он, как волны воют,
Подошвы скал угрюмых роют,
Текут средь дебрей и лесов...
Смотрел, как в высоте холмов
Блестят огни сторожевые
И как вокруг них казаки
Глядят на мутный ток реки,
Склонясь на копья боевые.
Ах! как желал бы там он быть;
Но цепь мешала переплыть.

13

Когда же полдень над главою
Горел в лучах, то пленник мой
Сидел в пещере, где от зною
Он мог сокрыться. Под горой
Ходили табуны. Лежали
В тени другие пастухи,
В кустах, в траве и близ реки,
В которой жажду утоляли...
И там-то пленник мой глядит:
Как иногда орел летит,
По ветру крылья простирает,
И видя жертвы меж кустов,
Когтьми хватает вдруг, — и вновь
Их с криком кверху поднимает...
«Так! — думал он, — я жертва та,
Котора в пищу им взята».

14

Смотрел он также, как кустами
Иль синей степью, по горам,
Сайгаки, с быстрыми ногами,
По камням острым, по кремням,
Летят, стремнины презирая...
Иль как олень и лань младая,
Услыша пенье птиц в кустах,
Со скал, не шевелясь, внимают —
И вдруг внезапно исчезают,
Взвивая вверх песок и прах.

15

Смотрел, как горцы мчатся к бою
Иль скачут смело над рекою;
Остановились, — лошадей
Толкают смелою ногою...
И вдруг, припав к луке своей,
Близ берегов они мелькают,
Стремят — и снова поскакав
С утеса падают стремглав
И...
...шумно в брызгах исчезают —
Потом плывут, и достигают
Уже противных берегов,
Они уж там и в тьме лесов
Себя от казаков скрывают...
Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у реки
Седою пеной забелели!
Смотрите, враны на дубах
Встрепенулись, улетели,
Сокрылись с криком на холмах!
Черкесы путника арканом
В свои ущелья завлекут...
И, скрытые ночным туманом,
Оковы, смерть вам нанесут.

16

И часто, отгоняя сон,
В глухую полночь смотрит он,
Как иногда черкес чрез Терек
Плывет на верном тулуке,
Бушуют волны на реке,
В тумане виден дальний берег,
На пне пред ним висят кругом
Его оружия стальные:
Колчан, лук, стрелы боевые;
И шашка острая, ремнем
Привязана, звенит на нем,
Как точка в волнах он мелькает,
То виден вдруг, то исчезает...
Вот он причалил к берегам.
Беда беспечным казакам!
Не зреть уж им родного Дона,
Не слышать колоколов звона!
Уже чеченец под горой,
Железная кольчуга блещет;
Уж лук звенит, стрела трепещет,
Удар несется роковой!..
Казак! казак! увы, несчастный!
Зачем злодей тебя убил?
Зачем же твой свинец опасный
Его так быстро не сразил?..

17

Так пленник бедный мой уныло,
Хоть сам под бременем оков,
Смотрел на гибель казаков.
Когда ж полночное светило
Восходит, близ забора он
Лежит в ауле — тихий сон
Лишь редко очи закрывает.
С товарищами — вспоминает
О милой той родной стране;
Грустит; но больше, чем оне...
Оставив там залог прелестный,
Свободу, счастье, что любил,
Пустился он в край неизвестный,
И... всё в краю том погубил.

18

Однажды, погружась в мечтанье,
Сидел он позднею порой;
На темном своде без сиянья
Бесцветный месяц молодой
Стоял, и луч дрожащий, бледный
Лежал на зелени холмов,
И тени шаткие дерёв,
Как призраки, на крыше бедной
Черкесской сакли прилегли.
В ней огонек уже зажгли,
Краснея, он, в лампаде медной,
Чуть освещал большой забор. . .
Всё спит: холмы, река и бор.

19

Но кто в ночной тени мелькает?
Кто легкой тенью меж кустов
Подходит ближе, чуть ступает,
Всё ближе. . . ближе. . . через ров
Идет бредучею стопою?. .
Вдруг видит он перед собою:
С улыбкой жалости немой
Стоит черкешенка младая!
Дает заботливой рукой
Хлеб и кумыс прохладный свой,
Пред ним колена преклоняя.
И взор ее изобразил
Души порыв, как бы смятенной.
Но пищу принял русский пленный
И знаком ей благодарил.

20

И долго, долго, как немая,
Стояла дева молодая.
И взгляд как будто говорил:
«Утешь себя, невольник милый;
Еще не всё ты погубил».

И вздох нетяжкий, но унылый
В груди раздался молодой;
Потом чрез вал она крутой
Домой пошла тропою мшистой
И скрылась вдруг в дали тенистой,
Как некий призрак гробовой.
И только девы покрывало
Еще очам вдали мелькало,
И долго, долго пленник мой
Смотрел ей вслед — она сокрылась.
Подумал он: но почему
Она к несчастью моему
С такою жалостью склонилась —
Он ночь всю не смыкал очей;
Уснул за час лишь пред зарей.

21

Четверту ночь к нему ходила
Она и пищу приносила;
Но пленник часто всё молчал,
Словам печальным не внимал;
Ах! сердце, полное волнений,
Чуждалось новых впечатлений;
Он не хотел ее любить.
И что за радости в чужбине,
В его плену, в его судьбине?
Не мог он прежнее забыть. . .
Хотел он благодарным быть,
Но сердце жаркое терялось
В его страдании немом
И, как в тумане зыбком, в нем
Без отголоска поглощалось! . .
Оно и в шуме и в тиши
Тревожит сон его души.

22

Всегда он с думою унылой
В ее блистающих очах
Встречает образ вечно милый.

В ее приветливых речах
Знакомые он слышит звуки...
И к призраку стремятся руки;
Он вспомнил всё — ее зовет...
Но вдруг очнулся. Ах! несчастный,
В какой он бездне здесь ужасной;
Уж жизнь его не расцветет.
Он гаснет, гаснет, увядает,
Как цвет прекрасный на заре;
Как пламень юный, потухает
На освещенном алтаре!!!

23

Не понял он ее стремленья,
Ее печали и волненья;
Не думал он, чтобы она
Из жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думал также, чтоб любовь
Точила сердце в ней и кровь;
И в страшном был недоуменье...
. . . .
Но в эту ночь ее он ждал...
Настала ночь уж роковая;
И сон от óчей отгоняя,
В пещере пленник мой лежал.

24

Поднялся ветер той порою,
Качал во мраке дерева,
И свист его подобен вою —
Как воет полночью сова.

Сквозь листья дождик пробирался;
Вдали на тучах гром катался;
Блистая, молния струей
Пещеру темну озаряла,
Где пленник бедный мой лежал,

Он весь промок и весь дрожал...

. . . .

Гроза помалу утихала;
Лишь капала вода с дерёв;
Кой-где потоки меж холмов
Струею мутною бежали
И в Терек с брызгами впадали.
Черкесов в темном поле нет...
И тучи врозь уж разбегают,
И кой-где звездочки мелькают;
Проглянет скоро лунный свет.

25

И вот над ним луна златая
На легком облаке всплыла;
И в верх небесного стекла,
По сводам голубым играя,
Блестящий шар свой провела.
Покрылись пеленой сребристой
Холмы, леса и луг с рекой.
Но кто печальною стопой
Идет один тропой гористой?
Она... с кинжалом и пилой;
Зачем же ей кинжал булатный?
Ужель идет на подвиг ратный!
Ужель идет на тайный бой!..
Ах, нет! наполнена волнений,
Печальных дум и размышлений,
К пещере подошла она;
И голос раздался известный;
Очнулся пленник как от сна,
И в глубине пещеры тесной
Садятся... долго они там
Не смели воли дать словам...
Вдруг дева шагом осторожным
К нему, вздохнувши, подошла;
И, руку взяв, с приветом нежным,
С горячим чувством, но мятежным,
Слова печальны начала:

26

«Ах русский! русский! что с тобою!
Почто ты с жалостью немою
Печален, хладен, молчалив
На мой отчаянный призыв...
Еще имеешь в свете друга —
Еще не всё ты потерял...
Готова я часы досуга
С тобой делить. Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.
Ее бежит за мною тень,
И вот об чем, и ночь и день,
Я плачу, вот об чем тоскую!..
Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселенной!
Забудь ее, люби меня,
Твоей подругой неизменной...»
Но пленник сердца своего
Не мог открыть в тоске глубокой,
И слезы девы черноокой
Души не трогали его...
«Так, русский, ты спасен! но прежде
Скажи мне: жить иль умереть?!!
Скажи, забыть ли о надежде?..
Иль слезы эти утереть?»

27

Тут вдруг поднялся он; блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупные мелькнули
На них, как светлая роса:
«Ах нет! оставь восторг свой нежный,
Спасти меня не льстись надеждой;
Мне будет гробом эта степь;
Не на остатках, славных, бранных,
Но на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь!»
Он замолчал, она рыдала;
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,

Кинжал другою подавала.
И вот, под острою пилой
Скрыпит железо; распадает,
Блистая, цепь и чуть звенит.
Она его приподымает;
И так, рыдая, говорит:

28

«Да!.. пленник... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... *навсегда:*
Прости! *навек!..* Как счастлив будешь,
Ах!.. вспомни обо мне тогда...
Тогда!.. быть может, уж могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть может... скажешь ты уныло:
„Она любила и меня!..“»
И девы бледные ланиты,
Почти потухшие глаза,
Смущенный лик, тоской убитый,
Не освежит одна слеза!..
И только рвутся вопли муки...
Она берет его за руки
И в поле темное спешит,
Где чрез утесы путь лежит.

29

Идут, идут; остановились,
Вздохнув, назад оборотились;
Но роковой ударил час...
Раздался выстрел — и как раз
Мой пленник падает. Не муку,
Но смерть изображает взор;
Кладет на сердце тихо руку...
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.
Как вместе с ним поражена,
Без чувства падает она;

Как будто пуля роковая
Одним ударом, в один миг
Обоих вдруг сразила их.
. . . .

30

Но очи русского смыкает
Уж смерть холодною рукой;
Он вздох последний испускает,
И он уж там — и кровь рекой
Застыла в жилах охладевших;
В его руках оцепеневших
Еще кинжал, блестя, лежит;
В его всех чувствах онемевших
Навеки жизнь уж не горит,
Навеки радость не блестит.

31

Меж тем черкес, с улыбкой злобной,
Выходит из глуши дерёв.
И, волку хищному подобный,
Бросает взор... стоит... без слов,
Ногою гордой попирает
Убитого... увидел он,
Что тщетно потерял патрон;
И вновь чрез горы убегает.

32

Но вот она очнулась вдруг;
И ищет пленника очами.
Черкешенка! где, где твой друг...
Его уж нет.
Она слезами
Не может ужас выражать,
Не может крови омывать.
И взор ее как бы безумный
Порыв любви изобразил;

Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил!..
Встает...и скорыми шагами
Пошла с потупленной главой,
Через поляну — за холмами
Сокрылась вдруг в тени ночной.

33

Она уж к Тереку подходит;
Увы, зачем, зачем она
Так робко взором вкруг обводит,
Ужасной грустию полна?..
И долго на бегущи волны
Она глядит. И взор безмолвный
Блестит звездой в полночной тьме.
Она на каменной скале:
«О, русский! русский!!!» — восклицает.
Плеснули волны при луне,
Об берег брызнули оне!..
И дева с шумом исчезает.
Покров лишь белый выплывает,
Несется по глухим волнам:
Остаток грустный и печальный
Плывет, как саван погребальный,
И скрылся к каменным скалам.

34

Но кто убийца их жестокой?
Он был с седою бородой;
Не видя девы черноокой,
Сокрылся он в глуши лесной.
Увы! то был отец несчастный!
Быть может, он ее сгубил;
И тот свинец его опасный
Дочь вместе с пленником убил?
Не знает он, она сокрылась,
И с ночи той уж не явилась.
Черкес! где дочь твоя? глядишь,
Но уж ее не возвратишь!!.

Поутру труп оледенелый
Нашли на пенистых брегах.
Он хладен был, окостенелый;
Казалось, на ее устах
Остался голос прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губах;
Узнали все. Но поздно было!
— Отец! убийца ты ее;
Где упование твое?
Терзайся век! живи уныло! . .
Ее уж нет. И за тобой
Повсюду призрак роковой.
Кто гроб ее тебе укажет?
Беги! ищи ее везде!!!
«Где дочь моя?» — и отзыв скажет:
Где? . .

1828

КОРСАР

Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce métier si dangereux.
Las! il devient trop téméraire
Pour avoir été trop heureux.

La Harpe[1]

ЧАСТЬ I

Друзья, взгляните на меня!
Я бледен, худ, потухла радость
В очах моих, как блеск огня;
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нет ясных дней,
Давно нет цели упованья!..
Исчезло всё!.. одни страданья
Еще горят в душе моей.

Я не видал своих родимых, —
Чужой семьей воскормлен я;
Один лишь брат был у меня,
Предмет всех радостей любимых.
Его я старе годом был,
Но он равно меня любил,
Равно мы слезы проливали,
Когда всё спит во тьме ночной,

[1] Долго счастье ему благоприятствовало
В его опасном ремесле.
Увы! он становится слишком дерзким,
Потому что был слишком счастливым.
Лагарп (франц.). — *Ред.*

Равно мы горе поверяли
Друг другу жаркою душой!..
Нам очарованное счастье
Мелькало редко иногда!..
Увы! — не зрели мы ненастья,
Нам угрожавшего тогда.

Мой умер брат! — перед очами
Еще теперь тот страшный час,
Когда в ногах его с слезами
Сидел! Ах! я не зрел ни раз
Столь милой смерти хладной муки:
Сложив крестообразно руки,
Несчастный тихо угасал
И бледны впалые ланиты
И смертный взор, тоской убитый,
В подушке бедный сокрывал.
Он умер! — страшным восклицаньем
Сражен я вдруг был с содроганьем,
Но сожаленье, не любовь
Согрели жизнь мою и кровь...

С тех пор с обманутой душою
Ко всем я недоверчив стал.
Ах! не под кровлею родною
Я был тогда — и увядал.
Не мог с улыбкою смиренья
С тех пор я всё переносить:
Насмешки, гордости презренья...
Я мог лишь пламенней любить.
Самим собою недоволен,
Желая быть спокоен, волен,
Я часто по лесам бродил
И только там душою жил,
Глядел в раздумии глубоком,
Когда на дереве высоком
Певец незримый напевал
Веселье, радость и свободу,
Как нежно вдруг ослабевал,
Как он, треща, свистал, щелка́л,
Как по лазоревому своду
На легких крылиях порхал,

И непонятное волненье
В душе я сильно ощущал.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свет,
Узнав неверной жизни цену,
В сердцах людей нашед измену,
Утратив жизни лучший цвет,
Ожесточился я — угрюмой
Душа моя смутилась думой;
Не могши более страдать,
Я вдруг решился убежать.

Настала ночь... Я встал печально
С постели, грустью омрачен.
Во всем дому глубокий сон.
Хотелось мне хоть взор прощальный
На место бросить то, где я
Так долго жил в тиши безвестной,
Где жизни тень всегда прелестной
Беспечно встретила меня.
Я взял кинжал; два пистолета
На мне за кожаным ремнем
Звенели. Я страшился света
Луны в безмолвии ночном...

Но вихорь сердца молодого
Меня влачил к седым скалам,
Где между берега крутого
Дунай кипел, ревел; и там,
Склонясь на камень головою,
Сидел я, озарен луною...
Ах! как она, томна́, бледна́,
Лила лучи свои златые
С небес на рощи бреговые.
Везде знакомые места,
Всё мне напоминало младость,
Всё говорило мне, что радость
Навеки здесь погребена.
Хотел проститься с той могилой,
Где прах лежал столь сердцу милый.
Перебежавши через ров,
Пошел я тихо по кладбищу,

Душе моей давало пищу
Спокойствие немых гробов.
И долго, долго я в молчанье
Стоял над камнем гробовым...
Казалось, веяло в страданье
Каким-то холодом сырым.

Потом... неверными шагами
Я удалился — но за мной,
Казалось, тень везде бежала...
Я ночь провел в глуши лесной;
Заря багряно освещала
Верхи холмов; ночная тень
Уже редела надо мною.
С отягощенною главою
Я там сидел, склонясь на пень...
Но встал, пошел к брегам Дуная,
Который издали ревел,
Я в Грецию идти хотел,
Чтоб турок сабля роковая
Пресекла горестный удел
(В душе сменялося мечтанье).
Ярчее дневное сиянье,
И вот Дунай уж предо мной
Синел с обычной красотой.
Как он, прекрасный, величавый,
Играл в прибережных скалах.
Воспоминанье о делах
Живет здесь, и протекшей славой
Река гордится. Сев на брег,
Я измерял Дуная бег.
Потом бросаюсь в быстры волны,
Они клубятся под рукой
(Я спорил с быстрою рекой),
Но скоро на́ берег безмолвный
Я вышел. Всё в душе моей
Мутилось пеною Дуная;
И бросив взор к стране своей:
«Прости, отчизна золотая! —
Сказал, — быть может, в этот раз
С тобой навеки мне проститься,
Но этот миг, но этот час

Надолго в сердце сохранится!..»
Потом я быстро удалился...

Зачем вам сказывать, друзья,
Что было как потом со мною;
Скажу вам только то, что я
Везде с обманутой душою
Бродил один как сирота,
Не смеяввериться, как прежде,
Всё изменяющей надежде;
Мир был чужой мне, жизнь пуста —
Уж я был в Греции прекрасной,
А для души моей несчастной
Ее лишь вид отравой был.
День приходил — день уходил...
Уже с Балканския вершины
Открылись Греции долины,
Уж море синее, блестя
Под солнцем пламенным Востока,
Как шум нагорного потока,
Обрадовало вдруг меня...
Но как спастися нам от рока!
Я здесь нашел, здесь погубил
Почти всё то, что я любил.

ЧАСТЬ II

Где Геллеспонт седой, широкий,
Плеская волнами, шумит,
Покрытый лесом, одинокий,
Афос задумчивый стоит.
Венчанный грозными скалами,
Как неприступными стенами
Он окружен. Ни быстрых волн,
Ни свиста ветров не боится.
Беда тому, чей бренный челн
Порывом их к нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохом заросло.
Между стремнин, между кустами,
Изрезан узкими тропами,

С востока ряд зубчатых гор
К подошве тянутся Афоса,
И башни гордые Лемоса
Встречает удивленный взор...
Порою корабли водами
На быстрых белых парусах
Летали между островами
Как бы на лебедя крылах.
Воспоминанье здесь одною
Прошедшей истиной живет.
Там Цареградский путь идет
Чрез поле черной полосою.
(Я шел, не чувствуя себя;
Я был в стремительном волненьи,
Увидев, Греция, тебя!)...
Кустарник дикий в отдаленьи
Терялся меж угрюмых скал,
Меж скал, где в счастья упоеньи
Фракиец храбрый пировал;
Теперь всё пусто. Вспоминанье
Почти изгладил ток времен,
И этот край обременен
Под игом варваров. Страданье
Осталось только в той стране,
Где прежде греки воспевали
Их храбрость, вольность; но оне
Той страшной участи не знали,
И дышит всё здесь стариной,
Минувшей славой и войной.

Когда ж народ ожесточенный
Хватался вдруг за меч военный —
В пещере темной у скалы,
Как будто горние орлы,
Бывало, греки в ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турок нападать,
Пленить, рубить, в морях летать —
И часто барка в тьме у брега
Была готова для побега
От неприятельских полков;
Не страшен был им плеск валов.

И в той пещере отдыхая,
Как часто ночью я сидел,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокий свой удел,
И что-то новое пылало
В душе неопытной моей,
И сердце новое мечтало
О легком вихре прежних дней.
Желал я быть в боях жестоких,
Желал я плыть в морях широких
(Любить кого, не находил),
Друзья мои, я молод был!
Зачем губить нам нашу младость,
Зачем стареть душой своей,
Прости навек тогда уж радость,
Когда исчезла с юных дней.

Нашед корсаров, с ними в море
Хотел я плыть. Ах, думал я,
Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там меня.
Простясь с печальными брегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой <бег> меж островами,
Цветущими над влажным дном
Святого старца океана;
Я видел их — но жребий мой
Где свел нас с буйною толпой,
Там власть дана мне атамана,
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть — всё за одно!!!

Как весело водам предаться,
Друзья мои, в морях летать,
Но должен, должен я признаться,
Что я готов теперь бы дать
Всё, что имею, за те годы,
Которые уж я убил
И невозвратно погубил.
Прекрасней были бы мне воды,
Поля, леса, луга, холмы

И всё, всё прелести природы. . .
Но! — так себе неверны мы!! —
Живем, томимся и желаем,
А получивши — забываем
О том. Уже предмет другой
Играет в нашем воображеньи
И — в беспрерывном так томленьи
Мы тратим жизнь, о боже мой!

Мы часто на берег сходили
И часто по степям бродили,
Где конь арабский вороной
Играл скачками подо мной,
Летая в даль степи широкой,
Уже терялся брег далекой,
И я с веселою толпой
Как в море был в степи сухой.

Или в лесу в ночи глубокой,
Когда всё спит, то мы одне,
При полной в облаках луне,
В пещере темной, припевая,
Сидим, и чаша между нас
Идет с весельем круговая;
За нею вслед за часом час,
И светит пламень, чуть блистая,
Треща, синея и мелькая. . .

Потом мы часто в корабли
Опять садились, в быстры волны
С отважной дерзостью текли,
Какой-то гордостию полны.
Мы правы были: дом царей
Не так велик, как зыбь морей.

Я часто, храбрый, кровожадный,
Носился в бурях боевых;
Но в сердце юном чувств иных
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшного я ждал,
Грустил, томился и желал.

Я слушал песни удалые
Веселой шайки средь морей,
Тогда, воспомнив золотые
Те годы юности моей,
Я слезы лил. Не зная бога,
Мне жизни дальная дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия.
Как бы сражаяся с судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана,
Живет утратою самою.
Узнав лишь тень утраты сей,
Я ждал ее еще мятежней,
Еще печальней, безнадежней,
Как лишь начало страшных дней,
Опять пред мной всё исчезало,
Как свет пред тению ночной,
И сердце тяжко изнывало,
Исчез и кроткий мой покой,
Исчезло милое волненье
И благородное стремленье
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых.

ЧАСТЬ III

Однажды в ночь сошлися тучи,
Катился гром издалека
И гнал, стоная, вихрь летучий
Порывом бурным облака.
Надулись волны, море плещет,
И молния во мраке блещет.
Но наших храбрых удальцов
Ничто б тогда не испугало,
И море синее стонало
От резких корабля следов.
Шипящей пеною белеет
Корабль. Вдруг рвется к небесам
Волна, качается, чернеет
И возвращается волнам.

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами слетались,
И устремлялся гром на гром,
И море билось с влажным дном,
И черна бездна загоралась
Открытой безднoю громов,
И наше судно воздымалось
То вдруг до тяжких облаков,
То вдруг, треща, вниз опускалось.
Но храбрость я не потерял.
На палубе с моей толпою
Я часто гибель возвещал
Одною пушкой вестовою.
Мы скоро справились! Кругом
Лишь дождь шумел, ревел лишь гром.
Вдруг слышен выстрел отдаленный,
Блеснул фонарь как бы зажженный
На мачте в мрачной глубине...
И скрылся он в туманной мгле,
И небо страшно разразилось
И блеском молний озарилось,
И мы узрели: быстро к нам
Неслося греческое судно.
Всё различить мне было трудно.
Предавшися глухим волнам,
Они на помощь призывали,
Но ветры вопли заглушали.
«Скорей ладью, спасите их!» —
Раздался голос в этот миг.
О камень судно ударяет,
Трещит и с шумом утопает.

Но мы иных еще спасли,
К себе в корабль перенесли.
Они без чувств, водой покрыты,
Лежали все как бы убиты;
И ветер буйный утихал,
И гром почаще умолкал,

Лишь изредка волна вздымалась,
Как бы гора, и опускалась.

. . . .

. . . .

Всё смолкло! Вдруг корабль волной
Был брошен к мели береговой.

Хотел я видеть мной спасенных,
И к ним поутру я взошел.
Тогда на тучах озлащенных
Вскатилось солнце. Я узрел,
Увы, гречанку молодую.
Она почти без чувств, бледна,
Склонившись на руку главою,
Сидела, и с тех пор она
Доныне в памяти глубоко...
Она из стороны далекой
Была сюда привезена.
Свою весну, златые лета
Воспоминала. Томный взор
Чернее тьмы, ярчее света
Глядел, казалось, с давних пор
На небо. Там звезда, блистая,
Давала ей о чем-то весть
(О том, друзья, что в сердце есть).
Звезду затмила туча злая,
Звезда померкла, и она
С тех пор печальна и грустна.
С тех пор, друзья, и я стенаю,
Моя тем участь решена,
С тех пор покоя я не знаю,
Но с тех же пор я омертвел,
Для нежных чувств окаменел.

1828

ПРЕСТУПНИК

Повесть

«Скажи нам, атаман честной,
Как жил ты в стороне родной,
Чай, прежний жар в тебе и ныне
Не остывает от годов.
Здесь под дубочком ты в пустыне
Потешишь добрых молодцов!»

— «Отец мой, век свой доживая,
Был на второй жене женат;
Она красотка молодая,
Он был и знатен и богат...
Перетерпевши лет удары,
Когда захочет сокол старый
Подругу молодую взять,
Так он не думает, не чует,
Что после будет проклинать.
Он всё голубит, всё милует;
К нему ласкается она,
Его хранит в минуту сна.
Но вдруг увидела другого,
Не старого, а молодого.
Лишь первая приходит ночь,
Она без всякого зазренья
Клевком лишит супруга зренья
И от гнезда уж мчится прочь!

. . . .

Пиры, веселья забывая,
И златоструйное вино,

И дом, где, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно,
Как часто я чело покоил
В коленах мачехи моей
И с нею вместе козни строил
Против отца, среди ночей.
Ее пронзительных лобзаний
Огонь впивал я в грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаний,
Мольбы, угроз и заклинаний,
Но слезы злобы только лью!..
Бог весть: меня она любила,
Иль это был притворный жар?
И мысль печально утаила,
Чтобы верней свершить удар?
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстию дыша?
Кто знает: женская душа,
Как океан, неисследима!..

И дни летели. Час настал!
Уж греховодник в дни младые,
Я, как пред казнию, дрожал.
Гремят проклятья роковые.
Я принужден, как некий тать,
Из дому о́тчего бежать.
О, сколько мук! потеря чести!
Любовь, и стыд, и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнев отца!.. за ворота
Бежал <я> сирый, одинокий,
И, обратившись, бросил взор
С проклятием на дом высокий,
На тот пустой, унылый двор,
На пруд заглохший, сад широкий!..
В безумьи мрачном и немом
Желал, чтоб сжег небесный гром
И стол, за коим я с друзьями
Пил чашу радости и нег,
И речки безыменной брег,
Всегда покрытый табунами,
Где принял *он* удар свинца,

И возвышенные стремнины,
И те коварные седины
Неумолимого отца;
И очи, очи неземные,
И грудь, и плечи молодые,
И сладость тайную отрад,
И уст неизлечимый яд;
И ту зеленую аллею,
Где я в лобзаньях утопал;
И ложе то, где я. . . и с нею,
И с этой мачехой лежал! . .

В лесах, изгнанник своевольный,
Двумя жидами принят я:
Один властями недовольный,
Купец, обманщик и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древнего закона;
Алмазы прежде продавал,
Как я, изгнанник, беден стал.
Как я, искал по миру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на удар лихой,
На поцелуи сладострастья.
Но скрытен, недоверчив, глух
Для всяких просьб, как адский дух! . .

Придет ли ночи мрак печальный,
Идем к дороге столбовой;
Там из страны проезжий дальный
Летит на тройке почтовой.
Раздастся выстрел. С быстротой
Свинец промчался непомерной,
Удар губительный и верный! . .
С обезображенным лицом
Упал ямщик! Помчались кони! . .
И редко лишь удар погони
Их не застигнет за леском.

Раз — подозрительна, бледна,
Катилась на небе луна.

Вблизи дороги, перед нами,
Лежал застреленный прошлец;
О, как ужасен был мертвец,
С окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мне —
Кого ж при трепетной луне
Я узнаю?.. Великий боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный прошлец?
Кому же роется могила?
На чьих сединах кровь застыла?
О!.. други!..
Это мой отец!..
Я ослабел, упал на землю;
Когда ж потом очнулся, внемлю:
Стучат... Жидовский разговор.
Гляжу: сырой еще бугор,
Над ним лежит топор с лопатой,
И конь привязан под дубком,
И два жида считают злато
Перед разложенным костром!..
. . . .
. . . .

Промчались дни. На дно речное
Один товарищ мой нырнул.
С тех пор, как этот утонул,
Пошло житье-бытье плохое:
Приему не было в корчмах,
Жить было негде. Отовсюду
Гоняли наглого Иуду.
В далеких дебрях и лесах
Мы укрывалися. Без страха
Не мог я спать, мечтались мне:
Остроги, пытки в черном сне,
То петля гладная, то плаха!..

Исчезли средства прокормленья,
Одно осталось: зажигать
Дома господские, селенья
И в суматохе пировать.

В заре снедающих пожаров
И дом родимый запылал;
Я весь горел и трепетал,
Как в шуме громовых ударов!
Вдруг вижу, раздраженный жид
Младую женщину тащит.
Ее ланиты обгорели
И шелк каштановых волос;
И очи, полны, полны слез,
На похитителя смотрели.
Я не слыхал его угроз,
Я не слыхал ее молений;
И уж в груди ее торчал —
Кинжал, друзья мои, кинжал!..
Увы! дрожат ее колени,
Она бледнее стала тени,
И перси кровью облились,
И недосказанные пени
С уст посинелых пронеслись.

Пришло Иуде наказанье:
Он в ту же самую весну
Повешен мною на сосну,
На пищу вранам. Состраданья
Последний год меня лишил.
Когда ж я снова посетил
Родные, мрачные стремнины,
Леса, и речки, и долины,
Столь крепко ведомые мне,
То я увидел на сосне:
Висит скелет полуистлевший,
Из глаз посыпался песок,
И коршун, тут же отлетевший,
Тащил руки его кусок...

Бегут года, умчалась младость —
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчит в груди моей
Порыв болезненных страстей.
Одни холодные остатки:
Несчастной жизни отпечатки,

Любовь к свободе золотой,
Мне сохранил мой жребий чудный.
Старик преступный, безрассудный,
Я всем далек, я всем чужой.
Но жар подавленный очнется,
Когда за волюшку мою
В кругу удалых приведется,
Что чашу полную налью,
Поминки юности забвенной
Прославлю я и шум крамол;
И нож мой, нож окровавленный
Воткну, смеясь, в дубовый стол!..»

1829

ОЛЕГ

⟨*I*⟩

1

Во мгле языческой дубравы
В года забытой старины
Когда-то жертвенник кровавый
Дымился божеству войны.
Там возносился дуб высокой,
Священный древностью глубокой.
Как неподвижный царь лесов,
Чело до самых облаков
Он подымал. На нем висели
Кольчуги, сабли и щиты,
Вокруг сожженные кусты
И черепа убитых тлели...
И песня Лады никогда
Не приносилася сюда!..

2

Поставлен веры теплым чувством,
Блестел кумир в тени ветвей,
И лик, расписанный искусством,
Был смыт усилием дождей.
Вдали лесистые равнины

И неприступные вершины
Гранитных скал туман одел,
И Волхов за лесом шумел.
Склонен невольно к удивленью,
Пришелец чуждый, в наши дни
Не презирай сих мест: они
Знакомы были вдохновенью!..
И скальдов северных не раз
Здесь раздавался смелый глас...

⟨*II*⟩

Утихло озеро. С стремниной
Молчат туманные скалы,
И вьются дикие орлы,
Крича над зѐркальной пучиной.
Уж челнока с давнишних пор
Волна глухая не лелеет,
Кольцом вокруг угрюмый бор,
Подняв вершины, зеленеет,
Скрываясь за хребтами гор.

Давно ни пес, ни всадник смелый
Страны глухой и опустелой
Не посещал. Окрестный зверь
Забыл знакомый шум ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоит теперь?..
С какою здесь он мыслью странной?
С мечом, в кольчуге, за спиной
Колчан и лук. Шишак стальной
Блестит насечкой иностранной...
Он тихо красный плащ рукой
На землю бросил, не спуская
Недвижных с озера очей,
И кольцы русые кудрей
Бегут, на плечи ниспадая.
В герое повести моей
Следы являлись кратких дней,
Но не приметно впечатлений:

Ни удовольствий, ни волнений,
Ни упоительных страстей.

И, став у пенистого брега,
Он к духу озера воззвал:
«Стрибог! я вновь к тебе предстал;
Не мог ты позабыть Олега.
Он приносил к тебе врагов,
Сверша опасные набеги.
Он в честь тебе их пролил кровь.
И тот опять средь сих лесов,
Пред кем дрожали печенеги.
Как в день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!»

И шумно взволновались воды,
Растут свинцовые валы,
Как в час суровой непогоды,
Покрылись пеною скалы.
Восстал в средине столб туманный...
Тихонько вид меняя странный,
Ясней, ясней, ясней... и вот
Стрибог по озеру идет.
Глаза открытые сияли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые власы бежали
По голым персям старика.

⟨*III*⟩

Ах, было время, время бо́ев
На милой нашей стороне.
Где ж те года? прошли оне
С мгновенной славою героев.
Но тени сильных я видал
И громкий голос их слыхал:
В часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещут воды,
И вихрь, клубя седую пыль,
Волнует по полям ковыль,

Они на темно-сизых тучах
Разнообразною толпой
Летят. Щиты в руках могучих,
Их тешит бурь знакомый вой.
Сплетаясь цепию воздушной,
Они вступают в грозный бой.
Я зрел их смутною душой,
Я им внимал неравнодушно.
На мне была тоски печать,
Бездействием терзалась совесть,
И я решился начертать
Времен былых простую повесть.

Жил-был когда-то князь Олег,
Владетель русского народа,
Варяг, боец (тогда свобода
Не начинала свой побег).
Его рушительный набег
Почти от Пскова до Онеги
Поля и веси покорил...
Он всем соседям страшен был:
Пред ним дрожали печенеги,
С ним от Каспийских берегов
Казары дружества искали,
Его дружины побеждали
Свирепых жителей дубров;
И он искал на греков мести,
Презреньем гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой вести...
Но что замедлил князь Олег
Свой разрушительный набег?..

1829

ДВА БРАТА

«Ах, брат! ах, брат! стыдись, мой брат!
Обеты теплые с мольбами
Забыл ли? Год тому назад
Мы были нежными друзьями...
Ты помнишь, помнишь, верно, бой,
Когда рубились мы с тобой
Против врагов родного края
Или, заботы удаляя,
С новорожденною зарей
Встречали вместе праздник Лады.
И что ж? волнение досады,
Неугомонная вражда
Нас разделили навсегда!..»
— «Не называй меня как прежде,
В благополучные года.
В те дни, как верил я надежде,
Любви и дружбе... Я знавал
Волненья сердца дорогие
И очи, очи голубые...
Я сердцем девы обладал:
Ты у меня его украл!..
Ты завладел моей прекрасной,
Ее любовью и красой,
Ты обманул меня... ужасно!
И посмеялся надо мной».

Умолкли. Но еще стоят,
В душе терзаемы враждою.
На каждом светлые блестят
Мечи с насечкой золотою,

На каждом панцирь и шелом,
Орлиным осенен крылом.
Всё пусто вкруг в дали туманной.
Пред ними жертвенник. На нем
Кумир белеет деревянный.
И только плющ, виясь, младой
Лелеет жертвенник простой.
Они колена преклонили,
Взаимной злобой поклялись.
Вот на коней своих вскочили
И врозь стрелою понеслись.

Давно ль? давно ли друг без друга
Их край родимый не видал?
Давно ль, когда один страдал
В изнеможении недуга,
Другой прикованный стоял
Нежнейшей дружбой к изголовью?
Вдруг, горьким мщением дыша,
Кипят! Надменная душа
Чем раздражилася? — любовью!
Аскар, добычу бранных сил,
Финляндку юную любил.
Она лила в неволе слезы
И помнила средь грустных дней
Скалы Финляндии своей.

Скалы Финляндии пустой,
Озер стеклянные заливы
И бор печальный и глухой,
Как милы вы, как вы счастливы
Своею дикой красотой...
Дымятся низкие долины,
Где кучи хижин небольших
С дворами грязными. Вкруг их
Растут кудрявые рябины,
На высотах чернеют пни
Иль стебли обгорелых сосен.
В стране той кратки дни весны
И продолжительная осень...

1829

ДВЕ НЕВОЛЬНИЦЫ

Beware, my Lord, of jealousy.
«Othello». W. Shakespeare[1]

1

«Люблю тебя, моя Заира!
Гречанка нежная моя!
У ног твоих богатства мира
И правоверная земля.
Когда глазами голубыми
Ты водишь медленно кругом,
Я молча следую за ними,
Как раб с мечтами неземными
За неземным своим вождем.
Пусть пляшет бойкая Гюльнара,
Пускай под белою рукой
Звенит испанская гитара, —
О, не завидуй, ангел мой!
Все песни пламенной Гюльнары,
Все звуки трепетной гитары,
Всех роз восточных аромат,
Топазы, жемчуг и рубины
Султан Ахмет оставить рад
За поцелуя звук единый
И за один твой страстный взгляд!»
— «Султан! Я в дикой, бедной доле,
Но с гордым духом рождена;

[1] Избави, боже, от ревности. «Отелло». В. Шекспир (англ.). — *Ред.*

И в униженьи и в неволе
Я презирать тебя вольна!
Старик, забудь свои желанья:
Другой уж пил мои лобзанья —
И первой страсти я верна!
Конечно, грозному султану
Сопротивляться я не стану;
Но знай: ни пыткой, ни мольбой
Любви из сердца ледяного
Ты не исторгнешь: я готова!
Скажи, палач готов ли твой?»

2

Тиха, душиста и светла
Настала ночь. Она была
Роскошнее, чем ночь эдема.
Заснул обширный Цареград,
Лишь волны дальные шумят
У стен крутых. Окно гарема
Отворено, и свет луны,
Скользя, мелькает вдоль стены;
И блещут стекла расписные
Холодным, радужным огнем;
И блещут стены парчевые,
И блещут кисти золотые,
Диваны мягкие кругом.
Дыша прохладою ночною,
Сложивши ноги под собою,
Облокотившись на окно,
Сидела смуглая Гюльнара.
В молчанье всё погружено,
Из белых рук ее гитара
Упала тихо на диван;
И взор чрез шумный океан
Летит: туда ль, где в кущах мира
Она ловила жизни сон?
Где зреет персик и лимон
На берегу Гвадалкивира?
Нет! Он боязненно склонен
К подножью стен, где пена дремлет!

Едва дыша, испанка внемлет,
И светит ей в лицо луна:
Не оттого ль она бледна?

Чу! томный крик... волной плеснуло...
И на кристалле той волны
Заколебалась тень стены...
И что-то белое мелькнуло —
И скрылось! Снова тишина.
Гюльнары нет уж у окна;
С улыбкой гордости ревнивой
Она гитару вновь берет
И песнь Испании счастливой
С какой-то дикостью поет;
И часто, часто слово «мщенье»
Звучит за томною струной,
И злобной радости волненье
Во взорах девы молодой!

1829 или 1830

ДЖЮЛИО

(Повесть)

ВСТУПЛЕНИЕ

Осенний день тихонько угасал
На высоте гранитных шведских скал.
Туман облек поверхности озер,
Так что едва заметить мог бы взор
Бегущий белый парус рыбака.
Я выходил тогда из рудника,
Где золото, земных трудов предмет,
Там люди достают уж много лет;
Здесь обратились страсти все в одну,
И вечный стук тревожит тишину;
Между столпов гранитных и аркад
Блестит огонь трепещущих лампад,
Как мысль в уме, подавленном тоской,
Кидая свет бессильный и пустой!..

Но если очи, в бесприветной мгле
Угасшие, морщины на челе,
Но если бледный, вялый цвет ланит
И равнодушный молчаливый вид,
Но если вздох, потерянный в тиши,
Являют грусть глубокую души, —
О! не завидуйте судьбе такой.
Печальна жизнь в могиле золотой.
Поверьте мне, немногие из них
Могли собрать плоды трудов своих.

Не нахожу достаточных речей,
Чтоб описать восторг души моей,
Когда я вновь взглянул на небеса,

И освежила голову роса.
Тянулись цепью острые скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носилися, крича средь высоты.
Я зрел вдали кудрявые кусты
У озера спокойных берегов
И стебли черные сухих дубов.
От рудника вился, желтея, путь...
Как я желал скорей в себя вдохнуть
Прохладный воздух, вольный, как народ
Тех гор, куда сей узкий путь ведет.

Вожатому подарок я вручил.
Но, признаюсь, меня он удивил,
Когда не принял денег. Я не мог
Понять зачем, и снова в кошелек
Не смел их положить... Его черты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости оне),
Казалося, знакомы были мне.

И подойдя, взяв за руку меня:
«Напрасно б, — он сказал, — скрывался я!
Так, Джюлио пред вами, но не тот,
Кто по струям венецианских вод
В украшенной гондоле пролетал.
Я жил, я жил и много испытал;
Не для корысти я в стране чужой:
Могилы тьма сходна с моей душой,
В которой страсти, лета и мечты
Изрыли бездну вечной пустоты...
Но я молю вас только об одном,
Молю: возьмите этот свиток. В нем,
В нем мир всю жизнь души моей найдет —
И, может быть, он вас остережет!»
Тут скрылся быстро пасмурный чудак,
И посмеялся я над ним; бедняк,
Я полагал, рассудок потеряв,
Не потерял еще свой пылкий нрав;
Но, пробегая свиток (видит бог),
Я много слез остановить не мог.

Есть край: его Италией зовут;
Как божьи птицы, мнится, там живут
Покойно, вольно и беспечно. И пришлец,
Германии иль Англии жилец,
Дивится часто счастию людей,
Скрывающих улыбкою очей
Безумный пыл и тайный яд страстей.
Вам, жителям холодной стороны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни месть, ни ревность, ни любовь
Не могут в вас зажечь так сильно кровь,
Как в том, кто близ Неаполя рожден:
Для крайностей ваш дух не сотворен!..
Спокойны вы!.. на ваш унылый край
Навек я променял сей южный рай,
Где тополи, обвитые лозой,
Хотят шатер достигнуть голубой,
Где любят моря синие валы
Баюкать тень береговой скалы...

Вблизи Неаполя мой пышный дом
Белеется на берегу морском,
И вкруг него веселые сады;
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды
Я не могу на память перечесть;
И там у вод, в лимонной роще, есть
Беседка; всех других она милей,
Однако вспомнить я боюсь об ней.
Она душистым запахом полна,
Уединенна и всегда темна.
Ах! здесь любовь моя погребена;
Здесь крест, нагнутый временем, торчит
Над холмиком, где Лоры труп сокрыт.

При верной помощи теней ночных,
Бывало, мы, укрывшись от родных,
Туманною озарены луной,
Спешили с ней туда рука с рукой;
И Лора, лютню взяв, певала мне...
Ее плечо горело как в огне,
Когда к нему я голову склонял
И пойманные кудри целовал...

Как гордо волновалась грудь твоя,
Коль, очи в очи томно устремя,
Твой Джюлио слова любви твердил;
Лукаво милый пальчик мне грозил,
Когда я, у твоих склоняясь ног,
Восторг в душе остановить не мог...

Случалось, после я любил сильней,
Чем в этот раз; но жалость лишь о сей
Любви живет, горит в груди моей.
Она прошла, таков судьбы закон,
Неумолим и непреклонен он,
Хотя щадит луны любезный свет,
Как памятник всего, чего уж нет.

О тень священная! простишь ли ты
Тому, кто обманул твои мечты,
Кто обольстил невинную тебя
И навсегда оставил, не скорбя?
Я страсть твою употребил во зло,
Но ты взгляни на бледное чело,
Которое изрыли не труды, —
На нем раскаянья и мук следы;
Взгляни на степь, куда я убежал,
На снежные вершины шведских скал,
На эту бездну смрадной темноты,
Где носятся, как дым, твои черты,
На ложе, где с рыданием, с тоской
Кляну себя с минутой роковой...
И сжалься, сжалься, сжалься надо мной!..
. . . .
. . .   .

Когда мы женщину обманем, тайный страх
Живет для нас в младых ее очах;
Как в зеркале, вину во взоре том
Мы различив, укор себе прочтем.
Вот отчего, оставя отчий дом,
Я поспешил, бессмысленный, бежать,
Чтоб где-нибудь рассеянье сыскать!
Но с Лорой я проститься захотел.

Я объявил, что мне в чужой предел
Отправиться на много должно лет,
Чтоб осмотреть великий божий свет.
«Зачем тебе! — воскликнула она. —
Что даст тебе чужая сторона,
Когда ты здесь не хочешь быть счастлив?..
Подумай, Джюлио! — тут, взор склонив,
Она меня рукою обняла. —
Ах, я почти уверена была,
Что не откажешь в просьбе мне одной:
Не покидай меня, возьми с собой,
Не преступи вторично свой обет...
Теперь... ты должен знать!..» — «Нет, Лора, нет! —
Воскликнул я, — оставь меня, забудь;
Привязанность былую не вдохнуть
В холодную к тебе отныне грудь;
Как странники на небе, облака,
Свободно сердце и любовь легка».
И, побледнев как будто бы сквозь сна,
В ответ сказала тихо мне она:
«Итак, прости навек, любезный мой;
Жестокий друг, обманщик дорогой;
Когда бы знал, что оставляешь ты...
Однако прочь безумные мечты,
Надежда! сердце это не смущай...
Ты более не мой... прощай!.. прощай!..
Желаю, чтоб тебя в чужой стране
Не мучила бы память обо мне...»

То был глубокой вещей скорби глас.
Так мы расстались. Кто жалчей из нас,
Пускай в своем уме рассудит тот,
Кто некогда сии листы прочтет.

Зачем цену утраты на земле
Мы познаем, когда уж в вечной мгле
Сокровище потонет, и никак
Нельзя разгнать его покрывший мрак?
Любовь младых, прелестных женских глаз,
По редкости, сокровище для нас
(Так мало дев, умеющих любить);

Мы день и ночь должны его хранить;
И горе! если скроется оно:
Навек блаженства сердце лишено.
Мы только раз один в кругу земном
Горим взаимной нежности огнем.

Пять целых лет провел в Париже я.
Шалил, именье с временем губя;
Первоначальной страсти жар святой
Я называл младенческой мечтой.
Дорога славы, заманив мой взор,
Наскучила мне. Совести укор
Убить любовью новой захотев,
Я стал искать беседы юных дев;
Когда же охладел к ним наконец,
Представила мне дружба свой венец;
Повеселив меня немного дней,
Распался он на голове моей...
Я стал бродить, печален и один;
Меня уверили, что это сплин;
Когда же надоели доктора,
Я хладнокровно их согнал с двора.

Душа моя была пуста, жестка.
Я походил тогда на бедняка:
Надеясь клад найти, глубокий ров
Он ископал среди своих садов,
Испортить не страшась гряды цветов,
Рыл, рыл — вдруг что-то застучало — он
Вздрогну́л... предмет трудов его найден —
Приблизился... торопится... глядит:
Что ж? — перед ним гнилой скелет лежит!
«Заботы вьются в сумраке ночей
Вкруг ложа мягкого, златых кистей;
У изголовья совесть-скорпион
От вежд засохших гонит сладкий сон;
Как ветр преследует по небу вдаль
Оторванные тучки, так печаль,
В одну и ту же с нами сев ладью,
Не отстает ни в куще, ни в бою» —
Так римский говорит поэт-мудрец.
Ах! это испытал я наконец,

Отправившись, не зная сам куда,
И с Сеною простившись навсегда!..
Ни диких гор Швейцарии снега,
Ни Рейна вдохновенные брега
Ничем мне ум наполнить не могли
И сердцу ничего не принесли.
. . . .
. . . .

Венеция! о, как прекрасна ты,
Когда, как звезды спавши с высоты,
Огни по влажным улицам твоим
Скользят; и с блеском синим, золотым
То затрепещут и погаснут вдруг,
То вновь зажгутся; там далекий звук,
Как благодарность в злой душе, порой
Раздастся и умрет во тьме ночной:
То песнь красавицы, с ней друг ея;
Они поют, и мчится их ладья.
Народ, теснясь на берегу, кипит.
Оттуда любопытный взор следит
Какой-нибудь красивый павильон,
Который бегло в вóлнах отражен.
Разнообразный плеск и весел шум
Приводят много чувств и много дум;
И много чудных случаев рождал
Ничем не нарушимый карнавал.

Я прихожу в гремящий маскерад,
Нарядов блеск там ослепляет взгляд;
Здесь не узнает муж жены своей.
Какой-нибудь лукавый чичисбей,
Под маской, близ него проходит с ней;
И муж готов божиться, что жена
Лежит в дому отчаянно больна...
Но если всё проник ревнивый взор —
Тотчас кинжал решит недолгий спор,
Хотя ненужно пролитая кровь
Уж не воротит женскую любовь!..
Так мысля, в зале тихо я блуждал
И разных лиц движенья наблюдал;

Но, как пустые грезы снов пустых,
Чтоб рассказать, я не запомню их.
И вижу маску: мне грозит она.
Огонь паров застольного вина
Смутил мой ум, волнуя кровь мою.
Я домино окутался, встаю,
Открыл лицо, за тайным чудаком
Стремлюсь и покидаю шумный дом.
Быстрее ног преследуют его
Мои глаза, не помня ничего;
Вослед за ним, хотя и не хотел,
На лестницу крутую я взлетел!..

Огромные покои предо мной,
Отделаны с искусственной красой;
Сияли свечи яркие в углах,
И живопись дышала на стенах.
Ни блеск, ни сладкий аромат цветов
Желаньем ускоряемых шагов
Остановить в то время не могли:
Они меня с предчувствием несли
Туда, где, на диване опустясь,
Мой незнакомец, бегом утомясь,
Сидел; уже я близко у дверей —
Вдруг (изумление души моей
Чьи краски на земле изобразят?)
С него упал обманчивый наряд —
И женщины единственной красы
Стояла близ меня. Ее власы
Катились на волнуемую грудь
С восточной негой... я не смел дохнуть,
Покуда взор, весь слитый из огня,
На землю томно не упал с меня.
Ах! он стрелой во глубь мою проник!
Не выразил бы чувств моих в сей миг
Ни ангельский, ни демонский язык!..
Средь гор кавказских есть, слыхал я, грот,
Откуда Терек молодой течет,
О скалы неприступные дробясь;
С Казбека в пропасть иногда скатясь,
Отверстие лавина завалит,
Как мертвый, он на время замолчит...

Но лишь враждебный снег промоет он,
Быстрей его не будет Аквилон;
Беги сайгак от берега в тот час
И жаждущий табун — умчит он вас,
Сей ток, покрытый пеною густой,
Свободный, как чеченец удалой.
Так и любовь, покрыта скуки льдом,
Прорвется и мучительным огнем
Должна свою разрушить колыбель,
Достигнет или не достигнет цель!..
И беден тот, кому судьбина, дав
И влюбчивый и своевольный нрав,
Позволила узнать подробно мир,
Где человек всегда гоним и сир,
Где жизнь — измен взаимных вечный ряд,
Где память о добре и зле — всё яд,
И где они, покорствуя страстям,
Приносят только сожаленье нам!

Я был любим, сам страстию пылал
И много дней Мелиной обладал,
Летучих наслаждений властелин.
Из этих дён я не забыл один:
Златило утро дальний небосклон,
И запах роз с брегов был разнесен
Далеко в море; свежая волна,
Играющим лучом пробуждена,
Отзывы песни рыбаков несла...
В ладье, при верной помощи весла,
Неслися мы с Мелиною сам-друг,
Внимая сладкий и небрежный звук;
За нами, в блеске утренних лучей,
Венеция, как пышный мавзолей
Среди песков Египта золотых,
Из волн поднявшись, озирала их.
В восторге я твердил любви слова
Подруге пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставал с водой,
В колена ей склонялася порой.
Я счастлив был; не ведомый никем,
Казалось, я покоен был совсем,
И в первый раз лишь мог о том забыть,

О чем грустил, не зная возвратить.
Но дьявол, сокрушитель благ земных,
Блаженство нам дарит на краткий миг,
Чтобы удар судьбы сразил сильней,
Чтобы с жестокой тягостью своей
Несчастье унесло от жадных глаз
Всё, что ему еще завидно в нас.

Однажды (ночь на город уж легла,
Луна как в дыме без лучей плыла
Между сырых туманов; ветр ночной,
Багровый запад с тусклою луной —
Всё предвещало бури; но во мне
Уснули, мнилось, навсегда оне)
Я ехал к милой; радость и любовь
Мою младую волновали кровь;
Я был любим Мелиной, был богат,
Всё вкруг мне веселило слух и взгляд:
Роптанье струй, мельканье челноков,
Сквозь окна освещение домов
И баркарола мирных рыбаков.
К красавице взошел я; целый дом
Был пуст и тих, как завоеван сном;
Вот проникаю в комнаты — и вдруг
Я роковой вблизи услышал звук,
Звук поцелуя... праведный творец,
Зачем в сей миг мне не послал конец?
Зачем, затрепетав как средь огня,
Не выскочило сердце из меня?
Зачем, окаменевший, я опять
Движенье жизни должен был принять?..

Бегу, стремлюсь — трещит — и настежь дверь!..
Кидаюся, как разъяренный зверь,
В ту комнату, и быстрый шум шагов
Мой слух мгновенно поразил — без слов,
Схватив свечу, я в темный коридор,
Где, ревностью пылая, встретил взор
Скользящую, как некий дух ночной,
По стенам тень. Дрожащею рукой
Схватив кинжал, машу перед собой!

И вот настиг; в минуту удержу —
Рука... рука... хочу схватить — гляжу:
Недвижная, как мертвая бледна,
Мне преграждает дерзкий путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный вид!..
Качая головой, призра́к стоит.
Кого ж я в нем, встревоженный, узнал?
Мою обманутую Лору!..

...Я упал!

Печален степи вид, где без препон
Скитается летучий Аквилон
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречаете березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой, —
Так жизнь скучна, когда боренья нет;
В ней мало дел мы можем в цвете лет,
В минувшее проникнув, различить,
Она души не будет веселить,
Но жребий я узнал совсем иной;
Убит я не был раннею тоской...
Страстей огонь, неизлечимый яд,
Еще теперь в душе моей кипят...
И их следы узнал я в этот раз.
В беспамятстве, не открывая глаз,
Лежал я долго; кто принес меня
Домой, не мог узнать я. День от дня
Рассудок мой свежей и тверже был;
Как вновь меня внезапно посетил
Томительный и пламенный недуг.
Я был при смерти. Ни единый друг
Не приходил проведать о больном...
Как часто в душном сумраке ночном
Со страхом пробегал я жизнь мою,
Готовяся предстать пред судию;
Как часто, мучим жаждой огневой,
Я утолить ее не мог водой,
Задохшейся, и теплой, и гнилой;
Как часто хлеб перед лишенным сил
Черствел, хотя еще не тронут был;

И скольких слез, стараясь мужем быть,
Я должен был всю горечь проглотить!..

И долго я томился. Наконец,
Родных полей блуждающий беглец,
Я возвратился к ним.
                                        В большом саду
Однажды я, задумавшись, иду,
И вдруг пред мной беседка. Узнаю
Зеленый свод, где я сказал «люблю»
Невинной Лоре (я еще об ней
Не спрашивал соседственных людей),
Но страх пустой мой ум преодолел.
Вхожу, и что ж бродящий взгляд узрел?
Могилу! — свежий, летний ветерок
Порою нес увялый к ней листок,
И, незабудками испещрена,
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасом, но пасмурной тоской
Я был подавлен в миг сей роковой!
Презренье, гордость в этой тишине
Старались жалость победить во мне.
Так вот что я любил!.. так вот о ком
Я столько дум питал в уме моем!..
И стоило ль любить и покидать,
Чтобы стра́нам чужим нести казать
Испорченное сердце (плод страстей),
В чем недостатка нет между людей?..
Так вот что я любил! клянусь, мой бог,
Ты лучшую ей участь дать не мог;
Пресечь должна кончина бы́тие:
Чем раньше, тем и лучше для нее!

И блещут, дева, незабудки над тобой,
Хотя забвенья стали пеленой;
Сплела из них земля тебе венец...
Их вырастили матерь и отец,
На дерн роняя слезы каждый день,
Пока туманная, ложася, тень
С холодной сладкою росой ночей
Не освежала старых их очей...
. . . .

И я умру! — но только ветр степей
Восплачет над могилою моей!..

Преодолеть стараясь дум борьбу,
Так я предчувствовал свою судьбу...

. . . .
. . . .

И я оставил прихотливый свет,
В котором для меня веселья нет
И где раскаянье бежит от нас,
Покуда юность не оставит глаз.
Но я был стар, я многое свершил!
Поверьте: не одно лишенье сил,
Последствие толпой протекших дней,
Браздит чело и гасит жизнь очей!..
Я потому с досадой их кидал
На мир, что сам себя в нем презирал!
Я мнил: в моем лице легко прочесть,
Что в сей груди такое чувство есть.
Я горд был, и не снес бы, как позор,
Пытающий, нескромный, хитрый взор.

Как мог бы я за чашей хохотать
И яркий дар похмелья выпивать,
Когда всечасно мстительный металл
В больного сердца струны ударял?
Они меня будили в тьме ночной,
Когда и ум, как взгляд, подернут мглой,
Чтобы нагнать еще ужасней сон;
Не уходил с зарей багровой он.
Чем боле улыбалось счастье мне,
Тем больше я терзался в глубине,
Я счастие, казалося, привлек,
Когда его навеки отнял рок,
Когда любил в огне мучений злых
Я женщин мертвых более живых.

Есть сумерки души во цвете лет,
Меж радостью и горем полусвет;
Жмет сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.

Чтобы спастись от этой пустоты,
Воспоминаньем иль игрой мечты
Умножь одну или другую ты.
Последнее мне было легче! я
Опять бежал в далекие края;
И здесь, в сей бездне, в северных горах,
Зароют мой изгнаннический прах.
Без имени в земле он должен гнить,
Чтоб никого не мог остановить.
Так я живу. Подземный мрак и хлад,
Однообразный стук, огни лампад
Мне нравятся. Товарищей толпу
Презреннее себя всегда я чту,
И самолюбье веселит мой нрав:
Так рад кривой, слепого увидав!

. . . .
. . . .

И я люблю, когда немая грусть
Меня кольнет, на воздух выйти. Пусть,
Пусть укорит меня обширный свод,
За коим в славе восседает тот,
Кто был и есть и вечно не прейдет;
Задумавшись, нередко я сижу
Над дикою стремниной и гляжу
В туманные поля передо мной,
Отдохшие под свежею росой.
<. . . . .>
Тогда, как я, воскликнешь к небесам,
Ломая руки: «Дайте прежним дням
Воскреснуть!» — но ничто их не найдет,
И молодость вторично не придет!..

Ах! много чувств и мрачных и живых
Открыть хотел бы Джюлио. Но их
Пускай обнимет ночь, как и меня!..
Уже в лампаде нет почти огня,
Страница кончена — и (хоть чудна)
С ней повесть жизни, прежде чем она...

Февраль — апрель 1830

ПОСЛЕДНИЙ СЫН ВОЛЬНОСТИ

(Повесть)

Посвящается (Н. С. Шеншину)

1

Бывало, для забавы я писал,
Тревожимый младенческой мечтой;
Бывало, я любовию страдал,
И, с бурною, пылающей душой,
Я в ветреных стихах изображал
Таинственных видений милый рой.
Но дни надежд ко мне не при́дут вновь,
Но изменила первая любовь!..

2

И я один, один был брошен в свет,
Искал друзей — и не нашел людей;
Но ты явился: нежный твой привет
Завязку снял с обманутых очей.
Прими ж, товарищ, дружеский обет,
Прими же песню родины моей,
Хоть эта песнь, быть может, милый друг, —
Оборванной струны последний звук!..

When shall such hero live again?

«The Giaour». Byron[1]

Приходит осень, золотит
Венцы дубов. Трава полей
От продолжительных дождей
К земле прижалась; и бежит
Ловец напрасно по холмам:
Ему не встретить зверя там.
А если даже он найдет,
То ветер стрелы разнесет.
На льдинах ветер тот рожден,
Порывисто качает он
Сухой шиповник на брегах.
Ильменя. В сизых облаках
Станицы белых журавлей
Летят на юг до лучших дней;
И чайки озера кричат
Им вслед и вьются над водой,
И звезды ночью не блестят,
Одетые сырою мглой.

Приходит осень! уж стада
Бегут в гостеприимну сень;
Краснея, догорает день
В тумане. Пусть он никогда
Не озарит лучом своим
Густой новогородский дым,
Пусть не надуется вовек
Дыханьем теплым ветерка
Летучий парус рыбака
Над волнами славянских рек!
Увы! пред властию чужой
Склонилась гордая страна,
И песня вольности святой
(Какая б ни была она)
Уже забвенью предана.
Свершилось! дерзостный варяг
Богов славянских победил;
Один неосторожный шаг
Свободный край поработил!

---

[1] Когда такой герой родится снова? «Гяур». Байрон (англ.). — *Ред.*

Но есть поныне горсть людей
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнаньи дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны:
Так, меж грядами темных туч,
Сквозь слезы бури, солнца луч
Увеселяет утром взор
И золотит туманы гор.

На небо дым валит столбом!
Откуда он? Там, где шумит
Поток сердитый, над холмом,
Треща, большой огонь горит,
Пестреет частый лес кругом.
На волчьих кожах, без щитов,
Сидят недвижно у огня,
Молчанье мрачное храня,
Как тени грусти, семь бойцов:
Шесть юношей — один старик.
Они славяне! — бранный клик
Своих дружин им не слыхать,
И долго, долго не видать
Им милых ближних... но они
Простились с озером родным,
Чтоб не промчалися их дни
Под самовластием чужим,
Чтоб не склоняться вечно в прах,
Чтоб тени предков, из земли
Восстав, с упреком на устах,
Тревожить сон их не пришли!..
О! если б только Чернобог
Удару мщения помог!..
Неравная была борьба...
И вот война! и вот судьба!..

«Зачем я меч свой вынимал
И душу веселила кровь? —

Один из юношей сказал. —
Победы мы не встретим вновь.
И наши имена покрыть
Должно забвенье, может быть;
И несвершенный подвиг наш
Изгладится в умах людей, —
Так недостроенный шалаш
Разносит буйный вихрь степей!»
— «О! горе нам, — сказал другой, —
Велик, ужасен гнев богов!
Но пусть и на главу врагов
Спадет он гибельной звездой,
Пусть в битве страх обымет их,
Пускай падут от стрел своих!»

Так говорили меж собой
Изгнанники. Вот встал один...
С руками, сжатыми крестом,
И с бледным пасмурным челом
На мглу волнистую долин
Он посмотрел, и наконец
Так молвил старику боец:
«Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук.
Так спой же, добрый Ингелот,
О чем-нибудь! о чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет.
Пой для других! моя же месть
Их детской жалобы сильней:
Что было, будет и что есть —
Всё упадает перед ней!»
— «Вадим! — старик ему в ответ, —
Зачем не для тебя? .. иль нет!
Не надо! что́ ты вверил мне,
Уснет в сердечной глубине!
Другую песню я спою:
Садись и слушай песнь мою!»

И в белых кудрях старика
Играли крылья ветерка,

И вдохновенный взор блеснул,
И песня громко раздалась.
Прерывисто она неслась,
Как битвы отдаленной гул.
Поток, вблизи холма катясь,
Срывая мох с камней и пней,
Согласовал свой ропот с ней,
И даже призраки бойцов,
Склонясь из дымных облаков,
Внимали с высоты порой
Сей песни дикой и простой!

ПЕСНЬ ИНГЕЛОТА

Собралися люди мудрые
Вкруг постели Гостомысловой.
Смерть над ним летает коршуном!
Но махнувши слабою рукой,
Говорит он речь друзьям своим:

«Ах вы люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.
Призовите князя чуждого,
Чтоб владел он краем родины!» —
Так сказал и умер Гостомысл.

Кривичи, славяне, весь и чудь
Шлют послов за море синее,
Чтобы звать князей варяжских стран.
«Край наш славен — но порядка нет!» —
Говорят послы князьям чужим.

Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов
Сквозь синеющий туман морской!..

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

Тридцать юношей сбираются,
Месть в душе, в глазах отчаянье...
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный месяц встал, и юноши
В спящий стан врагов являются!

На щиты склонясь, варяги спят,
Луч луны играет по́ кудрям.
Вот струею потекла их кровь,
Гибнет враг — но что за громкий звук?
Чье копье ударилось о щит?

И вскочили пробужденные,
Злоба в крике и движениях!
Долго защищались юноши.
Много пало... только шесть осталось...
Мир костям убитых в поле том!

Княжит Рурик в Новегороде,
В диких дебрях бродят юноши;
С ними есть один старик седой —
Он поет о родине святой,
Он поет о милой вольности!

«Ужель мы только будем петь
Иль с безнадежием немым
На стыд отечества глядеть,
Друзья мои? — спросил Вадим. —
Клянусь, великий Чернобог,
И в первый и в последний раз:
Не буду у варяжских ног.

Иль он, иль я: один из нас
Падет! в пример другим падет!..
Молва об нем из рода в род
Пускай передает рассказ;
Но до конца вражда!» — Сказал,
И на колена он упал,
И руки сжал, и поднял взор,
И страшно взгляд его блестел,
И темно-красный метеор
Из тучи в тучу пролетел!

И встали и пошли они
Пустынной узкою тропой.
Курился долго дым густой
На том холме, и долго пни
Трещали в медленном огне,
Маня беспечных пастухов,
Пугая кроликов и сов
И ласточек на вышине!..

Скользнув между вечерних туч,
На море лег кровавый луч;
И солнце пламенным щитом
Нисходит в свой подводный дом.
Одни варяжские струи,
Поднявши головы свои,
Любуясь на его закат,
Теснятся, шепчут и шумят;
И серна на крутой скале,
Чернея в отдаленной мгле,
Как дух недвижима, глядит
Туда, где небосклон горит.

Сегодня с этих берегов
В ладью ступило семь бойцов:
Один старик, шесть молодых!
Вадим отважный был меж них.
И белый парус понесло
Порывом ветра, и весло
Ударилось о синий вал.
И в той ладье Вадим стоял

Между изгнанников-друзей,
Подобный призраку морей!
Что думал он, о чем грустил,
Он даже старцу не открыл.
В прощальном, мутном взоре том
Изобразилось то, о чем
Пересказать почти нельзя.
Так удалялася ладья,
Оставя пены белый след;
Всё мрачен в ней стоял Вадим;
Воспоминаньем прежних лет,
Быть может, витязь был томим. . .
В какой далекий край они
Отправились, чего искать?
Кто может это рассказать?
Их нет. Бегут толпою дни! . .

На вышине скалы крутой
Растет порой цветок младой:
И в сердце грозного бойца
Любви есть место. До конца
Он верен чувству одному,
Как верен слову своему.
Вадим любил. Кто не любил?
Кто, вечно следуя уму,
Врожденный голос заглушил?
Как моря вид, как вид степей,
Любовь дика в стране моей. . .

Прекрасна *Леда*, как звезда
На небе утреннем. Она
Свежа, как южная весна,
И, как пустынный цвет, горда.
Как песня юности, жива,
Как птица вольности, резва,
Как вспоминание детей,
Мила и грустию своей
Младая Леда. И Вадим
Любил. Но был ли он любим? . .
Нет! равнодушный Леды взор
Презренья холод оковал:

Отвергнут витязь; но с тех пор
Он всё любил, он всё страдал.
До униженья, до мольбы
Он не хотел себя склонить;
Мог презирать удар судьбы
И мог об нем не говорить.
Желал он на другой предмет
Излить огонь страстей своих;
Но память, слезы многих лет! . .
Кто устоит противу них?
И рана, легкая сперва,
Была всё глубже день со днем,
И утешения слова
Встречал он с пасмурным челом.
Свобода, мщенье и любовь —
Всё вдруг в нем волновало кровь;
Старался часто Ингелот
Тревожить пыл его страстей
И полагал, что в них найдет
Он пользу родины своей.
Я не виню тебя, старик!
Ты славянин: суров и дик,
Но и под этой пеленой
Ты воспитал огонь святой! . .
Когда на челноке Вадим
Помчался по волнам морским,
То показал во взоре он
Души глубокую тоску,
Но ни один прощальный стон
Он не поверил ветерку,
И ни единая слеза
Не отуманила глаза.
И он покинул край родной,
Где игры детства, как могли,
Ему веселье принесли
И где лукавою толпой
Его надежды обошли,
И в мире может только месть
Опять назад его привесть.

———

Зима сребристой пеленой
Одела горы и луга.
Князь Рурик с силой боевой
Пошел недавно на врага.
Глубоки ранние снега;
На сучьях иней. Звучный лед
Сковал поверхность гладких вод.
Стадами волки по ночам
Подходят к тихим деревням;
Трещит мороз. Шумит метель;
Вершиною качает ель.
С полнеба день на степь глядит
И за туман уйти спешит,
И путник посреди полей
Неверный тщетно ищет путь;
Ему не зреть своих друзей,
Ему холодным сном заснуть,
И должен сгнить в чужих снегах
Его непогребенный прах!..

Откуда зарево блестит?
Не град враждебный ли горит?
Тот город Руриком зажжен.
Но скоро ль возвратится он
С богатой данью? скоро ль меч
Князь вложит в мирные ножны?
И не пора ль ему пресечь
Зловещий, буйный клик войны?

Ночь. Темен зимний небосклон.
В Новгороде глубокий сон,
И всё объято тишиной;
Лишь лай домашних псов порой
Набегом ветра принесен.
И только в хижине одной
Лучина поздняя горит;
И Леда перед ней сидит
Одна; немолчное давно
Прядет, гудёт веретено
В ее руке. Старуха мать
Над снегом вышла погадать.

И наконец она вошла:
Морщины бледного чела
И скорый, хитрый взгляд очей —
Всё ужасом дышало в ней.
В движеньи судорожном рук
Видна душевная борьба.
Ужель бедой грозит судьба?
Ужели ряд жестоких мук
Искусством тайным эту ночь
В грядущем видела она?
Трепещет и не смеет дочь
Спросить. Волшебница мрачна,
Сама в себя погружена.
Пока петух не прокричал,
Старухи бред и чудный стон
Дремоту Леды прерывал,
И краткий сон ей был не в сон!..
И поутру перед окном
Приметили широкий круг,
И снег был весь истоптан в нем,
И долго в городе о том
Ходил тогда недобрый слух.

. . . .

. . . .

Шесть раз менялася луна;
Давно окончена война.
Князь Рурик и его вожди
Спокойно ждут, когда весна
Свое дыханье и дожди
Пошлет на белые снега,
Когда печальные луга
Покроют пестрые цветы,
Когда над озером кусты
Позеленеют, и струи
Заблещут пеной молодой,
И в роще Лады в час ночной
Затянут песню соловьи.
Тогда опять поднимут меч,
И кровь соседей станет течь,
И зарево, как метеор,
На тучах испугает взор.

Надеждою обольщена,
Вотще душа славян ждала
Возврата вольности: весна
Пришла, но вольность не пришла.
Их заговоры, их слова
Варяг-властитель презирал;
Все их законы, все права,
Казалось, он пренебрегал.
Своей дружиной окружен,
Перед народ являлся он;
Свои победы исчислял,
Лукавой речью убеждал!
Рука искусного льстеца
Играла глупою толпой;
И благородные сердца
Томились тайною тоской...

И праздник Лады настает:
Повсюду радость! как весной
Из улья мчится шумный рой,
Так в рощу близкую народ
Из Новагорода идет.
Пришли. Из ветвей и цветов
Видны венки на головах,
И звучно песни в честь богов
Уж раздались на берегах
Ильменя синего. Любовь
Под тенью липовых ветвей
Скрывается от глаз людей.
С досадою, нахмуря бровь,
На игры юношей глядеть
Старик не смеет. Седина
Ему не запрещает петь
Про Диди-Ладо. Вот луна
Явилась, будто шар златой,
Над рощей темной и густой;
Она была тиха, ясна,
Как сердце Леды в этот час...
Но отчего в четвертый раз
Князь Рурик, к липе прислонен,
С нее не сводит светлых глаз?
Какою думой занят он?

Зачем лишь этот хоровод
Его внимание влечет?..

Страшись, невинная душа!
Страшися! Пылкий этот взор,
Желаньем, страстию дыша,
Тебя погубит; и позор
Подавит голову твою;
Страшись, как гибели своей,
Чтобы не молвил он: «Люблю!»
Опасен яд его речей.
Нет сожаленья у князей:
Их ненависть, как их любовь,
Бедою вечною грозит;
Насытит первую лишь кровь,
Вторую лишь девичий стыд.

У закоптелого окна
Сидит волшебница одна
И ждет молоденькую дочь.
Но Леды нет. Как быть? Уж ночь;
Сияет в облаках луна!..
Толпа проходит за толпой
Перед окном. Недвижный взгляд
Старухи полон тишиной,
И беспокойства не горят
На ледяных ее чертах;
Но тайны чудной налегло
Клеймо на бледное чело,
И вид ее вселяет страх.
Она с луны не сводит глаз.
Бежит за часом скучный час!..

И вот у двери слышен стук,
И быстро Леда входит вдруг
И падает к ее ногам:
Власы катятся по плечам,
Испугом взор ее блестит.
«Погибла! — дева говорит, —
Он вырвал у меня любовь;
Блаженства не найду я вновь...

Проклятье на него! злодей...
Наш князь!.. Мои мольбы, мой стон
Презрительно отвергнул он!
О! ты о мне хоть пожалей,
Мать! мать!.. убей меня!.. убей!..»

— «Закон судьбы несокрушим;
Мы все ничтожны перед ним», —
Старуха отвечает ей.
И встала бедная, и тих
Отчаянный казался взор,
И удалилась. И с тех пор
Не вылетал из уст младых
Печальный ропот иль укор.

Всегда с поникшей головой,
Стыдом томима и тоской,
На отуманенный Ильмень
Смотрела Леда целый день
С береговых высоких скал.
Никто ее не узнавал:
Надеждой не дышала грудь,
Улыбки гордой больше нет,
На щеки страшно и взглянуть:
Бледны, как утра первый свет.
Она увяла в цвете лет!..

С жестокой радостью детей
Смеются девушки над ней,
И мать сердито гонит прочь;
Она одна и день и ночь.
Так колос на́ поле пустом,
Забыт неопытным жнецом,
Стоит под бурей одинок,
И буря гнет мой колосок!..

И раз в туманный, серый день
Пропала дева. Ночи тень
Прошла; еще заря пришла —
Но что ж? заря не привела
Домой красавицу мою.

Никто не знал во всем краю,
Куда сокрылася она;
И смерть, как жизнь ее, темна!..

Жалели юноши об ней,
Проклятья тайные неслись
К властителю; ах! не нашлись
В их душах чувства прежних дней,
Когда за отнятую честь
Мечом бойца платила месть.
Но на земле еще была
Одна рука, чтоб отомстить,
И было сердце, где убить
Любви чужбина не могла!..

Пока надежды слабый свет
Не вовсе тучами одет,
Пока невольная слеза
Еще пытается глаза
Коварной влагой омочить,
Пока мы можем позабыть
Хоть вполовину, хоть на миг
Измены, страсти лет былых,
Как мы любили в те года,
Как сердце билося тогда,
Пока мы можем как-нибудь
От страшной цели отвернуть
Не вовсе углубленный ум,
Как много ядовитых дум
Боятся потревожить нас!
Но есть неизбежимый час...
И поздно или рано он
Разрушит жизни сладкий сон,
Завесу с прошлого стащит
И всё в грядущем отравит;
Осветит бездну пустоты,
И нас (хоть будет тяжело)
Презреть заставит, нам назло,
Правдоподобные мечты;
И с этих пор иной обман
Душевных не излечит ран!

Высокий дуб, краса холмов,
Перед явлением снегов
Роняет лист, но вновь весной
Покрыт короной листовой,
И, зеленея, в жаркий день
Прохладную он стелет тень,
И буря вкруг него шумит,
Но великана не свалит;
Когда же пламень громовой
Могучий корень опалит,
То листьев свежею толпой
Он не оденется вовек...
Ему подобен человек!..

Светает — побелел восход
И озарил вершины гор,
И стал синеть безмолвный бор.
На зеркало недвижных вод
Ложится тень от берегов;
И над болотом, меж кустов,
Огни блудящие спешат
Укрыться от дневных огней;
И птицы озера шумят
Между приютных камышей.
Летит в пустыню черный вран,
И в чащу кроется теперь
С каким-то страхом дикий зверь.
Грядой волнистою туман
Встает между зубчатых скал,
Куда никто не проникал,
Где камни темной пеленой
Уныло кроет мох сырой!..

Взошла заря — зачем? зачем?
Она одно осветит всем:
Она осветит бездну тьмы,
Где гибнем невозвратно мы;
Потери новые людей
Она лукаво озарит,
И сердце каждое лишит

Всех удовольствий прежних дней,
И сожаленья не возьмет,
И вспоминанья не убьет!..

Два путника лесной тропой
Идут под утреннею мглой
К ущелиям славянских гор:
Заря их привлекает взор,
Играя меж ветвей густых
Берез и сосен вековых.
Один еще во цвете лет,
Другой, старик, и худ и сед.
На них одежды чуждых стран.
На младшем с стрелами колчан
И лук, и ржавчиной покрыт
Его шишак, и меч звенит
На нем; тяжелых мук бразды
И битв давнишние следы
Хранит его чело, но взгляд
И все движенья говорят,
Что не погас огонь святой
Под сей кольчугой боевой...
Их вид суров, и шаг их скор,
И полон грусти разговор:

«Прошу тебя, не уменьшай
Восторг души моей! Опять
Я здесь, опять родимый край
Сужден изгнанника принять;
Опять, как алая заря,
Надежда веселит меня;
И я увижу милый кров,
Где длился пир моих отцов,
Где я мечом играть любил,
Хоть меч был свыше детских сил.
Там вырос я, там защищал
Своих богов, свои права,
Там за свободу я бы пал,
Когда бы не твои слова.
Старик! где ж замыслы твои?
Ты зрел ли, как легли в крови

Сыны свободные славян
На берегу далеких стран?
Чужой народ нам не помог,
Он принял правду за предлог,
Гостей врагами почитал.
Старик! старик! кто б отгадал,
Что прах друзей моих уснет
В земле безвестной и чужой,
Что под небесной синевой
Один Вадим да Ингелот
На сердце будут сохранять
Старинной вольности любовь,
Что им одним лишь увидать
Дано свою отчизну вновь?..
Но что ж?.. быть может, наша весть
Не извлечет слезы из глаз,
Которые увидят нас,
Быть может, праведную месть
Судьба обманет в третий раз!..»
Так юный воин говорил,
И влажный взор его бродил
По диким соснам и камням
И по туманным небесам.
«Пусть так! — старик ему в ответ, —
Но через много, много лет
Всё будет славиться Вадим;
И грозным именем твоим
Народы устрашат князей,
Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край,
Не размышляя, пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему — и подражай!»
С улыбкой горькою боец
Спешил от старца отвернуть
Свои глаза: младую грудь
Печаль давила, как свинец;
Он вспомнил о любви своей,
Невольно сердце потряслось,
И всё волнение страстей
Из бледных уст бы излилось,
Когда бы не боялся он,

Что вместо речи только стон
Молчанье возмутит кругом;
И он, поникнувши челом,
Шаги приметно ускорял
И спутнику не отвечал.

Идут — и видят вдруг курган
Сквозь синий утренний туман;
Шиповник и репей кругом,
И что-то белое на нем
Недвижимо в траве лежит.
И дикий коршун тут сидит,
Как дух лесов, на пне большом —
То отлетит, то подлетит;
И вдруг, приметив меж дерев
Вдали нежданных пришлецов,
Он приподнялся на ногах,
Махнул крылом и полетел
И, уменьшаясь в облаках,
Как лодка на́ море, чернел!..

На том холме в траве густой
Бездушный, хладный труп лежал,
Одетый белой пеленой;
Пустыни ветр ее срывал,
Кудрями длинными играл
И даже не боялся дуть
На эту девственную грудь,
Которая была белей,
Была нежней и холодней,
Чем снег зимы. Закрытый взгляд
Жестокой смертию объят,
И несравненная рука
Уж посинела и жестка...

И к мертвой подошел Вадим...
Но что за перемена с ним? —
Затрясся, побледнел, упал...
И раздался меж ближних скал
Какой-то длинный крик иль стон...
Похож был на последний он!

И кто бы крик сей услыхал,
Наверно б сам в себе сказал,
Что сердца лучшая струна
В минуту эту порвана!..
О! если бы одна любовь
В душе у витязя жила,
То он бы не очнулся вновь;
Но *месть* любовь превозмогла.
Он долго на земле лежал
И странные слова шептал,
И только мог понять старик,
Что то родной его язык.
И, наконец, страдалец встал.
«Не всё ль я вынес? — он сказал. —
О Ингелот! любил ли ты?
Взгляни на бледные черты
Умершей Леды... посмотри...
Скажи... иль нет! не говори...
Свершилось! я на месть иду,
Я в мире ничего не жду:
Здесь я нашел, здесь погубил
Всё, что искал, всё, что любил!..»
И меч спешит он обнажить
И начал им могилу рыть.
Старик невольно испустил
Тяжелый сожаленья вздох
И безнадежному помог.
Готов уж смерти тесный дом,
И дерн готов, и камень тут;
И бедной Леды труп кладут
В сырую яму... И потом
Ее засыпали землей,
И дерн покрыл ее сырой,
И камень положен над ним.
Без дум, без трепета, без слез
Последний долг свершил Вадим,
И этот день, как легкий дым,
Надежду и любовь унес.
Он стал на свете сирота.
Душа его была пуста.
Он сел на камень гробовой
И по челу провел рукой;

Но грусть — ужасный властелин:
С чела не сгладил он морщин!
Но сердце билося опять —
И он не мог его унять!..

«Девица! мир твоим костям! —
Промолвил тихо Ингелот, —
Одна лишь цель богами нам
Дана — и каждый к ней придет;
И жалок и безумец тот,
Кто ропщет на закон судьбы:
К чему? — мы все его рабы!»

И оба встали и пошли
И скрылись в голубой дали!..

. . . .

Горит на небе ясный день,
Бегут златые облака,
Синеет быстрая река,
И ровен, как стекло, Ильмень.
Из Новагорода народ,
Тесняся, на берег идет.
Там есть возвышенный курган;
На нем священный истукан,
Изображая бога битв,
Белеет издали. Предмет
Благодарений и молитв,
Стоит он здесь уж много лет;
Но лишь недавно князь пред ним
Склонен почтением немым.
Толпой варягов окружен,
На жертву предлагает он
Добычу счастливой войны.
Песнь раздалася в честь богов;
И груды пышные даров
На холм святой положены!..

Рассыпались толпы людей;
Зажглися пни, и пир шумит,

И Рурик весело сидит
Между седых своих вождей!..
Но что за крик? откуда он?
Кто этот воин молодой?
Кто Рурика зовет на бой?
Кто для погибели рожден?..
В своем заржавом шишаке
Предстал Вадим — булат в руке,
Как змеи, кудри на плечах,
Отчаянье и месть в очах.
«Варяг! — сказал он, — выходи!
Свободное в моей груди
Трепещет сердце... испытай,
Сверши злодейство до конца;
Паденье одного бойца
Не может погубить мой край:
И так уж он у ног чужих,
Забыв победы дней былых!..
Новогородцы! обо мне
Не плачьте... я родной стране
И жизнь и счастие принес...
Не требует свобода слез!»

И он мечом своим взмахнул —
И меч как молния сверкнул;
И речь все души потрясла,
Но пробудить их не могла!..
Вскочил надменный буйный князь
И мрачно также вынул меч,
Известный в буре грозных сеч;
Вскочил — и битва началась.
Кипя, с оружием своим,
На князя кинулся Вадим;
Так над пучиной бурных вод
На легкий чёлн бежит волна —
И сразу лодку разобьет
Или сама раздроблена.

И долго билися они,
И долго ожиданья страх
Блестел у зрителей в глазах, —

Но витязя младого дни
Уж сочтены на небесах!..

Дружины радостно шумят,
И бросил князь довольный взгляд:
Над непреклонной головой
Удар спустился роковой.
Вадим на землю тихо пал,
Не посмотрел, не простонал.
Он пал в крови, и пал один —
Последний вольный славянин!

Когда росистой ночи мгла
На холмы темные легла,
Когда на небе чередой
Являлись звезды и луной
Сребрилась в озере струя,
Через туманные поля
Охотник поздний проходил
И вот что после говорил,
Сидя с женой, между друзей,
Перед лачугою своей:
«Мне чудилось, что за холмом,
Согнувшись, человек стоял,
С трудом кого-то поднимал,
Власы белели над челом;
И, что-то на плеча взвалив,
Пошел — и показалось мне,
Что труп чернелся на спине
У старика. Поворотив
С своей дороги, при луне
Я видел: в недалекий лес
Спешил с своею ношей он,
И наконец совсем исчез,
Как перед утром лживый сон!..»

Над озером видал ли ты,
Жилец простой окрестных сел,
Скалу огромной высоты,
У ног ее зеленый дол?
Уныло желтые цветы
Да можжевельника кусты,

Забыты ветрами, растут
В тени сырой. Два камня тут,
Увязши в землю, из травы
Являют серые главы:
Под ними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забыт славянскою страной,
Свободы витязь молодой.

A tale of the times of old! . .
The deeds of days of other years! . .[1]

Вторая половина 1830 или
первая половина 1831

[1] Сказание седых времен! . .
Деянья прежних лет и дней! . .
(англ.) — *Ред.*

КАЛЛЫ[1]

Черкесская повесть

'T is the clime of the East: 't is the land of the Sun —
Can he smile on such deeds as his children have done?
Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.

«The Bride of Abydos». Byron[2]

1

«Теперь настал урочный час,
И тайну я тебе открою.
Мои советы — божий глас;
Клянись им следовать душою.
Узнай: ты чудом сохранен
От рук убийц окровавленных,
Чтоб неба оправдать закон
И отомстить за побежденных;
И не тебе принадлежат
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на земле орудье мщенья,
Палач, — а жертва Акбулат!

---

[1] По-черкесски: убийца. *(Прим. Лермонтова.)*

[2] Вот край Востока: вот страна Солнца —
Может ли оно улыбаться деяниям своих детей?
О! неистовы, как возгласы любовников при расставании,
Сердца у них в груди и их рассказы.
«Абидосская невеста». Байрон (англ.). — *Ред.*

Отец твой, мать твоя и брат,
От рук злодея погибая,
Молили небо об одном:
Чтоб хоть одна рука родная
За них разведалась с врагом!
Старайся быть суров и мрачен,
Забудь о жалости пустой;
На грозный подвиг ты назначен
Законом, клятвой и судьбой.
За все минувшие злодейства
Из обреченного семейства
Ты никого не пощади;
Ударил час их истребленья!
Возьми ж мои благословенья,
Кинжал булатный — и поди!»
Так говорил мулла жестокий,
И кабардинец черноокий
Безмолвно, чистя свой кинжал,
Уроку мщения внимал.
Он молод сердцем и годами,
Но, чуждый страха, он готов
Обычай дедов и отцов
Исполнить свято над врагами;
Он поклялся — своей рукой
Их погубить во тьме ночной.

2

Уж день погас. Угрюмо бродит
Аджи вкруг сакли... и давно
В горах всё тихо и темно;
Луна как желтое пятно
Из тучки в тучку переходит,
И ветер свищет и гудёт.
Как призрак, юноша идет
Теперь к заветному порогу;
Кинжал из кожаных ножон
Уж вынимает понемногу...
И вдруг дыханье слышит он!
Аджи не долго рассуждает:
Врагу заснувшему он в грудь

Кинжал без промаха вонзает
И в ней спешит перевернуть.
Кому убийцей быть судьбина
Велит — тот будь им до конца;
Один погиб; но с кровью сына
Смешать он должен кровь отца.
Пред ним старик: власы седые!
Черты открытого лица
Спокойны, и усы большие
Уста закрыли бахромой!
И для молитвы сжаты руки!
Зачем ты взор потупил свой,
Аджи? Ты мщенья слышишь звуки!
Ты слышишь!.. то отец родной!
И с ложа вниз, окровавленный,
Свалился медленно старик,
И стал ужасен бледный лик,
Лобзаньем смерти искаженный;
Взглянул убийца молодой...
И жертвы ищет он другой!
Обшарил стены он, чуть дышит,
Но не встре<чает> ничего —
И только сердца своего
Биенье трепетное слышит.
Ужели все погибли? нет!
Ведь дочь была у Акбулата!
И ждет ее в семнадцать лет
Судьба отца и участь брата...
И вот луны дрожащий свет
Проникнул в саклю, озаряя
Два трупа на полу сыром
И ложе, где роскошным сном
Спала девица молодая.

3

Мила, как сонный херувим,
Перед убийцею своим
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сон мятежный,
Волнуя девственную грудь,
Мешал свободно ей вздохнуть.

Однажды, полные томленья,
Открылись черные глаза,
И, тайный признак упоенья,
Блистала ярко в них слеза;
Но испугавшись мрака ночи,
Мгновенно вновь закрылись очи...
Увы! их радость, и любовь,
И слезы не откроют вновь!
И он смотрел. И в думах тонет
Его душа. Проходит час.
Чей это стон? Кто так простонет,
И не последний в жизни раз?
Кто, услыхав такие звуки,
До гроба может их забыть?
О, как нетрудно различить
От крика смерти — голос муки!

4

Сидит мулла среди ковров,
Добытых в Персии счастливой;
В дыму табачных облаков
Кальян свой курит он лениво;
Вдруг слышен быстрый шум шагов;
В крови, с зловещими очами,
Аджи вбегает молодой;
В одной руке кинжал, в другой...
Зачем он с женскими власами
Пришел? И что тебе, мулла,
Подарок с женского чела?
«О, как верны мои удары! —
Ужасным голосом сказал
Аджи. — Смотри! узнал ли, старый?»
— «Ну что же?» — «Вот что!» — и кинжал
В груди бесчувственной торчал...

5

На вышине горы священной,
Вечерним солнцем озаренной,
Как одинокий часовой
Белеет памятник простой:

Какой-то столбик округленный!
Чалмы подобие на нем;
Шиповник стелется кругом;
Оттуда синие пустыни
И гребни самых дальних гор —
Свободы вечные твердыни —
Пришельца открывает взор.
Забывши мир и им забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Под этим камнем спит мулла,
И вместе с ним его дела.
Другого любит без боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
От злобной ревности она!..

6

И в это время слух промчался
(Гласит преданье), что в горах
Безвестный странник показался,
Опасный в мире и боях;
Как дикий зверь, людей чуждался;
И женщин он ласкать не мог!
<. . . . .>
Хранил он вечное молчанье,
Но не затем, чтоб подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье;
И он лишь знает, почему
Каллы́ ужасное прозванье
В горах осталося ему.

1830 или 1831

<АЗРАИЛ>

Речка, кругом широкие долины, курган, на берегу издохший конь лежит близ кургана, и вороны летают над ним. Всё дико.

А з р а и л
(сидит на кургане)

Дождуся здесь; мне не жестка
Земля кургана. Ветер дует,
Серебряный ковыль волнует
И быстро гонит облака.
Кругом всё дико и бесплодно.
Издохший конь передо мной
Лежит, и коршуны свободно
Добычу делят меж собой.
Уж хладные белеют кости,
И скоро пир кровавый свой
Незваные оставят гости.
Так точно и в душе моей:
Всё пусто, лишь одно мученье
Грызет ее с давнишних дней
И гонит прочь отдохновенье;
Но никогда не устает
Его отчаянная злоба,
И в темной, темной келье гроба
Оно вовеки не уснет.
Всё умирает, всё проходит.
Гляжу, за веком век уводит
Толпы народов и миров
И с ними вместе исчезает.
Но дух мой гибели не знает;

Живу один средь мертвецов,
Законом общим позабытый,
С своими чувствами в борьбе,
С душой, страданьями облитой,
Не зная равного себе.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я всё мгновенное люблю,
Утрата мучит грудь мою.
И я бессмертен, и за что же!
Чем, чем возможно заслужить
Такую пытку? Боже, боже!
Хотя бы мог я не любить!

Она придет сюда, я обниму
Красавицу и грудь к груди прижму,
У сердца сердце будет горячей;
Уста к устам чем ближе, тем сильней
Немая речь любви. Я расскажу
Ей всё и мир и вечность покажу;
Она слезу уронит надо мной,
Смягчит творца молитвой молодой,
Поймет меня, поймет мои мечты
И скажет: «Как велик, как жалок ты».
Сей речи звук мне будет жизни звук,
И этот час последний долгих мук.
Клянусь воспоминание об нем
Глубоко в сердце схоронить моем,
Хотя бы на меня восстал весь ад.
Тот угол, где я спрячу этот клад,
Не осквернит ни ропот, ни упрек,
Ни месть, ни зависть; пусть свирепый рок
Сбирает тучи, пусть моя звезда
В тумане вечном тонет навсегда,
Я не боюсь; есть сердце у меня,
Надменное и полное огня,
Есть в нем любви ее святой залог,
Последнего ж не отнимает бог.
Но слышен звук шагов, она, она.
Но для чего печальна и бледна?
Венок пестреет над ее челом,
Играет солнце медленным лучом

На белых персях, на ее кудрях, —
Идет. Ужель меня тревожит страх?

Дева входит, цветы в руках и на голове, в белом платье, крест на груди у нее.

Дева

Ветер гудёт,
Месяц плывет,
Девушка плачет,
Милый в чужбину скачет.
Ни дева, ни ветер
Не замолкнут;
Месяц погаснет,
Милый изменит.

Прочь печальная песня. Я опоздала, Азраил. Так ли тебя зовут, мой друг? *(Садится рядом.)*

Азраил. Что до названья? Зови меня твоим любезным, пускай твоя любовь заменит мне имя, я никогда не желал бы иметь другого. Зови как хочешь смерть — уничтожением, гибелью, покоем, тлением, сном, — она все равно поглотит свои жертвы.

Дева. Полно с такими черными мыслями.

Азраил. Так, моя любовь чиста, как голубь, но она хранится в мрачном месте, которое темнеет с вечностью.

Дева. Кто ты?

Азраил. Изгнанник, существо сильное и побежденное. Зачем ты хочешь знать?

Дева. Что с тобою? Ты побледнел приметно, дрожь пробежала по твоим членам, твои веки опустились к земле. Милый, ты становишься страшен.

Азраил. Не бойся, все опять прошло.

Дева. О, я тебя люблю, люблю больше блаженства. Ты помнишь, когда мы встретились, я покраснела; ты прижал меня к себе, мне было так хорошо, так тепло у груди твоей. С тех пор моя душа с твоей одно. Ты несчастлив, вверь мне свою печаль, кто ты? откуда? ангел? демон?

Азраил. Ни то, ни другое.

Дева. Расскажи мне твою повесть; если ты потребуешь слез, у меня они есть; если потребуешь ласки,

то я удушу тебя моими; если потребуешь помощи, о возьми все, что я имею, возьми мое сердце и приложи его к язве, терзающей твою душу; моя любовь сожжет этого червя, который гнездится в ней. Расскажи мне твою повесть!

Азраил. Слушай, не ужасайся, склонись к моему плечу, сбрось эти цветы, твои губы душистее. Пускай эти гвоздики, фиалки унесет ближний поток, как некогда время унесет твою собственную красоту. Как, ужели эта мысль ужасна, ужели в столько столетий люди не могли к ней привыкнуть, ужели никто не может пользоваться всею опытностью предшественников? О люди! Вы жалки, но со всем тем я сменял бы мое вечное существованье на мгновенную искру жизни человеческой, чтобы чувствовать хотя все то же, что теперь чувствую, но иметь надежду когда-нибудь позабыть, что я жил и мыслил. Слушай же мою повесть.

РАССКАЗ АЗРАИЛА

Когда еще ряды светил
Земли не знали меж собой,
В те годы я уж в мире был,
Смотрел очами и душой,
Молился, действовал, любил.
И не один я сотворен,
Нас было много; чудный край
Мы населяли, только он,
Как ваш давно забытый рай,
Был преступленьем осквернен.
Я власть великую имел,
Летал, как мысль, куда хотел,
Мог звезды навещать порой
И любоваться их красой
Вблизи, не утомляя взор;
Как перелетный метеор,
Я мог исчезнуть и блеснуть.
Везде мне был свободный путь.

Я часто ангелов видал
И громким песням их внимал,
Когда в багряных облаках

Они, качаясь на крылах,
Все вместе славили творца,
И не было хвалам конца.
Я им завидовал: они
Беспечно проводили дни,
Не знали тайных беспокойств,
Душевных болей и расстройств,
Волнения враждебных дум
И горьких слез; их светлый ум
Безвестной цели не искал,
Любовью грешной не страдал,
Не знал пристрастия к вещам,
Он весь был отдан небесам.
Но я, блуждая много лет,
Искал — чего, быть может, нет:
Творенье, сходное со мной
Хотя бы мукою одной.
И начал громко я роптать,
Мое рожденье проклинать
И говорил: всесильный бог,
Ты знать про будущее мог,
Зачем же сотворил меня?
Желанье глупое храня,
Везде искать мне суждено
Призрáк, видение одно.
Ужели мил тебе мой стон?
И если я уж сотворен,
Чтобы игрушкою служить,
Душой, бессмертной может быть,
Зачем меня ты одарил?
Зачем я верил и любил?

И наказание в ответ
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нет!
Твою беспечность не убью,
Не дам понятия о том,
Что лишь с возвышенным умом
И с непреклонною душой
Изведать велено судьбой.
Чем дольше мука тяготит,
Тем глубже рана от нее;

Обливши смертью бытие,
Она опять его живит.
И эта жизнь пуста, мрачна,
Как пропасть, где не знают дна:
Глотая всё, добро и зло,
Не наполняется она.
Взгляни на бледное чело,
Приметь морщин печальный ряд,
Неровный ход моих речей,
Мой горький смех, мой дикий взгляд
При вспоминаньи прошлых дней,
И если тотчас не прочтешь
Ты ясно всех моих страстей,
То вечно, вечно не поймешь
Того, кто за безумный сон,
За миг столетьями казнен.

Я пережил звезду свою;
Как дым рассыпалась она,
Рукой творца раздроблена;
Но смерти верной на краю,
Взирая на погибший мир,
Я жил один, забыт и сир.
По беспредельности небес
Блуждал я много, много лет
И зрел, как старый мир исчез
И как родился новый свет;
И страсти первые людей
Не скрылись от моих очей.
И ныне я живу меж вас,
Бессмертный, смертную люблю
И с трепетом свиданья час,
Как пылкий юноша, ловлю.
Когда же род людей пройдет
И землю вечность разобьет,
Услышав грозную трубу,
Я в новый удалюся мир
И стану там, как прежде сир,
Свою оплакивать судьбу.

Вот повесть чудная моя;
Поверь иль нет, мне всё равно —

Доверчивое сердце я
Привык не находить давно;
Однако ж я молю: поверь
И тем тоску мою умерь.
Никто не мог тебя любить
Так пламенно, как я теперь.
Что сердце попусту язвить,
Зачем вдвойне его казнить?
Но нет, ты плачешь. Я любим,
Хоть только существом одним,
Хоть в первый и последний раз.
Мой ум светлей отныне стал,
И, признаюсь, лишь в этот час
Я умереть бы не желал.

Дева. Я тебя не понимаю, Азраил, ты говоришь так темно. Ты видел другой мир, где ж он? В нашем законе ничего не сказано о людях, живших прежде нас.

Азраил. Потому что закон Моисея не существовал прежде земли.

Дева. Полно, ты меня хочешь только испугать.

Азраил бледнеет.

Я пришла сюда, чтобы с тобой проститься, мой милый. Моя мать говорит, что покамест это должно, я иду замуж. Мой жених славный воин, его шлем блестит как жар, и меч его опаснее молнии.

Азраил. Вот женщина! Она обнимает одного и отдает свое сердце другому!

Дева. Что сказал ты? О, не сердись.

Азраил. Я не сержусь, *(горько)* и за что сердиться?

1831

АНГЕЛ СМЕРТИ

Посвящается А. М. В......... й

Тебе — тебе мой дар смиренный,
Мой труд безвестный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньем и — тобой!

Я дни мои влачу, тоскуя
И в сердце образ твой храня,
Но об одном тебя прошу я:
Будь ангел смерти для меня.

Явись мне в грозный час страданья,
И поцелуй пусть будет твой
Залогом близкого свиданья
В стране любви, в стране другой!

Златой Восток, страна чудес,
Страна любви и сладострастья,
Где блещет роза — дочь небес,
Где всё обильно, кроме счастья;
Где чище катится река,
Вольнее мчатся облака,
Пышнее вечер догорает
И мир всю прелесть сохраняет
Тех дней, когда печатью зла
Душа людей, по воле рока,
Не обесславлена была,
Люблю тебя, страна Востока!
Кто знал тебя, тот забывал

Свою отчизну; кто видал
Твоих красавиц, не забудет
Надменный пламень их очей
И без сомненья верить будет
Печальной повести моей.

Есть ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставанья
Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья,
И страшен вид его для глаз
Бессильной жертвы; и невольно
Он заставляет трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Последний вздох ему отдать.
Но прежде людям эти встречи
Казались — сладостный удел.
Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,
И бурные смирял он страсти,
И было у него во власти
Больную душу как-нибудь
На миг надеждой обмануть!

Равно во все края вселенной
Являлся ангел молодой;
На всё, что только прах земной,
Глядел с презрением нетленный;
Его приход благословенный
Дышал небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Как полуночная звезда,
Манил он смертных иногда,
И провожал он к дверям рая
Толпы освобожденных душ,
И сам был счастлив. Почему ж
Теперь томит его объятье,
И поцелуй его — проклятье?

. . . .

Недалеко от берегов
И волн ревущих океана,

Под жарким небом Индостана
Синеет длинный ряд холмов.
Последний холм высок и страшен,
Скалами серыми украшен
И вдался в море; и на нем
Орлы да коршуны гнездятся,
И рыбаки к нему боятся
Подъехать в сумраке ночном.
Прикрыта дикими кустами,
На нем пещера есть одна —
Жилище змей — хладна, темна,
Как ум, обманутый мечтами,
Как жизнь, которой цели нет,
Как не досказанный очами
Убийцы хитрого привет.
Ее лампада — месяц полный,
С ней говорят мо́рские волны,
И у отверстия стоят
Сторожевые пальмы в ряд.

Давным-давно в ней жил изгнанник,
Пришелец, юный Зораим.
Он на земле был только странник,
Людьми и небом был гоним,
Он *мог* быть счастлив, но блаженства
Искал в забавах он пустых,
Искал он в людях совершенства,
А сам — сам не был лучше их;
Искал великого в ничтожном,
Страшась надеяться, жалел
О том, что было счастьем ложным,
И, став без пользы осторожным,
Поверить никому не смел.
Любил он ночь, свободу, горы,
И всё в природе — и людей,
Но избегал их. С ранних дней
К презренью приучил он взоры,
Но сердца пылкого не мог
Заставить так же охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она — хоть презре́нна — всё бог.
Одно сокровище — святыню

Имел под небесами он;
С ним раем почитал пустыню...
Но что ж? всегда ли верен сон?..

На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумит
И сломит кипарис высокой, —
Вкруг кипариса плющ обвит:
Он не погибнет одиноко!..
Так, миру чуждый, Зораим
Не вовсе беден — Ада с ним!
Она резва, как лань степная,
Мила, как цвет душистый рая;
Всё страстно в ней: и грудь и стан,
Глаза — два солнца южных стран.
И деве было всё забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанник бледный, величавый,
С холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье —
Огонь в очах его родить
И в мертвом сердце возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей. Зораим
Любил — с тех пор, как был любим;
Судьбина их соединила,
А разлучит — одна могила!

На синих небесах луна
С звездами дальными сияет,
Лучом в пещеру ударяет;
И беспокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утес, белея, обнимает.
Я помню — в этот самый час
Обыкновенно нежный глас,
Сопровождаемый игрою,
Звучал, теряясь за горою:

Он из пещеры выходил.
Какой же демон эти звуки
Волшебной властью усыпил?..

Почти без чувств, без дум, без сил
Лежит на ложе смертной муки
Младая Ада. Ветерок
Не освежит ее ланиты,
И томный взор, полуоткрытый,
Напрасно смотрит на восток,
И утра ждет она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будет там,
Где солнца уж не нужно нам.
У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораим
Стоит — коленопреклоненный,
Тоской отчаянья томим.
В руке изгнанника белеет
Девицы хладная рука,
И жизни жар ее не греет.
«Но смерть, — он мыслит, — не близка!
Рука — не жизнь; болезнь простая —
Всё не кончина роковая!»
Так иногда надежды свет
Являет то, чего уж нет;
И нам хотя не остается
Для утешенья ничего,
Она над сердцем всё смеется,
Не исчезая из него.

В то время смерти ангел нежный
Летел чрез южный небосклон;
Вдруг слышит ропот он мятежный,
И плач любви — и слабый стон,
И, быстрый как полет мгновенья,
К пещере подлетает он.
Тоску последнего мученья
Дух смерти усладить хотел
И на устах покорной Ады
Свой поцелуй напечатлел:

Он дать не мог другой отрады!
Или, быть может, Зораим
Еще замечен не был им...
Но скоро при огне лампады
Недвижный, мутный встретив взор,
Он в нем прочел себе укор;
И ангел смерти сожаленье
В душе почувствовал святой.
Скажу ли? — даже в преступленье
Он обвинял себя порой.
Он отнял всё у Зораима:
Одна была лишь им любима,
Его любовь была сильней
Всех дум и всех других страстей.
И он не плакал, — но понятно
По цвету бледному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерял он невозвратно.
И ангел знал, — и как не знать? —
Что безнадежности печать
В спокойном холоде молчанья,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

И ангел мыслью поражен,
Достойною небес: желает
Вознаградить страдальца он.
Ужель создатель запрещает
Несчастных утешать людей?
И девы труп он оживляет
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь в груди остылой
Опять волнуется, кипит;
И взор, волшебной полон силой,
В тени ресниц ее горит.
Так ангел смерти съединился
Со всем, чем только жизнь мила;
Но ум границам подчинился,
И власть — не та уж, как была,
И только в памяти туманной
Хранит он думы прежних лет;
Их появленье Аде странно,

Как ночью метеора свет,
И ей смешна ее беспечность,
И ей грядущее темно,
И чувства, вечные как вечность,
Соединились все в одно.
Желаньям друга посвятила
Она все радости свои,
Как будто смерть и не гасила
В невинном сердце жар любви!..

Однажды на скале прибрежной,
Внимая плеск волны морской,
Задумчив, рядом с Адой нежной,
Сидел изгнанник молодой.
Лучи вечерние златили
Широкий синий океан,
И видно было сквозь туман,
Как паруса вдали бродили.
Большие черные глаза
На друга дева устремляла,
Но в диком сердце бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой рассеянные взгляды
На красный запад он кидал
И вдруг, взяв тихо руку Ады
И обратившись к ней, сказал:
«Нет! не могу в пустыне доле
Однообразно дни влачить;
Я волен — но душа в неволе:
Ей должно цепи раздробить...
Что жизнь? — давай мне чашу славы,
Хотя бы в ней был смертный яд,
Я не вздрогну́ — я выпить рад:
Не все ль блаженства — лишь отравы?
Когда-нибудь всё должен я
Оставить ношу бытия...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
И мне покойну быть — о нет!..

Взгляни: за этими горами
С могучим войском под шатрами
Стоят два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успеет в облаках проснуться,
Труба войны и звук мечей
В пустыне нашей раздадутся.
И к одному из тех царей
Идти как воин я решился,
Но ты не жди, чтоб возвратился
Я побежденным. Нет, скорей
Волна, гонимая волнами
По бесконечности морей,
В приют родимых камышей
Воротится. Но если с нами
Победа будет, я принесть
Клянусь тебе жемчу́г и злато,
Себе одну оставлю честь...
И буду счастлив, и тогда-то
Мы заживем с тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала...
Мой друг, я должен видеть кровь!
Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.
Как? ты бледнеешь?.. слезы? слезы?
Об чем же плакать, ангел мой?»
И ангел-дева отвечает:
«Видал ли ты, как отражает
Ручей склонившийся цветок?
Когда вода не шевелится,
Он неподвижно в ней глядится,
Но если свежий ветерок
Волну зеленую встревожит
И всколебается волна,
Ужели тень цветочка может
Не колебаться, как она?
Мою судьбу с твоей судьбою
Соединил так точно рок,
Волна — твой образ, мой — цветок.
Ты грустен, — я грустна с тобою.

Как знать? — быть может, этот час
Последний счастливый для нас!..»

Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят.
Цветок измятый обагрится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах.
Крик победивших, стон сраженных
Принудят мирных соловьев
Искать в пределах отдаленных
Иных долин, других кустов,
Где красный день, как ночь, спокоен,
Где их царицу, их любовь,
Не стопчет розу мрачный воин
И обагрить не может кровь.

Чу!.. топот... пыль клубится тучей,
И вот звучит труба войны,
И первый свист стрелы летучей
Раздался с каждой стороны!
Новорожденное светило
С лазурной неба вышины
Кровавым блеском озарило
Доспехи ратные бойцов.
Меж тем войска еще сходились
Всё ближе, ближе — и сразились;
И треску копий и щитов,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье — царь в душах людей
И удивления сильней.

Была ужасна эта встреча,
Подобно встрече двух громов
В грозу меж дымных облаков.
С успехом равным длилась сеча,
И всё теснилось. Кровь рекой
Лилась везде, мечи блистали,

Как тени знамена блуждали
Над каждой темною толпой,
И с криком смерти роковой
На трупы трупы упадали...
Но отступает наконец
Одна толпа; и побежденный
Уж не противится боец;
И по траве окровавленной
Скользит испуганный беглец.
Один лишь воин, окруженный
Враждебным войском, не хотел
Еще бежать. Из мертвых тел
Вокруг него была ограда...
И тут остался он один.
Он не был царь иль царский сын,
Хоть одарен был силой взгляда
И гордой важностью чела.
Но вдруг коварная стрела
Пронзила витязя младого,
И шумно навзничь он упал,
И кровь струилась... и ни слова
Он, упадая, не сказал,
Когда победный крик раздался,
Как погребальный крик, над ним,
И мимо смелый враг промчался,
Огнем пылая боевым.

На битву издали взирая
С горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской,
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось в ней,
Всечасно слезы набегали
На очи, полные печали...
О боже! — Для таких очей
Кто не пожертвовал бы славой?
Но Зораиму был милей
Девичьей ласки путь кровавый!
Безумец! ты цены не знал
Всему, всему, чем обладал,
Не ведал ты, что ангел нежный

Оставил рай свой безмятежный,
Чтоб сердце Ады оживить;
Что многих он лишил отрады
В последний миг, чтоб усладить
Твое страданье. Бедной Ады
Мольбу отвергнул хладно ты;
Возможно ль? ангел красоты
Тебе, изгнанник, не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядит и ждет... но что же?
Давно уж в поле тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными телами
Долина битвы устлана...
Увы! где ангел утешенья?
Где вестник рая молодой?
Он мучим страстию земной
И не услышит их моленья...
Уж солнце низко — Ада ждет...
Всё тихо вкруг... *он* всё нейдет!..

Она спускается в долину
И видит страшную картину.
Идет меж трупов чуть дыша;
Как у невинного пред казнью,
Надеждой, смешанной с боязнью,
Ее волнуется душа.
Она предчувствовать страшится,
И с каждым шагом воротиться
Она желала б; но любовь
Превозмогла в ней ужас вновь;
Бледны ланиты девы милой,
На грудь склонилась голова...
И вот недвижна! Такова
Была б лилея над могилой!
Где Зораим? Что, если он
Убит? — но чей раздался стон?
Кто этот раненный стрелою
У ног красавицы? Чей глас
Так сильно душу в ней потряс?
Он мертвых окружен грядою,

Но час кончины и над ним...
Кто ж он? — Свершилось! — Зораим.

«Ты здесь? теперь? — и ты ли, Ада?
О! твой приход мне не отрада!
Зачем? — Для ужасов войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть их предметом;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда — что пользы в этом?..
Лишь я хотел увидеть кровь
И вижу... и приход мгновенья,
Когда усну без сновиденья.
Никто — я сам тому виной...
Я гибну! Первою звездой
Нам возвестит судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мне руку:
Я виноват перед тобой...
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родных, ни крова,
И даже — на груди другого
Не будешь счастлива опять:
Кто может дважды счастье знать?

Мой друг! к чему твои лобзанья
Теперь столь полные огня?
Они не оживят меня
И увеличат лишь страданья,
Напомнив, как я счастлив был;
О, если б, если б я забыл,
Что в мире есть воспоминанья!
Я чувствую, к груди моей
Всё ближе, ближе смертный холод.
О, кто б подумал, как я молод!
Как много я провел бы дней
С тобою, в тишине глубокой,
Под тенью пальм береговых,
Когда б сегодня рок жестокой
Не обманул надежд моих!..
Еще в стране моей родимой
Гадатель мудрый, всеми чтимый,

Мне предсказал, что час придет —
И громкий подвиг совершу я,
И глас молвы произнесет
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тут, как арфы дальней звон,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабел приметно он...

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крепко обнимала,
Забыв, что у нее уж нет
Чудесной власти прежних лет;
Что поцелуй ее бессильный,
Ничтожный, как ничтожный звук,
Не озаряет тьмы могильной,
Не облегчит последних мук.
Меж тем на своде отдаленном
Одна алмазная звезда
Явилась в блеске неизменном,
Чиста, прекрасна как всегда,
И мнилось: луч ее не знает,
Что́ на земле он озаряет:
Так он игриво нисходил
На жертву тленья и могил.
И Зораим хотел напрасно
Последним ласкам отвечать;
Всё, всё, что может он сказать, —
Уныло, мрачно, но не страстно!
Уж пламень слез ее не жжет
Ланиты, хладные как лед,
Уж тихо каплет кровь из раны;
И с криком, точно дух ночной,
Над ослабевшей головой
Летает коршун, гость незваный.
И грустно юноша взглянул
На отдаленное светило,
Взглянул он в очи деве милой,
Привстал — и вздрогнул — и вздохнул. —
И умер. С синими губами
И с побелевшими глазами,

Лик — прежде нежный — был страшней
Всего, что страшно для людей.

Чья тень прозрачной мглой одета,
Как заблудившийся луч света,
С земли возносится туда,
Где блещет первая звезда?
Венец играет серебристый
Над тихим, радостным челом,
И долго виден след огнистый
За нею в сумраке ночном...
То ангел смерти, смертью тленной
От уз земных освобожденный!..
Он тело девы бросил в прах:
Его отчизна в небесах.
Там всё, что он любил земного,
Он встретит и полюбит снова!..

Всё тот же он, и власть его
Не изменилась ничего;
Прошло печали в нем волненье,
Как улетает призрак сна,
И только хладное презренье
К земле оставила она:
За гибель *друга* в нем осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть к другим, казалось,
Была любовию *к нему,*
Всё тот же он — и бесконечность,
Как мысль, он может пролетать
И может взором измерять
Лета, века и даже вечность.
Но ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;
Людей узнал он: «Состраданья
Они не могут заслужить;
Не награжденье — наказанье
Последний миг их должен быть.
Они коварны и жестоки,
Их добродетели — пороки,

И жизнь им в тягость с юных лет...» —
Так думал он — зачем же нет?..

Его неизбежимой встречи
Боится каждый с этих пор;
Как меч — его пронзает взор;
Его приветственные речи
Тревожат нас, как злой укор,
И льда хладней его объятье,
И поцелуй его — проклятье!..

4 сентября 1831

ИСПОВЕДЬ

1

День гас; в наряде голубом,
Крутясь, бежал Гвадалкивир,
И не заботяся о том,
Что есть под ним какой-то мир,
Для счастья чуждый, полный злом,
Светило южное текло,
Беспечно, пышно и светло;
Но в монастырскую тюрьму
Игривый луч не проникал;
Какую б радость одному
Туда принес он, если б знал;
Главу склоня, в темнице той
Сидел отшельник молодой,
Испанец родом и душой;
Таков был рок! — зачем, за что,
Не знал и знать не мог никто;
Но в преступленьи обвинен,
Он оправданья не искал;
Он знал людей и знал закон...
И ничего от них не ждал.
Но вот по лестнице крутой
Звучат шаги, открылась дверь,
И старец дряхлый и седой
Взошел в тюрьму, — зачем теперь,
Что сожаленья и привет
Тому, кто гибнет в цвете лет?

⟨2⟩

«Ты здесь опять! напрасный труд!..
Не говори, что божий суд
Определяет мне конец.
Всё люди, люди, мой отец...
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжит их бытия,
И дни грядущие мои
Им не присвоить — и в крови,
Неправой казнью пролитой,
В крови безумца молодой,
Согреть им вновь не суждено
Сердца, увядшие давно;
И гроб без камня и креста,
Как жизнь их ни была свята,
Не будет слабым их ногам
Ступенью новой к небесам.
И тень невинного, поверь,
Не отопрет им рая дверь.
Меня могила не страшит.
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться мне;
Я молод, молод, — знал ли ты,
Что значит молодость, мечты?
Или не знал — или забыл,
Как ненавидел и любил,
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой!
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл — ты слеп, ты сед
И от желаний ты отвык;
Что за нужда? — ты жил, старик;
Тебе есть в мире что забыть!
Ты жил! я также мог бы жить!

3

Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел — благодарю;
Не понимаю: что была
У них за мысль? мои дела
И без меня ты должен знать —
А душу можно ль рассказать?
И если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты, верно, не прочел бы в ней,
Что я преступник иль злодей.
Пусть монастырский ваш закон
Рукою неба утвержден;
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой;
Он оправдал меня — один
Он сердца полный властелин;
И тайну страшную мою
Я неизменно сохраню,
Пока земля в урочный час
Как двух друзей не примет нас.
Доселе жизнь была мне плен
Среди угрюмых этих стен,
Где детства ясные года
Я проводил; бог весть куда!
Как сон, без радости и бед,
Промчались тени лучших лет,
И воскресить те дни едва ль
Желал бы я — а всё их жаль!
Зачем, молчание храня,
Так грозно смотришь на меня?
Я волен... я не брат живых.
Судей бесчувственных моих
Не проклинаю... но, старик,
Я признаюся, мой язык
Не станет их благодарить
За то, что прежде, может быть,
Чем луч зари на той стене
Погаснет в мирной тишине,
Я, свежий, пылкий, молодой,
Который здесь перед тобой

Живу, как жил тому пять лет,
Весь превращуся в слово «нет»!
И прах, лишенный бытия,
Уж будет прах один — не я!

4

И мог ли я во цвете лет,
Как вы, душой оставить свет
И жить, не ведая страстей,
Под солнцем родины моей?
Ты позабыл, что седина
Меж этих кудрей не видна,
Что пламень в сердце молодом
Не остудить мольбой, постом!
Когда над бездною морской
Свирепой бури слышен вой
И гром гремит по небесам,
Вели не трогаться волнам
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!..
Да если б черный сей наряд
Не допускал до сердца яд,
Тогда я был бы виноват;
Но под одеждой власяной
Я человек, как и другой!
И ты, бесчувственный старик,
Когда б ее небесный лик
Тебе явился хоть во сне,
Ты позавидовал бы мне
И в исступленьи, может быть,
Решился б также согрешить,
Отвергнув всё — закон и честь,
Ты был бы счастлив перенесть
За слово, ласку или взор
Мое страданье, мой позор!..

5

Я о спасеньи не молюсь,
Небес и ада не боюсь;
Пусть вечно мучусь: не беда!

Ведь с ней не встречусь никогда!
Разлуки первый, грозный час
Стал веком, вечностью для нас!
И если б рай передо мной
Открыт был властью неземной,
Клянусь, я, прежде чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там, среди святых,
Погибший рай надежд моих?
Нет, перестань, не возражай...
Что без нее земля и рай?
Пустые звонкие слова,
Блестящий храм без божества!
Увы! отдай ты мне назад
Ее улыбку, милый взгляд,
Отдай мне свежие уста
И голос сладкий, как мечта...
Один лишь слабый звук отдай...
О! старец! что такое рай?..

6

Смотри, в сырой тюрьме моей
Не видно солнечных лучей;
Но раз на мрачное окно
Упал один — давным-давно;
И с этих пор между камней,
Ничтожный след веселых дней,
Забыт, как узник, одинок
Растет бледнеющий цветок;
Но вовсе он не расцветет
И где родился — там умрет;
И не сходна ль, отец святой,
Его судьба с моей судьбой?
Знай, может быть, ее уж нет...
И вот последний мой ответ:
Поди, беги, зови скорей
Окровавленных палачей:
Судить и медлить вам на что?
Она не тут — и всё ничто!
Прощай, старик; вот казни час:
За них молись... в последний раз

Тебе клянусь перед творцом,
Что не виновен я ни в чем.
Скажи, что умер я как мог,
Без угрызений и тревог,
Что с тайной гибельной моей
Я не расстался для людей...
Забудь, что жил я... что любил
Гораздо более, чем жил!
Кого любил? Отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной;
За жизнь, за мир, за вечность вам
Я тайны этой не продам!»

. . . .
. . . .

7

...И он погиб, — и погребен.
И в эту ночь могильный звон
Был степи ветром принесен
К стенам обители другой,
Объятой сонной тишиной,
И в храм высокий он проник...
Там, где сиял мадонны лик
В дыму трепещущих лампад,
Как призраки стояли в ряд
Двенадцать дев, которых свет
Причел к умершим с давних лет;
Неслась мольба их к небесам,
И отвечал старинный храм
Их песни мирной и святой,
И пели все, кроме одной.
Как херувим, она была
Обворожительно мила.
В ее лице никто б не мог
Открыть печали и тревог.
Но что такое женский взгляд?
В глазах был рай, а в сердце ад!
Прилежным ухом у окна
Шум ветра слушала она,
Как будто должен был принесть
Он речь любви иль смерти весть!..

Когда ж унылый звон проник
В обширный храм — то слабый крик
Раздался, пролетел и вмиг
Утих. Но тот, кто услыхал,
Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой!..
Любовь и жизнь он взял с собой.

Вторая половина 1831

МОРЯК

Отрывок

> O'er the glad waters of the dark blue sea,
> Our thoughts as boundless, and our souls as free,
> Far as the breeze can bear, the billows foam,
> Survey our empire, and behold our home.
>
> *«The Corsair». L. Byron*[1]

В семье безвестной я родился
Под небом северной страны,
И рано, рано приучился
Смирять усилия волны!
О детстве говорить не стану.
Я подарен был океану,
Как лишний в мире, в те года
Беспечной смелости, когда
Нам всё равно — земля иль море,
Родимый или чуждый дом;
Когда без радости поём,
И, как раба, мы топчем горе,

---

[1] Над радостными волнами синего моря
Наши мысли так же безграничны, а души так же свободны, как оно;
Куда бы ни занес нас ветер и где бы ни пенились волны —
Там наши владения, там наша родина.
«Корсар». Лорд Байрон (англ.). — *Ред.*

Когда мы ради всё отдать,
Чтоб вольным воздухом дышать.

Я волен был в моей темнице,
В полуживой тюрьме моей;
Я всё имел, что надо птице:
Гнездо на мачте меж снастей!
Как я могущ себе казался,
Когда на воздухе качался,
Держась упругою рукой
За парус иль канат сырой;
Я был меж небом и волнами,
На облака и вниз глядел,
И не смущался, не робел,
И, всё окинувши очами,
Я мчался выше — о! тогда
Я счастлив был, да, счастлив, да!

Найдите счастье мне другое!
Родными был оставлен я;
Мой кров стал — небо голубое,
Корабль стал — родина моя:
Я с ним тогда не расставался,
Я, как цепей, земли боялся;
Не ведал счету я друзьям:
Они всегда теснились к нам,
Катились следом, забегали,
Шумя, толкаяся, вперед,
И нам нестись по лону вод,
Казалось, запретить желали;
Но это шутка лишь была,
Они не делали нам зла.

Я их угадывал движенья,
Я понимал их разговор,
Живой и полный выраженья;
В нем были ласки и укор,
И был звучней тот звук чудесный,
Чем ветра вой и шум древесный!
И каждый вечер предо мной
Они в одежде парчевой,
Как люди, гордые являлись;

Обворожен, я начал им
Молиться, как богам морским,
И чувства прежние умчались
С непостижимой быстротой
Пред этой новою мечтой!..
Мир обольстительный и странный,
Мир небывалый, но живой,
Блестящий вместе и туманный,
Тогда открылся предо мной;
Всё оживилось: без значенья
Меж тучек не было движенья,
И в море каждая волна
Была душой одарена;
Безумны были эти лета!
Но что ж? ужели был смешней
Я тех неопытных людей,
Которые, в пустыне света
Блуждая, думают найти
Любовь и душу на пути?

Все чувства тайной мукой полны;
И всякий плакал, кто любил:
Любил ли он морские волны
Иль сердце женщинам дарил!
Покрывшись пеною рядами,
Как серебром и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слуг окружена;
Так точно дева молодая
Идет, гордясь, между рабов,
Их скромных просьб, их нежных слов
Не слушая, не понимая!
Но вянут девы в тишине,
А волны, волны всё одне.

Я обожатель их свободы!
Как я в душе любил всегда
Их бесконечные походы
Бог весть откуда и куда;
И в час заката молчаливый
Их раззолоченные гривы,
И бесполезный этот шум,

И эту жизнь без дел и дум,
Без родины и без могилы,
Без наслажденья и без мук;
Однообразный этот звук,
И, наконец, все эти силы,
Употребленные на то,
Чтоб малость обращать в ничто!

Как я люблю их дерзкий шепот
Перед летучим кораблем;
Их дикий плеск, упрямый ропот,
Когда утес, склонясь челом,
Все их усилья презирает,
Не им грозит, не им внимает;
Люблю их рев, и тишину,
И эту вечную войну
С другой стихией, с облаками,
С дождем и вихрем! Сколько раз
На корабле, в опасный час,
Когда летала смерть над нами,
Я в ужасе творца молил,
Чтоб океан мой победил!

1832

ИЗМАИЛ-БЕЙ

Восточная повесть

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в песнопенье
Тоску, развалину страстей.
Так, посреди чужих степей,
Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Сидит на дереве сухом,
Блестя лазоревым крылом;
Пускай ревет, бушует вьюга. . .
Она поет лишь об одном,
Она поет о солнце юга! . .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

So moved on earth Circassia's
daughter,
The loveliest bird of Franguestan!

«The Giaour». Byron[1]

1

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.

---

[1] Так шествовала по земле дочь Черкесии,
Прелестнейшая птица Франгистана!
«Гяур». Байрон (англ.). — *Ред.*

И долго мне мечталось с этих пор
Всё небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синея, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся, как тени,
Как над главой огромных привидений
Колеблемые перья, — и луна
По синим сводам странствует одна.

2

Как я любил, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, громких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и поток
Озолотится, и степной цветок,
Душистую головку поднимая,
Блистает, как цветы небес и рая...
В вечерний час дождливых облаков
Я наблюдал разодранный покров;
Лиловые, с багряными краями,
Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних дней,
Растет в минуту; но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье!
Так прерывает резкий звук цепей
Преступного страдальца сновиденье,
Когда он зрит холмы своих полей...
Меж тем белей, чем горы снеговые,
Идут на запад облака другие
И, проводивши день, теснятся в ряд,
Друг через друга светлые глядят
Так весело, так пышно и беспечно,
Как будто жить и нравиться им вечно!..

3

И дики тех ущелий племена,
Им бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

4

Темны преданья их. Старик чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
Хвалил людей минувшего он века,
Водил меня под камень Росламбека,
Повисший над извилистым путем,
Как будто бы удержанный аллою
На воздухе в падении своем,
Он весь оброс зеленою травою;
И не боясь, что камень упадет,
В его тени, храним от непогод,
Пленительней, чем голубые очи
У нежных дев ледяной полуночи,
Склоняясь в жар на длинный стебелек,
Растет воспоминания цветок!..
И под столетней мшистою скалою
Сидел чечен однажды предо мною;
Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей поник...
Быть может, он о родине молился!
И, странник чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скал:
Я их в тот час почти не различал!

5

Его рассказ, то буйный, то печальный,
Я вздумал перенесть на север дальный:
Пусть будет странен в нашем он краю,
Как слышал, так его передаю!
Я не хочу, не знаемый толпою,
Чтобы как тайна он погиб со мною;
Пускай ему не внемлют, до конца
Я доскажу! Кто с гордою душою
Родился, тот не требует венца;
Любовь и песни — вот вся жизнь певца;
Без них она пуста, бедна, уныла,
Как небеса без туч и без светила!..

6

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится,[1]
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
Красою чудной за горами
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых,
Весельем песни их дышали!
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

7

Не всё судьба голубит нас —
Всему свой день, всему свой час.
Однажды — солнце закатилось,
Туман белел уж под горой,

[1] Две главные горы.

Но в эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрыпели,
Трепеща, жены близ мужей
Держали плачущих детей,
Отцы их, бурками одеты,
Садились молча на коней,
И заряжали пистолеты,
И на костре высоком жгли,
Что взять с собою не могли!
Когда же день новорожденный
Заветный озарил курган
И мокрый утренний туман
Рассеял ветер пробужденный,
Он обнажил подошвы гор,
Пустой аул, пустое поле,
Едва дымящийся костер
И свежий след колес — не боле.

8

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что всё громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть.
Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть — кинжал двойной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степей
Их удалить: позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,

Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя.
«В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы», —
Так думал каждый; и Бешту
Теперь их мысли понимает,
На русских злобно он взирает
Иль облаками одевает
Вершин кудрявых красоту.

9

Меж тем летят за годом годы,
Готовят мщение народы,
И пятый год уж настает,
А кровь джяуров не течет.
В необитаемой пустыне
Черкес бродящий отдохнул,
Построен новый был аул
(Его следов не видно ныне).
Старик и воин молодой
Кипят отвагой и враждой.
Уж Росламбек с брегов Кубани
Князей союзных поджидал;
Лезгинец, слыша голос брани,
Готовит стрелы и кинжал;
Скопилась месть их роковая
В тиши над дремлющим врагом, —
Так летом глыба снеговая,
Цветами радуги блистая,
Висит, прохладу обещая,
Над беззаботным табуном...

10

В тот самый год, осенним днем,
Между Железной и Змеиной, [1]
Где чуть приметный путь лежал,

[1] Две горы, находящиеся рядом с Бешту.

Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.
Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.

11

Еще небесное светило
Росистый луг не обсушило.
Со скал гранитных над путем
Склонился дикий виноградник,
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
Но вот остановился он.
Как новой мыслью поражен,
Смущенный взгляд кругом обводит,
Чего-то, мнится, не находит;
То пустит он коня стремглав,
То остановит и, привстав
На стремена, дрожит, пылает.
Всё пусто! Он с коня слезает,
К земле сырой главу склоняет
И слышит только шелест трав.
Всё одичало, онемело.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли белой
За близкий топот табуна
Тогда он мир бы отдал целый!..

12

Кто ж этот путник? русский? нет.
На нем чекмень, простой бешмет,
Чело под шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолет
Блестят насечкой небогатой;

И перетянут он ремнем,
И шашка чуть звенит на нем;
Ружье, мотаясь за плечами,
Белеет в шерстяном чехле;
И как же горца на седле
Не различить мне с казаками?
Я не ошибся — он черкес!
Но смуглый цвет почти исчез
С его ланит; снега и вьюга
И холод северных небес,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно всё, что он черкес!
Густые брови, взгляд орлиный,
Ресницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнул он обряд чужбины,
Не сбрил бородки и усов,
И блещет белый ряд зубов,
Как брызги пены у брегов;
Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил...
Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душной заражен!
Старик для чувств и наслажденья,
Без седины между волос,
Зачем в страну, где всё так живо,
Так неспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?..

13

Как наши юноши, он молод,
И хладен блеск его очей.
Поверхность темную морей
Так покрывает ранний холод
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
В очах навеки догорев,
Таятся, как в пещере лев,

Глубоко в сердце; но их власти
Оно никак не избежит.
Пусть будет это сердце камень —
Их пробужденный адский пламень
И камень углем раскалит!

14

И всё прошедшее явилось,
Как тень умершего, ему;
Всё с этих пор переменилось,
Бог весть и как и почему!
Он в поле выехал пустое,
Вдруг слышит выстрел — что такое?
Как будто на смех, звук один,
Жилец ущелий и стремнин,
Трикраты отзыв повторяет.
Кинжал свой путник вынимает,
И вот, с винтовкой без штыка,
В кустах он видит казака;
Пред ним фазан окровавленный,
Росою с листьев окропленный,
Блистая радужным хвостом,
Лежал в траве, пробит свинцом.
И ближе путник подъезжает
И чистым русским языком:
«Казак, скажи мне, — вопрошает, —
Давно ли пусто здесь кругом?»
— «С тех пор, как русских устрашился
Неустрашимый твой народ!
В чужих горах от нас он скрылся.
Тому сегодня пятый год».

15

Казак умолк, но что с тобою,
Черкес? зачем твоя рука
Подъята с шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказанье...

В крови, без чувства, без дыханья
Лежит насмешливый казак.
Черкес глядит на лик холодный,
В нем пробудился дух природный —
Он пощадить не мог никак,
Он удержать не мог удара.
Как в тучах зарево пожара,
Как лава Этны по полям,
Больной румянец по щекам
Его разлился; и блистали
Как лезвеё кровавой стали
Глаза его, и в этот миг
Душа и ад — всё было в них.
Оборотясь, с улыбкой злобной
Черкес на север кинул взгляд;
Ничто, ничто смертельный яд
Перед улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь,
Хотел он и не мог вздохнуть,
Холодный пот с чела крутого
Катился, — но из уст ни слова!

16

И вдруг очнулся он, вздрогну́л,
К луке припал, коня толкнул.
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.
Чрез камни конь его несет,
Он не глядит и не боится;
Так быстро скачет только тот,
За кем раскаяние мчится!..

17

Куда черкес направил путь?
Где отдохнет младая грудь
И усмирится дум волненье?
Черкес не хочет отдохнуть —
Ужели отдыхает мщенье?

Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел —
Всё уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей,
Векам грядущим в поученье,
Он не воздвигнет мавзолей
И так отмстит за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю вас, — он шепчет, — знаю,
И вы узнаете меня;
Давно уж вас я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!»
Он бьет и дергает коня,
И конь летит, как ветер степи;
Надулись ноздри, блещет взор,
И уж в виду зубчаты цепи
Кремнистых бесконечных гор,
И Шат подъемлется за ними
С двумя главами снеговыми,
И путник мнит: «Недалеко,
В час прискачу я к ним легко!»

18

Пред ним, с оттенкой голубою,
Полувоздушною стеною
Нагие тянутся хребты;
Неверны, странны как мечты,
То разойдутся — то сольются...
Уж час прошел, и двух уж нет!
Они над путником смеются,
Они едва меняют цвет!
Бледнеет путник от досады,
Конь непривычный устает;
Уж солнце к западу идет,
И больше в воздухе прохлады,
А всё пустынные громады,
Хотя и выше и темней,
Еще загадка для очей.

19

Но вот его, подобно туче,
Встречает крайняя гора;
Пестрей восточного ковра
Холмы кругом, всё выше, круче;
Покрытый пеной до ушей,
Здесь начал конь дышать вольней.
И детских лет воспоминанья
Перед черкесом пронеслись,
В груди проснулися желанья,
Во взорах слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И дум неотразимых бремя
От сердца, мнилось, отлегло;
Он поднял светлое чело,
Смотрел и внутренно гордился,
Что он черкес, что здесь родился!
Меж скал незыблемых один,
Забыл он жизни скоротечность,
Он, в мыслях мира властелин,
Присвоить бы желал их вечность.
Забыл он всё, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнанья
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!..

20

Краснеют сизые вершины,
Лучом зари освещены;
Давно расселины темны;
Катясь чрез узкие долины,
Туманы сонные легли,
И только топот лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погас, бледнея, день осенний;
Свернув душистые листы,
Вкушают сон без сновидений
Полузавядшие цветы;
И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,

Играет, нежится лениво,
И серебрится чешуя
Над перегибистой спиною, —
Так сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты после бою
Они на поле роковом),
В кустах найденная луною,
Блистает в сумраке ночном.

21

Уж поздно, путник одинокой
Оделся буркою широкой.
За дубом низким и густым
Дорога скрылась, ветер дует;
Конь спотыкается под ним,
Храпит, как будто гибель чует,
И встал!.. Дивится, слез седок
И видит пропасть пред собою,
А там, на дне ее, поток
Во мраке бешеной волною
Шумит. (Слыхал я этот шум,
В пустыне ветром разнесенный,
И много пробуждал он дум
В груди, тоской опустошенной.)
В недоуменьи над скалой
Остался странник утомленный;
Вдруг видит он, в дали пустой
Трепещет огонек, и снова
Садится на коня лихого;
И через силу скачет конь
Туда, где светится огонь.

22

Не дух коварства и обмана
Манил трепещущим огнем,
Не очи злобного шайтана
Светилися в ущелье том —
Две сакли белые, простые

Таятся мирно за холмом,
Чернеют крыши земляные,
С краев ряды травы густой
Висят зеленой бахромой,
А ветер осени сырой
Поет им песни неземные;
Широкий окружает двор
Из кольев и ветвей забор,
Уже нагнутый, обветшалый;
Всё в мертвый сон погружено —
Одно лишь светится окно!..
Заржал черкеса конь усталый,
Ударил о землю ногой,
И отвечал ему другой...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет — великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает.
«Кто здесь?» — «Я странник!» — был ответ.
И больше спрашивать не хочет,
Обычай прадедов храня,
Хозяин скромный. Вкруг коня
Он сам заботится, хлопочет,
Он сам снимает весь прибор
И сам ведет его на двор.

23

Меж тем приветно в сакле дымной
Приезжий встречен стариком;
Сажая гостя пред огнем,
Он руку жмет гостеприимно.
Блистает по стенам кругом
Богатство горца: ружья, стрелы,
Кинжалы с набожным стихом,
В углу башлык убийцы белый
И плеть меж буркой и седлом.
Они заводят речь — о воле,
О прежних днях, о бранном поле;
Кипит, кипит беседа их,
И носятся в мечтах живых
Они к грядущему, к былому;

Проходит неприметно час —
Они сидят! и в первый раз,
Внимая странника рассказ,
Старик дивится молодому.

24

Он сам лезгинец; уж давно
(Так было небом суждено)
Не зрел отечества. Три сына
И дочь младая с ним живут.
При них молчит еще кручина,
И бедный мил ему приют.
Когда горят ночные звезды,
Тогда пускаются в разъезды
Его лихие сыновья:
Живет добычей вся семья!
Они повсюду страх приносят:
Украсть, отнять — им всё равно;
Чихирь и мед кинжалом просят
И пулей платят за пшено,
Из табуна ли, из станицы
Любого уведут коня;
Они боятся только дня,
И их владеньям нет границы!
Сегодня дома лишь один
Его любимый старший сын.
Но слов хозяина не слышит
Пришелец! он почти не дышит,
Остановился быстрый взор,
Как в миг паденья метеор:
Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая!

25

И кто б, ее увидев, молвил: нет!
Кто прелести небес иль даже след
Небесного, рассеянный лучами
В улыбке уст, в движеньи черных глаз,

Всё, что так дружно с первыми мечтами,
Всё, что встречаем в жизни только раз,
Не отличит от красоты ничтожной,
От красоты земной, нередко ложной?
И кто, кто скажет, совесть заглуша:
Прелестный лик, но хладная душа!
Когда он вдруг увидит пред собою
То, что сперва почел бы он душою,
Освобожденной от земных цепей,
Слетевшей в мир, чтоб утешать людей!
Пусть, подойдя, лезгинку он узнает:
В ее чертах земная жизнь играет,
Восточная видна в ланитах кровь;
Но только удалился образ милый —
Он станет сомневаться в том, что было,
И заблужденью он поверит вновь!

26

Нежна — как пери молодая,
Создание земли и рая,
Мила — как нам в краю чужом
Меж звуков языка чужого
Знакомый звук, родных два слова!
Так утешительно мила,
Как древле узнику была
На сумрачном окне темницы
Простая песня вольной птицы,
Стояла Зара у огня!
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
В ее наряде простота —
Но также вкус! Ее головка
Платком прилежно обвита;
Из-под него до груди нежной
Две косы темные небрежно
Бегут; уж, верно, час она
Их расплетала, заплетала!
Она понравиться желала:
Как в этом женщина видна!

27

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиренный ужин пред отцом
И улыбнулась; и потом
Уйти хотела; и не знала,
Идти ли? Грудь ее порой
Покров приметно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажет путник молодой.
Но он молчит, блуждают взоры:
Их привлекает лезвеё
Кинжала, ратные уборы;
Но взгляд последний на нее
Был устремлен! смутилась дева,
Но, не боясь отцова гнева,
Она осталась, — и опять
Решилась путнику внимать...
И что-то ум его тревожит;
Своих неконченых речей
Он оторвать от уст не может,
Смеется — но больших очей
Давно не обращает к ней;
Смеется, шутит он, — но хладный,
Печальный смех нейдет к нему.
Замолкнет он — ей вновь досадно,
Сама не знает почему.
Черкес ловил сначала жадно
Движенье глаз ее живых;
И наконец остановились
Глаза, которые резвились,
Ответа ждут, к нему склонились,
А он забыл, забыл о них!
Довольно! этого удара
Вторично дева не снесет:
Ему мешает, видно, Зара?
Она уйдет! Она уйдет!..

28

Кто много странствовал по свету,
Кто наблюдать его привык,
Кто затвердил страстей примету,
Кому известен их язык,
Кто рано брошен был судьбою
Меж образованных людей
И, как они, с своей рукою
Не отдавал души своей, —
Тот пылкой женщины пристрастье
Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать;
Коль обласкает — так ошибкой!
Притворством вечным утомлен,
Уж и себе не верит он;
Душе высокой не довольно
Остатков юности своей.
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нет пищи в ней.
Такие люди в жизни светской
Почти всегда причина зла,
Какой-то робостию детской
Их отзываются дела:
И обольстить они не смеют
И вовсе кинуть не умеют!
И часто думают они,
Что их излечит край далекий,
Пустыня, вид горы высокой
Иль тень долины одинокой,
Где юности промчались дни;
Но ожиданье их напрасно:
Душе всё внешнее подвластно!

29

Уж милой Зары в сакле нет.
Черкес глядит ей долго вслед
И мыслит: «Нежное созданье!

Едва из детских вышла лет,
А есть уж слезы и желанья!
Бессильный, светлый луч зари,
На темной туче не гори:
На ней твой блеск лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится!

30

Еще не знаешь ты, кто я.
Утешься! Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.
Я б мог нежнейшею любовью
Тебя любить; но над тобой
Хранитель, верно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли греть моим объятьям?
Тебя ли станут целовать
Уста, привыкшие к проклятьям?»
. . . .

31

Пора! Яснеет уж восток,
Черкес проснулся, в путь готовый.
На пепелище огонек
Еще синел. Старик суровый
Его раздул, пшено сварил,
Сказал, где лучшая дорога,
И сам до ветхого порога
Радушно гостя проводил.
И странник медленно выходит,
Печалью тайной угнетен;
О юной деве мыслит он...
И кто ж коня ему подводит?

32

Уныло Зара перед ним
Коня походного держала
И тихим голосом своим,
Подняв глаза к нему, сказала:
«Твой конь готов! моей рукой
Надета бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блестит кубанская насечка,
И бурку черную ремнем
Я привязала за седлом;
Мне это дело ведь не ново;
Любезный странник, всё готово!
Твой конь прекрасен; не страшна
Ему утесов крутизна,
Хоть вырос он в краю далеком;
В нем дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Как камень, сглаженный потоком;
Как уголь, взор его блестит,
Лишь наклонись — он полетит;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя он, путник, спас
От вражей шашки и кинжала
В степи глухой, в недобрый час!

33

Но погоди в стальное стремя
Ступать поспешною ногой;
Послушай, странник молодой,
Как знать? быть может, будет время,
И ты на милой стороне
Случайно вспомнишь обо мне;
И если чаша пированья
Кипит, блестит в руке твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони от сердца поскорей;
Но если эта мысль родится,
Но если образ мой приснится

Тебе в страдальческую ночь, —
Услышь, услышь мое моленье!
Не презирай то сновиденье,
Не отгоняй те мысли прочь!

34

Приют наш мал, зато спокоен;
Его не тронет русский воин, —
И что им взять? — пять-шесть коней
Да наши грубые одежды?
Поверь ты скромности моей,
Откройся мне: куда надежды
Тебя коварные влекут?
Чего искать? — останься тут,
Останься с нами, добрый странник!
Я вижу ясно — ты изгнанник,
Ты от земли своей отвык,
Ты позабыл ее язык.
Зачем спешишь к родному краю,
И что там ждет тебя? — не знаю.
Пусть мой отец твердит порой,
Что без малейшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны:
По мне, отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам!

35

Еще туман белеет в поле,
Опасен ранний хлад вершин...
Хоть день один, хоть час один,
Послушай, час один, не боле,
Пробудь, жестокий, близ меня!
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжет,
Он отдохнет, напьется, ляжет,
А ты у сакли здесь, в тени,
Главу мне на руку склони;
Твоих речей услышать звуки
Еще желала б я хоть раз:

Не удержу ведь счастья час,
Не прогоню ведь час разлуки? . .»
И Зара с трепетом в ответ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нет,
Слеза с ресниц упасть готова;
Увы! молчание храня,
Садится путник на коня.
Уж ехать он приготовлялся,
Но обернулся — испугался,
И, состраданьем увлечен,
Хотел ее утешить он:

36

«Не обвиняй меня так строго!
Скажи, чего ты хочешь? — слез?
Я их имел когда-то много:
Их мир из зависти унес!
Но не решусь судьбы мятежной
Я разделять с душою нежной;
Свободный, раб иль властелин,
Пускай погибну я один.
Всё, что меня хоть малость любит,
За мною вслед увлечено;
Мое дыханье радость губит,
Щадить — мне власти не дано!
И не простого человека
(Хотя в одежде я простой),
Утешься! Зара! пред собой
Ты видишь брата Росламбека!
Я в жертву счастье должен принести...
О! не жалей о том! — прости, прости! . .»

37

Сказал, махнул рукой, и звук подков
Раздался, в отдаленьи умирая.
Едва дыша, без слез, без дум, без слов
Она стоит, бесчувственно внимая,
Как будто этот дальний звук подков
Всю будущность ее унес с собою.

О Зара, Зара! краткою мечтою
Ты дорожила; где ж твоя мечта?
Как очи полны, как душа пуста!
Одно мгновенье тяжелей другого,
Всё, что прошло, ты оживляешь снова!..
По целым дням она глядит туда,
Где скрылася любви ее звезда,
Везде, везде она его находит:
В вечерних тучах милый образ бродит;
Услышав ночью топот, с ложа сна
Вскочив, дрожит и ждет его она,
И, постепенно ветром разносимый,
Всё ближе, ближе топот — и всё мимо!
Так метеор порой летит на нас,
И ждешь — и близок он — и вдруг погас!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

High minds, of native pride and force,
Most deeply feel thy pangs, Remorse!
Fear, for their scourge, mean villains have,
Thou art the torturer of the brave!

«Marmion». S. Walter-Scott.[1]

1

Шумит Аргуна мутною волной;
Она коры не знает ледяной,
Цепей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снегов родится,
И там, где даже серна не промчится,
Дитя природы, с детской простотой,
Она, резвясь, играет и катится!
Порою, как согну́тое стекло,
Меж длинных трав прозрачно и светло

[1] Высокие души, по природной гордости и силе,
Глубже всех чувствуют твои угрызения, Совесть!
Страх, словно бич, повелевает низкой чернью,
Ты же — истязатель смелого!
«Мармион». С. Вальтер-Скотт (англ.). — *Ред.*

По гладким камням в бездну ниспадая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вьется стая
Пугливых сизых вольных голубей...
Зеленым можжевельником покрыты,
Над мрачной бездной гробовые плиты
Висят и ждут, когда замолкнет вой,
Чтобы упасть и всё покрыть собой.
Напрасно ждут они! волна не дремлет.
Пусть темнота кругом ее объемлет,
Прорвет Аргуна землю где-нибудь
И снова полетит в далекий путь!

2

На берегу ее кипучих вод
Недавно новый изгнанный народ
Аул построил свой — и ждал мгновенье,
Когда свершить придуманное мщенье;
Черкес готовил дерзостный набег,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбек,
Склонялся перед русскими смиренно,
А между тем с отважною толпой
Станицы разорял во тьме ночной;
И, возвратясь в аул, на пир кровавый
Он пленников дрожащих приводил,
И уверял их в дружбе, и шутил,
И головы рубил им для забавы.

3

Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен;
Не должно только слишком завлекаться,
Пред ним гордиться или с ним равняться;
Не должно мыслей открывать своих
Иль спрашивать у подданных совета,
И забывать, что лучше гор златых
Иному ласка и слова привета!
Старайся первым быть везде, всегда;

Не забывайся, будь в пирах умерен,
Не трогай суеверий никогда
И сам с толпой умей быть суеверен;
Страшись сначала много успевать,
Страшись народ к победам приучать,
Чтоб в слабости своей он признавался,
Чтоб каждый миг в спасителе нуждался,
Чтоб он тебя не сравнивал ни с кем
И почитал нуждою — принужденья;
Умей отважно пользоваться всем
И не проси никак вознагражденья!
Народ — ребенок: он не хочет дать,
Не покушайся вырвать — но украдь!

4

У Росламбека брат когда-то был,
О нем жалеют шайки удалые:
Отцом в Россию послан Измаил,
И их надежду отняла Россия.
Четырнадцати лет оставил он
Края, где был воспитан и рожден,
Чтоб знать законы и права чужие!
Не под персидским шелковым ковром
Родился Измаил; не песнью нежной
Он усыплен был в сумраке ночном:
Его баюкал бури вой мятежный!
Когда он в первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза!
В пещере темной, где, гонимый братом,
Убийцею коварным, Бей-Булатом,
Его отец таился много лет,
Изгнанник новый, он увидел свет!

5

Как лишний меж людьми, своим рожденьем
Он душу не обрадовал ничью,
И, хоть невинный, начал жизнь свою,
Как многие кончают, — преступленьем.

Он материнской ласки не знавал:
Не у груди, под буркою согретый, —
Один провел младенческие леты;
И ветер колыбель его качал,
И месяц полуночи с ним играл!
Он вырос меж землей и небесами,
Не зная принужденья и забот;
Привык он тучи видеть под ногами,
А над собой один лазурный свод;
И лишь орлы да скалы величавы
С ним разделяли юные забавы.
Он для великих создан был страстей,
Он обладал пылающей душою,
И бури юга отразились в ней
Со всей своей ужасной красотою!..
Но к русским послан он своим отцом,
И с той поры известья нет об нем...

6

Горой от солнца заслоненный,
Приют изгнанников смиренный,
Между кизиловых дерев
Аул рассыпан над рекою;
Стоит отдельно каждый кров,
В тени под дымной пеленою.
Здесь в летний день, в полдневный жар,
Когда с камней восходит пар,
Толпа детей в траве играет,
Черкес усталый отдыхает;
Меж тем сидит его жена
С работой в сакле одиноко,
И песню грустную она
Поет о родине далекой:
И облака родных небес
В мечтаньях видит уж черкес!
Там луг душистей, день светлее!
Роса перловая свежее;
Там разноцветною дугой,
Развеселясь, нередко дивы
На тучах строят мост красивый,

Чтоб от одной скалы к другой
Пройти воздушною тропой;
Там в первый раз, еще несмелый,
На лук накладывал он стрелы...

7

Дни мчатся. Начался байран.
Везде веселье, ликованья;
Мулла оставил алкоран,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругом освещена;
Всю ночь над хладными скалами
Огни краснеют за огнями,
Как над земными облаками
Земные звезды; но луна,
Когда на землю взор наводит,
Себе соперниц не находит,
И, одинокая, она
По небесам в сияньи бродит!

8

Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден — он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.

9

ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

Много дев у нас в горах;
Ночь и звезды в их очах;
С ними жить завидна доля,
Но еще милее воля!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

Кто жениться захотел,
Тот худой избрал удел,
С русским в бой он не поскачет;
Отчего? — жена заплачет!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

Не изменит добрый конь:
С ним — и в воду и в огонь;
Он как вихрь в степи широкой,
С ним — всё близко, что далеко.
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

10

Откуда шум? Кто эти двое?
Толпа в молчаньи раздалась.
Нахмурив бровь, подходит князь,
И рядом с ним лицо чужое.
Три узденя за ними вслед.
«Велик Алла и Магомет! —
Воскликнул князь. — Сама могила
Покорна им! в стране чужой
Мой брат храним был их рукой:

Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами он возрос,
Но не признал он их святыни,
И в наши синие пустыни
Одну лишь ненависть принес!»

11

И по долине восклицанья
Восторга дикого гремят;
Благословляя час свиданья,
Вкруг Измаила стар и млад
Теснятся, шепчут; поднимая
На плечи маленьких ребят,
Их жены смуглые, зевая,
На князя нового глядят.
Где ж Росламбек, кумир народа?
Где тот, кем славится свобода?
Один, забыт, перед огнем,
Поодаль, с пасмурным челом,
Стоял он, жертва злой досады.
Давно ли привлекал он сам
Все помышления, все взгляды?
Давно ли по его следам
Вся эта чернь, шумя, бежала?
Давно ль, дивясь его делам,
Их мать ребенку повторяла?
И что же вышло? — Измаил,
Врагов отечества служитель,
Всю эту славу погубил
Своим приездом? — и властитель,
Вчерашний гордый полубог,
Вниманья черни бестолковой
К себе привлечь уже не мог!
Ей всё пленительно, что ново!
«Простынет!» — мыслит Росламбек.
Но если злобный человек
Узнал уж зависть, то не может
Совсем забыть ее никак;
Ее насмешливый призрак
И днем и ночью дух тревожит.

Рисунок М. Ю. Лермонтова

12

Война!.. Знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних рук
Пред алтарем погиб невинно...
Гремя, через Кавказ пустынный
Промчался клик: война! война!
И пробудились племена.
На смерть идут они охотно.
Умолк аул, где беззаботно
Недавно слушали певца;
Оружья звон, движенье стана:
Вот ныне песни молодца,
Вот удовольствия байрана!..
«Смотри, как всякий биться рад
За дело чести и свободы!..
Так точно было в наши годы,
Когда нас вел Ахмат-Булат!» —
С улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважных юношей полки;
Пора! кипят они досадой:
Что русских нет? — им крови надо!

13

Зима проходит; облака
Светлей летят по дальним сводам,
В реке глядятся мимоходом;
Но с гордым бешенством река,
Крутясь, как змей, не отвечает
Улыбке неба своего
И белых путников его
Меж тем упорно обгоняет.
И ровны, прямы, как стена,
По берегам темнеют горы;
Их крутизна, их вышина
Пленяют ум, пугают взоры.
К вершинам их прицеплена
Нагими красными корнями,
Кой-где кудрявая сосна

Стоит печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожит сердце: так порой
Властитель, полубог земной,
На пышном троне, окруженный
Льстецов толпою униженной,
Грустит о том, что одному
На свете равных нет ему!

14

Завоевателю преграда
Положена в долине той;
Из камней и дерев громада
Аргуну давит под собой.
К аулу нет пути иного;
И мыслят горцы: «Враг лихой!
Тебе могила уж готова!»
Но прямо враг идет на них,
И блеск орудий громовых
Далеко сквозь туман играет.
И Росламбек совет сзывает;
Он говорит: «В тиши ночной
Мы нападем на их отряды,
Как упадают водопады
В долину сонную весной...
Погибнут молча наши гости,
И их разбросанные кости,
Добыча вранов и волков,
Сгниют, лишенные гробов.
Меж тем с боязнию лукавой
Начнем о мире договор
И втайне местию кровавой
Омоем долгий наш позор».

15

Согласны все на подвиг ратный,
Но не согласен Измаил.
Взмахнул он шашкою булатной,

И шумно с места он вскочил;
Окинул вмиг летучим взглядом
Он узденей, сидевших рядом,
И, опустивши свой булат,
Так отвечает брату брат:
«Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!..»
И поединка ожидали
Меж братьев молча уздени;
Не смели тронуться они.
Он вышел — все еще молчали!..

16

Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан;
Тебя злой дух, гласит преданье,
Построил дерзостной рукой,
Чтоб хоть на миг свое изгнанье
Забыть меж небом и землей.
Здесь три столетья очарован,
Он тяжкой цепью был прикован,
Когда надменный с новых скал
Стрелой пророку угрожал.
Как буркой ельником покрыта,
Соседних гор она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохом, ни кустами
Не зарастает никогда;
Пестрея чудными следами,
Она ведет... бог весть куда?
Олень с ветвистыми рогами,

Между высокими цветами,
Одетый хмелем и плющом,
Лежит полуобъятый сном;
И вдруг знакомый лай он слышит
И чует близкого врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свежестью подышит,
Росу с могучих плеч стряхнет
И вдруг одним прыжком махнет
Через утес; и вот он мчится,
Тернов колючих не боится
И хмель коварный грудью рвет:
Но, вольный путь пересекая,
Пред ним тропинка роковая...
Никем не зримая рука
Царя лесов остановляет,
И он, как гибель ни близка,
Свой прежний путь не продолжает!..

17

Кто ж под ужасною горой
Зажег огонь сторожевой?
Треща, краснея и сверкая,
Кусты вокруг он озарил.
На камень голову склоняя,
Лежит поодаль Измаил:
Его приверженцы хотели
Идти за ним — но не посмели!

18

Вот что ему родной готовил край?
Сбылись мечты! увидел он свой рай,
Где мир так юн, природа так богата,
Но люди, люди... что природа им?
Едва успел обнять изгнанник брата,
Уж клевета и зависть — всё над ним!
Друзей улыбка, нежное свиданье,
За что б другой творца благодарил,

Всё то ему дается в наказанье;
Но для терпенья ль создан Измаил?
Бывают люди: чувства — им страданья;
Причуда злой судьбы — их бытие;
Чтоб самовластье показать свое,
Она порой кидает их меж нами;
Так древле в море кинул царь алмаз,
Но гордый камень в свой урочный час
Ему обратно отдан был волнами!
И детям рока места в мире нет;
Они его пугают жизнью новой,
Они блеснут — и сгладится их след,
Как в темной туче след стрелы громовой.
Толпа дивится часто их уму,
Но чаще обвиняет, потому
Что в море бед, как вихри их ни носят,
Они пособий от рабов не просят;
Хотят их превзойти в добре и зле,
И власти знак на гордом их челе.

19

«Бессмысленный! зачем отвергнул ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачем, когда так долго с ней сражался,
Своей судьбы ты детски испугался?
Всё прежнее, незнаемый молвой,
Ты б мог забыть близ Зары молодой,
Забыть людей близ ангела в пустыне,
Ты б мог любить, но не хотел! — и ныне
Картины счастья живо пред тобой
Проходят укоряющей толпой;
Ты жмешь ей руку, грудь ее <и> плечи
Целуешь в упоеньи; ласки, речи,
Исполненные счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образ милый,
Волшебный взор — всё пред тобой, как было
Еще недавно; все мечты твои
Так вероятны, что душа боится,
Не веря им, вторично ошибиться!
А чем ты это счастье заменил?» —

Перед огнем так думал Измаил.
Вдруг выстрел, два и много! — он вскочил
И слушает, но всё утихло снова.
И говорит он: «Это сон больного!»

20

Души волненьем утомлен,
Опять на землю князь ложится;
Трещит огонь, и дым клубится, —
И что же? — призрак видит он!
Перед огнем стоит спокоен,
На саблю опершись рукой,
В фуражке белой русский воин,
Печальный, бледный и худой.
Спросить хотелось Измаилу,
Зачем оставил он могилу!
И свет дрожащего огня,
Упав на смуглые ланиты,
Черкесу придал вид сердитый:
«Чего ты хочешь от меня?»
— «Гостеприимства и защиты! —
Пришлец бесстрашно отвечал, —
Свой путь в горах я потерял,
Черкесы вслед за мной спешили
И казаков моих убили,
И верный конь под мною пал!
Спасти, убить врага ночного
Равно ты можешь! не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!»
— «Ты прав; на честь мою надейся!
Вот мой огонь: садись и грейся».

21

Тиха, прозрачна ночь была,
Светила на небе блистали,
Луна за облаком спала,
Но люди ей не подражали.
Перед огнем враги сидят,

Хранят молчанье и не спят.
Черты пришельца возбуждали
У князя новые мечты,
Они ему напоминали
Давно знакомые черты;
То не игра воображенья.
Он должен разрешить сомненья...
И так пришельцу говорил
Нетерпеливый Измаил:
«Ты молод, вижу я! за славой
Привыкнув гнаться, ты забыл,
Что славы нет в войне кровавой
С необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?»

22

«Ты ошибаешься, черкес! —
С улыбкой русский отвечает. —
Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,
Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю,
Но одного я ненавижу!
Черкес он родом, не душой,
Ни в чем, ни в чем не схож с тобой!
Себе иль князю Измаилу
Клялся я здесь найти могилу...
К чему опять ты мрачный взор
Мохнатой шапкой закрываешь?

Твое молчанье мне укор;
Но выслушай, ты всё узнаешь...
И сам досадой запылаешь...

23

Ты знаешь, верно, что служил
В российском войске Измаил;
Но, образованный, меж нами
Родными бредил он полями,
И всё черкес в нем виден был.
В пирах и битвах отличался
Он перед всеми! томный взгляд
Восточной негой отзывался:
Для наших женщин он был яд!
Воспламенив их воображенье,
Повелевал он без труда,
И за проступок наслажденье
Не почитал он никогда;
Не знаю — было то презренье
К законам стороны чужой
Или испорченные чувства!..
Любовью женщин, их тоской
Он веселился как игрой;
Но избежать его искусства
Не удалося ни одной.

24

Черкес! видал я здесь прекрасных,
Свободы нежных дочерей,
Но не сравню их взоров страстных
С приветом северных очей.
Ты не любил! — ни слов опасных,
Ни уст волшебных не знавал:
Кудрями девы золотыми
Ты в упоеньи не играл,
Ты клятвам страсти не внимал,
И не был ты обманут ими!
Но я любил! Судьба меня

Блестящей радугой манила,
Невольно к бездне подводила...
И ждал я счáстливого дня!
Своей невестой дорогою
Я смел уж ангела назвать,
Невинным ласкам отвечать
И с райской девой забывать,
Что рая нет уж под луною.
И вдруг ударил страшный час,
Причина долголетней муки;
Призыв войны, отчизны глас,
Раздался вестником разлуки.
Как дым рассеялись мечты!
Тот день я буду помнить вечно...
Черкес! черкес! ни с кем, конечно,
Ни с кем не расставался ты!

25

В то время Измаил случайно
Невесту увидал мою,
И страстью запылал он тайно!
Меж тем как в дальном я краю
Искал в боях конца иль славы,
Сластолюбивый и лукавый,
Он сердце девы молодой
Опутал сетью роковой.
Как он умел слезой притворной
К себе доверенность вселять!
Насмешкой — скромность побеждать
И, побеждая, вид покорный
Хранить, иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать пред ней!
Он очертил волшебным кругом
Ее желанья; ведал он,
Что быть не мог ее супругом,
Что разделял их наш закон,
И обольщенная упала
На грудь убийцы своего!
Кроме любви, она не знала,
Она не знала ничего...

26

Но скоро скуку пресыщенья
Постиг виновный Измаил!
Таиться не было терпенья,
Когда погас минутный пыл.
Оставил жертву обольститель
И удалился в край родной,
Забыв, что есть на небе мститель,
А на земле еще другой!
Моя рука его отыщет
В толпе, в лесах, в степи пустой,
И казни грозной меч просвищет
Над непреклонной головой;
Пусть лик одежда изменяет:
Не взор — душа врага узнает!

27

Черкес, ты понял, вижу я,
Как справедлива месть моя!
Уж на устах твоих проклятья!
Ты, внемля, вздрагивал не раз. . .
О, если б мог пересказать я,
Изобразить ужасный час,
Когда прелестное созданье
Я в униженьи увидал
И безотчетное страданье
В глазах увядших прочитал!
Она рассудок потеряла;
Рядилась, пела <и> плясала
Иль, сидя молча у окна,
По целым дням, как бы не зная,
Что изменил он ей, вздыхая,
Ждала изменника она.
Вся жизнь погибшей девы милой
Остановилась на былом;
Ее безумье даже было
Любовь к нему и мысль об нем. . .
Какой душе не знал он цену! . .» —
И долго русский говорил
Про месть, про счастье, про измену:

Его не слушал Измаил.
Лишь знает он да бог единый,
Что под спокойною личиной
Тогда происходило в нем.
Стеснив дыханье, вверх лицом
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали от небес отрады)
Лежал он на земле сырой,
Как та земля, и мрачный и немой!

28

Видали ль вы, как хищные и злые
К оставленному трупу в тихий дол
Слетаются наследники земные —
Могильный ворон, коршун и орел?
Так есть мгновенья, краткие мгновенья,
Когда, столпясь, все адские мученья
Слетаются на сердце — и грызут!
Века печали стоят тех минут.
Лишь дунет вихрь — и сломится лилея,
Таков с душой кто слабою рожден,
Не вынесет минут подобных он;
Но мощный ум, крепясь и каменея,
Их превращает в пытку Прометея!
Не сгладит время их глубокий след:
Всё в мире есть — забвенья только нет!

29

Светает. Горы снеговые
На небосклоне голубом
Зубцы подъемлют золотые;
Слилися с утренним лучом
Края волнистого тумана,
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь перед зарей,
Бледнеет; тихо приподнялся,
Как перед смертию больной,
Угрюмый князь с земли сырой.

Казалось, вспомнить он старался
Рассказ ужасный и желал
Себя уверить он, что спал;
Желал бы счесть он всё мечтою...
И по челу провел рукою;
Но грусть — жестокий властелин!
С чела не сгладил он морщин.

30

Он встал, он хочет непременно
Пришельцу быть проводником.
Не зная думать что о нем,
Согласен юноша смущенный.
Идут они глухим путем,
Но их тревожит всё: то птица
Из-под ноги у них вспорхнет,
То краснобокая лисица
В кусты цветущие нырнет.
Они всё ниже, ниже сходят
И рук от сабель не отводят.
Через опасный переход
Спешат, нагнувшись, без оглядки;
И вновь на холм крутой взошли,
И цепью русские палатки,
Как на ночлеге журавли,
Белеют смутно уж вдали!
Тогда черкес остановился,
За руку путника схватил
И — кто бы, кто не удивился? —
По-русски с ним заговорил.

31

«Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти в шатры свои;
Но, если веришь мне, напрасно
Ты хочешь потопить в крови
Свою печаль! страшись, быть может,
Раскаянье прибавишь к ней.

Болезни этой не поможет
Ни кровь врага, ни речь друзей!
Напрасно здесь, в краю далеком,
Ты губишь прелесть юных дней;
Нет, не достать вражде твоей
Главы, постигнутой уж роком!
Он палачам судей земных
Не уступает жертв своих!
Твоя б рука не устрашила
Того, кто борется с судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри ж, он здесь, перед тобой!»
И с видом гордого презренья
Ответа князь не ожидал;
Он скрылся меж уступов скал —
И долго русский без движенья
Один как вкопанный стоял.

32

Меж тем, перед горой Шайтаном
Расположась военным станом,
Толпа черкесов удалых
Сидела вкруг огней своих;
Они любили Измаила,
С ним вместе слава иль могила,
Им всё равно! лишь только б с ним!
Но не могла б судьба одним
И нежным чувством меж собою
Сковать людей с умом простым
И с беспокойною душою:
Их всех обидел Росламбек!
(Таков повсюду человек.)

33

Сидят наездники беспечно,
Курят турецкий свой табак
И князя ждут они. «Конечно,
Когда исчезнет ночи мрак,

Он к нам сойдет, и взор орлиный
Смирит враждебные дружины,
И вздрогнут перед ним они,
Как Росламбек и уздени!» —
Так, песню воли напевая,
Шептала шайка удалая.

34

Безмолвно, грустно, в стороне,
Подняв глаза свои к луне,
Подруге дум любви мятежной,
Прекрасный юноша стоял, —
Цветок, для смерти слишком нежный!
Он также Измаила ждал,
Но не беспечно. Трепет тайный
Порывам сердца изменял,
И вздох тяжелый, не случайный,
Не раз из груди вылетал;
И он явился к Измаилу,
Чтоб разделить с ним — хоть могилу!
Увы! такая ли рука
В куски изрубит казака?
Такой ли взор, стыдливый, скромный,
Глядит на мир, чтоб видеть кровь?
Зачем он здесь, и ночью темной,
Лицом прелестный, как любовь,
Один в кругу черкесов праздных,
Жестоких, буйных, безобразных?
Хотя страшился он сказать,
Нетрудно было б отгадать,
Когда б. . . но сердце, чем моложе,
Тем боязливее, тем строже
Хранит причину от людей
Своих надежд, своих страстей.
И тайна юного Селима,
Чуждаясь уст, ланит, очей,
От любопытных, как от змей,
В груди сокрылась невредима!

She told nor whence, nor why she left behind
Her all for one who seem'd but little kind.
Why did she love him? Curious fool! — be still —
Is human love the growth of human will?..

«Lara». L. Byron[1]

1

Какие степи, горы и моря
Оружию славян сопротивлялись?
И где веленью русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! и запад и восток,
Быть может, скоро твой разделят рок.
Настанет час — и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной!
Настанет час — и новый грозный Рим
Украсит Север Августом другим!

2

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал,
Отпрянул русский — захрипел — и пал!
«Отмсти, товарищ!» — и в одно мгновенье

[1] Она не сказала, ни откуда она, ни почему оставила
Всё ради того, кто не был, казалось, даже ласков с нею.
За что она любила его? Пытливый глупец! Молчи:
Разве по воле человека рождается человеческая любовь?..
«Лара». Лорд Байрон (англ.). — *Ред.*

(Достойное за смерть убийцы мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит — черкесской вольности костер!..

3

В ауле дальном Росламбек угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасом объят;
Но у него коварные есть думы,
Им помешать теперь не может брат.
Где ж Измаил? — безвестными горами
Блуждает он, дерется с казаками,
И, заманив полки их за собой,
Пустыню усыпает их костями,
И манит новых по дороге той.
За ним устали русские гоняться,
На крепости природные взбираться;
Но отдохнуть черкесы не дают:
То скроются, то снова нападут.
Они, как тень, как дымное виденье,
И далеко и близко в то ж мгновенье.

4

Но в бурях битв не думал Измаил
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей он мстил —
И не пленялся именем героя;
Он ведал цену почестей и слов,
Изобретенных только для глупцов!
Недолгий жар погас! душой усталый,
Его бы не желал он воскресить;
И не родной аул — родные скалы
Решился он от русских защитить!

5

Садится день, одетый мглою,
Как за прозрачной пеленою..
Ни ветра на земле, ни туч
На бледном своде! чуть приметно
Орла на вышине бесцветной;

Меж скал блуждая, желтый луч
В пещеру дикую прокрался
И гладкий череп озарил,
И сам на жителе могил
Перед кончиной разыгрался,
И по разбросанным костям,
Травой поросшим, здесь и там
Скользнул огнистой полосою,
Дивясь их вечному покою.
Но прежде встретил он двоих,
Недвижных также, но живых. . .
И, как немые жертвы гроба,
Они беспечны были оба!

6

Один. . . так точно! — Измаил!
Безвестной думой угнетаем,
Он солнце тусклое следил,
Как мы нередко провождаем
Гостей докучливых; на нем
Черкесский панцирь и шелом,
И пятна крови омрачали
Местами блеск военной стали.
Младую голову Селим
Вождю склоняет на колени;
Он всюду следует за ним,
Хранительной подобно тени;
Никто ни ропота, ни пени
Не слышал на его устах. . .
Боится он или устанет,
На Измаила только взглянет —
И весел труд ему и страх!

7

Он спит — и длинные ресницы
Закрыли очи под собой;
В ланитах кровь, как у девицы,
Играет розовой струей;
И на кольчуге боевой
Ему не жестко. С сожаленьем

На эти нежные черты
Взирает витязь, и мечты
Его исполнены мученьем:
«Так светлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На лист увядший упадает;
Блистая райским жемчугом,
Она покоится на нем,
И, беззаботная, не знает,
Что скоро лист увядший тот
Пожнет коса иль конь сомнет!»

8

С полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Он спит; но мирная душа
Взволнована! полусловами
Он с кем-то говорит во сне!
Услышал князь и удивился;
К устам Селима в тишине
Прилежным ухом он склонился:
Быть может, через этот сон
Его судьбу узнает он...
«Ты мог забыть? — любви не нужно
Одной лишь нежности наружной...
Оставь же!» — сонный говорил.
«Кого оставить?» — князь спросил.
Селим умолк, но на мгновенье;
Он продолжал: «К чему сомненье?
На всем лежит его презренье...
Увы! что значат перед ним
Простая дева иль Селим?
Так будет вечно между нами...
Зачем бесценными устами
Он это имя освятил?»
«Не я ль?» — подумал Измаил.
И, погодя, он слышит снова:
«Ужасно, боже! для детей
Проклятие отца родного,
Когда на склоне поздних дней
Оставлен ими... но страшней

Его слеза! . .» Еще два слова
Селим сказал, и слабый стон
Вдруг поднял грудь, как стон прощанья,
И улетел. Из состраданья
Князь прерывает тяжкий сон.

9

И вздрогнув, юноша проснулся,
Взглянул вокруг и улыбнулся,
Когда он ясно увидал,
Что на коленях друга спал.
Но, покрасневши, сновиденье
Пересказать стыдился он,
Как будто бы лукавый сон
Имел с судьбой его сношенье.
Не отвечая на вопрос
(Примета явная печали),
Щипал он листья диких роз,
И наконец две капли слез
В очах склоненных заблистали;
И, с быстротой отворотясь,
Он слезы осушил рукою. . .
Всё примечал, всё видел князь;
Но не смутился он душою,
И приписал он простоте,
Затеям детским слезы те.
Конечно, сам давно не знал он
Печалей сладостных любви?
И сам давно не предавал он
Слезам страдания свои?

10

Не знаю! . . но в других он чувства
Судить отвык уж по своим.
Не раз личиною искусства,
Слезой и сердцем ледяным,
Когда обманов сам чуждался,
Обманут был он; и боялся
Он верить только потому,
Что верил некогда всему!

И презирал он этот мир ничтожный,
Где жизнь — измен взаимных вечный ряд,
Где радость и печаль — всё призрак ложный!
Где память о добре и зле — всё яд!
Где льстит нам зло, но более тревожит;
Где сердца утешать добро не может;
И где они, покорствуя страстям,
Раскаянье одно приносят нам...

11

Селим встает, на гору всходит.
Сребристый стелется ковыль
Вокруг пещеры; сумрак бродит
Вдали... вот топот! вот и пыль,
Желтея, поднялась в лощине!
И крик черкесов по заре
Гудит, теряяся в пустыне!
Селим всё слышал на горе;
Стремглав в пещеру он вбегает.
«Они! они!» — он восклицает,
И князя нежною рукой
Влечет он быстро за собой.
Вот первый всадник показался,
Он, мнилось, из земли рождался,
Когда въезжал на холм крутой;
За ним другой, еще другой,
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Там, если б два коня столкнулись,
Назад бы оба не вернулись
И не могли б вперед идти.

12

Толпа джигитов [1] удалая,
Перед горой остановясь,
С коней измученных слезая,
Шумит. Но к ним подходит князь,

---

[1] Наездники.

И всё утихло! уваженье
В их выразительных чертах;
Но уважение — не страх;
Не власть его основа — мненье!
«Какие вести?» — «Русский стан
Пришел к Оссаевскому полю,
Им льстит и бедность наших стран!
Их много!» — «Кто не любит волю?»
Молчат. «Так дайте ж отдохнуть
Своим коням; с зарею в путь.
В бою мы ради лечь костями;
Чего <же> лучшего нам ждать?
Но в цвете жизни умирать...
Селим, ты не поедешь с нами!..»

13

Бледнеет юноша, и взор
Понятно выразил укор.
«Нет, — говорит он, — я повсюду,
В изгнаньи, в битве спутник твой;
Нет, клятвы я не позабуду —
Угаснуть или жить с тобой!
Не робок я под свистом пули,
Ты видел это, Измаил;
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною был!
И с твоего чела не я ли
Смывал так часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бежали,
Чьи речи, ласки прогоняли
Суровый мрак твоей печали?
Мои слова! моя любовь!
Возьми, возьми меня с собою!
Ты знаешь, я владеть стрелою
Могу... И что мне смерть? — о нет!
Красой и счастьем юных лет
Моя душа не дорожила;
Всё, всё оставлю, жизнь и свет,
Но не оставлю Измаила!»

14

Взглянул на небо молча князь,
И наконец, отворотясь,
Он протянул Селиму руку;
И крепко тот ее пожал
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знак сей обещал!
И долго витязь так стоял;
И под нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я мог бы этот блеск назвать,
Когда б не скрылся он опять!..

15

По косогору ходят кони;
Колчаны, ружья, седла, брони
В пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены;
На князе яркая кольчуга
Блестит, краснея; погружен
В мечтанье горестное он;
И от страстей, как от недуга,
Бежит спокойствие и сон.
И говорит Селим: «Наверно,
Тебя терзает дух пещерный!
Дай песню я тебе спою;
Нередко дева молодая
Ее поет в моем краю,
На битву друга отпуская!
Она печальна; но другой
Я не слыхал в стране родной.
Ее певала мать родная
Над колыбелию моей;
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навеют звуки
Все сновиденья детских дней!»
Селим запел, и ночь кругом внимает,
И песню ей пустыня повторяет.

ПЕСНЯ СЕЛИМА

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
И дева ему говорит:

«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Любви будь вернее!

Всегда награжден,
Кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пускай его смерть и погубит;
Один не погибнет, кто любит!

Любви изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароют!»

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет!

«Прочь эту песню! — как безумный
Воскликнул князь, — зачем упрек?..
Тебя ль послушает пророк?..
Там, облит кровью, в битве шумной
Твои слова я заглушу
И разорву ее оковы...
И память в сердце удушу!..
Вставайте! — как? — вы не готовы?..

Прочь песни! — крови мне! .. пора! ..
Друзья! коней! .. вы не слыхали...
Удары, топот, визг ядра,
И крик, и треск разбитой стали? ..
Я слышал! .. О, не пой, не пой!
Тронь сердце, как дрожит, и что же?
Ты недовольна? .. боже! боже! ..
Зачем казнить ее рукой? ..»
Так речь его оторвалася
От бледных уст и пронеслася
Невнятно, как далекий гром.
Неровным, трепетным огнем
До половины освещенный,
Ужасен, с шашкой обнаженной
Стоял недвижим Измаил,
Как призрак злой, от сна могил
Волшебным словом пробужденный;
Он взор всей силой устремил
В пустую степь, грозил рукою,
Чему-то страшному грозил:
Иначе как бы Измаил
Смутиться твердой мог душою?
И понял наконец Селим,
Что витязь говорил не с ним!
Неосторожный! он коснулся
Душевных струн — и звук проснулся,
Расторгнув хладную тюрьму...
И сам искусству своему
Селим невольно ужаснулся!

16

Толпа садится на коней;
При свете гаснущих огней
Мелькают сумрачные лица.
Так опоздавшая станица
Пустынных белых журавлей
Вдруг поднимается с полей...
Смех, клики, ропот, стук и ржанье!
Всё дышит буйством и войной!
Во всем приличия незнанье,
Отвага дерзости слепой.

17

Светлеет небо полосами;
Заря меж синими рядами
Ревнивых туч уж занялась.
Вдоль по лощине едет князь,
За ним черкесы цепью длинной.
Признаться: конь по седоку!
Бежит, и будто ветр пустынный,
Скользящий шумно по песку,
Крутится, вьется на скаку;
Он бел как снег: во мраке ночи
Его заметить могут очи.
С колчаном звонким за спиной,
Отягощен своим нарядом,
Селим проворный едет рядом
На кобылице вороной.
Так белый облак, в полдень знойный,
Плывет отважно и спокойно,
И вдруг по тверди голубой
Отрывок тучи громовой,
Грозы дыханием гонимый,
Как черный лоскут мчится мимо;
Но как ни бейся, в вышине
Он с тем не станет наравне!

18

Уж близко роковое поле.
Кому-то пасть решит судьба?
Вдруг им послышалась стрельба;
И каждый миг всё боле, боле,
И пушки голос громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнул князь, махнул рукою.
«Вперед! — воскликнул он, — за мною!»
Сказал и бросил повода.
Нет! так прекрасен никогда
Он не казался! Повелитель,
Герой по взорам и речам,
Летел к опасным он врагам,

Летел, как ангел-истребитель;
И в этот миг, скажи, Селим,
Кто б не последовал за ним?

19

Меж тем с беспечною отвагой
Отряд могучих казаков
Гнался за малою ватагой
Неустрашимых удальцов;
Всю эту ночь они блуждали
Вкруг неприязненных шатров;
Их часовые увидали,
И пушка грянула по ним,
И казаки спешат навстречу!
Едва с отчаяньем немым
Они поддерживали сечу,
Стыдясь и в бегстве показать,
Что смерть их может испугать.
Их круг тесней уж становился;
Один под саблею свалился,
Другой, пробитый в грудь свинцом,
Был в поле унесен конем,
И, мертвый, на седле всё бился!..
Оружье брось, надежды нет,
Черкес! читай свои молитвы!
В крови твой шелковый бешмет,
Тебе другой не видеть битвы!
Вдруг пыль! и крик! — он им знаком:
То крик родной, не бесполезный!
Глядят и видят: над холмом
Стоит их князь в броне железной!..

20

Недолго Измаил стоял:
Вздохнуть коню он только дал,
Взглянул, и ринулся, и смял
Врагов, и путь за ним кровавый
Меж их рядами виден стал!
Везде, налево и направо,

Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадают;
Не видят блеск ее враги
И беззащитно умирают!
Как юный лев, разгорячась,
В средину их врубился князь;
Кругом свистят и реют пули;
Но что ж? его хранит пророк!
Шелом удары не согнули,
И худо метится стрелок.
За ним, погибель рассыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрез минуту шумный бой
Рассыпался в долине той...

21

Далеко от сраженья, меж кустов,
Питомец смелый трамских табунов,
Расседланный, хладея постепенно,
Лежал издохший конь; и перед ним,
Участием исполненный живым,
Стоял черкес, соратника лишенный;
Крестом сжав руки и кидая взгляд
Завистливый туда, на поле боя,
Он проклинать судьбу свою был рад,
Его печаль была печаль героя!
И весь в поту, усталостью томим,
К нему в испуге подскакал Селим
(Он лук не напрягал еще, и стрелы
Все до одной в колчане были целы).

22

«Беда! — сказал он, — князя не видать!
Куда он скрылся?» — «Если хочешь знать,
Взгляни туда, где бранный дым краснее,
Где гуще пыль и смерти крик сильнее,
Где кровью облит мертвый и живой,
Где в бегстве нет надежды никакой:
Он там! — смотри: летит, как с неба пламя;

Его шишак и конь — вот наше знамя!
Он там! — как дух, разит и невредим,
И всё бежит иль падает пред ним!» —
Так отвечал Селиму сын природы —
А лесть была чужда степей свободы!..

23

Кто этот русский? с саблею в руке,
В фуражке белой? страха он не знает!
Он между всех отличен вдалеке,
И казаков примером ободряет;
Он ищет Измаила — и нашел,
И вынул пистолет свой, и навел,
И выстрелил! — напрасно! — обманулся
Его свинец! — но выстрел роковой
Услышал князь, и мигом обернулся,
И задрожал. «Ты вновь передо мной!
Свидетель бог: не я тому виной!..» —
Воскликнул он, и шашка зазвенела,
И, отделясь от трепетного тела,
Как зрелый плод от ветки молодой,
Скатилась голова; и конь ретивый,
Встав на дыбы, заржал, мотая гривой,
И скоро обезглавленный седок
Свалился на растоптанный песок.
Недолго это сердце увядало,
И мир ему! — в единый миг оно
Любить и ненавидеть перестало:
Не всем такое счастье суждено!

24

Всё жарче бой; главы валятся
Под взмахом княжеской руки;
Спасая дни свои, теснятся,
Бегут в расстройстве казаки!
Как злые духи, горцы мчатся
С победным воем им вослед,
И никому пощады нет!
Но что ж! победа изменила!

Раздался вдруг нежданный гром,
Всё в дыме скрылося густом,
И пред глазами Измаила
На землю с бешеных коней
Кровавой грудою костей
Свалился ряд его друзей.
Как град посыпалась картеча;
Пальбу услышав издалеча,
Направя синие штыки,
Спешат ширванские полки.
Навстречу гибельному строю
Один, с отчаянной душою,
Хотел пуститься Измаил;
Но зà повод коня схватил
Черкес и в горы за собою,
Как ни противился седок,
Коня могучего увлек.
И ни малейшего движенья
Среди всеобщего смятенья
Не упустил младой Селим;
Он бегство князя примечает!
Удар судьбы благословляет
И быстро следует за ним.
Не стыд — но горькая досада
Героя медленно грызет:
Жизнь побежденным не награда!
Он на друзей не кинул взгляда
И, мнится, их не узнает.

25

Чем реже нас балует счастье,
Тем слаще предаваться нам
Предположеньям и мечтам.
Родится ль тайное пристрастье
К другому миру, хоть и там
Судьбы приметно самовластье,
Мы всё свободнее дарим
Ему надежды и желанья
И украшаем как хотим
Свои воздушные созданья!

Когда забота и печаль
Покой душевный возмущают,
Мы забываем свет, и вдаль
Душа и мысли улетают,
И ловят сны, в которых нет
Следов и теней прежних лет.
Но ум, сомненьем охлажденный
И спорить с роком приученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страдания желает;
И если иногда мечтает,
То он мечтает победить!
И, зная собственную силу,
Пока не сбросит прах в могилу,
Он не оставит гордых дум...
Такой непобедимый ум
Природой дан был Измаилу!

26

Он ранен, кровь его течет;
А он не чувствует, не слышит;
В опасный путь его несет
Ретивый конь, храпит и пышет!
Один Селим не отстает.
За гриву ухватясь руками,
Едва сидит он на седле;
Боязни бледность на челе;
Он очи, полные слезами,
Порой кидает на того,
Кто всё на свете для него,
Кому надежду жизни милой
Готов он в жертву принести,
И чье последнее «прости»
Его бы с жизнью разлучило!
Будь перед миром он злодей,
Что для любви слова людей?
Что ей небес определенье?
Нет! охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло;
Она сама свое добро и зло!

27

Умолк докучный крик погони;
Дымясь и в пене скачут кони
Между провалом и горой,
Кремнистой, тесною тропой;
Они дорогу знают сами
И презирают седока,
И бесполезная рука
Уж не владеет поводами.
Направо темные кусты
Висят, за шапки задевая,
И с неприступной высоты
На новых путников взирая,
Чернеет серна молодая;
Налево — пропасть; по краям
Ряд красных камней, здесь и там
Всегда обрушиться готовый.
Никем не ведомый поток
Внизу, свиреп и одинок,
Как тигр Америки суровой,
Бежит гремучею волной;
То блещет бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Как две семьи — враждебный гений,
Два гребня разделяет он.
Вдали на синий небосклон
Нагих, бесплодных гор ступени
Ведут желание и взгляд
Сквозь облака, которых тени
По ним мелькают и спешат;
Сменяя в зависти друг друга,
Они бегут вперед, назад,
И мнится, что под солнцем юга
В них страсти южные кипят!

28

Уж полдень. Измаил слабеет;
Пылает солнце высоко.
Но есть надежда! дым синеет,
Родной аул недалеко. . .
Там, где, кустарником покрыты,

Встают красивые граниты
Каким-то пасмурным венцом,
Есть поворот и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, белеющий забор,
Аргуны воды голубые,
Как под ногами, встретит взор!
Достигнут поворот желанный;
Вот и венец горы туманной;
Вот слышен речки рев глухой;
И белый конь сильней рванулся...
Но вдруг переднею ногой
Он оступился, спотыкнулся
И на скаку, между камней,
Упал всей тягостью своей.

29

И всадник, кровью истекая,
Лежал без чувства на земле;
В устах недвижность гробовая,
И бледность муки на челе;
Казалось, час его кончины
Ждал знак условный в небесах,
Чтобы слететь и в миг единый
Из человека сделать — прах!
Ужель степная лишь могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
Нет! нет! ведь здесь еще Селим...
Склонясь в отчаяньи над ним,
Как в бурю ива молодая
Над падшим гнется алтарем,
Снимал он панцирь и шелом;
Но сердце к сердцу прижимая,
Не слышит жизни ни в одном!
И если б страшное мгновенье
Все мысли не убило в нем,
Судиться стал бы он с творцом
И проклинал бы провиденье!..

30

Встает, глядит кругом Селим:
Всё неподвижно перед ним!
Зовет — и тучка дождевая
Летит на зов его одна,
По ветру крылья простирая,
Как смерть, темна и холодна.
Вот наконец сырым покровом
Одела путников она,
И юноша в испуге новом!
Прижавшись к другу с быстротой:
«О, пощади его!.. постой! —
Воскликнул он. — Я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишить
Того, кого люблю так страстно,
Кого слабей нельзя любить!
Ступай! Ищи других по свету...
Все жертвы бога твоего!
Ужель меня несчастней нету?
И нет виновнее его?»

31

Меж тем, подобно дымной тени,
Хотя не понял он молений,
Угрюмый облак пролетел.
Когда ж Селим взглянуть посмел,
Он был далеко! Освеженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся бледный Измаил,
Вздохнул, потом глаза открыл.
Он слаб: другую ищет руку
Его дрожащая рука;
И каждому внимая звуку,
Он пьет дыханье ветерка,
И всё, что близко, отдаленно,
Пред ним яснеет постепенно...
Где ж друг последний? Где Селим?
Глядит! — и что же перед ним?
Глядит — уста оледенели,

И мысли зреньем овладели...
Не мог бы описать подобный миг
Ни ангельский, ни демонский язык!

32

Селим... и кто теперь не отгадает?
На нем мохнатой шапки больше нет,
Раскрылась грудь; на шелковый бешмет
Волна кудрей, чернея, ниспадает,
В печали женщин лучший их убор!
Молитва стихла на устах!.. а взор...
О небо! небо! есть ли в кущах рая
Глаза, где слезы, робость и печаль
Оставить страшно, уничтожить жаль?
Скажи мне, есть ли Зара молодая
Меж дев твоих? и плачет ли она,
И любит ли? но понял я молчанье!
Не встретить мне подобное созданье:
На небе неуместно подражанье,
А Зара на земле была одна.

33

Узнал, узнал он образ позабытый
Среди душевных бурь и бурь войны;
Поцеловал он нежные ланиты —
И краски жизни им возвращены.
Она чело на грудь ему склонила,
Смущают Зару ласки Измаила,
Но сердцу как ума не соблазнить?
И как любви стыда не победить?
Их речи — пламень! вечная пустыня
Восторгом и блаженством их полна.
Любовь для неба и земли святыня,
И только для людей порок она!
Во всей природе дышит сладострастье;
И только люди покупают счастье!

———

Прошло два года, всё кипит война;
Бесплодного Кавказа племена

Питаются разбоем и обманом,
И в знойный день и под ночным туманом
Отважность их для русского страшна.
Казалося, двух братьев помирила
Слепая месть и к родине любовь;
Везде, где враг бежит и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селим
Теперь уже не следуют за ним?
Куда лезгинка нежная сокрылась?
Какой удар ту грудь оледенил,
Где для любви такое сердце билось,
Каким владеть он недостоин был?
Измена ли причина их разлуки?
Жива ль она, иль спит последним сном?
Родные ль в гроб ее сложили руки?
Последнее «прости» с слезами муки
Сказали ль ей на языке родном?
И если смерть щадит ее поныне —
Между каких людей, в какой пустыне?
Кто б Измаила смел спросить о том?

Однажды, в час, когда лучи заката
По облакам кидали искры злата,
Задумчив на кургане Измаил
Сидел: еще ребенком он любил
Природы дикой пышные картины,
Разлив зари и льдистые вершины,
Блестящие на небе голубом;
Не изменилось только это в нем!
Четыре горца близ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнет в глубину морей
И в сердце, где тоска, — но нет страстей?
О чем бы он ни думал, — запад дальный
Не привлекал мечты его печальной;
Другие вспоминанья и другой,
Другой предмет владел его душой.

Но что за выстрел? — дым взвился, белея.
Верна рука, и верен глаз злодея!
С свинцом в груди, простертый на земле,

С печатью смерти на крутом челе,
Друзьями окружен, любимец брани
Лежал, навеки нем для их призваний!
Последний луч зари еще играл
На пасмурных чертах и придавал
Его лицу румянец; и казалось,
Что в нем от жизни что-то оставалось,
Что мысль, которой угнетен был ум,
Последняя его тяжелых дум,
Когда душа отторгнулась от тела,
Его лица оставить не успела!
Небесный суд да будет над тобой,
Жестокий брат, завистник вероломный!
Ты сам наметил выстрел роковой,
Ты не нашел в горах руки наемной!

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; расстегнут их рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвернулись?
Зачем? — какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятый,
И белый крест на ленте полосатой
Блистали на груди у мертвеца!..
«И кто бы отгадал? Джяур проклятый!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин, верный Измаилу,
Отступнику не выроет могилу!
Того, кто презирал людей и рок,
Кто смертию играл так своенравно,
Лишь ты низвергнуть смел, святой пророк!
Пусть, не оплакан, он сгниет бесславно,
Пусть кончит жизнь, как начал, — одинок».

1832

ЛИТВИНКА

Повесть

1

Чей старый терем на горе крутой
Рисуется с зубчатою стеной?
Бессменный царь синеющих полей,
Кого хранит он твердостью своей?
Кто темным сводам поверять привык
Молитвы шепот и веселья клик?
Его владельца назову я вам:
Под именем Арсения друзьям
И недругам своим он был знаком
И не мечтал об имени другом.
Его права оспоривать не смел
Еще никто; он больше не хотел!
Не ведал он владыки и суда,
Не посещал соседей никогда;
Богатый в мире, славный на войне,
Когда к нему являлися оне, —
Он убегал доверчивых бесед,
Презрением дышал его привет;
Он даже лаской гостя унижал,
Хотя, быть может, сам того не знал;
Не потому ль, что слишком рано он
Повелевать толпе был приучен?

2

На ложе наслажденья и в бою
Провел Арсений молодость свою.
Когда звучал удар его меча
И красная являлась епанча,
Бежал татарин и бежал литвин;
И часто стоил войска он один!
Вся в ранах грудь отважного была;
И посреди морщин его чела,
Приличнейший наряд для всяких лет,
Краснел рубец, литовской сабли след!

3

И возвратясь домой с полей войны,
Он не прижал к устам уста жены,
Он не привез парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберег
Ни жемчугов, ни золотых серег.
И возвратясь в забытый старый дом,
Он не спросил о сыне молодом;
О подвигах своих в чужой стране
Он не хотел рассказывать жене;
И в час свиданья радости слеза
Хоть озарила нежные глаза,
Но прежде чем упасть она могла —
Страдания слезою уж была.
Он изменил ей! Что святой обряд
Тому, кто ищет лишь земных наград?
Как путники небесны, облака,
Свободно сердце, и любовь легка...

4

Два дня прошло, — и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье разделить решилась с ней
В монастыре, далеко от людей
(И потому не ближе к небесам).

Их жизнь — одна молитва будет там!
Но женщины обманутой душа,
Для света умертвясь и им дыша,
Могла ль забыть того, кто столько лет
Один был для нее и жизнь и свет?
Он изменил! увы! но потому
Ужель ей должно изменить ему?
Печаль несчастной жертвы и закон,
Всё презирал для новой страсти он,
Для пленницы, литвинки молодой,
Для гордой девы из земли чужой.
В угодность ей, за пару сладких слов
Из хитрых уст, Арсений был готов
На жертву принести жену, детей,
Отчизну, душу, всё — в угодность ей!

5

Светило дня, краснея сквозь туман,
Садится горделиво за курган,
И, отделив ряды дождливых туч,
Вдоль по земле скользит прощальный луч
Так сладостно, так тихо и светло,
Как будто мира мрачное чело
Его любви достойно! Наконец
Оставил он долину и, венец
Горы высокой, терем озарил
И пламень свой негреющий разлил
По стеклам расписным светлицы той,
Где так недавно с радостью живой,
Облокотясь на столик, у окна,
Ждала супруга верная жена;
Где с детскою досадой сын ее
Чуть поднимал отцовское копье;
Теперь... где сын и мать? На месте их
Сидит литвинка, дочь степей чужих.
Безмолвная подруга лучших дней,
Расстроенная лютня перед ней;
И, по струне оборванной скользя,
Блестит зари последняя струя.
Устала Клара от душевных бурь...

И очи голубые, как лазурь,
Она сидит, на запад устремив;
Но не зари пленял ее разлив:
Там родина! Певец и воин там
Не раз к ее склонялися ногам!
Там вольны девы! Там никто бы ей
Не смел сказать: хочу любви твоей!..

6

Она должна с покорностью немой
Любить того, кто грозною войной
Опустошил поля ее отцов;
Она должна приветы нежных слов
Затверживать и ненависть, тоску
Учить любви святому языку;
Младую грудь к волненью принуждать
И страстью небывалой объяснять
Летучий вздох и влажный пламень глаз;
Она должна... но мщенью будет час!

7

Вечерний пир готов; рабы шумят.
В покоях пышных блещет свет лампад;
В серебряном ковше кипит вино;
К его парам привыкнувший давно,
Арсений пьет янтарную струю,
Чтоб этим совесть потопить свою!
И пленница, его встречая взор,
Читает в нем к веселью приговор,
И ложная улыбка, громкий смех,
Кроме ее, обманывают всех.
И веря той улыбке, восхищен
Арсений; и литвинку обнял он;
И кудри золотых ее волос,
Нежнее шелка и душистей роз,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый лик, отмеченный войной.
Лукаво посмотрев, принявши вид
Невольной грусти, Клара говорит:

«Ты любишь ли меня?» — «Какой вопрос? —
Воскликнул он. — Кто ж больше перенес
И для тебя так много погубил,
Как я? — и твой Арсений не любил?
И, — человек, — я б мог обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?
О, шутками меня не искушай!
Мой ад среди людских забот — мой рай
У ног твоих! — и если я не тут,
И если рук моих твои не жмут,
Дворец и плаха для меня равны,
Досадой дни мои отравлены!
Я непорочен у груди твоей,
Суров и дик между других людей!
Тебе в колена голову склонив,
Я, как дитя, беспечен и счастлив,
И теплое дыханье уст твоих
Приятней мне курений дорогих!
Ты рождена, чтобы повелевать:
Моя любовь то может доказать.
Пусть я твой раб — но лишь не раб судьбы!
Достойны ли тебя ее рабы?
Поверь, когда б меня не создал бог,
Он ниспослать бы в мир тебя не мог».

8

«О, если б точно ты любил меня! —
Сказала Клара, голову склоня, —
Я не жила бы в втереме твоем.
Ты говоришь: он мой! — а что мне в нем?
Богатством дивным, гордой высотой
Очам он мил, — но сердцу он чужой.
Здесь в роще воды чистые текут —
Но речку ту не Вилией зовут;
И ветер, здесь колеблющий траву,
Мне не приносит песни про Литву!
Нет! русский, я не верую любви!
Без милой воли что́ дары твои?»
И отвернулась Клара, и укор
Изобразил презренья хладный взор.

Недвижим был Арсений близ нее,
И, кроме воли, отдал бы он всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство — яд.

9

Но что за гость является ночной?
Стучит в ворота сильною рукой,
И сторож, быстро пробудясь от сна,
Кричит: «Кто там?» — «Впустите! ночь темна!
В долине буря свищет и ревет,
Как дикий зверь, и тмит небесный свод;
Впустите обогреться хоть на час,
А завтра, завтра мы оставим вас,
Но никогда в молениях своих
Гостеприимный кров степей чужих
Мы не забудем!» Страж не отвечал;
Но ключ в замке упрямом завизжал,
Об доски тяжкий загремел затвор,
Расхлопнулись ворота — и на двор
Два странника въезжают. Фонарем
Озарены, идут в господский дом.
Широкий плащ на каждом, и порой
Звенит и блещет что-то под полой.

10

Арсений приглашает их за стол
И с ними речь приветную завел;
Но странники, хоть им владелец рад,
Не много пьют и меньше говорят.
Один из них еще во цвете лет,
Другой, согбенный жизнью, худ и сед,
И по речам заметно, что привык
Употреблять не русский он язык.
И младший гость по виду был смелей:
Он не сводил пронзительных очей
С литвинки молодой, и взор его
Для многих бы не значил ничего...
Но видно, ей когда-то был знаком
Тот дикий взор с возвышенным челом!

Иль что-нибудь он ей о прошлых днях
Напоминал! как знать? — не женский страх
Ее заставил вздрогнуть, и вздохнуть,
И голову поспешно отвернуть,
И белою рукой закрыть глаза,
Чтоб изменить не смела ей слеза!..

11

«Ты побледнела, Клара?» — «Я больна!»
И в комнату свою спешит она.
Окно открывши, села перед ним,
Чтоб освежиться воздухом ночным.
Туман в широком поле, огонек
Блестит вдали, забыт и одинок;
И ветер, нарушитель тишины,
Шумит, скользя во мраке вдоль стены;
То лай собак, то колокола звон
Его дыханьем в поле разнесен.
И Клара внемлет. О, как много дум
Вмещал в себе беспечный, резвый ум;
О! если б кто-нибудь увидеть мог
Хоть половину всех ее тревог,
Он на себя, не смея измерять,
Всю тягость их решился бы принять,
Чтобы чело, где радость и любовь
Сменялись прежде, прояснилось вновь,
Чтоб заиграл румянец на щеках,
Как радуга в вечерних облаках...
И что могло так деву взволновать?
Не пришлецы ль? Но где и как узнать?
Чем для души страдания сильней,
Тем вечный след их глубже тонет в ней,
Покуда всё, что небом ей дано,
Не превратят в страдание одно.

12

Раздвинул тучи месяц золотой,
Как херувим духов враждебных рой,
Как упованья сладостный привет
От сердца гонит память прошлых бед.

Свидетель равнодушный тайн и дел,
Которых день узнать бы не хотел,
А тьма укрыть, он странствует один,
Небесной степи бледный властелин.
Обрисовав литвинки юный лик,
В окно светлицы луч его проник,
И, придавая чудный блеск стеклу,
Беспечно разыгрался на полу,
И озарил персидский он ковер,
Высоких стен единственный убор.
Но что за звук раздался за стеной?
Протяжный стон, исторгнутый тоской,
Подобный звуку песни... если б он
Неведомым певцом был повторен...
Но вот опять! Так точно... кто ж поет?
Ты, пленница, узнала! верно, тот,
Чей взор туманный, с пасмурным челом,
Тебя смутил, тебе давно знаком!
Несбыточным мечтаньям предана,
К окну склонившись, думает она:
В одной Литве так сладко лишь поют!
Туда, туда меня они зовут,
И им отозвался в груди моей
Такой же звук, залог счастливых дней!

13

Минувшее дышало в песни той,
Как вольность — вольной, как она — простой;
И всё, чем сердцу родина мила,
В родимой песни пленница нашла.
И в этом наслажденьи был упрек;
И всё, что женской гордости лишь мог
Внушить позор, явилось перед ней,
Хладней презренья, мщения страшней.
Она схватила лютню, и струна
Звенит, звенит... и вдруг пробуждена
Восторгом и надеждою, в ответ
Запела дева!.. этой песни нет
Нигде. Она мгновенна лишь была,
И в чьей груди родилась — умерла.

И понял, кто внимал! Не мудрено:
Понятье о небесном нам дано,
Но слишком для земли нас создал бог,
Чтоб кто-нибудь ее запомнить мог.

14

Взошла заря, и отделился лес
Стеной зубчатой на краю небес.
Но отчего же сторож у ворот
Молчит и в доску медную не бьет?
Что терем не обходит он кругом?
Ужель он спит? Он спит — но вечным сном!
Тяжелый кинут на землю затвор;
И близ него старик: закрытый взор,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся в крови седая борода.
Сбежалась куча боязливых слуг;
С бездействием отчаянья вокруг
Убитого, при первом свете дня,
Они стояли, головы склоня;
И каждый состраданием пылал,
Но что начать, никто из них не знал.
И где ночной убийца? Чья рука
Не дрогнула над сердцем старика?
Кто растворил высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустил на двор? Чей пояс голубой
В песке затоптан маленькой ногой?
Где странники? К воротам виден след...
Понятно всё... их нет! — и Клары нет!

15

И долго неожиданную весть
Никто не смел Арсению принесть.
Но наконец решились: он внимал,
Хотел вскочить, и неподвижен стал,
Как мраморный кумир, как бы мертвец,
С открытым взором встретивший конец!
И этот взор, не зря, смотрел вперед,
Блестя огнем, был холоден как лед,

Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И речь от синих губ оторвалась:
На клятву походила речь его,
Но в ней никто не понял ничего;
Она была на языке родном —
Но глухо пронеслась, как дальний гром!..

16

Бежали дни, Арсений стал опять,
Как прежде, видеть, слышать, понимать,
Но сердце, пораженное тоской,
Уж было мертво, — хоть в груди живой.
Умел изгнать он из него любовь;
Но что прошло, небывшим сделать вновь
Кто под луной умеет? Кто мечтам
Назначит круг заветный, как словам?
И от души какая может власть
Отсечь ее мучительную часть?
Бежали дни, ничем уж не был он
Отныне опечален, удивлен;
Над ним висеть, чернеть гроза могла,
Не изменив обычный цвет чела;
Но если он, не зная отвести,
Удар судьбы умел перенести,
Но если показать он не желал,
Что мог страдать, как некогда страдал,
То язва, им презренная, потом
Всё становилась глубже, — день за днем! —
Он Клару не умел бы пережить,
Когда бы только смерть... но изменить?
И прежде презирал уж он людей,
Отныне из безумца — стал злодей.
И чем же мог он сделаться другим,
С его умом и сердцем огневым?

17

Есть сумерки души, несчастья след,
Когда ни мрака в ней, ни света нет.
Она сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;

И небо обвинить нельзя ни в чем,
И как назло всё весело кругом!
В прекрасном мире — жертва тайных мук,
В созвучии вселенной — ложный звук,
Она встречает блеск природы всей,
Как встретил бы улыбку палачей
Приговоренный к казни! И назад
Она кидает беспокойный взгляд,
Но след волны потерян в бездне вод,
И лист отпавший вновь не зацветет!
Есть демон, сокрушитель благ земных,
Он радость нам дарит на краткий миг,
Чтобы удар судьбы сразил скорей.
Враг истины, враг неба и людей,
Наш слабый дух ожесточает он,
Пока страданья не умчат как сон
Всё, что мы в жизни ценим только раз,
Всё, что ему еще завидно в нас!..

18

Против Литвы пошел великий князь.
Его дружины, местью воспалясь,
Грозят полям и рощам той страны,
Где загорится пламенник войны.
Желая защищать свои права,
Дрожит за вольность гордая Литва,
И клевы хищных птиц, и зуб волков
Скользят уж по костям ее сынов.

19

И в русский стан, осенним, серым днем,
Явился раз, один, без слуг, пешком,
Боец, известный храбростью своей, —
И сделался предметом всех речей.
Давно не поднимал он щит и шлем,
Заржавленный покоем! И зачем
Явился он? Не честь страны родной
Он защищать хотел своей рукой;
И между многих вражеских сердец
Одно лишь поразить хотел боец.

20

Вдоль по реке с бегущею волной
Разносит ветер бранный шум и вой!
В широком поле цвет своих дружин
Свели сегодня русский и литвин.
Чертой багряной серый небосклон
От голубых полей уж отделен,
Темнеют облака на небесах,
И вихрь несет в глаза песок и прах:
Всё бой кипит; и гнется русский строй,
И, окружен отчаянной толпой,
Хотел бежать... но чей знакомый глас
Все души чудной силою потряс?
Явился воин: красный плащ на нем,
Он без щита, он уронил шелом;
Вооружен секирою стальной,
Предстал — и враг валится, и другой,
С запекшеюся кровью на устах,
Упал с ним рядом. Обнял тайный страх
Сынов Литвы: ослушные кони́
Браздам не верят! тщетно бы они
Хотели вновь победу удержать:
Их гонят, бьют, они должны бежать!
Но даже в бегстве, обратясь назад,
Они ударов тяжких сыплют град.

21

Арсений был чудесный тот боец.
Он кровию решился наконец
Огонь в груди проснувшийся залить.
Он ненавидит мир, чтоб не любить
Одно созданье! Кучи мертвецов
Кругом него простерты без щитов,
И радостью блистает этот взор,
Которым месть владеет с давных пор.
Арсений шел, опередив своих,
Как метеор меж облаков ночных;
Когда ж заметил он, что был один
Среди жестоких, вражеских дружин,
То было поздно! «Вижу, час настал!» —

Подумал он, и меч его искал
Своей последней жертвы. «Это он!» —
За ним воскликнул кто-то. Поражен,
Арсений обернулся, — и хотел
Проклятье произнесть, но не умел.
Как ангел брани, в легком шишаке,
Стояла Клара с саблею в руке;
И юноши теснилися за ней,
И словом и движением очей
Распоряжая пылкою толпой,
Она была, казалось, их судьбой.
И, встретивши Арсения, она
Не вздрогнула, не сделалась бледна,
И тверд был голос девы молодой,
Когда, взмахнувши белою рукой,
Она сказала: «Воины! вперед!
Надежды нет, покуда не падет
Надменный этот русский! Перед ним
Они бегут — но мы не побежим.
Кто первый мне его покажет кровь,
Тому моя рука, моя любовь!»

22

Арсений отвернул надменный взор,
Когда он услыхал свой приговор.
«И ты против меня!» — воскликнул он;
Но эта речь была скорее стон,
Как будто сердца лучшая струна
В тот самый миг была оборвана.
С презреньем меч свой бросил он потом
И обернулся медленно плащом,
Чтобы из них никто сказать не смел,
Что в час конца Арсений побледнел.
И три копья пронзили эту грудь,
Которой так хотелось отдохнуть,
Где столько лет с добром боролось зло,
И наконец оно превозмогло.
Как царь дубровы, гордо он упал.
Не вздрогнул, не взглянул, не закричал.
Хотя б молитву или злой упрек

Он произнес! Но нет! он был далек
От этих чувств: он век счастливый свой
Опередил неверящей душой;
Он кончил жизнь с досадой на челе,
Жалея, мысля об одной земле, —
Свой ад и рай он здесь умел сыскать.
Других не знал, и не хотел он знать!..

23

И опустел его высокий дом,
И странников не угощают в нем;
И двор зарос зеленою травой,
И пыль покрыла серой пеленой
Святые образа, дубовый стол
И пестрые ковры! и гладкий пол
Не скрыпнет уж под легкою ногой
Красавицы лукавой и младой.
Ни острый меч в серебряных ножнах,
Ни шлем стальной не блещут на стенах;
Они забыты в поле роковом,
Где он погиб! В покое лишь одном
Всё, всё как прежде: лютня у окна,
И вкруг нее обвитая струна;
И две одежды женские лежат
На мягком ложе, будто бы назад
Тому лишь день, как дева стран чужих
Сюда небрежно положила их.
И, раздувая полог парчевой,
Скользит по ним прохладный ветр ночной,
Когда сквозь тонкий занавес окна
Глядит луна — нескромная луна!

24

Есть монастырь, и там в неделю раз
За упокой молящих слышен глас,
И с честию пред набожной толпой
Арсений поминается порой.
И блещет в церкви длинный ряд гробов,
Украшенный гербом его отцов;

Но никогда меж них не будет тот,
С которым славный кончился их род.
Ни свежий дерн, ни пышный мавзолей
Не тяготит сырых его костей;
Никто об нем не плакал... лишь одна,
Монахиня!.. Бог знает, кто она?
Бог знает, что пришло на мысли ей
Жалеть о том, кто не жалел об ней!..
Увы! Он не любил, он не жалел,
Он даже быть любимым не хотел,
И для нее одной был он жесток:
Но разве лучше поступил с ним рок?
И как не плакать вечно ей о том,
Кто так обманут был, с таким умом,
Кто на земле с ней разлучен судьбой
И к счастью не воскреснет в жизни той?..
В печальном только сердце может страсть
Иметь неограниченную власть:
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает: молода
И зелена — и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит!
И часто отдыхающий пришлец
Грустит об ней, и мыслит: наконец
Порывам бурь и зною предана,
Увянет преждевременно она!..
Но что ж! — усилья вихря и дождей
Не могут обнажить ее корней,
И пыльный лист, встречая жар дневной,
Трепещет всё на ветке молодой!..

1832

АУЛ БАСТУНДЖИ

ПОСВЯЩЕНЬЕ

1

Тебе, Кавказ — суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;
На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой, — всегда и всюду твой!..

2

Твоих вершин зубчатые хребты
Меня носили в царстве урагана,
И принимал меня, лелея, ты
В объятия из синего тумана.
А я глядел в восторге с высоты,
И подо мной, как остов великана,
В степи обросший мохом и травой,
Лежали горы грудой вековой.

3

Над детской головой моей венцом
Свивались облака твои седые;
Когда по ним, гремя, катался гром,
И, пробудясь от сна, как часовые,
Пещеры окликалися кругом,
Я понимал их звуки роковые,
Я в край надзвездный пылкою душой
Летал на колеснице громовой!..

4

Моей души не понял мир. Ему
Души не надо. Мрак ее глубокой,
Как вечности таинственную тьму,
Ничье живое не проникнет око.
И в ней-то недоступные уму
Живут воспоминанья о далекой
Святой земле... ни свет, ни шум земной
Их не убьет... я твой! я всюду твой!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет. Кудрявыми кустами
Покрыто поле: дикий виноград,
Цепляясь, вьется длинными хвостами
Вокруг камней, покрытых сединой,
С вершин соседних сброшенных грозой!..

2

Ни бранный шум, ни песня молодой
Черкешенки уж там не слышны боле;
И в знойный летний день табун степной
Без стражи ходит там, один, по воле;

И без оглядки с пикой за спиной
Донской казак въезжает в это поле;
И безопасно в небесах орел,
Чертя круги, глядит на тихий дол.

3

И там, когда вечерняя заря
Бледнеющим румянцем одевает
Вершины гор, — пустынная змея
Из-под камней, резвяся, выползает;
На ней рябая блещет чешуя
Серебряным отливом, как блистает
Разбитый меч, оставленный бойцом
В густой траве на поле роковом.

4

Сгорел аул — и слух об нем исчез.
Его сыны рассыпаны в чужбине...
Лишь пред огнем, в туманный день, черкес
Порой об нем рассказывает ныне
При малых детях. И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула *Бастунджи*?»

5

В ауле том без ближних и друзей
Когда-то жили два родные брата,
И в Пятигорье не было грозней
И не было отважней *Акбулата*.
Меньшой был слаб и нежен с юных дней,
Как цвет весенний под лучом заката!
Чуждался битв, и крови он, и зла,
Но искра в нем таилась... и ждала...

6

Отец их был убит в чужом краю.
А мать *Селим* убил своим рожденьем,
И, хоть невинный, начал жизнь свою,
Как многие кончают, — преступленьем!
Он душу не обрадовал ничью,
Он никому не мог быть утешеньем;
Когда он в первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза! . .

7

Он рос один... по воле, без забот,
Как птичка, меж землей и небесами!
Блуждая с детства средь родных высот,
Привык он тучи видеть под ногами,
А над собой один безбрежный свод;
Порой, в степи застигнутый мечтами,
Один сидел до поздней ночи он,
И вкруг него летал чудесный сон.

8

И земляки — зачем? то знает бог —
Чуждались их беседы; особливо
Паслись их кони... и за их порог
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селим не мог,
Свой тонкий стан, высокий и красивый,
В бешмет шелко́вый праздничный одев,
Привлечь одной улыбки гордых дев.

9

Сбиралась ли ватага удальцов
Отбить табун, иль бранною забавой
Потешиться... оставя бедный кров,
Им вслед, с усмешкой горькой и лукавой,
Смотрели братья, сумрачны, без слов,
Как смотрит облак иногда двуглавый,
Засев меж скал, на светлый бег луны,
Один, исполнен грозной тишины.

10

Дивились все взаимной их любви,
И не любил никто их... оттого ли,
Что никому они дела свои
Не поверяли и надменной воли
Склонить пред чуждой волей не могли?
Не знаю, — тайна их угрюмой доли
Темнее строк, начертанных рукой
Прохожего на плите гробовой...

11

Была их сакля меньше всех других,
И с плоской кровли мох висел зеленый.
Рядком блистали на стенах простых
Аркан, седло с насечкой вороненой,
Два башлыка, две шашки боевых
Да два ружья, которых ствол граненый,
Едва прикрытый шерстяным чехлом,
Был закопчен в дыму пороховом.

12

Однажды... Акбулата ждал Селим
С охоты. Было поздно. На долину
Туман ложился, как прозрачный дым;
И сквозь него, прорезав половину
Косматых скал, как буркою, густым
Одетых мраком, дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.

13

Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снеговые;
Машук, склоняся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие.
С мечети слез мулла; аул дремал...
Лишь в крайней сакле огонек блистал.

14

И ждет Селим — сидит он час и два;
Гуляя в поле, горный ветер плачет,
И под окном колышется трава.
Но чу! далекий топот... кто-то скачет...
Примчался; фыркнул конь, заржал... Сперва
Спрыгну́л один, потом другой... что это значит?
То не сайгак, не волк, не зверь лесной!
Он прискакал с добычею иной.

15

И в саклю молча входит Акбулат,
Самодовольно взорами сверкая.
Селим к нему: «Ты загулялся, брат!
Я чай, с тобой не дичь одна лесная».
И любопытно он взглянул назад,
И видит он: черкешенка младая
Стоит в дверях, мила как херувим;
И побледнел невольно мой Селим.

16

И в нем, как будто пробудясь от сна,
Зашевелилось сладостное что-то.
«Люби ее! она моя жена! —
Сказал тогда Селиму брат. — Охотой
Родной аул покинула она.
Наш бедный дом храним ее заботой
Отныне будет. Зара! вот моя
Отчизна, всё богатство, вся семья!..»

17

И Зара улыбнулась, и уста
Хотели вымолвить слова привета,
Но замерли. Вдоль по челу мечта
Промчалась тенью. По словам поэта,

Казалось, вся она была слита,
Как гурии, из сумрака и света;
Белей и чище ранних облаков
Являлась грудь, поднявшая покров;

18

Черны глаза у серны молодой,
Но у нее глаза чернее были;
Сквозь тень ресниц, исполнены душой,
Они блаженством сердцу говорили!
Высокий стан искусною рукой
Был стройно перетянут без усилий;
Сквозь черный шелк витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

19

Змеились косы на плечах младых,
Оплетены тесемкой золотою;
И мрамор плеч, белея из-под них,
Был разрисован жилкой голубою.
Она была прекрасна в этот миг,
Прекрасна вольной, дикой простотою,
Как южный плод румяный, золотой,
Обрызганный душистою росой.

20

Селим смотрел. Высоко билось в нем
Встревоженное сердце чем-то новым.
Как сладко, страстно пламенным челом
Прилег бы он к грудям ее перловым!
Он вздрогнул, вышел... сумрачен лицом,
Кинжал рукою стиснув. На шелко́вом
Ковре лениво Акбулат лежал,
Курил и думал... О! когда б он знал!..

21

Промчался день, другой... и много дней;
Они живут, как прежде, нелюдимо.
Но раз... шумела буря. Всё черней
Утесы становились. С воем мимо,
Подобно стае скачущих зверей,
Толпою резвых жадных псов гонимой,
Неслися друг за другом облака,
Косматые, как перья шишака.

22

Очами Акбулат их провожал
Задумчиво с порога сакли бедной.
Вдруг шорох: он глядит... пред ним стоял
Селим, без шапки, пасмурный и бледный;
На поясе, звеня, висел кинжал,
Рука блуждала по оправе медной;
Слова кипели смутно на устах,
Как бьется пена в тесных берегах.

23

И юноше с участием живым
Он молвил: «Что с тобой? — не понимаю!
Скажи!» — «Я гибну! — отвечал Селим,
Сверкая мутным взором, — я страдаю!..
Одною думой день и ночь томим!
Я гибну!.. ты ревнив, ты вспыльчив: знаю!
Безумца не захочешь ты спасти...
Так, я виновен... но, прости!.. прости!..»

24

— «Скажи, тебя обидел кто-нибудь?
Обиду злобы кровью смыть могу я!
Иль конь пропал? Забудь об нем, забудь,
В горах коня красивее найду я!..
Иль от любви твоя пылает грудь?
И чуждой девы хочешь поцелуя?..
Ее увезть легко во тьме ночной,
Она твоя!.. но молви: что с тобой?»

25

— «Легко спросить... но тяжко рассказать
И чувствовать!.. Молился я пророку,
Чтоб ангелам велел он ниспослать
Хоть каплю влаги пламенному оку!..
Ты видишь: есть ли слезы?.. О! не трать
Молитв напрасных... к яркому востоку
И западу взывал я... но в моей
Душе всё шевелится грусть, как змей!..

26

Я проклял небо — оседлал коня;
Пустился в степь. Без цели мы блуждали,
Не различал ни ночи я, ни дня...
Но вслед за мной мечты мои скакали!
Я гибну, брат!.. пойми, спаси меня!
Твоя душа не крепче бранной стали;
Когда я был ребенком, ты любил
Ребенка... помнишь это? иль забыл?..

27

Послушай!.. бурно молодость во мне
Кипит, как жаркий ключ в скалах Машука!
Но ты, — в твоей суровой седине
Видна усталость жизни, лень и скука.
Пускай летать ты можешь на коне,
Звенящую стрелу бросать из лука,
Догнать оленя и врага сразить...
Но... так, как я, не можешь ты любить!..

28

Не можешь ты безмолвно целый час
Смотреть на взор живой, но безответный,
И утопать в сияньи милых глаз,
Тая в груди, как месть, огонь заветный!
Обнявши Зару, я видал не раз,
Как ты томился скукою приметной...
Я б отдал *жизнь* за поцелуй такой,
И... если б мог, не пожалел другой!..»

29

Как облака, висящие над ним,
Стал мрачен лик суровый Акбулата;
Дрожь пробежала по усам седым,
Взор покраснел, как зарево заката.
«Что произнесть решился ты, Селим!» —
Воскликнул он. Селим не слушал брата.
Как бедный раб, он пал к его ногам
И волю дал страданью и мольбам.

30

«Ты видишь: я погиб! .. спасенья нет...
Отчаянье, любовь... везде! повсюду! ..
О! ради прежней дружбы... прежних лет...
Отдай мне Зару! .. уступи! .. я буду
Твоим рабом... послушай: сжалься! .. нет,
Нет! .. ты меня как ветхую посуду
С презреньем гордым кинешь за порог...
Но, видишь: вот кинжал! а там — есть бог! ..

31

Когда б хотел, я б мог давно, поверь,
Упиться счастьем, прѐзреть всё святое!
Но я подумал: нет! как лютый зверь,
Он растерзает сердце молодое!
И вот пришло раскаянье теперь,
Пришло — но поздно! я ошибся вдвое,
Я, как глупец, остался на земли,
Один, один... без дружбы и любви! ..

32

Что медлить: я готов — не размышляй!
Один удар — и мы спокойны оба.
Увы! минута с ней — небесный рай!
Жизнь без нее — скучней, страшнее гроба!
Я здесь, у ног твоих... решись иль знай:
Любовь хитрей, чем ревность или злоба;
Я вырву Зару из твоих когтей,
Она моя — и быть должна моей!»

33

Умолк. Бледней снегов был нежный лик,
В очах дрожали слезы исступленья;
Меж губ слова слились в невнятный крик,
Мучительный, ужасный... Сожаленье
Угрюмый брат почувствовал на миг.
«Пройдет, — сказал он, — время заблужденья!
Есть много звезд: одна другой светлей;
Красавиц много без жены моей!..

34

Что дал мне бог, того не уступлю;
А что сказал я, то исполню свято.
Пророк зрит мысль и слышит речь мою!
Меня не тронут ни мольбы, ни злато!..
Прощай... но если! если...» — «Я люблю,
Люблю ее! — сказал Селим, объятый
Тоской и злобой, — я просил, скорбел...
Ты не хотел!.. так помни ж: не хотел!»

35

Его уста скривил холодный смех;
Он продолжал: «Всё кончено отныне!
Нет для меня ни дружбы, ни утех!..
Благодарю тебя!.. ты, как об сыне,
Об юности моей пекся: сказать не грех...
По воле нежил ты цветок в пустыне,
По воле оборвал его листы...
Я буду помнить — помни только ты!..»

36

Он отвернулся и исчез как тень.
Стоял недвижим Акбулат смущенный,
Мрачней, чем громом опаленный пень.
Шумела буря. Ветром наклоненный,
Скрипел полуразрушенный плетень;
Да иногда, грозою заглушенный,
Из бедной сакли раздавался вдруг
Беспечной, нежной, вольной песни звук!..

37

Так, иногда, одна в степи чужой
Залетная певица, птичка юга,
Поет на ветке дикой и сухой,
Когда вокруг шумит, бушует вьюга.
И путник внемлет с тайною тоской
И думает: то, верно, голос друга!
Его душа, живущая в раю,
Сошла печаль приветствовать мою!..

38

Селим седлает верного коня,
Гребенкой медной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещет; крепко обвивая
Седло с конем, сцепились два ремня.
Стремёна ровны; плетка шелкова́я
На арчаге мотается. Храпит,
Косится конь... Пора, садись, джигит.

39

Горяч и статен конь твой вороной!
Как красный угль, его сверкает око!
Нога стройна, косматый хвост трубой;
И лоснится хребет его высокой,
Как черный камень, сглаженный волной!
Как саранча, легко в степи широкой
Порхает он под легким седоком,
И голос твой давно ему знаком!..

40

И молча на коня вскочил Селим;
Нагайкою махнул, привстал немного
На стременах... затрепетал под ним
И захрапел товарищ быстроногой!
Скачок, другой... ноздрями пар как дым...
И полетел знакомою дорогой,
Как пыльный лист, оторванный грозой,
Летит крутясь по степи голубой!..

41

Размашисто скакал он, и кремни,
Как брызги рассыпаяся, трещали
Под звонкими копытами. Они
Сырую землю мерно поражали;
И долго вслед ущелия одни
Друг другу этот звук передавали,
Пока вдали, мгновенный, как симун,
Не скрылся всадник и его скакун. . .

42

Как дух изгнанья, быстро он исчез
За пеленой волнистого тумана! . .
У табуна сторожевой черкес,
Дивяся, долго вслед ему с кургана
Смотрел и думал: «Много есть чудес! . .
Велик аллах! . . ужасна власть шайтана!
Кто скажет мне, что этого коня
Хозяин мрачный — сын земли, как я?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Меж виноградных лоз нагорный ключ
От мирного аула недалеко
Бежал по камням, светел и гремуч.
Небес восточных голубое око
Гляделось в нем; и плавал жаркий луч
В его волне студеной и глубокой;
И мелкий дождь серебряных цветов
В него с прибрежных сыпался дерев.

2

Вот мирный час, когда на водопой
Бежит к потоку серн пугливых стая,
Шумя по листьям и траве густой.

Посвященіе.

1

Тебѣ, Кавказъ, — суровый царь земли —
Я снова посвящаю стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной!
Отъ раннихъ лѣтъ кипитъ въ моей крови
Твой жаръ и бурь твоихъ порывъ мятежный;
На сѣверѣ въ странѣ тебѣ чужой
Я сердцемъ твой, — всегда и всюду твой!..

2.

Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
Меня носили въ царствѣ урагана,
И принималъ меня лелѣя ты
Въ объятія изъ синяго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
И подо мной какъ остовъ великана
Въ степи обросшій мохомъ и травой
Лежали горы грудой вѣковой.

3.

Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдые —
Когда по нимъ гремя катался громъ,
И пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры откликалися кругомъ,
Я понималъ ихъ звуки роковые,
Я въ край надзвѣздный, пылкою душой
Леталъ на колесницѣ громовой!..

4.

Моей души не понялъ міръ. Ему
Души не надо. Мракъ ея глубокій
Какъ вѣчности таинственную тьму
Ничье живое не проникнетъ око.
И въ ней-то недоступныя уму
Живутъ воспоминанья о далекой
Святой землѣ... ни свѣтъ, ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ.... я твой! я всюду твой!..

Аул Бастунджи

Автограф с рисунком М. Ю. Лермонтова

Вот час, когда черкешенка младая
Идет купаться тайною тропой.
Нагую ножку в воду погружая,
Она дрожит, смеется... и вокруг
Кидает взгляд, где дышит страсть и юг!

3

Не бойся, Зара! — всюду тишина;
Присядь на камень, сбрось покров узорный!
Вода в ручье прозрачна, холодна;
Смирит волненье груди непокорной
И освежит твой смуглый стан она.
Но, чу!.. постой!.. чей это шаг проворный
Не в добрый час раздался меж кустов?..
Святой пророк! Скорей; где твой покров?..

4

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватает руку Зары. Страстен, молод
Огонь руки сей!.. Сакля далека...
Что делать? В грудь ее смертельный холод
Проник, как пуля меткого стрелка,
И сердце громко билось в ней, как молот!
«Селим, ты здесь? злой дух тебя принес!
Зачем пришел ты?» — «Я?.. Какой вопрос!»

5

— «Селим!.. о!.. я погибла!..» — «Может быть;
Так что ж!» — «Ужель! ни капли сожаленья!
Чего ты хочешь?» — «Я хочу любить!
Хочу! — ты видишь: краткие мученья
Меня уж изменили... скучно жить,
Как зверю, одному... часам терпенья
Настал последний срок! — я снова здесь.
Я твой навек, душой и телом, — весь!

6

Я знал, что ваш пророк — не мой пророк,
Что люди мне — чужие, а не братья;
И странствовал в пустыне одинок
И сумрачен, как див, дитя проклятья!
Без страху я давно б в могилу слег;
Но холодны сырой земли объятья...
Ах! я мечтал хоть миг один заснуть,
Мою главу склонив к тебе на грудь!..

7

Беги со мной!.. оставь свой бедный дом.
Я молод, свеж; твой муж — старик суровый!
Решись, спеши: мне тайный путь знаком;
Мое ружье верней стрелы громовой;
Кинжал мой блещет гибельным лучом;
Моя рука быстрей, чем взгляд и слово;
И у меня жилище есть в горах,
Где отыскать нас может лишь аллах!

8

Мой дом изрыт в расселинах скалы:
В нем до меня два барса дружно жили.
Узнав пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянув, бросились, завыли...
Я их убил — и в тот же день орлы
Кровавые их кости растащили;
И кожи их у входа, по бокам,
Висят, как тени, в страх другим зверям.

9

Там ложе есть из моха и цветов,
Там есть родник, меж камней иссеченный;
Его питает влага облаков,
И брызжет он, журча струею пленной.
Беги со мной!.. никто твоих следов
Не различит в степи, мой друг бесценный!
И только месяц с солнцем золотым
Узнают, как и кто тобой любим!..»

10

Обнявши стан ее полунагой,
Едва дыша, склонившись к ней устами,
Он ждал ответа с страхом и тоской:
Она молчала — шаткими ветвями
Шумел над ними ветер полевой,
И тени листьев темными рядами
Бродили по челу ее: она,
Как мраморный кумир, была бледна.

11

«Решись же, Зара: ждать я не могу!..
Ты побледнела?.. что такое?.. слезы?
Но разве здесь ты предана врагу?
Иль речь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь? нет! я лгу...
Твои уста нежней иранской розы:
Они не могут это произнесть!..
Пусть нет в тебе любви... но... жалость есть!

12

О, как я был бы счастлив, как богат,
Под звездами аллы, один с тобою!..
Скажи: тебя не любит Акбулат?
Он зол, ревнив, он пасмурен душою,
И речь его хладнее, чем булат?..
Он для тебя постыл... беги со мною...
Но ты качаешь молча головой...
Не он тобой любим!!. но кто ж другой?

13

Скорей: откуда? где он? назови —
Я вытерплю зловещее названье...
Я обниму как брата — и в крови
Запечатлею братское лобзанье.
Кто ж он, счастливый царь твоей любви?
Пускай придет дразнить мое страданье,
При мне тебя и нежить и ласкать...
Я рад смотреть, клянусь... и рад молчать!..»

14

И он склонил мятежную главу,
И он закрыл лицо свое руками,
И видно было ей, как на траву
Упали две слезы двумя звездами.
Без смысла и без звука, наяву,
Как бы во сне, он шевелил устами
И наконец припал к земле сырой,
Как та земля, и хладный и немой.

15

Ей стало жаль; она сказала вдруг:
«Не плачь! .. ужасен вид твоей печали!
Отец мой был великий воин: юг,
И север, и восток об нем слыхали.
Он был свирепый враг, но верный друг,
И низкой лжи уста его не знали...
Я дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну — но не изменю! ..

16

Оставь меня! Я счастлива с другим!»
— «Неправда!» — «Я люблю его!» — «Конечно!!!
Он мой злодей, мой враг!!» — «Селим! Селим!
Кто ж виноват?» — «Он прав?» — «Ужели вечно
Не примиритесь вы?» — «Мириться? с ним?
Да кто же я, чтоб злобой скоротечной
Дразнить людей и небо!» — «Ты жесток!»
— «Как быть? такую душу дал мне рок!

17

Прощай! уж поздно! Бог рассудит нас!
Но если я с тобой увижусь снова,
То это будет — знай — в последний раз! ..»
Он тихо встал, и более ни слова,
И тихо удалился. День угас;
Лишь бледный луч из-за Бешту крутого
Едва светил прощальною струей
На бледный лик черкешенки младой!

18

Селим не возвращался. Акбулат
Спокоен. Он не видит, что порою
Его жены доселе ясный взгляд
Туманится невольною слезою.
Вот раз с охоты ехал он назад:
Аул дремал, в тени таясь от зною;
С мечети божей лишь мулла седой
Ему смеясь кивает головой.

19

И говорит: «Куда спешишь, мой сын!
Не лучше ли гулять в широком поле?
Черкес прямой — всегда, везде один,
И служит только родине да воле!
Черкес земле и небу господин,
И чуждый враг ему не страшен боле;
Но, если б он послушался меня,
Жену бы кинул — а купил коня!»

20

— «Молись себе пророку, злой мулла,
И не мешайся так в дела чужие.
Твой верен глаз — моя верней стрела:
За весь табун твой не отдам жены я!»
И тот в ответ: «Я не желаю зла,
Но вспомнишь ты слова мои простые!»
Смутился Акбулат — потупил взор
И скачет он скорей к себе на двор.

21

С дрожащим сердцем в саклю входит он,
Глядит: на ложе смятом и разрытом
Кинжал знакомый блещет без ножон.
Любимый конь не ржет, не бьет копытом,
Нейдет навстречу Зара: мертвый сон
Повсюду. Лишь на очаге забытом
Сверкает пламень. Он невзвидел дня:
Нет ни жены! ни лучшего коня!!!

22

Без сил, без дум, недвижим, как мертвец,
Пронзенный сзади пулею несмелой,
С открытым взором встретивший конец,
Присел он на порог — и что кипело
В его груди, то знает лишь творец!
Часы бежали. Небо потемнело;
С росой на землю пала тишина;
Из туч косматых прянула луна.

23

Бледней луны сидел он недвижим.
Вдруг слышен топот: всё ясней, яснее,
Вот мчится в поле конь. Как легкий дым,
Волною грива хлещет вдоль по шее;
И вьется что-то белое над ним,
Как покрывало... Конь летит быстрее...
Знакомый конь!.. вот близко, прискакал...
Но вдруг затрясся, захрипел — и пал.

24

Издохший конь недвижимо лежит,
На нем, колеблясь, блещет покрывало;
Черкесской пулей тонкий холст пробит:
Кровь запеклась на нем струею алой!
К коню в смущеньи Акбулат бежит;
Лицо надеждой снова заблистало:
«Спасибо, друг, не позабыл меня!»
И гладит он издохшего коня.

25

И покрывала белого конец
Нетерпеливой поднял он рукою;
Склонился — месяц светит: о творец,
Чей бледный труп он видит пред собою?
Глубоко в грудь, как скорпион, свинец
Впился, насытясь кровью молодою;
Ремень, обвивший нежный стан кругом,
К седлу надежным прикреплен узлом.

26

Как ранний снег бела и холодна,
Бесчувственно рука ее лежала,
Обрызганная кровью. . . и луна
По гладкому челу, скользя, играла.
С бесцветных уст, как слабый призрак сна,
Последняя улыбка исчезала;
И, опустясь, ресницы бахромой
Бездушный взор таили под собой.

27

Узнал ли ты, несчастный Акбулат,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкий голос, чей веселый взгляд
Был одарен неведомою чарой,
Пленял тебя лишь день тому назад?
Всё понял он — стоит над мертвой Зарой;
Терзает грудь и рвет одежды он,
Зовет ее — но крепок мертвых сон!

<28>

Да упадет проклятие людей
На жизнь Селима. Пусть в степи палящей
От глаз его сокроется ручей.
Пускай булат руке его дрожащей
Изменит в битве; и в кругу друзей
Тоска туманит взор его блестящий;
Пускай один, бродя во тьме ночной,
Он чей-то шаг всё слышит за собой.

<29>

Да упадет проклятие аллы
На голову убийцы молодого;
Пускай умрет не в битве — от стрелы
Неведомой разбойника ночного
И полумертвый на хребте скалы
Три ночи и три дня лежит без крова;
Пусть зной палит и бьет его гроза
И хищный коршун выклюет глаза!

<30>

Когда придет, покинув выси гор,
Его душа к обещанному раю,
Пускай пророк свой отворотит взор
И грозно молвит: «Я тебя <не> знаю!»
Тогда, поняв язвительный укор,
Воскликнет он: «Прости мне! умоляю! . .»
И снова скажет грешнику пророк:
«Ты был жесток — и я с тобой жесток!»

<31>

И в ту же ночь за час перед зарей
С мечети грянул вещий звук набата.
Народ сбежался: как маяк ночной,
Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокруг нее огонь вился змеей,
Кидая к небу с треском искры злата;
И чей-то смех мучительный и злой
Сквозь дым и пламя вылетал порой.

<32>

И ниц упал испуганный народ.
«Молитесь, дети! это смех шайтана!» —
Сказал мулла таинственно — и вот
Какой-то темный стих из алкорана
Запел он громко. Но огонь ревет
И мечется сильнее урагана
И, не внимая жалобным мольбам,
Расходится по крышам и стенам.

<33>

И зарево на дальних высотах
Трепещущим румянцем отразилось;
И серна гор, лежавшая в кустах,
Послышав крик, вздрогнула, пробудилась,
Ее невольно обнял тайный страх:
Стряхнув с себя росу, она пустилась,
И спавшие под сению скалы
Взвилися с криком дикие орлы.

<34>

Сгорел аул — и слух об нем исчез;
Его сыны рассыпаны в чужбине.
Лишь иногда в туманный день черкес
Об нем, вздохнув, рассказывает ныне
При малых детях. И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи? . .»

1832 или 1833

ХАДЖИ АБРЕК

Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани;
Его стена — ручной булат;
Его мечеть — на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.

По небу знойный день катится,
От скал горячих пар струится;
Орел, недвижим на крылах,
Едва чернеет в облаках;
Ущелья в сон погружены —
В ауле нет лишь тишины.
Аул встревоженный пустеет,
И под горой, где ветер веет,
Где из утеса бьет поток,
Стоит внимательный кружок.
Об чем ведет переговоры
Совет джематских удальцов?
Хотят ли вновь пуститься в горы
На ловлю чуждых табунов?
Не ждут ли русского отряда,
До крови лакомых гостей?

Нет, — только жалость и досада
Видна во взорах узденей.
Покрыт одеждами чужими,
Сидит на камне между ними
Лезгинец дряхлый и седой;
И льется речь его потоком,
И вкруг себя блестящим оком
Печально водит он порой.
Рассказу старого лезгина
Внимали все. Он говорил:
«Три нежных дочери, три сына
Мне бог на старость подарил;
Но бури злые разразились,
И ветви древа обвалились,
И я стою теперь один,
Как голый пень среди долин.
Увы, я стар! Мои седины
Белее снега той вершины.
Но и под снегом иногда
Бежит кипучая вода!..
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто возвратит мне дочь мою?
В плену сестры́ ее увяли,
В бою неровном братья пали;
В чужбине двое, а меньшой
Пронзен штыком передо мной.
Он улыбался, умирая!
Он, верно, зрел, как дева рая
К нему слетела пред концом,
Махая радужным венцом!..
И вот пошел я жить в пустыню
С последней дочерью своей.
Ее хранил я, как святыню;
Всё, что имел я, было в ней:
Я взял с собою лишь ее
Да неизменное ружье.
В пещере с ней я поселился,
Родимой хижины лишен:
К беде я скоро приучился,
Давно был к воле приучен.

Но час ударил неизбежный,
И улетел птенец мой нежный!..
Однажды ночь была глухая,
Я спал... Безмолвно надо мной
Зеленой веткою махая,
Сидел мой ангел молодой.
Вдруг просыпаюсь: слышу, шепот, —
И слабый крик, — и конский топот...
Бегу и вижу — под горой
Несется всадник с быстротой,
Схватив ее в свои объятья.
Я с ним послал свои проклятья.
О, для чего, второй гонец,
Настичь не мог их мой свинец!
С кровавым мщеньем, вот здесь скрытым,
Без сил отмстить за свой позор,
Влачусь я по горам с тех пор,
Как змей, раздавленный копытом.
И нет покоя для меня
С того мучительного дня...
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто привезет мне дочь мою?»

— «Я!» — молвил витязь черноокий,
Схватившись за кинжал широкий,
И в изумлении немом
Толпа раздвинулась кругом.
«Я знаю князя! Я решился!..
Две ночи здесь ты жди меня:
Хаджи бесстрашный не садился
Ни разу даром на коня.
Но если я не буду к сроку,
Тогда обет мой позабудь,
И об душе моей пророку
Ты помолись, пускаясь в путь».

Взошла заря. Из-за туманов
На небосклоне голубом
Главы гранитных великанов
Встают увенчанные льдом.

В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый, надулось
И понеслось по вышине.
Всё дышит утром. За оврагом,
По косогору едет шагом
Черкес на борзом скакуне.
Еще ленивое светило
Росы холмов не осушило.
Со скал высоких, над путем,
Склонился дикий виноградник;
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник:
Небрежно бросив повода,
Красивой плеткой он махает
И песню дедов иногда,
Склонясь на гриву, запевает.
И дальний отзыв за горой
Уныло вторит песни той.

Есть поворот — и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом,
Там, где красивые граниты
Рубчатым сходятся венцом.
Оттуда он, как под ногами,
Смиренный различит аул,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гул,
И на краю крутого ската
Отметит саклю Бей-Булата,
И, как орел, с вершины гор
Вперит на крышу светлый взор.
В тени прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидит.
Пред нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядит.
Кого ты ждешь, звезда востока,
С заботой нежною такой?
Не друг ли будет издалека?
Не брат ли с битвы роковой?
От зноя утомясь дневного,
Твоя головка уж готова
На грудь высокую упасть;

Рука скользнула вдоль колена,
И неги сладостная власть
Плечо исторгнула из плена;
Отяготел твой ясный взор,
Покрывшись влагою жемчужной;
В твоих щеках как метеор
Играет пламя крови южной;
Уста волшебные твои
Зовут лобзание любви.
Немым встревожена желаньем
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабым трепетаньем
Хотят покровы оттолкнуть.
О, где ты, сердца друг бесценный!..
Но вот — и топот отдаленный,
И пыль знакомая взвилась,
И дева шепчет: «Это князь!»

Легко надежда утешает,
Легко обманывает глаз:
Уж близко путник подъезжает...
Увы, она его не знает
И видит только в первый раз!
То странник, в поле запоздалый,
Гостеприимный ищет кров;
Дымится конь его усталый,
И он спрыгну́ть уже готов...
Спрыгни́ же, всадник!.. Что же он
Как будто крова испугался?
Он смотрит! Краткий, грустный стон
От губ сомкнутых оторвался,
Как лист от ветви молодой,
Измятый летнею грозой!

«Что медлишь, путник, у порога?
Слезай с походного коня.
Случайный гость — подарок бога.
Кумыс и мед есть у меня.
Ты, вижу, беден; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поедешь в путь,
В молитве нас не позабудь!»

Хаджи Абрек

Аллах спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И от отца тебе поклон
За то привез с собою он.

Леила

Как! Мой отец? Меня поныне
В разлуке долгой не забыл?
Где он живет?

Хаджи Абрек

Где прежде жил:
То в чуждой сакле, то в пустыне.

Леила

Скажи: он весел, он счастлив?
Скорей ответствуй мне...

Хаджи Абрек

Он жив.
Хотя порой дождям и стуже
Открыта голова его...
Но ты?

Леила

Я счастлива.

Хаджи Абрек
(тихо)

Тем хуже!

Леила

А? что ты молвил?..

Хаджи Абрек

Ничего!

Сидит пришелец за столом.
Чихирь с серебряным пшеном
Пред ним не тронуты доселе
Стоят! Он странен, в самом деле!

Как на челе его крутом
Блуждают, движутся морщины!
Рукою лет или кручины
Проведены они по нем?

Развеселить его желая,
Леила бубен свой берет;
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:
Она кружится перед ним,
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой
И тихо черными очами
Поводит, — и, без слов, уста
Хотят сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе — всё мечта!»

Хаджи Абрек

Довольно! Перестань, Леила;
На миг веселость позабудь:
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? отвечай.

Леила

Нет! Что мне хладная могила?
Я на земле нашла свой рай.

Хаджи Абрек

Еще вопрос: ты не грустила
О дальней родине своей,
О светлом небе Дагестана?

Леила

К чему? Мне лучше, веселей
Среди нагорного тумана.

Везде прекрасен божий свет.
Отечества для сердца нет!
Оно насилья не боится,
Как птичка вырвется, умчится.
Поверь мне — счастье только там,
Где любят нас, где верят нам!

Хаджи Абрек

Любовь! .. Но знаешь ли, какое
Блаженство на земле второе
Тому, кто всё похоронил,
Чему он верил, что любил!
Блаженство то верней любови
И только хочет слез да крови.
В нем утешенье для людей,
Когда умрет другое счастье;
В нем преступлений сладострастье,
В нем ад и рай души моей.
Оно при нас всегда, бессменно;
То мучит, то ласкает нас...
Нет, за единый мщенья час,
Клянусь, я не взял бы вселенной!

Леила

Ты бледен?

Хаджи Абрек

Выслушай. Давно
Тому назад имел я брата;
И он — так было суждено —
Погиб от пули Бей-Булата.
Погиб без славы, не в бою,
Как зверь лесной, — врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Он завещал мне, умирая.
И я убийцу отыскал:
И занесен был мой кинжал,
Но я подумал: «Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатит мне за столько лет
Печали, грусти, мук? .. О нет!
Он что-нибудь да в мире любит:
Найду любви его предмет,

И мой удар его погубит!»
Свершилось наконец. Пора!
Твой час пробил еще вчера.
Смотри, уж блещет луч заката! . .
Пора! я слышу голос брата.
Когда сегодня в первый раз
Я увидал твой образ нежный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, как адом, вся зажглась.
Но это чувство улетело. . .
Валла́х! исполню клятву смело!

Как зимний снег в горах бледна,
Пред ним повергнулась она
На ослабевшие колени;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Перед жестоким излились.
«Ох, ты ужасен с этим взглядом!
Нет, не смотри так! Отвернись!
По мне текут холодным ядом
Слова твои. . . О, боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Ответствуй! ничего не значат
Невинных слезы пред тобой?
О, сжалься! . . Говори — как плачут
В твоей родимой стороне?
Погибнуть рано, рано мне! . .
Оставь мне жизнь! оставь мне младость!
Ты знал ли, что такое радость?
Бывал ли ты во цвете лет
Любим, как я? . . О, верно, нет!»

Хаджи в молчаньи роковом
Стоял с нахмуренным челом.

«В твоих глазах ни сожаленья,
Ни слез, жестокий, не видать! . .
Ах! . . Боже! . . Ай! . . дай подождать! . .
Хоть час один. . . одно мгновенье!! .»

Блеснула шашка. Раз — и два!
И покатилась голова. . .

И окровавленной рукою
С земли он приподнял ее.
И острой шашки лезвеё
Обтер волнистою косою.
Потом, бездушное чело
Одевши буркою косматой,
Он вышел и прыгну́л в седло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхом неземным,
Храпит и пенится под ним:
Щетиной грива, — ржет и пышет,
Грызет стальные удила,
Ни слов, ни повода не слышит
И мчится в горы как стрела.

Заря бледнеет; поздно, поздно,
Сырая ночь недалека!
С вершин Кавказа тихо, грозно
Ползут, как змеи, облака:
Игру бессвязную заводят,
В провалы душные заходят,
Задев колючие кусты,
Бросают жемчуг на листы.
Ручей катится — мутный, серый;
В нем пена бьет из-под травы,
И блещет сквозь туман пещеры,
Как очи мертвой головы.
Скорее, путник одинокой!
Закройся буркою широкой,
Ремянный повод натяни,
Ремянной плеткою махни.
Тебе вослед еще не мчится
Ни горный дух, ни дикий зверь,
Но если можешь ты молиться,
То не мешало бы — теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливым оком
Зачем глядишь перед собой?
То камень, сглаженный потоком!..
То змей блистает чешуей!..
Твоею гривой в поле брани
Стирал я кровь с могучей длани;

В степи глухой, в недобрый час,
Уже не раз меня ты спас.
Мы отдохнем в краю родном;
Твою уздечку еще боле
Обвешу русским серебром;
И будешь ты в зеленом поле.
Давно ль, давно ль ты изменился,
Скажи, товарищ дорогой?
Что рано пеною покрылся?
Что тяжко дышишь подо мной?
Вот месяц выйдет из тумана,
Верхи дерев осеребрит,
И нам откроется поляна,
Где наш аул во мраке спит;
Заблещут, издали мелькая,
Огни джематских пастухов,
И различим мы, подъезжая,
Глухое ржанье табунов;
И кони вкруг тебя столпятся...
Но стоит мне лишь приподняться,
Они в испуге захрапят
И все шарахнутся назад:
Они почуют издалека,
Что мы с тобою дети рока!..»

Долины ночь еще объемлет,
Аул Джемат спокойно дремлет;
Один старик лишь в нем не спит.
Один, как памятник могильный,
Недвижим, близ дороги пыльной,
На сером камне он сидит.
Его глаза на путь далекой
Устремлены с тоской глубокой.

«Кто этот всадник? Бережливо
Съезжает он с горы крутой;
Его товарищ долгогривый
Поник усталой головой.
В руке, под буркою дорожной,
Он что-то держит осторожно
И бережет как свет очей».
И думает старик согбенный:

«Подарок, верно, драгоценный
От милой дочери моей!»

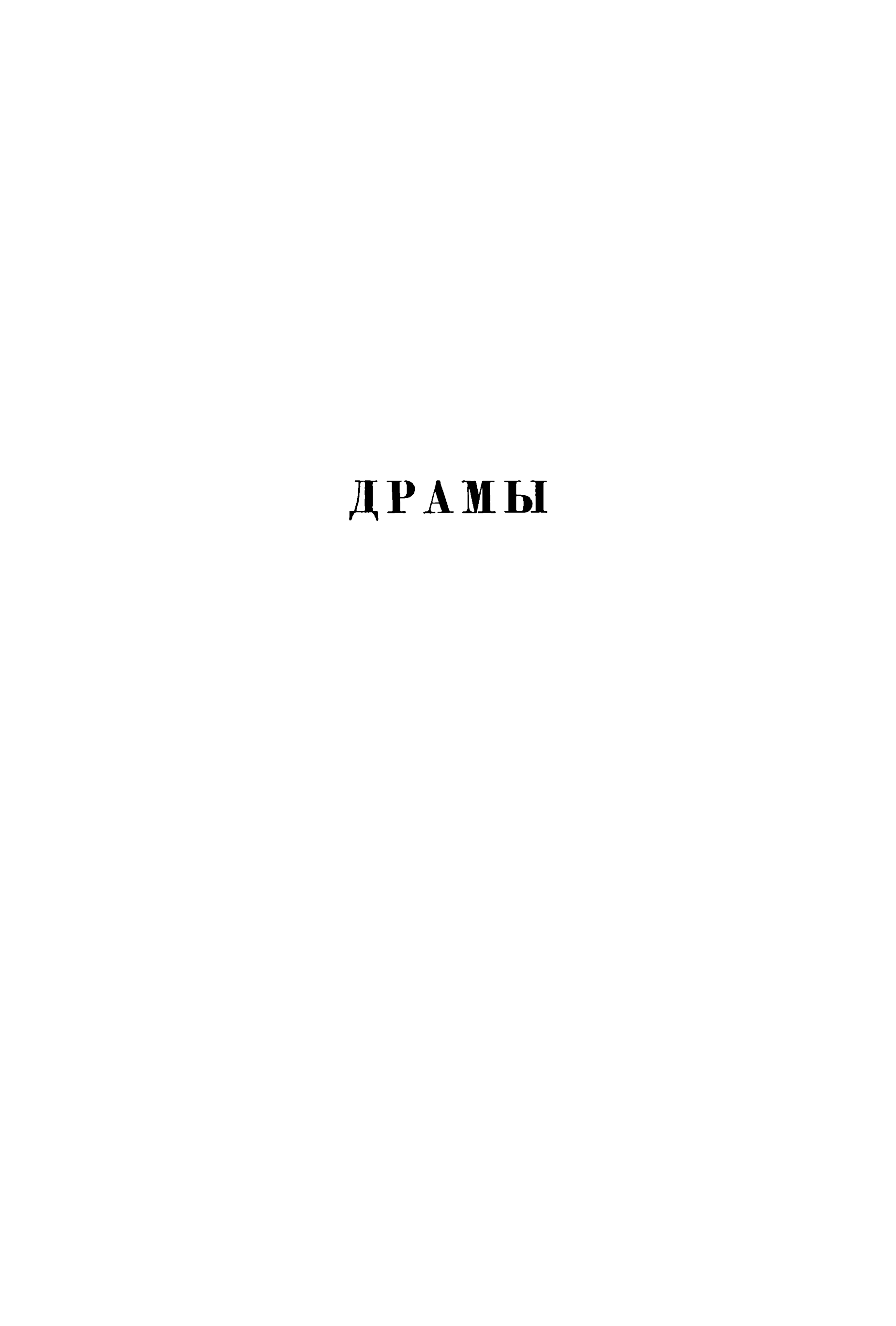
Уж всадник близок: под горою
Коня он вдруг остановил;
Потом дрожащею рукою
Он бурку темную открыл;
Открыл — и дар его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видит — боже правый! —
Своей Лейлы голову!..
И он, в безумном восхищенье,
К своим устам ее прижал!
Как будто ей передавал
Свое последнее мученье.
Всю жизнь свою в единый стон,
В одно лобзанье вылил он.
Довольно люди <и> печали
В нем сердце бедное терзали!
Как нить, истлевшая давно,
Разорвалося вдруг оно,
И неподвижные морщины
Покрылись бледностью кончины.
Душа так быстро отлетела,
Что мысль, которой до конца
Он жил, черты его лица
Совсем оставить не успела.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:
Взглянул на шашку, на коня —
И быстро в горы удалился.

Промчался год. В глухой теснине
Два трупа смрадные, в пыли,
Блуждая, путники нашли
И схоронили на вершине.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятие на их челе.
Обнявшись крепко, на земле

Они лежали, костенея,
Два друга с виду — два злодея!
Быть может, то одна мечта,
Но бедным странникам казалось,
Что их лицо порой менялось,
Что всё грозили их уста.
Одежда их была богата,
Башлык их шапки покрывал:
В одном узнали Бей-Булата,
Никто другого не узнал.

1833 или 1834



ДРАМЫ

ЦЫГАНЫ

(Опера)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет приятное местоположение, цыгане сидят в шатрах, иные ходят и, собравшись в группы, поют.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Цыган

(поет)

Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Мы счастливее царей
И вельмож могучих...

Гей, цыгане! гей, цыган<ки>!
(и проч.).

Цыганка

(Из «Московского вестника» песнь)

. . . .

Пляшут и поют. Всё умолкает.

Старый цыган

(пред очагом)

Что за жизнь... одному да одному — Земфира ушла гулять в пустынном поле, она привыкла бродить по дальним лесам и таборам. Но вот уж и ночь — а всё ее нет... вот и луна спускается к небосклону. Как прекрасно... *(Смотрит на месяц, и подходя к очагу.)* Мой ужин скоро простынет — а дочь не приходила — видно, придется одному провесть ночь...

Но вот она!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Земфира, и за нею юноша.

Старик

Где ты была так долго, дочь моя, я думал, что и ты меня покинешь, как сделала коварная мать твоя?..

Земфира

Прости, отец мой, но видишь ты,
Веду я гостя: за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала;
Он хочет быть, как мы, цыганом,
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду,
Его зовут Алеко; он
Готов идти за мною всюду.

Старик

Я рад, останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь...

ИСПАНЦЫ

Трагедия в пяти действиях

ПОСВЯЩЕНИЕ

Не отвергай мой слабый дар,
Хоть здесь я выразил небрежно
Души непобедимый жар
И дикой страсти пыл мятежный.

Нет! не для света я писал —
Он чужд восторгам вдохновенья;
Нет! не ему я обещал
Свои любимые творенья.

Я знаю: всё равно ему,
Душе ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живые струны отвечали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмеяла,
Ты с беспокойного чела
Морщины ранние сгоняла, —

Так над гробницею стоит
Береза юная, склоняя
С участьем ветки на гранит,
Когда ревет гроза ночная!..

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Алварец, дворянин испанский.
Эмилия, дочь его.
Донна Мария, мачеха ее.
Фернандо, молодой испанец, воспитанный Алварецом.
Патер Соррини, итальянец-иезуит, служащий при инквизиции.
Доминиканец, приятель Соррини.
Моисей, еврей.
Ноэми, дочь его.
Сара, старая еврейка.
Испанцы, бродяги, подкупленные Сорринием.
Жиды и жидовки.
Служители инквизиции.
Слуги Алвареца, слуги Сорриния, народ гробовщики.

Действие происходит в Кастилии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Комната у Алвареца. Стол. Портреты на стенах и зеркало на стене. Донна Мария сидит на креслах. Эмилия стоит и перебирает четки.

Донна Мария

Да, с этих пор тебе я запрещаю
С Фернандо говорить, во-первых, он
Неблагородный. Оттого мой муж
Тебе с ним не позволит съединиться
Супружеством; и я в том настою!

Эмилия

Поверьте, благородство не в бумагах,
А в сердце.

Донна Мария

Так, уж верно от него
Ты этого наслушалась. Прекрасно!..

Эмилия

Немудрено, что мне Фернандо много
Прекрасных чувств помог узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, он,
Безвестный сирота, был взят моим отцом;
И с этих пор я под одной с ним кровлей
Жила как с братом — и бывало,
Вдвоем гуляли мы в горах кастильских,
Он был подпора и вожатый мне;
И не было на тех вершинах розы,
Которой для меня не мог бы он достать.

Донна Мария в рассеяньи как бы поправляет что-нибудь в своем одеяньи — и не слушает.

Однажды мы до ночи заходились:
Душистый ветерок свежее становился,
И месяц по небу катился.
Пред нами быстрый был поток; Фернандо,
Чтоб перенесть, взял на руки меня;
Мы перешли, но я всё оставалась
В его объятьях. Вдруг, я помню,
Он странным голосом спросил меня:
«Эмилия меня не любит?» — «Нет! люблю!» —
Сказала я, и уж с того мгновенья
Люблю его нежней всего на свете!..

Донна Мария

Вот это именно меня и заставляет
Тебе советовать не говорить с ним.
Тебе я заменяю мать, могу,
И мне дано от Алвареца право,
Смотреть как можно строго за тобою.
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилия

А может быть, гаданья ваши ложны.

Донна Мария

Поверь, тебя я не глупее, потому,
Что уж за третьим мужем, опытность
Рассудок заменяет, знаю, как
Несчастливы супружества, когда
Муж и жена не равны состояньем.

Эмилия

Неужели умершие мужья
Рассудку придают?..

Донна Мария

(будто не слыхав)

Звонят к обедне!

Эмилия

Звонят!
(в сторону)
а он <всё> не приходит.

Донна Мария

Взяла ли ты молитвенную книжку?..

Эмилия

Ах! позабыла,
(берет со стола)
о! как долго!..

Фернандо входит. Донна Мария не видит его, выходит в дверь. Эмилия из-под мантельи, следуя за мачехой, роняет записку. Фернандо, глядевший вслед за нею, подымает.

Фернандо

(открывает)

«Я знаю, что батюшка слышал об нашей любви и о твоем намерении жениться на мне. Он тебе, верно, станет говорить об этом. Ради бога, не горячись с ним, иначе мы никогда не будем счастливы».

Ты много требуешь, Эмилия!

Молчание.

Кто б мог подумать, что такой глупец,
Такой бесчувственный... чудна природа!..
И это милое, небесное созданье.
Эмилия!.. нет, нет! она не дочь его.
Мне скажут: благодарность! —
благодарность!..
За что? — за то ль, что каждый день
Я чувствовать был должен, что рожден
Я в низком состояньи, что обязан

Всем, всем тому, кого душою выше,
За то ли, что ломо́ть вседневний хлеба,
Меня питавший, должен был упреком
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это благодарность от меня?
О, лучше бы от голода погибнуть,
Чем выносить такие укоризны!..

И как он мог узнать мои желанья! странно!..
Но что ни будь, а даже для нее
Малейшей не стерплю опять обиды! полно!
Любовь возьмет свое... но не теперь...

Алварец входит тихими шагами и садится в кресла.

Фернандо

Какой же гордый вид, как будто в нем
Соединилися все души предков;

(обращаясь к портретам)

О вы! вы, образы людей великих
Своею мудростью и силой,
Скажите мне, ужель гниющие,
Немых гробов бесчувственные жертвы
Отнимут у меня мою Эмилию?..
Смешно! — я не могу себе представить,
Чтоб мертвые имели предрассудки!..

Алварец

Фернандо! до меня доходят слухи,
Что ищешь ты войти в мое семейство!..
Безумец ты! — клянусь святою девой! —
И мысль одна, мой милый, быть мне зятем
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо

Желательно, чтобы моя обида
Могла вам заплатить за ваши...

Алварец

Мои обиды!.. слушай же, глупец,
Что я скажу тебе, да со вниманьем.

Фернандо

(насмешливо)

Как счастлив тот, кто может, оказав
Добро один раз в жизни человеку,
Бранить его глупцом сто раз — и каждый день!

Алварец

Узнать ты должен наконец,
Кто ты! — доселе содержал я
Тебя почти совсем как бы родного.
Но с этих пор переменилось всё!
Я повторю тебе, как ты попал сюда:
С слугой однажды шел я из Бургоса
(Тогда еще я только что женился).
Уж смерклось, и сырой туман покрыл
Вершины гор. Иду через кладби́ще,
Среди которого стояла церковь
Забытая, с худыми окнами.
Мы слышим детский плач — и на крыльце
Находим бедного ребенка — то был ты;
Я взял тебя, принес домой — и воспитал.

(Насмешливо.)

Но для чего тебя там положили
И кто родители твои — бог знает!
А я так не хочу и знать, да, да!

Фернандо

(пораженный, про себя)

Так, так, совсем, совсем забытый сирота!..
В великом божьем мире ни одной
Ты не найдешь души себе родной!..
Питался я не материнской грудью
И не́ спал на ее коленях. Чуждый голос
Учил меня родному языку
И пел над колыбелию моей.

Молчание.

(Ходит взад и вперед. Потом опять приходит в спокойное положение.)

Испанец

Рисунок М. Ю. Лермонтова

Алварец

О чем печален! — точно вот как было.
Возможно ли тебе теперь жениться
На дочери моей? что после скажут
Другие благородные испанцы?

Фернандо

Поговорят — и замолчат.

Алварец

Не замолчат, не слыхано у нас,
Чтобы на улице найденный человек
С семейством очень древним, благородным
Мог сблизиться.

Фернандо

Сказать вам отчего?
Боятся эти люди, чтоб тогда
Их равенство скорей не увидали...

Алварец подходит к портретам.

Алварец

Вот этот, здесь, мой первый предок, жил
При Карле первом, при дворе, в благоволенье
У короля; второй при инквизиции
Священной был не в малых людях;
Вот тут написано, что сделал он:
Три тысячи неверных сжег и триста
В различных наказаниях замучил.

Фернандо
(насмешливо)

О, этот был без спору муж святой;
Конечно, он причислен к лику?

Алварец
(равнодушно)

Нет еще!..
Вот третий здесь, в военном одеяньи,
С пером на шляпе красным и с усами:

Вторым служил на флоте он — и утонул
В сраженьи против англичан проклятых.
Еще ж пятнадцать прадедов моих ты видишь
(Дай бог, чтоб и меня сюда вписали
И род наш до трубы последней продолжился);
И — ты — ты захотел вступить в число их?
Где, где твои родители, бродящие
По свету негодяи — подлые... или...
Несчастные любовники, или какие-
Нибудь еще похуже... дерзкий! что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь
И явишь все, тогда я замолчу.

Фернандо

О, если б только я хотел молчать
Заставить вас,

(трогая шпагу)

то без пергаментов
Я б это мог.

Алварец

Уж слишком ты забылся,
Бродяга! покажи ж сейчас,
Как ты меня молчать заставишь, а не то
Велю тебя прибить, и это верно,
Как то, что папа есть апостолов наместник!
Как ты меня молчать заставишь?
Бедняга, плут, найденыш!.. ты не помнишь,
Что я, испанский дворянин, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду,

(топнув)

видишь ты перед собою
Изображения отцов моих?
Кто ж твой отец? кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви? — Верно уж жидовка,
А с христианкой быть сего не может;
Итак, смирись, жидовское отродье,
Чтоб я тебя из жалости простил!..

Фернандо

(в беспокойстве)

Послушай, Алварец! теперь — теперь я
Ничем тебе не должен! — Алварец,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй от меня, — кровь благородная
Текла поныне в жилах этих...

Минута молчания.

Вот эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставит.

Алварец

Вон! вон скорей из дома моего,
Чтоб никогда ни сам, ни дочь моя
Тебя близ этих мест не увидали.
Но если ж ты замыслишь потихоньку
Видаться с нею, то, клянусь Мадритом,
Клянусь портретами отцов моих,
Заплотишь кровью мне.

Фернандо

Ты можешь кровь мою
Испить до капли, всю; но честь... но честь
Отнять не в силах, Алварец!

Алварец

Вон! вон, глупец! Когда ты хлеба
Иметь не будешь — к моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.

(В сторону)

Каков же негодяй Фернандо стал!..

Фернандо

О! ад и небо!.. ну, прощай!..
Но бойся, если я решусь на что-нибудь!..

Убегает в бешенстве и сталкивается в дверях с патером Сорринием, которого не замечает. Соррини на минуту поражен, но наконец сгибает спину и с поклоном входит. Алварец идет радостно иезуиту навстречу.

Алварец

А! добрый день отцу Сорринию!

(Он его сначала в беспокойстве не заметил.)

Как поживаете, святой служитель божий?

Соррини

(кланяясь, с притворством глаза к небу)

Помилуйте, я лишь смиренный раб его
И ваш слуга покорнейший.
Да что у вас за шум в дому случился?
Как бешеный тут кто-то пробежал
И даже мне не поклонился.

Алварец

Да, я теперь лишь из дому прогнал
Питомца своего: давно пора уж было.

Соррини

И я давно уже заметил это,
Но не хотел лишь беспокоить вас...
Повеса он большой и пылкий малый,
С мечтательной и буйной головой.
Такие люди не служить родились,
Но всем другим приказывать.
Не то, что мы, которые должны
Склоняться ежедневно в прахе,
Чтоб чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми делами
Купить себе прощенье за грехи.
А что он сделал, должно ли мне знать?
Быть может, против церкви или короля —
Так мне не худо знать...

Алварец

Бедняга этот...

Соррини

Бедняга?

Алварец

Как же! я его нашел
Ребенком, брошенным на улице.

Соррини

Таким бы людям надобно прощать,
Они наказаны уж богом.

Алварец

Как прощать?
Да я вам расскажу, что сделал он.

Соррини

(в сторону)

Как жалко, что его карманы пусты;
А то набил бы я свои потуже.
Так в мире всё из рук в другие переходит.

Алварец

(с таинственным видом)

Когда он был еще ребенком, позволял
Ему я с дочерью моей играть;
Они играли — да, играли — я не думал,
Что выдет что-нибудь из этого худое.
Бывало, спросишь: «Что вы, дети?» — «Мы играем».
— «Во что?» — «В любовь!» — и нежно целовались,
Как горлицы. Фернандо, став постарше,
Уж понял, что нейдет так вольно обращаться,
И начал думать, как бы продолжать
Игру когда-нибудь, — из слов его я видел
Нередко, что желал бы он жениться
На дочери моей. Как я взбесился,
Вы можете понять, отец Соррини!..
С тех пор я стал с ним груб, суров, хоть против воли;
Как вы ни говорите, взял его
Еще ребенком я под эту крышу;
Он жил со мною двадцать лет;
Был будто первенцом моим... недавно
Я вновь хотел с ним показаться нежным —
Как вдруг узнал я от жены моей,
Что хочет у меня просить Фернандо
Эмилию в замужство... ну ж, меня
Вы знаете, — хоть сед — но как взбешусь...
Ну!.. я и уговаривал его,

И представлял все важные причины, —
Он много мне грубил — и я решился
Прогнать его из дома наконец.
И не увидит христианская душа
Его ноги в дверях моих. В том я уверен!..

Соррини

Хм! хм! что ж ваша дочь?

Алварец

Не знаю. У обедни
Она теперь сидит с моей женою
И, верно, молится о нем. Да как вы
Мальчишке этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже он?..
Как вы его не удержали тотчас,
Чтоб должного потребовать почтенья?

Соррини

Слепым дорогу должно очищать!

Алварец

Слепым? да он глядел ведь в оба глаза.

Соррини
(с презрительной улыбкой)

Конечно, вы не поняли меня:
Покуда ни одной сединки не видать
На голове, пока огнем живым,
Как розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнели,
Пока трепещет сердце от всего,
От радости, печали, ревности, любви,
Надежды, — и пока всё это
Не пронеслось — и навсегда, — есть страсти,
страсти
Ужасные; как тучею они
Взор человека покрывают, их гроза
Свирепствует в душе несчастной — и она
Достойна сожаления бесспорно.
Такие люди слепы; ваш Фернандо
Из их числа. Так что ж мне было делать?

Я должен был дорогу уступить,
Совсем не оттого, чтоб я боялся...
А... без причин с опасностию спорить
Нейдет ни званью моему, ни чину;
Вы согласитесь,

(показывая на крест)

этот крест смиренью учит
Меня. Тот, кто на нем был распят,
Моим примером должен быть — и я
Как мог свою обязанность исполнил!..

Слуга Сорриния входит с письмом и отдает его своему господину.

Слуга

Отец Соррини! вот письмо от бедной.
Лишь только вы ушли, она явилась в дом наш.

Соррини

Да от кого письмо, — какая крайность?

Слуга

От бедной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

Соррини

(прерывает его)

И нынче приходить велел.

Слуга

О господин мой, как она жалка;
Я, слыша речь ее, расплакался.
Шесть, семь ребят в лохмотьях,
Лежащих на соломе без кусочка хлеба
Насущного. Как я вообразил их крик:
«Мать! дай нам хлеба, — хлеба... мать!
дай хлеба!» —
Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини

Молчи, молчи — не то и я заплачу!..
О боже мой, пошли благословенье

На бедную, забытую семью.
Услыши недостойного молитву.

(Слуге, громко.)

Дай пять серебряных монет — да от меня —

Слуга смотрит на него.

(Соррини подходит и говорит тихо.)

Ступай; дай ей одну!..

Слуга

Да сжальтеся!..

Соррини

(топнув, громко)

Как? много?
Добра не делаем мы никогда довольно...

Слуга в смущении уходит.

Алварец

Я удивляюсь вам, святой отец.

Соррини

Ах, замолчите — я молю вас — слышать страшно...
Я самый-самый бедный грешник.

Алварец

(глядит в окно)

Вот и жена моя идет из церкви,
А с ней Эмилия с своими четками.

Соррини

(в сторону)

Идет прелестная! пусть бережется; если
Заронит искру пламя в эту грудь,
Оледеневшую от лет... то нелегко
Она избегнет рук моих — мне трудно
Носить поныне маску — и что ж делать?
Того уж требует мой сан. Ха! ха! ха! ха!..

Эмилия и донна Мария входят.

Как счастлив я, что вижу наконец
Прелестную Марию — и тебя,
Невинную Эмилию. О! Алварец!

Не должен тот роптать на провиденье,
Кто обладает этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было от солнца
Их защитить.

Алварец

Эмилия, поди сюда.
Я объявил отцу Сорринию,
Что влюблена ты.

Эмилия

(покраснев)

Батюшка!

Алварец

Молчи.
Отец святой тебя наставить хочет
В том, как вредна любовь, — а ты,
Ты слушай со вниманьем — чтоб ни слова
Не кинул он на воздух — сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь, — он тебе откроет
Опасность страшную любви.

Соррини

Да, если мне позволил ваш родитель,
То я готов неопытность ввести
На лучший путь. Там нет цветов,
Там терния, но цель, к которой мы
Приходим, веселит нас — а былое
Печально или весело, смотря по тем
Мгновениям, когда о нем воспоминаешь.
Итак, всего важней последствие;
Коль к доброму концу деянья наши,
То способы всегда уж хороши,
Какие б ни были, — страшись Фернанда!
Он льстит тебе, обманет — или,
Положим, на тебе он женится, —
Но это для того, чтоб быть богаче.

Алварец

Да этого не будет никогда;
Скорей все мертвые воскреснут.

Соррини

Не говорите этого — бывают
Такие случаи. Но вас, Эмилия,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть может, притворяется Фернандо?
Послушайте, я расскажу вам случай,
Которому свидетель был в Мадрите,
При инквизиции святой.
У девушки одной любовник был,
Красивый, молодой и умный малый,
И, так сказать, на всё удалый.
И он красавицу мою любил,
И очень долго это продолжалось;
Как наконец заметила она,
Что, от нее без грусти удаляясь
Под разными предлогами, не стал
Он находить веселья в разговоре нежном,
Что к ней он вовсе охладел,
Что не дивился уж красе ее наряда
И призывающего взгляда
Он понимать уж не умел.
Как женщине всё это не заметить,
Когда вся жизнь ее в том только состоит?..
Вот ревность в грудь ее, как червь, закралась
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто без обиняков скажу,
Она любимца отравила,
И он скончался в двое суток,
Но так как бедный сей испанец
Служил при инквизиции писцом,
То в дело все вошли по праву мщенья:
Преступницу наказывали долго,
Именье в пользу церкви обратив, —
И наконец замучили до смерти!

Все содрогаются.

Вот следствия любви!.. страшись, Эмилия.
На мячик сердце в нас походит: положи
Ты на крутой горе его тихонько,
И он не тронется — но раз толкнув,
За ним хоть бросишься, но не догонишь.
Не так ли говорю я?

Алварец

Точно так.
Вы совершенно справедливо поступили
С несчастною преступницей! — Как? отравить
Служителя священной инквизиции?
Она мученья смерти заслужила.

Соррини

Нет! я совсем не говорю сего.

(Кидая взор на Эмилию)

Я слишком жалостлив, — насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Все члены у меня, хладея, трепетали,
И осуждал мой ум, что пальцы написали!..
Но такова судьба судей земных!
Все люди мы; и ослепленье страсти,
Безумное волнение души должны мы
Прощать, когда мы излечить не в силах.

Донна Мария

Ах! я и прежде так судила.

Алварец

И в самом деле правда это!

Соррини

(радостно, в сторону)

Они меня боятся!

Эмилия

Позволь тебя спросить мне, батюшка,
К чему всё это клонится.

Алварец

К тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
Об том, что более Фернандо не увидишь —
Он нагрубил мне нынче. И навеки
Его из дому я прогнал.
Не смей с ним видеться тихонько; и́наче
Страшися оскорбленного отца...

Прощаю я твою любовь, как бы порок,
В котором ты исправилась. Надеюсь,
Что это будет так по крайней мере.

Соррини

Утешьтесь, нежная Эмилия!
Любовь пройдет, самим вам будет легче.

Эмилия

(сквозь слезы)

Довольно и того, что сделали;
Но для чего смеяться надо мной?..

(Плачет.)

Эмилия уходит, закрыв глаза платком. Все в изумлении.

Соррини

Как резко вы сказали, Алварец!
Нечаянный удар вослед себе
Ведет раскаянье нередко.

Алварец

Э, нужды нет, отец Соррини, —
Ведь надо было бы открыть;
А чем скорей, тем лучше...

Соррини

Не всегда.
Вы знаете ли: женщина цветок,
Который, если вы его согнете вдруг,
Изломится.

Донна Мария

Да не угодно ль вам
Позавтракать, отец Соррини?

Соррини

Благодарю, прекрасная Мария!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владеет. До свиданья! Донна, до свиданья!
И вы, почтенный друг мой Алварец!

Желаю, чтоб небес благословенье
Сошло на дом ваш... и... чтоб ваша дочь
Утешилась скорей; я думаю,
Она и не замедлит. Ха! ха! ха! прощайте!

(Уходит, низко кланяясь.)

Алварец

Когда еще нам сделать честь придет
Вам в голову, то, верьте мне,
Открыты будут ежедневно двери
Мои для вас... как сердце...

(кланяясь)

одолжите!

Соррини, провожаемый до двери, уходит наконец.

Ну, слава богу!.. он такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему.
Боюсь таких людей, которые всегда
На языке своем имеют: да! и да!
Хоть сердятся они — не знаешь извиниться,
Затем что с виду всем довольны.
Но с кем бранился я — с тем можно
помириться!..

Уходят все.

СЦЕНА II

Ночь. Театр являет сад и балкон с левой стороны. На него выходит Эмилия. Балкон соединен ступенями с садом. Эмилия сидит. Месяц над деревьями.

Эмилия

Всё тихо! — только это сердце беспокойно;
Неблагодарный! я его просила,
Чтобы хоть для меня он удержался.
Ужели для меня не мог он? — вот мужчины!
Ужели мненье моего отца
Ему дороже, чем любовь моя?
Теперь уж некому меня утешить;

Молчание.

Уж эти мачехи! — презлобные творенья;
И этот иезуит! — ведь надобно ж
Мне окруженной быть таким народом!..
О! если б мог прекрасный месяц озарить
Хотя последнее свиданье наше.
Фернандо разлюбил меня, конечно,
А то бы он пришел проститься; я прощаю
Его горячность; но зачем нейдет
Он извиниться в этом предо мною...
Ему грозил отец мой; это правда!
Попробую сойти!

(Сходит с балкона.)

Там кто-то шевелится!
Как бьется сердце!.. но чего бояться:
Ведь я одна... а если кто-нибудь!..
Кто там?.. тень шевелится на земле...
Ах! боже мой!.. куда уйду...

Слышен голос

Эмилия!..

Эмилия

Ах! ах! святой Доминго, помоги!
Злой дух ко мне идет.

(В страхе не знает, что делать.)

Фернандо
(выходит в черном плаще)

Эмилия!..
Мой голос страшен для тебя... ты испугалась!..

Эмилия

Нет! нет!.. ах, сядем! я дрожу!..

Фернандо
(берет ее за руку)

Ты права!
Но отчего я испугал тебя так сильно?..

Они садятся на скамью.

Эмилия

Ну что ж ты скажешь?

Фернандо

Я пришел проститься!..
Проститься! — в первый раз такое слово
Должно меня печалить... знаешь ли,
Я думаю, что был бы счастливей,
Когда бы не с кем было мне проститься...
Ты будешь плакать — мне двойная мука...

Эмилия

Сам виноват! ведь я тебя просила...
Ты не хотел. Кто ж виноват? кто ж виноват?

Фернандо

Нет, я не мог, клянуся небом!
Ты знала нрав мой — для чего писала?..
Но всё уж кончилось — не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватым
Мне было б тяжело — ты это знаешь!..
Что сделано — то сделано...

Эмилия

Где будешь
Ты жить теперь, Фернандо?..

Фернандо

Где! где жить?..
Ты мне напомнила ужасное!..
Зачем такой вопрос?.. ты знала,
Что не имею я ни друга, ни родни,
Ни места в целом королевстве, где б
Я мог найти приют. Последний нищий
Имеет то, чего я не имею:
Он равнодушно и спокойно просит хлеба.
Вообрази: лишь ты одна на свете
Сказала мне: люблю — тебе одной
Я поверял все мысли, все желанья;
Ты для меня: родня, друзья — ты всё мне!..
Гордися этим!.. так, Эмилия:
Мы созданы небесным друг для друга;

Ты — всё для сердца этого — и бог
Не так жесток, чтоб всё отнять
У человека!

Молчание.

Эмилия

Знаешь, говорят, не должно
С мужчиной девушке сидеть в полночь...

Фернандо

Со мной сидеть не бойся никогда.

Эмилия
(кидается ему на шею)

О! милый! — как мне грустно! будто
Свинец в груди наместо сердца...
Как вспомню, что в последний раз тебя
Здесь вижу — слезы остановятся, дыханье
Редеет... то боюсь, чтоб не пришел отец мой,
То — чтобы час прощанья не пришел...
Ко мне ужасные теснятся мысли;
Вчерась я видела во сне, что ты
Меня хотел зарезать.

Фернандо
(мрачно и быстро)

Перестань.
Взгляни на тихую луну! о, как прекрасна!
И облачка вокруг нее! — луна,
Луна! — как много в этом звуке чувств —
Что будет, что теперь и что прошло, всё в нем
Соединяется — и что прошло!
И кто б подумать мог, что та ж луна,
Которая была немой свидетель
Минуты первой... у ручья... в горах — ты помнишь —
Что та ж луна свидетель будет
Разлуки, нежная Эмилия!..
Взгляни опять: подобная Армиде
Под дымкою сребристой мглы ночной,
Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки

Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горящие любовью; и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит, когда же отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас — посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах — помнишь —
помнишь —
В тот вечер всё так было — кроме
Судьбы Фернандо — небо и земля
Всё те же — только люди! — если б ты
Не причислялась к ним, то я б их проклял...

Эмилия

Да разве ты не человек же?

Фернандо

О! я себя бы вместе с ними проклял!..

Эмилия

За что это?

Фернандо

За то, что не могу
Я видеть хладнокровно, как они
Стараются друг другу делать зло,
С притворной добротой, когда совсем
Не просят их; за то, что не могу
Я видеть общего стремленья к ничему,
Или для золота разбитые сердца!..
За то... Эмилия... о! я злодей —
Я мог бы сделать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но как взгляну на будущность... на жизнь,
Бесцветную, с прошедшим ядовитым...
Тогда... Эмилия... тогда я жертвовать
Готов твоим блаженством, чтоб иметь
Близ этой груди существо такое,
Которое понять меня б могло!
Желаю, чтобы вечно час такой
Не приходил... но! — не люби меня...
Ты видишь нрав мой — позабудь меня...
Забудешь ли?

Эмилия

Что, если б я сказала: *да*?
Не говори в другой раз то, чего не мыслишь...

Фернандо

Мой ангел, ангел... ты понять не можешь, как
Любовь твоя меня терзает.

Фернандо обнимает ее, и она его.

О, если счастье неба будет
Иметь так много горечи, как этот
Единый поцелуй, то я бы отказался
От рая добровольно. Ах! Эмилия!
Ступай ты лучше в монастырь,
Ступай в обитель — скрой себя от света,
Умри!.. предвижу много страшного!..
О, если б никогда ее не знал я!

Звон.

Полночь!.. прости!.. но что за шорох...

Молчанье.

Мы пропали!
Я позабыл калитку затворить...
Беги!.. беги!..

Эмилия

Спаси нас царь небесный!
(Уходит на балкон и скрывается.)

Фернандо
(вынимает шпагу)

Кто там! заплатишь дорого
За это любопытство мне!
(Ударяет по кусту.)

Вскрикнув, выползает жид седой и бросается на колени.

Моисей

Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.

Фернандо

Вздор, вздор... ты слышал — и умрешь.
Признайся, ты подослан.

(Шпагу подставляет к горлу.)

Моисей
(на коленях)

Нет.

Фернандо

Ты лжешь...

Моисей

Страшись убить напрасно старика;

(Кидается в ноги, обнимает колени.)

Спаси меня... у нас ведь бог один...
Меня преследуют... быть может, твой
Отец в живых... я сам отец... о, для него
Спаси меня от инквизиции...
Возьми именья половину... но зачем
Ругаться попусту над сединами —
Тебе заплотит бог твой... у меня
Есть дочь, что будет с нею, если ты
Меня не пощадишь... что будет с нею...
О! сжалься, сжалься!

Фернандо

У тебя есть дочь!..
А я хотел?.. о... нет! довольно в свете
Сирот и без нее... возьми

(кидает ему не глядя плащ и шляпу)

наденъ!..
Иди за мной — ни слова... или смерть!..
Ни слова — я хочу тебя спасти!..

Моисей

Как!.. как!..

Молчание. Жид в изумлении. Испанец с презрением глядит на него.

Клянусь Иерусалимом,
Что он не христианин... это верно.

(Надевает плащ и шляпу.)

Фернандо

Собака! что сказал ты. . что сказал ты?..
Не смей закон мой поносить при мне...
Пойдем.

Являются издали факелы и люди с другой стороны

Моисей

(тихо про себя)

Но если он меня предаст,
Но если он...

Фернандо

Ты видишь факелы! пойдем.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

В доме Соррини; комната, где он угощает бродяг, чтоб они ему служили. Несколько испанцев сидят за двумя столами, кричат, смеются и пьют. Слуги разносят вины.

1-й испанец
(бродяга)

Да, если инквизиция святая
На тот конец учреждена была,
Чтоб нас кормить, то дай бог ей здоровья. .
Соррини, впрочем, очень добрый малый.
Хотя ханжит немного — но с летами,
Когда придет пора рассудка, можно
Надеяться на исправленье.

2-й испанец

Ты, конечно,
Ослеп и белое за черное берешь,
Как все слепые... ха! ха! ха!.. не так ли?

(Пьет.)

1-й испанец

Могу заверить вас, друзья мои,
Что молод патер наш: не телом, так душой.
Как любят женщины его поныне,
И как он сам их любит, вопреки закону!

3-й испанец

Он женщинами столько же любим,
Как нами!..

1-й испанец

Разве ты его не любишь?

3-й испанец

Ну да! когда накормит хорошо.
Но, ergo,[1] эта нежная любовь
Проходит с голодом и с жаждой!..

4-й испанец

А я готов побиться об заклад,
Что наш Соррини плутни затевает
Опять. Уж эти угощенья не к добру.
Так, — помнишь ли: ему хотелось,
Чтоб мы зарезали дон Педро
И дом его сожгли?.. Уж то-то пиршество
Он задал нам — или в другой раз,
Пред тем, чтоб нам велеть похитить для него
Красавицу бургосскую, от тетки.
Вот дьявольское было дело! — positum:[2]
Теперь он также затевает плутни!..

1-й испанец

Эх! что нам в том! ведь надо ж есть и пить,
притом же
Он наш заступник в инквизиции.

3-й испанец

Однако же не худо бы ему
Своим гаремом поделиться с нами;

---

[1] следовательно (лат.). — *Ред.*
[2] нужно полагать (лат.). — *Ред.*

Не то все гурии завянут — или
Им будет слишком тесно наконец.

5-й испанец
(за другим столом)

Вина!

(Кричит.)

Слуга

Сейчас... в минуту...

5-й испанец

К черту ждать! вина!
Будь проклят ты с своим Сорринием!..

Слуга
(подает стакан)

Вот вам вино.

5-й испанец

Прегадкое, с водой.
Поди ты к черту с ним — ракалия!..

(Бросает стакан на пол и обливает 2-го испанца.)

2-й испанец
(горячо)

Послушай! — будь вперед поосторожней!
За это бьют у нас.

5-й испанец
(вскочив)

Чего ты хочешь, ты?

2-й испанец

Я говорю, чтоб ты вперед остерегался!..
Не то...

(схватывает стул)

я стулом рассчитаюсь!..

5-й испанец

Клянуся честью, ты в живых не будешь.
Я вырву твой язык... и псам
Голодным на обед отдам!..

(Вынимает кинжал.)

Уж я тебя достану...

(Бросается на него.)

3-й испанец

Погодите.

Другие удерживают их.

Оставь кинжал, а ты свой стул, и станьте,
Как должно в поединке — шпаги выньте,
А секундантов будет уж довольно.

Они вынимают шпаги и становятся.

Вот так... начните,

Начинают.

хладнокровней только...
А ты уж слишком близко наступаешь...
Зачем так горячишься ты?..

2-й испанец
(перестав)

Я тронул.

5-й испанец

Нет!..

1-й испанец

Смотрите, чтоб при первой крови кончить.

5-й испанец
(нападая)

Он жизнью мне своей заплотит.

1-й испанец
(четвертому)

Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый!..

2-й испанец отступает, тот на него нападает, и вдруг ранен в плечо, их разнимают.

3-й испанец

Товарищи, довольно — помиритесь!..

4-й испанец

Конечно; мир за бранью следует всегда.

5-й испанец

Пожалуй, я готов... твоя победа.

2-й испанец

Итак, мы вновь друзья.

5-й испанец

Но знаешь ли,
Когда б они меня не удержали,
То я сдержал бы обещанье,
И верно б твой язык собаки съели!

Входит Соррини, они все низко ему кланяются.

Соррини

Какой я слышал шум!

5-й испанец

Да! мы немножко
Повздорили, почтенный патер, но
Всё кончилося примиреньем...

(К другим)

Так ли?

Соррини

А я пришел вам дать препорученье:
Столь важного давно не исполняли вы!..
Вопрос: вы знаете ли Алвареца?

Все

Знаем!

Соррини

Есть у него жена.

Все

Жену?

Соррини

Нет! нет!.. не то!..
Я к ней подделаться хочу, чтобы она
Не помешала вам похитить дочку,
Она на это, верно, согласится,
Затем что если дочери не будет,
То ей именье всё достанется
По смерти мужа... а его кончины час
Она приблизит уж по-своему.
Но дело не о том теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,
И я... но вы уж знаете! зачем
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мне ужасно... я горю
Любовью к ней!.. готов я всю казну
Мою отдать вам... только б вы
Эмилию мне привезли! Что только можно —
Яд, страх, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мне испанку привезите...
И всё, всё тайно доведите
До этого счастливого конца.
Тогда — друзья мои... вы не видали
Такого пиршества... какое будет.
Но слушайте! — я вверил тайну вам —
Страшитесь изменить — о! если
Хоть искра заговора выскочит...
То всех под инквизицию отдам.

3-й испанец

Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху... но есть еще Фернандо,
Который в доме их воспитан...
Он молодец... я видел, как в арене
Пред ним ужасный буйвол упадал.
Его ты не подкупишь... и не так-то
Легко с ним будет справиться.

4-й испанец

Конечно!
Да он же и влюблен в Эмилию...

Соррини

(вспоминая)

Фернандо! — кто такое? да!.. Фернандо!..
Знакомо это имя что-то мне!
А!.. вот судьба!.. он выгнан из дому
Два дня тому назад безмозглым Алварецом,
За вздор какой-то!.. нечего бояться!..
Но... правда... может он узнать...
предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортит дело всё... нет!.. прежде
Убейте мне его... найдите... справьтесь...
Как вам тогда придет на ум...
Потом Эмилию похитить можно...
Клянусь... я выдумал прекрасно!..

Все

(кричат)

Пожалуй!.. как ты хочешь, патер.

Соррини

Прощайте! Я надеюсь на вашу скромность.

Половина уходят.

(Про себя.)

Когда ты хочешь непременно,
Чтоб что-нибудь не сделали иль сделали,
То говори, что ты уверен в людях;
И самолюбие заставит их
Исполнить трудное твое желанье.

Остальная половина уходит. Соррини садится в кресла.

Что значит золото? — оно важней людей,
Через него мы можем оправдать
И обвинить, — через него мы можем,
Купивши индульгенцию,
Грешить без всяких дальних опасений
И, несмотря на то, попасть и в рай.
И вот последний год мой уж настал.
Однако ж не уйдет Эмилия
Из рук моих. Я отомщу ей
За смех вчерашний — о, поверь мне,
Надменная красавица, ты будешь

Стоять передо мною на коленях
И плакать и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмеешься ты, когда скажу
Что и старик любить умеет сильно;
И в том признаешься невольно ты...
Любить! — смешно, как это слово
Употребляю я с самим собою.
Но я ей отомщу за гордый смех.
Хотя б она была моей последней жертвой —
Последней?.. будто нету денег у меня,
Чтобы купить еще на десять лет
И больше отпущение грехов!
Грехов! ха! ха! ха! ха! — на что оно годится
Для тех, которые ему душой не верят?
А я и без него умею обойтиться.

Входят с радостью толпой испанцы и ведут певца с гитарой.

Испанцы

Вот мы певца пымали на дороге,
Не хочешь ли послушать, он споет
Про старину, про гордых наших предков;
Не хочешь ли, почтенный патер?

Соррини

(поглядывая на певца)

Благодарю я вас, друзья мои. Нейдет
Мне быть свидетелем мирских веселий
И юности пиров гремящих.
Сединам этим преклоняться должно в прахе
Перед распятым, а не украшаться
Венками радости. Не петь я должен, но
Рыдать, моляся за грехи свои
И ваши — ибо стадо с пастырем едино!..
(Уходит нагнувшись.)

5-й испанец

(в сторону)

Что ж! без тебя так нам еще вольнее.

3-й испанец

Признаться, я не верю, чтоб у нас
У каждого одни грехи с ним были.

Мы делаем злодейства, чтобы жить,
А он живет — чтобы злодейства делать!..

Певец

Что ж мне вам спеть, ей-богу я не знаю!..

2-й испанец

Ну полно, брат. Садись и начинай играть,
А песни выльются невольно.
Люблю я песни, в них так живо
Являются душе младенческие дни.
О прошлом говорят красноречиво
И слезы на глаза влекут они;
Как будто в них мы можем слезы возвратить,
Которые должны мы были проглотить;
Пусть слезы те в груди окаменели,
Но их один разводит звук,
Напомнив дни, когда мы пели
Без горькой памяти, без ожиданья мук.

3-й испанец

Ха! ха! ха! ха! разнежился опять...
Опять понес ты вздор давнишний,
Опять воспоминанья, черт бы с ними...

5-й испанец

Баба!..

4-й испанец

(показывает на певца)

Тс, тс...

1-й испанец

Он начинает!.. слушать!..

БАЛЛАДА

Гвадьяна бежит по цветущим полям,
В ней блещут вершины церквей;
Но в прежние годы неверные там
Купали своих лошадей.

На том берегу, поклянусь, что не лгу,
Хранимый рукой христиан,
С чалмой и крестом, над чугунным столбом
Стоит превысокий курган.

Недалеко отсюда обитель была.
Монахи веселой толпой,
Когда наступила вечерняя мгла,
За пир садились ночной.
Вот чаши гремят, и поют, и кричат,
И дверь отворяется вдруг:
Взошел сарацин, безоружен, один —
И смутился пирующий круг.
Неверный, склоняся челом, говорит:
«Я желаю проститься с чалмой,
Крестите меня, как закон ваш велит!
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обман из далеких стран
Привели меня к вашим стенам.
Я узнал ваш закон, мне понравился он:
Я жизнь свою богу отдам!»

Но монахи его окружили толпой
И в сердце вонзили кинжал.
И с золотом сняли алмаз дорогой,
Который на шее сиял.
И ругались над ним, со смехом пустым,
Пока день не взошел молодой.
И кровавый труп на прибрежный уступ
Был брошен злодейской рукой.

Не прошло трех ночей, как высокий курган
Воздвигся с крестом и чалмой,
И под ним тот пришлец из восточных стран
Зарыт — но не силой земной!
И с тех пор, каждый год, только месяц взойдет,
В обитель приходит мертвец
И монахам кричит (так молва говорит),
Чтоб крестили его наконец!..

Многие хлопают в ладоши.

1-й испанец

Прекрасно! очень хорошо.

Все испанцы

Благодарим.
Не хочешь ли вина, искусный трубадур?

Ему подают, и он пьет.

Певец

За здравье папы!.. а потом за ваше!

3-й испанец

Товарищи, пойдемте же теперь
Искать свою любезную добычу...
Пойдемте, с помощью святого Доминика!
Нам бог простит!.. ведь надо людям жить!..

Уходят все с громким хохотом.

СЦЕНА II

Комната у жида, богатые ковры везде и сундуки. Тут стоит на столбике лампа горящая. В глубине сцены две жидовки нижут жемчуг. Всё богато. Ноэми входит и садится у стола, облокотившись.

Ноэми

Нет! — не могу работой заниматься!
Шитво в глазах сливается, и пальцы
Дрожат, как будто бы иголка тяготит их!
Молиться я хотела — то же всё!
Начну лишь... а слова мешаются;
То холод пробежит по телу вдруг,
То жар в лицо ударится порой,
И сердцу так неловко, так неловко!..
И занимает всё воображенье
Прекрасный образ незнакомца,
Который моего отца избавил
От гибели вчера. Дай бог ему всё счастье,
Отнятое у нас несправедливо.
Как будто бы евреи уж не люди!
Наш род древней испанского — и их
Пророк рожден в Ерусалиме!

Смешно! они хотят, чтоб мы
Их приняли закон — но для чего?
Чтоб в гибель повергать друг друга, как они?
Они так превозносят кротость,
Любовь к себе подобным, милость, —
И говорят, что в этом их закон!
Но этого пока мы не видали.

Молчание.

Однако ж есть и между ними люди!
Вот, например, вчерашний незнакомец.
Кто б ожидал? — как жалко, что его
Я не увижу — но отец мой
Его так живо описал, так живо!..
Высокий стан, и благородный вид,
И кудри черные как смоль, и быстрый взор,
И голос... но зачем об нем я мыслю?..
Что пользы!.. ах! какой же я ребенок!

Молчание.

Мне скучно! — вся душа расстроена,
И для меня суббота поневоле
Сегодня!.. Сердце бьется, бьется,
Как птичка пойманная в сетке!
Зачем нейдет отец мой? он опять
Злодеям в руки попадется...
Как скучно быть одной весь день;
Всё песнь одна; низать и распускать свой жемчуг,
Читать и перечитывать, одеться
В парчу и вновь раздеться, есть, и пить,
И спать... однако ж эту ночь
Мой сон был занимателен и страшен!

Молчание.

Что пользы?

(Кличет.)

Няня! Сара! Сара!
Поди ко мне! — поди сюда! ну что же!..

Сара

(старуха идет)

Что, милая Ноэми, что тебе!
Иль жемчуг распустила — но ведь я

Стара — мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебе вредит неосторожность,
А мне так невозможность! так ли?

Ноэми

Нет, Сара! жемчуг я оставила низать.

Сара

Что! аль не нравится! вот я
В свои года не тем была довольна!
А этой молодежи нынешней
Всё дурно! — Что ж меня звала ты?

Ноэми

Так
Мне скучно!.. я больна!..

Сара

Больна! ах, боже мой.
Так я пошлю скорее за врачом...
Есть у меня знакомый, преискусный!..

Ноэми

Не надо... я не то чтобы больна!
А... так! не в духе!.. всё нейдет на лад,
Что ни начну!.. мне хочется того, чего
Сама определить не в силах я!..
Мне грустно! — расскажи мне сказку
Про старину! — садись и расскажи!..

Сара

Дай мне припомнить, милое дитя,
Вот видишь!.. память-то слаба,
Я столько слышала, видала, испытала,
Что из толпы моих воспоминаний
Навряд одно вполне перескажу!..

Ноэми

Я видела сегодняшнюю ночь
Ужасный сон! ужасный!.. растолкуй мне:
Мне снилось, что приходит человек,

Обрызганный весь кровью, говоря,
Что он мой брат... но я не испугалась,
И стала омывать потоки крови,
И увидала рану против сердца
Глубокую... и он сказал мне:
«Смотри! я брат твой»... но клянуся,
В тот миг он был мне больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я бога, чтобы жизнь его продлил;
Но этот человек захохотал
И вдруг воскликнул: «Перестань молиться!
Я брат твой! ныне братьев ненавидят!..
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христианин — и не брат твой;
Я над тобой хотел лишь посмеяться!»
И он спешил уйти... и я схватила
Его широкий плащ... но что ж? — в руках
Остался погребальный саван! — я проснулась...

Сара

Он братом называл себя твоим?

Ноэми

Но это вздор! — я не имела брата!
И никогда иметь не буду!..

Сара

О! Ноэми!
Не говори!.. случиться это может!..

Ноэми

Как может!.. как? нет, это невозможно!

Сара

Послушай — у тебя *был* брат.
Он старше был тебя... судьбою чудной,
Бежа от инквизиции, отец твой
С покойной матерью его оставили
На месте том, где ночевали;
Страх помешал им вспомнить это...
Быть может, думали они, что я

Его держала на руках... с тех пор
Его мы почитали все умершим
И для того тебе об нем не говорили!
А может быть, он жив — как знать!
Ведь божья воля неисповедима!

Ноэми

Ах, Сара! Сара! нет, он умер!..
Увял он как трава пустыни и как цвет
Полей засохнул!.. так, он был рожден для жизни,
Он был рожден, чтоб быть мне другом, —
О Сара! если умер он — как счастлив,
И как должна я плакать об себе!
Гонимый всеми, всеми презираем,
Наш род скитается по свету: родина,
Спокойствие, жилище наше — всё не наше.
Но час придет, когда и мы восстанем!..
Так говорит писанье, так я верю —
Зачем и нет? — что сделал мой отец
Сим кровожадным христианам? деньги
Имеет он и дочь — вот всё его богатство;
И если б он уверен был найти
Отчизну и спокойствие, то верно б
Свои все деньги отдал людям,
Которые его поныне притесняли,
Однако ж и меж них есть добрые.

Сара

Да, да, вот тот испанец молодой,
Который спас намедни Моисея!
Родитель твой хотел вознаградить
Его звенящим кошельком — но он
Его ногами истоптал, сказав:
«Собака! жизнь твоя сего не стоит!
Я не наемник твой». Прости ему всевышний
Подобные хулы за то,
Что спас он одного из гибнущих сынов
Израиля!..

Ноэми

Прости ему всевышний!..

Сара
(подходит к окну)

Какая ночь! — В такую точно ночь
Я стала жертвою любви! — Иосиф мой!
О, если б ты меня теперь увидел,
Ты испугался бы; в то время я цвела,
Мои глаза блистали, как алмазы,
И щеки были нежны, точно пух! ..
Увы! Ноэми, кто б тогда подумал,
Что этот лоб морщины исчертят,
Что эти косы поседеют! — то-то время! ..

Ноэми

Что мой отец нейдет! ..

Сара

Чу! вот сова кричит — ужасный крик!
Я не люблю его! — во мне все жилы
Кровь оставляет при подобном крике! ..

Стучат в дверь.

Ах! верно, твой отец пришел! .. ну ж поздно! ..

Голос

Скорее отоприте! отоприте!

Служанки, сидевшие за шитьем, бросаются и отпирают; входит Моисей, ведет Фернандо с перевязанной рукой, сей едва идет.

Моисей

Ноэми! Сара! помогите, помогите! ..
Измучен я усталостью... и страхом.
Он истекает кровью... о! проклятье
Злодеям! .. дайте кресло и подушки;
Он истекает кровью! ..

Дают длинную подушку и кладут на пол, его сажают и поддерживают голову ослабевшую.

Будь Авраам свидетель, эта ночь
Ужасней той, когда я сына потерял;
Тому *я* дал существованье,
А *этот* возвратил мне жизнь! ..
О бог, бог иудеев, сохрани
Его, хоть он не из твоих сынов! ..

Фернандо

Кто здесь моих убийц так проклинал?
Зачем? Они хотели сделать мне добро,
Освободить от мук! так земляки мои
Всегда добро друг другу делают!
О, перестаньте —

(как от сна)

где я? кто со мной?

(Поднимает голову.)

Благодарю того, кто спас меня — но кто он?..

Моисей

Ты спас его недавно сам:
Он здесь перед тобой, еврей, гонимый
Твоим народом, — но ты спас меня,
И я тебе обязан заплатить,
Хоть я в твоей отчизне презираем.
Так, дочь моя, вот мой спаситель!..

Ноэми

(становится на колени и целует руку)

Еврейка у тебя целует руку,
Испанец!..

(Она остается на коленях и держит руку.)

Фернандо

(Моисею)

Что сказал ты, иноверный!
Отчизна! родина! — слова пустые для меня,
Затем что я не ведаю цены их;
Отечеством зовется край, где наши
Родные, дом наш и друзья;
Но у меня под небесами
Нет ни родных, ни дома, ни друзей!..

Ноэми

Когда ты не нашел себе друзей
Меж христиан, то между нас найдешь;
Ты добр, испанец, — небо справедливо!..

Фернандо

Я *был* добр!..

Моисей
(стоя над ним)

Кровь течет из раны;
Перевяжите — как он побледнел.

Фернандо

У волка есть берлога, и гнездо у птицы,
Есть у жида пристанище;
И я имел одно — могилу!..
Чудовище! зачем ты отнял у меня
Могилу!.. все старанья ваши — зло!
Спасти от смерти человека для того,
Чтоб сделать зло! — безумцы;
Прочь!.. пусть течет свободно кровь моя,
Пусть веселит... о! жалко! нет монаха здесь!..
Одни евреи бедные — что нужды?
Они всё люди же — а кровь
Приятна людям! — прочь!

(Срывает перевязи.)

Ноэми

Отец мой!

(В отчаяньи.)

Он сорвал перевязку! — он умрет.

Все бросаются опять навязать.

Сара

О! как он ослабел, несчастный...
Какая бледность покрывает щеки;
Как жалко!..

Фернандо

Дайте пить мне, я горю;
Язык засох... Скорее, ради бога!

Сара уходит за питьем.

Ноэми

Испанец, успокойся! успокойся!
Ты был несчастлив, это видно,
Хоть молод. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говорим,
Что он несчастлив, то снимаем тягость
С его души!.. Ах! как бы я желала,
Чтобы ты стал здоров и весел!..

Фернандо

И весел!..

(Стонет.)

Ноэми

Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тот еврей — отец твой,
И вображение тебя утешит:
Оно дано нам, людям, для того,
Испанец!

Фернандо

Девушка! ты дочь его!

Ноэми

Ты отгадал, ты спас отца мне!
И он тебя спасет. Я заклинаю
Тебя твоим законом, перестань
Тревожиться печальной думой:
Она вредит здоровью твоему,
Разгорячает кровь.

Сара приносит стакан.

На, выпей!

Фернандо

Благодарю! твои слова напитка лучше!..
Когда о мне жалеет женщина,
Я чувствую двойное облегченье!
Послушай: что я сделал этим людям,
Которые меня убить хотели?

Что не разбойники они, то это верно.
Они с меня не сняли ничего
И бросили в крови вблизи дороги...
О, это всё коварство!.. я предвижу,
Что это лишь начало... а конец!..
Конец...

(вздрагивает)

что вздрогнул я? — что б ни было,
Я уступлю скорей судьбе, чем людям...
Оставь меня покуда!

Она встает и отходит; но издали всё на него смотрит.

Сара
(подходит к Моисею)

Скажи, молю тебя, как ты его нашел?
Я это всё за сон принять готова!..

Моисей

Пошел к раввину я: он был мне должен;
Он задержал меня часа с четыре,
Хоть против воли; ночь уже была
Темна, и я, в сапог засунув
Свой кошелек, боясь воров, пошел
Домой. Луна вставала, над болотом
И между гор густой туман дымился;
Иду я, недалеко уж отсюда,
Густым леском — и слышу звук шагов!..
Все жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за куст:
Сижу — дрожу — передо мной была поляна,
И месяц ударял в нее лучами;
Шесть человек стояли на поляне,
И слышу: «Этой самою дорогой
Идти он должен ныне... ну ж не знаю,
Как он кинжалы наши выдержит.
Мне жалко бы его убить до смерти,
Он малый славный и к тому ж бедняк!
Да делать нечего, когда велел нам патер
Его отправить в дальную дорогу!..»
Едва окончена была такая речь,

Как вдруг я слышу крик и звук кинжалов;
Он долго защищался, наконец
Упал, и все они в минуту разбежались,
Как будто мертвый был страшней живого!..
Когда утихло всё, я вышел посмотреть,
Кто был несчастной жертвою злодейства,
И что ж? мой благодетель, мой спаситель! —
Я различил черты его при свете
Луны... он ранен был легко,
Но, странно, не узнал меня
И, будто по природному влеченью,
Встал... я понес его... он всё шептал,
Но я не понял слов... потоки крови
Бежали на меня... так я принес
Несчастного сюда!.. Бог сделал это чудо!..

Сара

И точно, это чудо, Моисей!..

Ноэми

(которая в то время опять села у ног Фернандо)

Что? утихает боль твоя иль нет?..

Фернандо

Дай руку мне! о нежное созданье,
Как обо мне она печется...

Моисей

(Саре)

Поди постель ему ты приготовь,
Я тотчас сам приду туда...

Сара

Да как
Его зовут, кто он такой, нельзя ль узнать?

(Уходит.)

Моисей

(подходит)

Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты и как тебя зовут?

Фернандо

Когда я жизнь свою подвергнул для твоей,
То спрашивал ли: как тебя зовут?..

Молчание.

Меня зовут Фернандо!
Вот всё, что я могу сказать, другое
Пусть спит в груди моей, как прах твоих отцов
В земле сырой!.. я не скажу моих отцов.
Я ни отца, ни матери не знаю!..
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично об таких вещах!..
Ты этим ни отца, ни матери не дашь мне!

Ноэми

Я буду для тебя сестрой.

Фернандо

Ты для меня сестрой не будешь!

Ноэми

Зачем же отвергать так своенравно
Того, кому ты можешь вверить горесть
Души твоей — ужель различье веры?
Ужели хочешь ты, чтоб я
Раскаялася в том, что иудейка!..

Фернандо

Бог сохрани меня от этой мысли:
Ты цвет пустыни, ты дитя свободы:
Без правил любишь ты, — испанцы только
Без правил ненавидят ближних!..
У них и рай и ад — всё на весах,
И деньги сей земли владеют счастьем неба,
И люди заставляют демонов краснеть
Коварством и любовью к злу!..
У них отец торгует дочерьми,
Жена торгует мужем и собою,
Король народом, а народ свободой;
У них, чтоб угодить вельможе или
Монаху, можно человека
Невинного предать кровавой пытке!..
И сжечь за слово на костре, и под окном

Оставить с голоду погибнуть, для того
Что нет креста на шее бедняка, —
Есть дело добродетели великой!
О боже, сохрани меня от мысли,
Что ты должна принять их предрассудки;
Но между них одно есть существо,
Но между демонов один есть ангел
Души моей... но замолчу об этом...

Ноэми

Ты горячишься, это увеличит
Твое страданье с болью ран твоих;
Не хочешь ли чего-нибудь?.. усни...
Вот мой отец придет: он приготовил
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
Мы всё достанем, только будь спокоен;
Иль кровь опять начнет течи из ран.

Фернандо

(в сторону)

Эмилия далеко от меня;
О, если б эта милая еврейка
Была Эмилия!.. как скоро бы все раны
Закрылися, кроме одной;
Но рана эта так приятна сердцу!..
Эмилия! Эмилия!.. быть может,
Умру я здесь, далеко от тебя;
И ты моей могилы не найдешь;
И от последней, от тебя я буду
Забыт!.. забыт!..

Моисей

Усни! постель уже готова...
Эй! Сара! помоги поднять его.

Две еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей подымают слабого Фернандо и уводят. Ноэми одна остается.

Ноэми

Проникло сожаленье в грудь мою;
Так вот кого я так желала видеть,
Не ведая желанию причины!..

Нет, нет, я не спасителя отца
Хотела видеть в нем;
Испанец молодой, с осанкой гордой,
Как тополь стройный, с черными глазами,
С такими ж черными кудрями
Являлся воображенью моему,
И мною овладел непостижимой силой,
И завладел моим девичьим сном;
Отец мой так его подробно описал.

Молчание.

О, как судьба людьми играет! ..
Кто б отгадал, что этот человек,
Недавно спасший моего отца,
Сегодня будет здесь, у нас, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мне кажется, я чувствую любовь
К нему — не сожаленье, а любовь!
Как это слово звучно в первый раз! ..
Когда он говорит, то сердце у меня
Трепещет; точно как боится,
Чтоб сердце юноши не перестало биться;
Когда ж произношу его названье,
Хотя бы в мыслях только я сказала:
Фернандо! .. то краснею, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь! ..
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви! — все любят — что же тут худого;
Так точно — ничего худого нет в любви;
К чему же совесть тут мешается
И будто сердце предостерегает? ..
Но как же слушаться ее? ..
Как не любить! — ах! без любви так скучно;
И даже думать не о чем! — о боже!
Храни его! храни обоих нас:
Прости любовь мою! .. я не могу иначе! ..

(Она стоит в задумчивости.)

Действие третие

Сцена I

В доме Алвареца. Спальня донны Марии. Большое зеркало, стол и стулья. Алварец в креслах, Мария перед зеркалом надевает что-то на голову.

Алварец

Желал бы я узнать, зачем сюда
Эмилия здороваться нейдет;
Уж верно, плачет о своем любезном
Иль с цитрою мечтает на балконе.
Вот дочери! — От них забот гора,
А нет ни утешенья, ни добра.

Донна Мария
(оборачиваясь)

Как думаешь, любезный мой супруг,
Идет ли мне вот это ожерелье;
И можно ли так показаться в люди?
Оно не дурно! ..

Алварец

Всё к тебе идет.
И если б ты явилась мне теперь
В измаранном и самом гадком платье,
То, я клянусь мечом отцовским,
Любил бы я тебя как прежде,
И столько же прекрасна ты б казалась
Моим глазам.

Донна Мария

Неужли? ах, мой милый! ..
(В сторону.)

Он думает, что только для него
Я одеваюсь, как прилично мне.
Возможно ль быть самолюбиву так,
Возможно ль быть так глупу — как мужья? ..
Да странно, что так много требуют от нас;

Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь в свете?

Алварец

Говорил я
Тебе уж о намереньи своем
Иль нет?..

Донна Мария

А что такое?

Алварец

Слушай:
Хочу я замуж выдать дочь свою;
Боюсь, чтоб не ушла она с Фернандо;
Жених готов: богат он и умен...

Донна Мария

Ах, милый друг, не рано ли?
Нет, погоди — она так молода.

Алварец

Да слушай: ведь жених-то редкий;
Он храбр, в честях, любезен и богат...

Донна Мария

Да хочет ли он сам жениться?

Алварец

Я покажу тебе письмо его,
Оно вот в этом ящике лежало.

(Хочет отпереть ящик у стола.)

Мария смущенная подходит. Он дергает.

Да что ж? — он заперт у тебя — дай ключ...

Донна Мария

Что хочешь ты?

Алварец

Дай ключ!

Донна Мария

Что?

Алварец

Ключ мне!

Донна Мария

Ключ?

Ах боже мой, я, верно, затеряла!
Да после мы найдем...

Алварец

Как после! для чего
Не тотчас?

Донна Мария

(в сторону)

Если он увидит, я пропала!

(Ему)

Да после я найду письмо твое! ..
Зачем сердиться из пустого — как смешно! ..

Алварец

И ключ потерян? черт возьми! — досадно!

Слуга

(входит)

Ждет лошадь у крыльца. И всё готово...

Алварец

Да я совсем забыл, что надо ехать;
Прощай, моя Мария, — до свиданья.

(Целует ее и уходит.)

Донна Мария

(одна)

Ах! — наконец от сердца отлегло! ..
Переложу в другое место я
Подарок патера Сорриния с письмом
Его.

(Вынимает ключ из пазухи и отпирает; взяв коробку с жемчугом.)

Прекрасный жемчуг, нечего сказать!..
Алмазы в кольцах точно звезды блещут!
За это мне не должно помешать
Увесть Эмилию!.. о старый сластолюбец,
Богат ты... оттого твои подарки малы;
Но так и быть, согласна я
На предложение твое, Соррини!..
Эмилия самой мне надоела.
Но, впрочем, этим ей не много зла
Я сделаю... невинной девушке
Приятно быть любимой стариком,
Как старой молодым; затем
Что пылкость одного бесчувствие другого
Обыкновенно заменяет!..
Наскучила уж мне Эмилия давно.
Покуда здесь она, боюсь
Я пригласить к себе кого-нибудь.
И хорошо, что патер захотел
Избавить от нее; и жалко только,
Что мужа моего увесть никто не хочет!..

(Смотрит на ящик Соррини.)

Какое множество природных недостатков
Покроют эти малые алмазы,
Как много теней в блеске их потонет!..
И за подобное благодеянье
Мне не пожертвовать бессмысленной девчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? — ха! ха! ха! ха!

(Смотрит письмо Соррини, которое было в ящике.)

Мой муж, я думаю, уехал надолго,
И нынче наш монах пришлет людей,
Которым и вручу подарок свой!
А для меня же лучше, чтоб Соррини
Ее имел, чем муж законный.
Алмазы, жемчуг градом на меня
Посыплются, и я поеду в город,
И удивленье поразит моих соперниц,
Когда явлюсь в арену; я сто глаз
У них украду силой красоты...

Никто не отгадает, что сей жемчуг
Ценою слез невинных куплен!..
Но! — я придумала. В Мадрит отправлюсь,
Там получу прощение грехов,
И совесть успокоится моя...

(Ставит ящик с жемчугом на кровать и оборачивается.)

Эмилия входит бледная, в черном платье, в черном покрывале и крестиком на груди своей.

Донна Мария

Здорова ли, моя Эмилия?
Как ты спала?..

Эмилия

Благодарю вас;
Спросите лучше, как я не спала.
Уж сон давно бежит моих ресниц...
С тех пор...

Донна Мария

О! знаю, знаю, милый друг;
Я чувствую вполне твое несчастье
И всё бы отдала, чтобы помочь тебе;
Клянусь душой!..

Эмилия

(с нежным упреком)

Итак, одно лишь слово
Всего дороже было вам.

Донна Мария

Ты мне простишь.
Не знала я, что любишь ты так сильно,
И только остеречь тебя желала.
Но ныне я ошибку ту заглажу...

Эмилия

Один спаситель мертвых воскрешал.

Донна Мария

Зачем ты так бледна и в черном платье
И в черном покрывале?

Эмилия

Я слыхала,
Что черный цвет — печали цвет.

Донна Мария

(берет ее за руку)

О, не грусти, я всё поправлю.

Эмилия

Что отнял бог, того не отдадут
Нам люди. А что люди взяли,
То может возвратить одна могила!..

Донна Мария

Ты от Фернандо это слышала, наверно!
О, памятлива ты!

Эмилия отворачивается.

Но успокойся!
Тот, кто достоин был воспоминанья,
Тот и тебя достоин. Испытанья
Пройдут. И я тебе клянуся,
Что упрошу жестокого отца.
Позволит он соединиться вам;
И счастие опять украсит
Твои ланиты пламенным румянцем;
Не плачь, не плачь — не всё гроза бушует,
Проглянет солнце, и цветок, измятый
Порывом ветра, встанет обогреться...

Эмилия

Не смейтесь над несчастьем, чтобы вам
Не заплатило небо тем же.

Донна Мария

Боже
Храни меня смеяться над тобой;
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будет муж твой;
Поверь: мои старанья совершат
Блаженство то, к которому так сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.

Эмилия

(с рыданьем бросается к ногам Марии и обнимает колени)

Я не ищу блаженства — нет его,
Нет в свете ничего — Фернандо умер —
Он умер — умер — он погиб навеки.
О! плачьте обо мне все люди, все созданья,
Все плачьте — если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь с моими;
Мой стон могилу потрясет, — о плачьте! —
Он — умер — умер — он погиб навеки.

Донна Мария

О, поднимись! ты бредишь, ангел мой,
Встань, встань.

Эмилия

(всё на коленях, подняв голову)

Исполни просьбу сироты.

Донна Мария

Исполню, всё исполню, только встань;
И отдохни — встревожилась ты слишком.

Эмилия

(встает)

Так выслушай, о чем прошу тебя.
(Целует руку ей.)
Когда прощались мы в последний раз,
В ту ночь — он мне сказал: «Иди
Скорее в монастырь, иди в обитель,
Сокрой от света добродетель сердца».
Молю тебя, молю тебя, как нищий, —
Не помешай уйти мне в монастырь
Сегодня... помоги мне — заклинаю —
Тебе заплотит тот, кто всем заплотит.
(Кинув умоляющий взгляд на донну Марию.)
Фернандо умер — я хочу исполнить
Его желанье!.. он меня любил!..

Молчание.

Донна Мария

Но если он не умер, если
Тебя пустые обманули слухи?..
Но если станет он искать тебя,
Чтоб к алтарю вести невестою своей,
И вдруг увидит в черном покрывале
В ряду монахинь — что с ним будет?
Ужели ты об нем не пожалеешь?
Не пожалеешь ты о счастии,
Которого б могла дождаться?..
Какая слабость! — где твое терпенье?..

Эмилия

Мое терпенье?

(Поднимает глаза к небу. Тихо в сторону)

Он был жив, — и я
Терпела!

Донна Мария

Выкинь из ума
Твой глупый замысел. Поверь мне,
Пустые слухи обманули
Тебя... поверь мне... я уж знаю,
Что говорю.

Эмилия

(с укоризной)

Его не воскресить вам.
Вы не имеете подобного искусства!
Я вас просила об одном — вы не хотели
Исполнить просьбы самой униженной!..

Хочет уйти. Донна Мария удерживает ее.

Донна Мария

Так слушай же: вчера бродила я
В саду; и под вечер зашла я в рощу;
Вдруг, вижу, человек ко мне подходит:
Он издали всё следовал за мною.
То был Фернандо... он упал к моим ногам;
Он плакал, обнимал мои колена
И сделал то, что обещалась я

Составить ваше счастье. Твой отец
Уехал на два дни — меж тем
Вы можете видаться — а потом
К ногам родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

Эмилия

О, это слишком!.. я не верю...

Донна Мария

Клянусь тебе, что жив он... и увидишь
Его ты скоро... что с тобой?..

Эмилия

...Мне дурно!
О боже!.. голова кружится. Кто б подумал?

(Упадает в слабости на стул.)

Донна Мария

Какое детство! — что с тобой?.. скрепися!..

(В сторону)

Я заманю голубку в сети;
Я поведу на тайное свиданье;
Там будет шайка дожидаться, верно;
И тут же схватят и умчат ее.
Благодари мой ум, Соррини! — Он искусен!

Эмилия
(встает)

Нет! ничего. Простительная слабость!
Так тяжело я мучилась, что счастье
Мне тяжело... он жив! о боже!
Прости мой ропот!.. как я легковерна;
Служанка мне сказала, и я то́тчас
Поверила обманчивым рассказам!
О! видно, что печаль родня нам, людям,
Когда мы ей скорей веселья верим.

(Марии)

Благодарю вас... мой укор напрасный
Вас огорчил... простите вы меня?

Я слишком мучилась! Скажите:
Где я с ним встречусь?

Донна Мария

Сегодня мы пойдем в густую рощу;
Там на поляне есть высокий дуб,
С дерновою скамьей. И там увидишь ты
Фернандо. Не счастлива ль ты
Одной надеждой? для чего
Смущала так предчувствием себя?
Поверь: невинную любовь
Хранят святые ангелы, как стражи!
Дитя! дитя! — и вот вся горесть
Рассеялась — и в монастырь не хочешь!..
Но не стыдись ребячеством своим:
Оно есть добродетель, потому
Что, как всё доброе, недолговечно!..

Эмилия

И я его увижу?.. он не умер?!

Донна Мария

Увидишь — и поверишь мне совсем.

Эмилия устремляет на Марию взор, хочет что-то сказать, но волнение мешает ей. Она целует крепко мачехе руку и, закрыв лицо, убегает.

(Глядит вслед.)

Ступай! ступай!.. и жди спокойно
Свиданья вместо гибели своей.
Ступай! — тебя старик излечит скоро
От бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься — но наслажденье
Прогонит ужас — после всё пройдет!
Создатель мой! ужели точно
Мое так дурно предприятье, что сама
Я это чувствую? — что ж тут худого?
Она счастливей будет у Соррини,
Чем здесь; когда она ему наскучит,
С приданым выдаст замуж он ее;
Быть может, так случится, что Фернандо
Получит руку бедной девы...

Но — что бы ни было, я всё избавлюсь
От любопытных глаз, и мой любимец
Бесстрашней будет навещать меня...
Так всё взаимно в этом свете:
Соррини благодарен мне, а я ему!..

(Уходит.)

СЦЕНА II

В горах перед жилищем Моисея. Дикое местоположение. Скамья направо под большим дубом, возле коего сделано вроде белой палатки, где сидят служанки и слуги жида и работают и поют свою печальную песню.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солим опустел!..
Начуже в раздолье печально житье;
Но сыны твои взяты не в пышный предел:
В пустынях рассеяно племя твое.

Об родине можно ль не помнить своей?
Но когда уж нельзя воротиться назад,
Не пойте! — досадные звуки цепей
Свободы веселую песнь заглушат!..

Изгнанное пеплом посыпьте чело
И молитесь вы ночью при хладной луне,
Чтоб стенанье израильтян тронуть могло
Того, кто явился к пророку в огне!..

Тому только можно Сион вам отдать,
Привесть вас на землю Ливанских холмов,
Кто может утешить скорбящую мать,
Когда сын ее пал под мечами врагов.

Фернандо
(медленно входит)

Что золото? какая это вещь,
Когда оно могло б составить счастье
Мое?.. металл как и другой!

Или дал бог ему такое право,
Каким лишь редко люди обладают?..

Опять начинают петь.

Какой печальный голос! Эти люди
Поют об родине далеко от нее,
А я в моем отечестве не знаю,
Что значит это сладкое названье...
Я в мире не имею ничего почти,
А всё желал бы больше, но зачем?..
Чтоб новыми желаньями томить
Себя? чтобы опять ловить мечты?
Нет! пусть останусь я, каков теперь;
Пусть никогда не буду счастлив, чтоб
Не сделаться похожим на других...
В страданьях жизнь; я в них живу, я к ним привык,
Никто их не разделит... и тем лучше
Для тех людей, которые б хотели
Их разделить.

Ноэми входит.

Где твой отец?

Ноэми

Ушел
По делу он... на что тебе отец мой?

Фернандо

Хотел бы я благодарить его!..
Он спас мне жизнь... и я его стараньем
Теперь здоров как прежде...

Ноэми
(быстро)

Ты здоров?..

Фернандо

Да, я здоров, как человек, который
Так часто болен был, что старую болезнь
Болезнью не считает!..

(Садится на скамью. Она возле него.)

Ноэми

Ты должен долее у нас остаться!
Поверь, не вовсе залечились раны
Твои... и чем тебе здесь худо?..
Останься здесь еще. Ты сам ведь говорил,
Что у тебя пристанища нет в свете...
Ты, верно, здесь останешься, испанец?..

Фернандо

Нет...
Я не хочу обременять вас больше
Моим присутствием — мне надо...

Ноэми

Ужели благодарность тяготит
Тебя?.. я этому не верю.
Не говорил отец мой так,
Когда от гибели его ты сам избавил...

Фернандо

Я раз уж был неблагодарным! и боюсь
Вторично быть таким; но, впрочем,
Я не могу остаться здесь никак.
Я не могу... не должен... не хочу!..

Ноэми

(в сторону; встав)

Итак, нам разлучиться должно;
Итак, моя любовь... о, сжалься, небо!

(Ему)

Послушай: я твои лечила раны,
Моя рука была в крови твоей,
Я над тобой сидела ночи, я старалась
Всем, чем могла, смягчить ту злую боль;
Старалась, как раба, чтоб даже
Малейший стук тебя не потревожил...
Послушай, я за все мои старанья
Прошу одной, одной награды...
Она тебе не стоит ничего;
Исполни ж эту малую награду!
Останься здесь еще неделю...

Фернандо

Не искушай меня лукавой речью:
Я уж сказал, что не могу; мне должно прочь,

(сильно)

Ты хочешь знать, зачем?

(Показывая ей портрет Эмилии.)

О! — на, взгляни сюда!..

Она отворачивается, взглянув, и закрывает лицо.

Вот женщина! она не может видеть
Лица, которое не уступает
Ей в красоте.

Молчание.

Так! так! я должен к ней.
С опасностию жизни я увижу
Эмилию!

(Ей)

Где твой отец?
(Подходит и видит, что она плачет.)
О чем ты плачешь?..

Ноэми

Не думала я плакать!

Фернандо

Стало быть,
Ты плакала не думавши. Скажи,
О чем?.. скажи, не я ль виновен в том?
Остатком горьких слез, в груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
В лета надежд не прячут слез!.. О чем ты плачешь?..

Ноэми

О том, чего ты дать не можешь мне:
О внутреннем спокойствии...

Фернандо

Как рано
Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь!..

Ноэми

(в сторону)

Скажу ему, что он
В том виноват, скажу, что я его
Люблю, и упаду в его объятья;
Он не погубит, он великодушен...
Но что хотела я? — другая уж владеет
Душой Фернандо... что хотела я?
Но нет, нет — нет, она любить не может,
Как я; она не обтирала крови
С его глубоких ран, она не просидела
У ног его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сон не превратился
В сон беспробудный!.. нет! нет! нет!..
Она любить его, как я, не может!..

Входит Моисей. Ноэми примечает его, идет медленно навстречу. Он ее обнимает.

Моисей

(печально)

Ну, дочь моя. Скажу тебе я новость!..
Сегодня...

Фернандо

(подходит)

Моисей! благодарю тебя
За попечения твои...

(Протягивает руку.)

Моисей медлит.

Дай руку;
Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца;
Ты человек... и ты мой благодетель.
Благодарю... я ухожу отсюда!..

Моисей

Так скоро? как?..

Фернандо

Не возражай, еврей!
Я до тебя имею просьбу... лишь одну,

Одну: дай мне червонцев пять взаймы.
Я знаю, что жиды все деньги любят
И христианам не вверяют их;
И в этом правы. Но меня ты знаешь!
Я преступление свершу, но всё отдам
Твои червонцы... вот вся просьба.

Моисей

Куда ж ты хочешь? для чего идешь!..

Фернандо

Недалеко живет отсюда
Дон Алварец; в его саду когда-то
Мы встретились с тобою. Я к нему
Хочу идти просить гостеприимства:
Я был воспитан там, от юных лет.
Но здесь мне оставаться невозможно,
На это есть причины... я клянусь,
Что возвращу тебе червонцы...
Ты знаешь, в свете деньги нужны,
Чтобы исполнить предприятье...
И в случае, что он меня не примет
В свой дом...

Моисей

(с удивлением)

Дон Алварец! Дон Алварец!..
Ах! боже мой! тот беден, кто постигнут
Твоим палящим гневом... у меня
Есть дочь... я понимаю это горе.
Невероятно... страшно!

Фернандо

Что случилось?

Моисей

Несчастие большое... Ах! злодеи!
Злодеи... ад не так искусен...
Мне нынче самовидец рассказал...

Фернандо

Зловещий ворон!
(В сильном движении.)

Моисей

Ада мало им...
Такого ангела... вот вы услышите!
Горою встанет волос ваш; не слезы — камни
Уроните из глаз вы... вот испанцы!

(К Фернандо)

Вот ваша инквизиция святая!
Теперь не смейте презирать евреев...

Фернандо

Зловещий ворон!.. что такое?..
Сейчас скажи! гранитным этим небом
Клянусь, клянусь твоим законом, я, как тигр,
Тебя на части раздеру...

Еврей в изумлении, Фернандо хватает его за руку; тише, дрожащим голосом.

Ты видишь, я ума лишаюсь!.. Человек!..
Молю тебя, скажи мне, что случилось?..

Ноэми

Как он дрожит!.. отец мой, говори
Скорей... взгляни, какая бледность!..

Моисей

У дона Алвареца дочь была!

Фернандо

(вскрикнув)

Была!..

Молчание.

Я тверд! не бойся продолжать;
Какая мне нужда до этой дочери,
И мало ль дочерей на свете...

(Принужденно.)

Ха! ха! ха!..
Я тверд!..

Моисей

Еврей знакомый рассказал мне
Печальный случай... (он подслушать где-то
Умел злодеев). Есть доминиканец,
Иль езуит, по-вашему не знаю, —
По имени Соррини... и хоть стар,
Он любит женщин. Подкупив злодеев,
Он им велел похитить непременно
Дочь Алвареца... ныне жертву
Негодные на гибель повлекли.
Не понимаю только, как могли
Они успеть в своем ужасном деле!..
Отца-то дома не было, я слышал.
Погибнет девушка... а жалко! жалко!
Я четверть бы именья тотчас дал,
Чтобы ее спасти... но вряд ли можно!

Фернандо хочет что-то сказать, поднимает руки... вдруг с невольным стоном опускает и быстрыми шагами с отчаяньем уходит в горы.

(Пораженный.)

Куда?.. куда... остановите! удержите
Его!.. он в бешенстве!..

Ноэми

(смотрит вслед)

Взгляни: вот он взбежал
Уж на гору... бежит, остановился...
Над самой пропастью... он упадет... но нет!..
...Идет сюда...

(Бросается отцу на шею.)

Зачем, зачем, отец мой,
Сказал ему ты эту новость?..

Моисей

Дочь моя!
Всё воля божия! — никто из нас не может
Противустать ей! тот, кто сотворил нас,
Имеет право с нами поступать
Как хочет...

Ноэми

Для чего ж он дал нам душу?
Зачем способность дал любить, страдать,
Когда он верно знал, что муки есть
Неизлечимые, что можно обмануть
Любовь?.. Зачем нас бог оставил?..

Она уходит. Фернандо возвращается.

Фернандо

(подходит)

Ты думал, я заплачу, старый!
Ты этого хотел, но женская печаль
Не устыдит моих ланит! — бесчеловечный!
Я отомщу... чтоб целый мир... а то свершу,
Что... я не знаю сам еще, но землю
Мой подвиг испугает... ты подумал,
Что я заплачу? — нет! клянусь:
Скорее разорвется это сердце,
Чем я заплачу...

Моисей

(берет его за руки)

Успокойся! объясни мне...
Твое отчаянье... не сожаленье
Одно...

Фернандо

Старик!.. старик!.. ты жил покойно,
Не знал страстей... во мне они кипели
Сильней, чем все земные бури. О! проклятье
Тому, кто дал мне жизнь. Несправедливый бог,
Зачем казнить меня через других
И ангела губить, чтоб наказать безумца
Ничтожного? — иль также в небесах
Есть пытки?.. я терпел — и полно мне терпеть!
Повиновался я судьбе — довольно;
Я мог быть счастливым... довольно,
Довольно... никогда не буду счастлив...
Отныне отдаюся мести,
Союз с землей и небом разрываю...
Старик, дай денег!.. с этим я прорвусь
В его жилище.

Моисей

(дает денег)

Вот! возьми!..

Фернандо

Эмилия — моя!
В бесчестьи иль невинная — моя;
Живая или мертвая — моя!..
О! как я отомщу... прощай, отец...
Я своего не знаю.

(Обнимает его крепко.)

Мстить прекрасно!
Благослови меня!.. иду на смерть... прощай.

(Уходит.)

Моисей

(поднимает руки)

Услыши, бог, молитву иудея,
Храни его от преступленья!
Ты можешь удержать порыв страстей,
Вселить покорность, веру так легко,
Как усмиряешь вихри гор... Ты бог
Израиля, ты бог Ерусалима!..

(Уходит.)

СЦЕНА III

Комната в доме у жида, как во 2-м действии.

Ноэми

(за нею Сара)

Не утешай меня! не утешай меня!
Злой дух меня сгубил! он предвещал
Мне радость и любовь — любовь он дал,
А радость он похоронил навеки!
Теперь мы больше не увидимся с Фернандо,
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. О! я люблю
Его, как бога... он один мой бог.

И небо запретить любить его не может.
Меня не понял он, другую любит,
Другую, слышишь ли, другую! .. я умру!
Не утешай меня! не утешай меня!

(Ломает руки.)

Сара

С тобою плакать вместе я хочу,
Когда тебя нельзя утешить...

Ноэми

Плакать!
Тебе ль со мною плакать? .. любила ль ты,
Как я? .. любила ль чужеземца,
Любила ль христианина, была ли
Им презрена, как я? .. Ах! Сара! Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вот плоды моих надежд, мечтаний,
Плоды недоспанных ночей и беспокойств! ..
О, сжалься надо мною, небо!
Скорей в сырую землю, поскорей,
Покуда я себя роптаньем не лишила
Спокойствия, и там...

Сара

Старайся
Рассеяться! .. в твои лета позабывают
И самую жестокую печаль.
Вот твой отец придет! Теперь
С раввином он беседует
О чем-то занимательном и важном.
Он новостью тебя займет.

Ноэми

Я проклинаю
Все эти новости, одна уж
Меня лишила счастья... а другая
Мне не отдаст его. Ах, Сара!
Всё кончено! всё кончено!

Моисей вбегает как бешеный.

Моисей

Дочь! дочь! дочь!.. он нашелся!
Зачем теперь? зачем так поздно... он нашелся!..
Твой брат... мой сын!.. сын!.. я не знал...
Жестокий случай так... я не прижал
Его к груди и не прижму... найден,
И в тот же миг потерян. О судьба!
Земля и небо, ветры! бури! гром!
Куда вы сына унесли? зачем отдать,
Чтобы отнять... и христианин!
Возможно ли? — мой сын... я чувствовал,
Что кровь его — моя... я чувствовал,
Что он родной мой... о Израиль!
Израиль!.. ты скитаться должен в мире,
Тебя преследуют стихии даже...
И бог твой от тебя отворотился.
Мой сын! мой сын!..

Сара

Где ж он? зачем не здесь?
Кто ж он?.. и кто сказал... что сын твой!

Моисей

О горе! горе! горе нам! он здесь был —
Раввин принес мне доказательства... я верю,
Что он — мой сын! — я спас... он спас меня...
И он погибнуть должен... не спастись
Ему вторично от руки злодеев...
Ноэми! горе! горе для тебя!
Фернандо — брат твой!
Испанец — брат твой!
Он гибнет: он родился, чтоб погибнуть
Для нас! — он христианин!.. он твой брат!

Ноэми упадает без чувств на пол. Сара спешит к ней.

Пускай умрет и дочь... и я!.. у бога
Моих отцов нет жалости... мой сын! мой сын!

(Ломает руки и стоит недвижен.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

В доме Соррини. На столе бумаги и книги и песочные часы.

Соррини

(входит)

Сегодня, может быть, увижу я
Мою красавицу. Мою! — зачем же нет?
Она моя, так верно, как я плут.
Когда я сам с собою, то никак
Себя я не щажу. Зачем? — Я плут.
Я это знаю сам, зачем скрываться
Перед собой? — Я плут, но умный плут.
Да, впрочем, я не вижу тут худого;
Я сотворен, чтоб жить и наслаждаться.
И всеми средствами я должен достигать
Предположенной цели. Я достиг —
И умный человек. Не удалось — глупец!
Так судят люди большей частью.
Великий инквизитор обещал
У нашего отца святого выпросить
Мне шапку кардинала, если я
Явлюсь ее достойным — то есть
Обманывать и лицемерить научусь!
О! это важная наука в мире!
Наука женщин! с нею прямо в папы;
И этому есть доказательства у нас.

Молчание.

В кровавый путь отправлен уж Фернандо...
Один лишь Алварец... да этот плох!
О! бедная Эмилия; давно ли
Сказала ты, что старику смешно
Любить и невозможно? .. но сегодня
Ты мысли переменишь...

(Садится.)

Говорят,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья; что закон велит...

Ужель закон в сей толстой книге
Сильней закона вечного природы?
Безумец тот, кто думал удержать
Ничтожным правилом, постановленьем
Движение природы человека;
Он этим увеличил грех — и только,
Дал лишний совести укор и между тем
Желание усилил запрещеньем!
Пострижен был насильно я в монахи;
Почти насильно (в пылкой юности
Не можем понимать мы важной пользы);
Пускай, пускай они за всё ответят,
Что сделал я; пускай в аду горят
Они... но что такое ад и рай,
Когда металл, в земле отрытый, может
Спасти от первого, купить другой?
Не для толпы ль доверчивой, слепой
Сочинена такая сказка? — я уверен,
Что проповедники об рае и об аде
Не верят ни в награды рая,
Ни в тяжкие мученья преисподней.
Да, впрочем, добрый смысл велит не верить,
Что души будет вечный жечь огонь;
Что черти за ноги повесят тех,
Которые ни рук, ни ног иметь не будут.

(Берет книгу, перо и бумагу.)

Займусь!

(Кладет.)

Нет, что-то я не в духе!
Кто бы поверил, что в мои лета
Хорошенькой девчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, беспокоить?
Я всё не понимаю, для чего
Мне не годится женщину любить;
Как будто бы монах не человек?

(Смотрит на часы.)

Часы бегут — и с ними время; вечность,
Коль есть она, всё ближе к нам, и жизнь,
Как дерево, от путника уходит.

Я жил! Зачем я жил? — ужели нужен
Я богу, чтоб пренебрегать его закон?
Ужели без меня другой бы не нашелся?..
Я жил, чтоб наслаждаться, наслаждался,
Чтоб умереть... умру... а после смерти?
Исчезну! — как же?.. да, совсем исчезну...
Но если есть другая жизнь?.. нет! нет!
О наслажденье! я твой раб, твой господин!..

(Звонит.)

Слуга входит.

Не позабудь, что я тебе сказал.
Когда подъедут близко удальцы
Мои, то киньтесь вы с оружием толпой
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорее приведите...
Да чур не забывать, что вы без языков,
А то... меня ты знаешь коротко!
Возьми ж себе заранее награду

(дает кошелек)

И раздели другим... ступай же.

Слуга берет кошелек и целует руку.

Слуга

Всё исполню.

Соррини подходит к окну.

Соррини

Да, кажется, я вижу пыль, ужели
Они спроворили всё дело? Донна
Мария лакома на жемчуг,
Как видно; впрочем, ей мешала
Моя красавица, как лишнее бревно
В строеньи дома: сам его не дашь,
А как попросят, так легко расстаться!

(Глядит в окно.)

Они! так точно!.. ближе подъезжают;
Вот и мои спасители бегут... сраженье!
Железо о железо бьется и стучит
Безвредно... искры сыплются кругом.

Так в споре двух глупцов хоть много шуму,
Да толку нет... как кровь моя кипит
В полузасохшем сердце!.. ну,

(смотрит)

схватили
Эмилию и тащат... торжество!
Victoria!..[1] теперь я говорю
Отважно: veni, vici[2] — потому
Что я еще девицу не видал!..

(Отходит от окна.)

Слуга входит.

В лице твоем победу я читаю:
Веди сюда...

Слуга ушел.

Victoria, Соррини!..

(Потирает руками.)

Поплачет Алварец, поплачет, покричит,
Порвет седые волосы... и не узнает,
Где дочь его... ха! ха! ха! ха! победа!..

Вводят Эмилию; Соррини дает знак; люди уходят.

Эмилия

Где мой спаситель!.. ах! отец Соррини,
Не вам ли я обязана спасеньем?
Вознаградн вас боже так, как я
Желала бы!.. о мой спаситель!

Соррини

Я христианский долг исполнил только.

(Идет и запирает дверь.)

Эмилия

О, возвратите поскорей меня
Родительскому дому... мой отец

---

[1] Победа!.. (лат.) — *Ред.*
[2] пришел, победил (лат.). — *Ред.*

В отчаянии будет, если он
Узнает про ужасный этот случай!
Со мной гуляла мачеха моя
В саду, и вдруг злодеи ухватили
Меня, связали, повлекли с собою.
Окончите благодеянье ваше!..
Велите отвести меня домой
Как можно поскорей... что мой отец
Подумает, что скажет он?..

(Плачет.)

Соррини

Эмилия! ты вся дрожишь. Как можно
Теперь тебе домой отправиться. Теперь?..
Ты так слаба... нет, отдохни подоле здесь,
Побудь подоле у меня... зачем лишать
Меня такого счастья...

Эмилия

Ради бога!
Я не могу остаться здесь у вас!
Я не должна.

Соррини

Зачем же ты не можешь,
Мой ангел! Кто тебе мешает
День, два и три здесь отдохнуть?

Эмилия

День, два и три!..

Соррини

Чему дивиться тут?

Эмилия

Я вас не понимаю?

Соррини

День, два, три
И более останешься ты здесь,
И ежели понравится тебе,

То можешь ты остаться вечно... то есть

(в сторону)

Пока ланиты не поблекнут и глаза
Не потеряют пламень свой волшебный.

Эмилия

Отец Соррини!

Соррини

Да, я не шучу;
Ты там была рабой — здесь будешь ты царицей;
Мой дом и всё, что в нем, твое,
А ты моя.

Эмилия

Какое право?

Соррини

Силы...
Я спас тебя — вот право — и довольно!

Эмилия

Вы позабыли, кто вы! как могу
Я с вами жить! что это значит?..

Соррини

Не горячись,

(держа ей руку)

красавица! любовь
Не смотрит на лета своих печальных жертв;
Ты видишь, я был прав, когда сказал,
Что может и старик любить.

Эмилия

Соррини!

(Вырывает руку.)

Оставь меня... бесчестный человек!
Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты оскверняешь
Гостеприимство... что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, святая дева!..

Соррини

Скажу тебе: святых здесь нет... итак...

Эмилия

Конечно, только демоны одни
Живут с подобным извергом... но бог
Услышит вопль невинной девушки!

Соррини

Нас опыт научает в свете
Не упускать благоприятный случай.
Ну, поцелуй меня на первый раз.

Эмилия

(отворачивается дрожа)

Так вот моя судьба.

(Ему)

Прочь, прочь, злодей!..

Соррини

Ты думаешь, что ты теперь царица
В моем дому? Нет, это будет после,
Когда всё сделаешь, что я скажу,
Когда в мои объятья упадешь.

Эмилия

В твои объятья — никогда!

Соррини

Послушай;
Тебе слова пустые не помогут;
Да или *нет*... два слова могут только
Подействовать на сердце это. Если
Ты скажешь *да*... то для тебя ж приятней!
А если *нет*... то берегись упрямства!
Оно к добру не доведет. Покорность
Одна лишь облегчит твою судьбу!..
Но, впрочем, я не вижу твоего несчастья!..
Любовь мою нельзя назвать несчастьем...
Умею я любить и награждать,
И ни одна прекрасная девица

Не вырывалась из моих объятий,
Когда почувствовала пламень груди
Моей. Поверь, старик, такой, как я,
Любить умеет лучше юноши:
Всё опытность, мой друг!..

Эмилия

(после минуты молчания)

Знавал ли ты
Спокойствие души, знавал ли ты
Надежду, радость... счастие...
Всем тем, что ты знавал и не знавал,
Чему ты верил, от чего страдал,
Всем тем, что страшно для души твоей,
Коль есть в тебе душа, бессовестный злодей,
Я заклинаю на коленях... пощади,

(становится на колени)

О, пощади... оставь меня! я буду
Молчать о всем, что слышала, о всем,
Что знаю... только пощади меня!..
Не тронь моей невинности; за это
Грехи твои и самые злодейства
Простит тебе всевышний. Так, Соррини!
Но если ты... тогда умру я! и к тебе
Придет моя страдальческая тень
И бледною рукой отгонит сон...
О, пощади... клянусь молчать до гроба!..

Соррини

Глупец, кто верит женским обещаньям,
А пуще женской скромности — да, да!
Не всё ль равно на нитку привязать
Медведя и надеяться, что он
Не перервет ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается язык твой...
Нет, я теперь в таком уж положеньи,
Что предо мною смерть или победа
На волосе висят... а так как, верно,
Я изберу победу, а не смерть,
То все твои мольбы напрасны,
Эмилия...

Эмилия

Итак, спастися нечем.

(Плачет.)

Соррини

Мне кажется...

Эмилия

Пошли мне смерть, о боже,
А не бесчестье.

(Падает в кресла и закрывает лицо.)

Соррини

Всё притворство это!
Не верю я, чтоб девушка могла
С упрямостью такою защищаться.

(Хочет у нее поцеловать руку, она ему дает пощечину. Он, грозя пальцем, с тихою злостью говорит)

Ты такова, сердитая девчонка!..
О! о!.. я справлюсь. Нет! я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себе спасенья.
Скорее эти стены все заплачут,
Чем я, твой стон услышав; так, скорей,
Скорей земля расступится, чтоб вмиг
Испанию со мною поглотить, чем сердце
Мое расступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожаленья... ты увидишь,
Каков Соррини!.. он просить умеет,
Умеет и приказывать как надо.

Она открывает лицо и смотрит с ужасом.

Умею и кинжал употребить
При случае, чтобы заставить вас,
Сударыня, повиноваться мне.

(Злобно)

Ха! ха! ха! ха!.. о! ты меня узнаешь!

(Подходит к ней.)

Вдруг слышен шум.

Эй! — кто там?

Соррини отпирает дверь, и входят испанцы толпою.

...вы зачем? — какая дерзость.

Один испанец

Пришли за награжденьем.

Соррини

За каким?

Другой испанец

А как же, разве ты нам, патер, не велел
Дочь Алвареца увезти... иль позабыл?
Что? видно, только пред услугой
Твой кошелек открыт издалека.

Третий испанец

А как достали мы твою красотку,
Так тотчас обеднял?

Соррини

Бездельники.

(Бросает большой кошель золота.)

Терпенья не было?..

Все

(берут золото и уходят)

Прощай, отец Соррини!..

Он уже не запирает дверь.

Соррини

Эмилия! решись же наконец...

Эмилия

(встает с кресел)

Так ты их посылал меня похитить!
О! верх злодейства в человеке! Я погибла,
Погибла... нет надежды.

Соррини
(насмешливо)

Нет надежды!

(Берет ее за руку.)

Пойдем со мной,

(целует)

мой друг бесценный!
Так долго защищаться, плакать,
Просить... чтоб наконец признаться
побежденной!

Эмилия

Ты думаешь, я вынесу позор свой?
Нет, я умру, старик!..

Соррини
(с гордой улыбкой)

Старик! шути...
Старик тебе покажет, что довольно
Он пылок.

Эмилия
(сложив руки)

Матерь божия! ужель
Ты не спасешь меня!..

Соррини

Пойдем... пойдем...
Не скажут, что Соррини уступил
Кому-нибудь. О, я наедине
Не тот, каким кажуся в людях.

(Берет ее руку.)

Эмилия

Оставь меня, твое прикосновенье,
Как зараженного чумою, ядовито...

Соррини

(злобно)

Пойдем же; я велю...

Вдруг стучится кто-то в дверь. Оба останавливаются. Иезуит отходит прочь, отворяет дверь: человек, окутанный плащом пилигрима, сняв шляпу, входит.

Неизвестный

Впустите ради

(он входит быстро, потом нагибается)

Христа!.. я так устал! прошу
Кусочка хлеба только. Здравствуйте,
Пошли вам бог свое благословенье,
Честны́й отец!.. я бедный, бедный странник...

Соррини

(в сторону)

Некстати он пришел; зачем его пустили?

(Скрыпит зубами. Глядит.)

Он подозрителен.

(Ему)

Садись... садись!
Тебе велю тотчас подать вина и хлеба.
Откуда ты идешь? Кто ты?

Неизвестный

Я бедный странник!
Ходил в Ерусалим... иду назад...
Устал... и голоден, иду домой.
Пока язык мой смерть не охладит,
Везде тебя я буду прославлять,
Кто б ни был ты, гостеприимный.

Соррини

Я исполняю только долг свой.

Неизвестный

Долг!
Немногие тебе подобно мыслят.
Благодарю! — и бог тебя благодарит!..

Соррини
(к Эмилии)

Сестра! вели принесть вина и хлеба...

(Страннику)

Живем с сестрой мы вместе.

(Видя, что Эмилия нейдет — дрожит и подходит к ней.)

Ступай! когда я говорю: иди.

Неизвестный
(про себя)

Меня ты не обманешь, крокодил!

Соррини
(громко)

Ступай же...

Неизвестный

Стой!

Соррини
(испугавшись)

Как! кто ты?

Неизвестный

Я...

(Сбрасывает плащ с себя и вынимает кинжал.)

Эмилия

Фернандо!..

Фернандо
(берет быстро за руку Эмилию и уводит на другую сторону сцены. Становится пред ней, держа ее одной рукой)

Теперь я требую с тебя ответа...

Соррини

Кто ты? Фернандо не воскреснет!
Ты дух иль человек?

Фернандо

Я тот,
Кто не боится адских умыслов,
Кто может наказать тебя кинжалом
И чья рука не дрогнет пред убийством,
Когда оно ее спасет... отдай ее.

(Схватывает Соррини за горло.)

Я ничего не жду на небесах,
Я ничего не жду под небесами;
Я мести душу подарил; не жди,
Чтоб я помедлил отослать
Тебя туда — где ждет суд божий
Тебе подобных! Видишь этот нож —
Он над тобой. Оставь же добровольно
Свой умысел.

Соррини

Но если ты убьешь меня,
То всё-таки Эмилию нельзя
Спасти. Тебя не выпустят
Отсюда слуги — так пусти ж меня!
Я закричу...

Фернандо
(пускает его)

Ты прав: я не палач!..

(В сторону)

Ужели я боюсь увидеть кровь?

(Ему)

Отдашь ли мне Эмилию?

Соррини

Нет, не отдам...

(Подбегает к двери всё ближе.)

Фернандо

Отдашь!.. ты, верно, содрогнешься
Пред тем, что я предпринял. А! Соррини!
Она моя... и честь ее моя.

Когда б ты дал мне тысячу миров
За эту девушку... я б их отвергнул все!
Не принуждай меня, не принуждай
К убийству.

Соррини

Не отдам ее.

Фернандо

Ты камень, но перед моим отчаяньем
Ты содрогнешься.

Соррини

Нет!..

Фернандо

Соррини,
Соррини! редко лишь прошу кого-нибудь
Я на коленах... но узнай сперва,
Что тот, пред кем стоял я на коленах,
Не долго проживет.

Соррини

(со смехом)

Опять за то же!

Фернандо

Ты мне отдашь Эмилию, не то
Я отниму... не доведи меня
До этой крайности. Я уж готов
На всё. Я с нею потерять готов
И небо, чтоб избавить от твоих когтей.
Я не шутить пришел... о! слушай! слушай
В последний раз... отдай ее.

Соррини

Посмотрим!

(Бросается в дверь и зовет на помощь.)

Сюда! сюда! сюда! разбой! Эй! слуги!

Шум и крик за сценой.

Эмилия

(бросив томный взор)

Фернандо!..

Фернандо

Ну! всё кончено! напрасно
Желал я крови не пролить. Прощай,
Мой друг,

(обнимает ее)

прощай! мы долго
С тобою не увидимся.

(Отворачиваясь.)

О боже!
Итак, ты хочешь, чтоб я был убийца!
Но я горжусь такою жертвой... кровь ее —
Моя! она другого не обрызжет.
Безумец! как искать в том сожаленья,
О ком сам бог уж не жалеет!
Час бил! час бил! — последний способ
Удастся, — или кровь! — нет, я судьбе
Не уступлю... хотя бы демон удивился
Тому, чего я не могу не сделать.

Эмилия устремляет молящий взор на него. Во время этого разговора входят слуги Сорриния и он. Все с оружием.

Соррини

Посмотрим, кто сильней из нас!.. эй, слуги!..

Фернандо

Узнай же клятву: мы стоим пред богом...
Живая или мертвая — она
Моя — ты видишь.

(Показывает кинжал.)

Эмилия

Ах!..

(Склоняет голову на грудь Фернандо.)

Соррини

Меня не настращаешь!
Мне мертвую не нужно... слуги! эй,
Схватите, бейте, режьте наглеца!..

Он сам защищен слугами.

Фернандо

Ни с места!

Все останавливаются.

Соррини

Что же вы?

Они опять хотят броситься.

Фернандо

Ни с места, вы, рабы!..

(Сорринию)

В последний раз, в виду небес и ада,
Отдашь ли мне ее?

Эмилия

(едва слышным голосом)

Хранитель ангел мой!
Спаси меня!

Соррини

Живую не отдам!..
Что б ни было.

Фернандо

О!.. так смотри сюда!

(Прокалывает ей грудь.)

В эту минуту все поражены. Он подымает ее труп с полу и уносит сквозь толпу удивленную. Слуги хотят броситься вслед.

Соррини

(после молчанья, остановив слуг)

Оставьте! иначе хочу я сделать!..

(Он дрожит. Дает знак, чтоб все ушли.)

Уходят.

Какая дерзость!.. да! он мне заплотит.
Я сам в опасности. Он может...
Что может он?.. я зол теперь,
Как дьявол... отомщу ж ему,
Сожгу его, сдеру с живого кожу,
Сорву железом ногти, исщиплю
Горячими щипцами, на гвоздях
Его ходить заставлю, медь кипящую
Волью безумцу в горло и упьюсь,
Упьюсь, как сладким нектаром,
Его терзаньем, вздохами и визгом!..
Спади с меня личина скромности,
Пускай узнают все, что итальянец
Соррини, по его веселию и плескам,
Когда Фернандо будет издыхать
В огне иль под ударом палача;
Чем медленней конец его придет,
Тем будет счастие мое полней.
Оклевещу его, хоть сам не вывернусь,
Но всё же я упьюсь его мученьем.
О клевета! приди на помощь! — никогда
Так не нуждался я в тебе, как ныне;
Дай тысячу мне жал змеиных, чтоб
Я мог облить врага холодным ядом
Твоим...

(Ударяет себя двумя пальцами в лоб.)

Мой план почти готов...
Да, да... вот так... а там! Богиня
Души моей, тебе с сих пор я отдаю
Себя!.. возьми! я твой — и за могилой!

Входит доминиканец, приятель Соррини.

Доминиканец

Соррини, здравствуй!

Соррини

Здравствуй! кстати ты пришел.

Доминиканец

А что такое?

Соррини

Я тебе скажу
Сейчас.

Доминиканец

Должно быть, ты узнал
Пристанище богатого жида
Или, что всё равно, еретика.
Веселье на лице твоем блистает!
Так точно, ревностный служитель веры,
Я отгадал, что хочешь ты сказать.

Соррини

Ты отгадал. Знавал ли прежде
Ты дона Алвареца, у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Он еретик! он верит Лютеру
И чтит его!.. сегодня он убил
Дочь Алвареца в доме у меня.
Я спас ее от хищников, но, боже!
Не мог спасти от острого кинжала!
Его сыскать нам надо и вести
На казнь преступника двойного!
Он труп несчастной девушки
Понес с собой!.. да! я его найду,
Я по следам его пойду кровавым,
И жизнию заплотит он...

Доминиканец

Конечно!
Да, кажется, я на дороге встретил
Убийцу... но случайно не заметил,
Что нес он мертвую, так быстро
Он шел!.. так страшен он казался!

Соррини

(после минуты задумчивости)

Дай руку мне! клянись быть заодно...

Доминиканец

(протягивает руку)

Возьми с моей рукою обещанье...

Соррини

Быть заодно во всяком случае!

Доминиканец

(кинув боязливый и подозрительный взгляд)

А разве ты виновен в чем-нибудь?

Соррини

Нет! нет! ведь знаешь ты: мы вечно правы.

Доминиканец

Брось шутки! ты тут не виновен?

Соррини

Нет! нет! но если б даже был...

Доминиканец

Без *если,* просто:

Как с другом говори...

Соррини

Да нет!

Доминиканец

Простее!

Скажи: невинен ты?

Соррини

Как голубь!

Доминиканец

(с коварной улыбкой)

Вот так! ха! ха! ха! ха! давай бумаги;
За друга всем готов душой и телом
Пожертвовать. А еретик Фернандо
Погреется у нас, пока
Охолодеет прах его проклятый;

(садится и берет перо с бумагой.)

Я напишу, как ты мне говорил,
А там и в суд с убийственной бумагой!
Умен был тот, кто изобрел письмо.

Перо терзает иногда сильнее,
Чем пытка! — чтобы уничтожить царство,
Движения пера довольно, даже рай
Дает перо отца святого папы;
Ты веришь в эту власть?

Соррини

Как в добродетель!

Доминиканец

Итак, начну писать я свой донос.

(Начинает писать.)

Соррини

(пока он пишет, подходит к месту, где убита Эмилия. Глядя вниз)

На этом месте кровь ее текла!
Вот пятна! вот одно, другое!..
Впервые мне на кровь глядеть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещет,
И волосы невольно дыбом
Встают при мысли о убийстве!..
Жалеть ли мне Эмилию? — да что ж?
Всем должно умереть!.. но если тень
Ее предстанет мне во мгле ночной,
Как говорила дева, если я
Преследуем, терзаем буду
Ее рукой холодною повсюду,
Как совестью мятежной, если
Кровавое пятно и день и ночь
Глазам бессонным станет представляться!..
Как? я боюсь? — Соррини стал бояться!
Кого? — себя!.. стыдись... нет теней!
Нет призраков; могила слишком крепко
Свою добычу держит, чтоб она
Могла исторгнуться из рук ее сырых.
Но совесть! — совесть вздор! однако ж...
как, Соррини?
Ты совести боишься, и давно ль?

(Ударяет ногой в землю.)

Я презираю эту кровь как совесть.

Доминиканец

Донос готов!

Соррини

(подписывает)

Я подписал!

Доминиканец

И я!..

Соррини

Идем!

Доминиканец

Ужель донос подать боишься,
Товарищ; ты дрожишь!..

Соррини

От радости!

(Берет шляпу и палку.)

Вот всё мое оружие, пойдем.

Доминиканец

И горе!
Врагам закона нашего и нашим!
Пощады нет; клянемся!

Соррини

Нет пощады!
Какое же мучение избрать,
Чтобы мой еретик почувствовал
Всю тягость наших рук, всю тягость
Закона для отступника? — не сжечь ли?
Он оскорбил закон, он осквернил мой дом.

Доминиканец

Нет, четверить.

Соррини

Свинца кипящего
Ему влить в горло.

Доминиканец

Или на гвоздях
Его заставить спать.

Соррини

О, если б он имел
Сто жизней, я бы каждую иным,
Ужаснейшим терзаньем истощил!..
Однако цель моя достигнута!..

(Потирает руками.)

Доминиканец

Пойдем!
И с помощью святого Доминика
Еретика без жизни в прах повергнем!

(Уходят в радости.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

Дом Алвареца — стол. Свеча на столе.

Алварец
(сидит у стола)

Итак, она бежала от меня
С Фернандо — убежала с негодяем!

Донна Мария

Как я тебе сегодня объяснила;
Зачем ты не хотел позволить ей
За этого бродягу выйти замуж?

Алварец

Так не хочу же плакать об негодной,
Неблагодарной!..

Донна Мария
(насмешливо)

Плачь, нет, плачь!
Об дочери такой нельзя не плакать!

Алварец

И как она была привязана ко мне!

Донна Мария

Да! это видно!..

Алварец

Где тут стыд?
Покрыть седые волосы отца
Бесчестьем, посмеяться над отцом,
Любовницею быть бездомного бродяги,
В таких летах... А! это слишком много!..
Нет! звери благородней! звери лучше!..

Донна Мария

Побереги себя!..

Алварец

Пускай она с Фернандо,
Как нищая, под окнами блуждает:
Я отвергаю от себя ее!
Эмилия не дочь мне; пусть она
Найдет отца себе другого; я отвергнул
Бесстыдную от сердца своего.
Когда б она пришла к моим дверям,
Усталая, голодная, худая,
Как смерть, когда б она просила
Кусочка хлеба у меня, и этого
Я б не дал ей; пускай она умрет
На обесчещенном моем пороге!..

Донна Мария

Ты болен, друг! — не хочешь ли прилечь?

Алварец

Так, мне покой необходим теперь,
Я чувствую, что я совсем расстроен.

Донна Мария
(в сторону)

Бедняк ведь точно весь измучен.

Алварец

Боже!
Зачем ты дал мне дочь, зачем послал
Ты с ней бесчестье на главу мою?
О! накажи ее! прошу тебя,
Молю тебя! Из древнего семейства —
И так бежать с Фернандо! — ныне вижу:
Я воскормил змею в дому своем...

(Уходит.)

Донна Мария

Что делает теперь любезный патер
Соррини? — верно, он уж сорвал
Цветок невинности и наслажденья!..
Пришлет ли он еще подарок мне,
Его сотруднице!.. конечно, он пришлет;
Мне кажется, что начинаю я
Жалеть о бедной жертве сластолюбья!
А я была ведь главною причиной?
О! совесть! для чего терзать меня
Некстати? — прежде бы терзала;
Теперь помочь едва ли могут люди!

(Открывает ящик стола и вынимает подарки Сорриния, смотрит на них и кладет на место опять.)

Нет, не могу я видеть этот жемчуг
И камни дорогие! — руки, пальцы
Мои дрожат, когда я их держу;
Какая-то невидимая сила
Весь этот жемчуг превращает в слезы;
Прочь! прочь!..

(Кладет в ящик.)

Как мог меня прельстить
Подобный гадкий жемчуг?.. совесть! ты
Не хочешь покидать моей души?..
Зачем теперь? что пользы для тебя?..
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постом, богатым подаяньем
Загладить я хочу проступок свой,
Лишь дайте сон мне, дайте мне покой!

Входит Алварец встревоженный.

Алварец

Жена! послушай! здесь блуждают тени,
Мне кажется... сейчас я видел что-то,
Я слышал голос... голос мне знакомый!
Мне дурно...

(Садится.)

Донна Мария

Успокойся, друг мой.
Где тени! — теней не бывало здесь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть может, эти призраки рождает!

Алварец

Мне дурно.

(Звонит.)

Эй, слуга! воды,

Слуга входит.

Воды!.. как можно поскорее.

Уходит слуга.

Жена! я говорю, здесь бродят тени;
Ужель ты не слыхала голос томный?
Ужель ты не могла приметить их?

Донна Мария

Твои глаза от слез устали!

Алварец

Как?
Нет! я не плакал, и не стану плакать!..
Я проклинаю дочь свою.

Слуга приносит стакан; он пьет; слуга уходит.

Донна Мария
(в сторону)

Мне страшно!..
Есть мертвецы, есть тени, говорят

Ученые монахи... мы должны
Им верить... это, право, страшно!

Алварец

Ну, если умерла Эмилия...
Ну, если в эту самую минуту
Ее душа рассталась с нею... если...

Донна Мария

Что говорит он! Небо!

Алварец

Нет! за гробом
Проклятие отцовское не тронет!
За гробом есть другой отец!.. прощаю
Тебя, когда тебя не будет
Между живых... пусть тень твоя не бродит
Вокруг меня, не отгоняет сон
От глаз моих, пусть ужас не подымет
Седые волосы, покрытые тобою
Стыдом и поношеньем — нет! в могиле
Проклятие отцовское не тронет!
Там есть другой судья... прощаю,
Прощаю, дочь моя... о небо! небо!

Открывается дверь настежь с шумом, является Фернандо, держа труп Эмилии, старик вскакивает. Ужас на всех лицах.

Донна Мария

Ах!.. всё пропало!

(Бросается в другую комнату.)

Алварец

Что такое значит?..

Фернандо кладет тело на стул.

Чья кровь? чье это тело?

Фернандо стоит над нею, мрачен.

Кто она? кто ты?

Фернандо

Я дочь тебе принес.

Алварец

Эмилия!.. — мертва!

Фернандо

Мертва!

Алварец

Так ты ее убийца!

Фернандо

Я!..

Алварец

Так ты!.. О, если б я имел довольно силы,
Чтоб растерзать тебя! ты, похититель,
Убийца... и с такой холодностью!
Принес сюда... о, милое созданье!
Дочь! дочь моя! и кровь ее течет...
И я!..

Фернандо

Не правда ли, она прекрасна?..

Алварец

Чего ты ждешь! ступай хоть в ад,
Но прочь от глаз моих, убийца! Кровь ее,
Пока ты здесь, течи не перестанет...
О, если бы не слаб я был... прочь, демон,
Прочь, прочь от дочери моей!

Фернандо

Я здесь остаться
Решился...

Алварец

Ты решился?

Фернандо

Да! в живых
Она была твоя... — теперь моя!
Геройским преступленьем я купил

Кровавый этот труп... он мой!.. смотри
На эти бледные черты и отрекись
От дочери...

Алварец

Так подожди! ты скоро
Меня увидишь!.. тигр, змея коварства!
Я средство отыщу тебе отмстить,
Я инквизицию на помощь призову!

Фернандо

Кто не боялся уничтожить это,

(показывая на труп)

Того ничто не испугает в мире!..

Алварец убегает и запирает двери за собой.

Он запер двери! ха! ха! ха! прекрасно,
Старик, исполнил ты мое желанье!
Я с нею быть хочу наедине...
Как с другом... духи тишины!
Вы будете свидетелями свадьбы
Моей... здесь я клянусь любить
Ее одну, что б ни было... вы, стены,
Смотрите на Эмилию мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Бледна! бледна! — мертва!..

(Бросается к ногам ее и плачет.)

Молчание.

Ты мне простишь? не правда ли, мой ангел?
Я спас тебя!.. смотрите: улыбнулась!
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой!

(Берет за руку.)

Рука ее как лед!

(Целует руку.)

Позволь поцеловать!
О, как приятно мертвых целовать!..

(Встает.)

Что, ежели отрежу я косму

Волос и с ней умру, не легче ль будет мне
Терпеть последние мученья тела?

(Отрезывает косму волос кинжалом.)

Залог ее любви! как я велик!
Пожертвовал собой, своей душой,
Пожертвовал таким созданьем, чтоб
Освободить Эмилию, хоть вечно
Я не увижусь с ней! .. один! один!
Как жил, так и умрешь, Фернандо.
Зачем же небо довело меня
До этого? Бог знал заране всё:
Зачем же он не удержал судьбы? ..
Он не хотел!

Молчание.

Эмилия!
Теперь, как прежде, всеми ты забыта.
Но я с тобой! ..

(Подходит ближе.)

Кровь на груди засохла! ..
И предадут ее сырой земле;
Глаза, волшебные уста, к которым
Мой дерзкий взор прикован был так часто,
И грудь, и эти длинные ресницы
Песок засыплет, червь переползет без страха
Недвижное, бесцветное, сырое,
Холодное чело. .. никто и не помыслит
Об том... и, может быть, над той
Могилой проклянут мое названье,
Где будет гнить всё, что любил я в жизни! ..
О! я тебя навеки потерял!
Рай не отдаст божественный твой образ
Душе моей; я навсегда простился
С тобой, когда удар судьбы свершился!
Я сам разрушил... сам отвергнул, сам
Свою надежду уничтожил... о! прощай!
Прощай! прощай! ты спящий ангел! ..
Бледна! бледна! .. мертва...

Шум за дверями и голоса, но Фернандо стоит с поникшей головой и ничего не слышит. Входят служители инквизиции с начальником и веревками и прочими приготовлениями.

Начальник

Он здесь! Фернандо наш возлюбленный!
Здесь еретик! схватите поскорей!

Подходят, берут. Он недвижим, ничего не чувствует.

Свяжите руки!

Фернандо

(как от сна)

Что вам надобно?

Начальник

Ты на костре пылающем увидишь,
Что хочет инквизиция святая!

Фернандо

За что?

Начальник

Мы не привыкли отвечать, за что!
Свяжите.

Фернандо

Я не дамся.

(Вырывается.)

Начальник

Мы увидим!..

Фернандо

Кто хочет жить?

Начальник

Я знаю: ты не хочешь!
Вот для чего пришли мы за тобой!

Фернандо

Не думайте, что я боюся вас.
Я не хочу оставить этот труп!..
Прочь от меня. Своим присутствием
Вы оскверните это место. Посмотрите:
Она святей, чем все святые ваши!

Своею кровию она купила рай,
А ваши кровию других мечтают
Его купить... прочь! прочь отсюда!

Начальник

Я не люблю пустое толковать,
Схватите же его!

Фернандо

(вынимает кинжал)

Приди на помощь
Вторично, мой кинжал... кто будет первый?

Они отступают.

Никто!.. да сколько вас?.. ужель один
Так страшен!

Начальник

(своим)

Что нам торопиться, други?..
Он не уйдет от наших рук наверно.
Пускай придет отец Соррини сам:
Он нас прислал... пусть он с ним справится;
А из чего нам жертвовать собой!

Становятся у двери.

Фернандо

Что, если брошусь я на них, как тигр,
И всех в крови к ногам своим повергну?
Но нет! — зачем лишить их бренной жизни,
Зачем лишить того, что им бесценно?
Я здесь один... весь мир против меня!
Весь мир против меня: как я велик!..

Входит доминиканец с бумагой в руках.

Доминиканец

Фернандо!

Фернандо

Что?

Доминиканец

Против тебя донос есть.

Фернандо

Немудрено!

Доминиканец

И суд уж подтвердил,
Чтоб взять тебя.

Фернандо

Где суд в Испании?
Есть сборище разбойников!..

Доминиканец

А ты,
Ты не разбойник?

Фернандо

Нет.

Доминиканец
(показав труп)

А это что?

Фернандо

Я спас ее!.. она меня любила,
Любила!.. о! знавал ли ты любовь?
Нет, не знавал!.. как воск бы ты растаял,
Взглянув на эти бледные черты!
Она меня любила!.. как еще любила!..

Доминиканец

Не о любви пришел я говорить:
Ты обвинен, что веришь Лютеру
И всем еретикам; вот для чего
Пришли мы взять тебя, мой друг;
Ты веришь в Лютера?

Фернандо

Как странно:
Без пытки спрашивает он меня!
Я верю, что есть бог!..

Доминиканец

Что папа
Наместник бога?

Фернандо

Кто его поставил?

Доминиканец

Так ты не веришь?

Фернандо

Разве бог велел
Вам жечь людей?

Все

(кричат)

Он еретик! он еретик!

Доминиканец

(к другим)

Зачем его вы тотчас не связали?

Начальник

Не сладили.

Доминиканец

Так смел он защищаться?

(К Фернандо)

Ты должен умереть, мой друг.

Фернандо

Я это знаю!
Я это знал давно... и ты умрешь!..
О! не хвались своей минутной властью!
Вот образ смерти.

(Показывая на Эмилию.)

Если рок Эмилию
Не пощадил, то пощадит ли вас?..

Доминиканец

Ты слышал приговор, итак, сдавайся!..

Соррини входит и крадется дальше от Фернандо.

Фернандо

Соррини, здравствуй! верно, ты пришел
Последний миг страдальца усладить!
Не бойся! Я тебе не сделаю
Вреда! я прежнее забыл.
Я совершил свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совести.
Не вечно спят они. Граница есть
Всему... но полно уж об этом!

Соррини

Глупец, ты смеешь угрожать?

Фернандо

Соррини!
Ты победил... но просьба есть одна:
Исполни... если ты ее исполнишь,
То на костре я буду за тебя
Молиться, в лютой пытке буду имя
Твое благословлять.

Соррини

(с улыбкой)

Скажи мне, что такое!

(Насмешливо)

Скажи мне... если только можно!..

Фернандо

(вынимает косу Эмилии)

Ты видишь этот черный пук волос!
Пускай они сгорят со мной. Сегодня
Я их отрезал с головы ее!

(Указывая на тело Эмилии.)

Пред смертью не снимайте их с меня;
Они вам не мешают.

Соррини

Нет, нельзя!
Никак нельзя.

Фернандо

Последняя мольба!

(Скрежещет зубами.)

Поверь мне, эти волосы никак
Тебе не помешают слышать крики
Мои, которые железо пытки
Исторгнет!..

Соррини

Нет! никак нельзя!..
Их вид твои страданья облегчит,
Но этого не хочет суд.

Фернандо

Соррини!
Ты хочешь...

Соррини

Я хочу, чтоб ты повиновался!
Служители! еретика схватите
Сейчас и волосы из рук его
Нечистых вырвите. Канатами свяжите
Преступника! Он слышал приговор,
И глупо мешкать...

(В сторону)

Ты заплотишь мне;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умеет: впрочем, мы виновны оба, —
А кто взял верх, тому и слава!

В это время все приблизились к Фернандо. Но он отталкивает одного ближайшего, бросается на Соррини и ранит его в руку.

Фернандо

Издохни!

Соррини
(который упал от удара, встает)
Помогите!

Фернандо
(тихо и мрачно)
Жив!

Соррини

Я жив,
Чтоб насладиться муками твоими!

Доминиканец

Перевяжите руку!

(Перевязывает.)

Фернандо

Ныне вижу,
Что не исполнил ты свое предназначенье
И меру всех твоих злодейств. Творец
Свидетель мне: хотел очистить землю я
От зверя этого... железо обмануло...
И он живет... презренный человек!
Он отвратительнее для меня,
Чем все орудья пытки.

(Бросает кинжал на землю.)

Прочь, неверный
Металл! ты мне служил, как люди:
Помог убить невинность, притупился
О грудь злодея,

(топчет)

прочь, изменник!

Видя, что кинжал не в руках его, бросаются все на него, схватывают и связывают руки.

Доминиканец

Теперь он безопасен нам! схватите,
Свяжите!

Соррини

Как мы мешкаем! — о! сердце
Мое трепещет, хочет увидать
Огонь, где этот еретик погибнет!
Во имя бога! дети! ну, ступайте!

Начальник

Чтоб он не вырвался! держите крепче!..

Фернандо

Не бойтесь! я не стану вырываться.

(Насмешливо)

Кто отослать хотел на небеса
Такого ангела,

(показывая на Соррииия)

заслуживает тот
Ужаснейшую казнь!..

Моисей
(за дверью)

Впустите! поскорее!

(Вбегает в отчаяньи.)

Мой сын! Фернандо! где он? где он? где он?
Фернандо, ты мой сын! недавно я
Узнал. Раввин мне объявил. Что сделал ты?
Нашел! — и вновь теряю навсегда!
Мой сын! мой сын! о небо!

Фернандо
(вздрогивает)

Я твой сын!

Молчание.

Старик... неправда! говори: неправда!
Что пользы мне найти отца в подобный час?
Старик... ты обманулся! я не сын твой,
Никто не требуй больше от меня любви.

Моисей

Нет! я тебя спасу!

(Бросается к ногам Соррини.)

О! господин!..
Я сожаленья не прошу — у христиан,
Я знаю, господин, оно проступок!
Но вся моя казна твоя!

(Обнимает колена.)

Вот здесь червонцы!..

(Вынимает мешок.)

Спаси его! позволь ему бежать!
Он сын мой!.. за него я всё отдам.

Фернандо

Встань! встань! не унижай себя пред ним,
Будь горд, как я, — иль ты не мой отец!
Встань! — и учися ненавидеть презирая.

Моисей
(на коленях)

Возьми мое богатство, всё! — оно
Перед тобой... я дочь еще имею!..

Фернандо

Старик, молчи! — когда б я не был связан,
Я б рот тебе зажал...

Моисей

Помилуй!..

(Обнимает колена.)

Соррини

Нет!

Моисей

На казнь?..

Соррини

Ну что ж?

Начальник

(одному из служителей)

Иди вперед.

Фернандо

(к Моисею и Эмилии)

Прощайте!

Его уводят.

Соррини

(Моисею)

Ну, что ты?

Моисей

Увели! — нельзя ль помочь!

Соррини

(берет мешок с деньгами)

Попробую! все средства не исчезли!
В суде имею я довольно власти.
Да ты еврей — ага!.. зачем ты здесь?
О погоди! — я и с тобою справлюсь.

(Уходит, смеясь.)

Моисей

Ушел! и деньги взял, и сына взял,
Оставил с мрачною угрозой!.. о творец!
О бог Ерусалима! — я терпел —
Но я отец! — Дочь лишена рассудка,
Сын на краю позорныя могилы,
Имение потеряно... о боже! боже!
Нет! Аврааму было легче самому
На Исаака нож поднять... чем мне!..
Рвись, сердце! рвись! прошу тебя — и вы
Долой, густые волосы, чтоб гром
Небес разил открытое чело!

(Рвет волосы.)

Сын! дочь! имение! червонцы!
Всё, всё!..

(ломая руки)

потеряно навек!

Входят два человека с носилками.

О горе! горе мне! о горе! горе!

Жид убегает. Два человека с удивлением глядят.

1-й гробовщик

Везде одно отчаянье да казни;
Конечно, этот человек немало
Имел несчастья.

(Показывая на дверь, куда ушел Моисей.)

2-й гробовщик

Да! как волосы он рвал!

1-й гробовщик

Он жид, однако ж я его жалею!..

2-й гробовщик

Приметил ли, когда нас посылал
Дон Алварец за телом дочери,
Как он едва держался на ногах
И крупная слеза катилась по щеке?

1-й гробовщик

Да, это приключенье занимает
Весь город!

2-й гробовщик

(с помощью другого кладет на носилки тело Эмилии)

Мир душе твоей, девица!..

1-й гробовщик

Ей пышные готовят похороны,
Я слышал.

2-й гробовщик

Вот чего не понимаю!
Не всё ль равно усопшему, в парче
Или в холсте он будет съеден червем?

1-й гробовщик

Так принято.

2-й гробовщик

(обвивая покрывалом тело на носилках, чтобы оно не упало)

Вот брачная постель твоя,
Красавица!

Молчание.

Куда была она прекрасна!..
Хоть я привык к таким работам, а теперь
Мне как-то жалко, как-то тяжело
На сердце.

Подымают носилки с Эмилиею.

1-й гробовщик

Полно тут болтать! за дело!
Пойдем... вот так! смотри, держать ровнее!

Уносят тело.

СЦЕНА II

Улица в городе близко жилища Алвареца. Народ.

1-й испанец

А! здравствуй! добрый день! ты слышал ли
Печальную историю Фернандо?

2-й испанец

Он в город приведен сегодня, взят
В тюрьму; уж суд над ним окончен;
Костер стоит готов — я видел сам;
У нас не любят очень долго мешкать,
Когда какой-нибудь монах обижен;
Сейчас сожгут, хотя не виноват.

3-й испанец

Однако же Фернандо виноват, зачем
Он бедную Эмилию зарезал;
Жестокосердый!.. Нет! пускай горит он.

4-й испанец

Он смерть предпочитал позорной жизни
И думал сделать ей добро, не зло!..

2-й испанец

Народ валит толпой, чтоб посмотреть,
Как умирает человек.

(Показывая на толпу.)

Кто скажет,
Что эти люди сами смертные?

Сара

(за сценой)

О, помогите удержать ее!..

Ноэми входит с растрепанными волосами, а за нею Сара.

До самого до города она
Всё так бежала... я измучилась!
Ноэми! ах! — она сошла с ума.

Ноэми

Пусти меня! — мой брат! мой брат! мой брат!
Куда ты?.. я тебя люблю, люблю так нежно.
Закон — тиран! — какой уродливый
И гадкий вид! — дай руку мне! — о нет:
Как? — эти пальцы пахнут смертью!
Отдайте ожерелье мне назад...
Мой брат! мой брат! мой брат!
Я знала, он погибнет, Сара,
Пойдем домой.

Сара берет ее за руку.

Нет! так я не хочу!

(Бросается на колена.)

О люди добрые! скажите мне,
Где брат мой?

2-й испанец

Кто она?

Сара

Ах! сжальтесь!
Вы видите, она сошла с ума,
Никто ее не может удержать...

2-й испанец

Когда бы все жиды с ума сошли,
Как эта девушка, нам было б лучше.

Ноэми

Где брат мой?

4-й испанец

Бедная еврейка!

Ноэми

(встав)

Вы думали, что я бедна, — но мой отец
Стократ богаче вас — и в столько ж лучше;
Вы думали, что долго буду я
Стоять пред вами на коленах — так ошиблись!
Я буду петь, плясать и веселиться!

(Обтирает глаза.)

Прочь! прочь, вы, слезы! — вы лжецы!
Не плакать я хочу, но веселиться.
Прочь слезы — мой отец богат!..

(Стонет.)

Сара

Что говорит она? — всё бредит!
Мы *бедные* евреи!..

2-й испанец

(глядя на Ноэми)

Как жалка!

Ноэми

Где он?
Пылает небо, люди гибнут,

Земля трепещет... там, в огне, в огне,
Мой брат! мой брат! — я не пойду к нему?
Пустите!..

Сара

Что ты делаешь,
Великий боже! образумь ее!

5-й испанец

(вбегает)

Всё кончилось! я был в суде, Фернандо
Ведут на казнь, его пытали долго,
Вопросы делали — он всё молчал, ни слова
Они не вырвали у гордого Фернандо —
И скоро мы увидим дым и пламя.

2-й испанец

Пойдемте посмотреть на казнь Фернандо!..

Некоторые идут. Народ толпится через улицу.

Ноэми

Чья казнь!

(Упадает на землю.)

Я... слышала, Фернандо.

(Тихо.)

Мой брат! что ж? смейтесь! — казнь и смерть!..
Как это больно!

Группа составляется вокруг нее.

Сара

Помогите ей!
Воды! — я заклинаю богом, помогите.

(Становится на колени возле.)

Она еще тепла... о демоны, не люди!
Что я могу, бессильная старуха?
О, помогите, помогите ей!

6-й испанец

(сухо)

Жидовка умереть одна не может?
Пускай она издохнет!.. И Фернандо,
Как говорят, был сын жида.

Сара

Он сын
По крайней мере человека — ты же камень!
Проклятье на тебя, кто б ни был ты!

(Склоняясь к Ноэми.)

Ноэми! ты оставить хочешь нас!
Ужасная судьба отца: и дочь и сына
В одну минуту потерять!

Ноэми

(тихо)

Фернандо!..

Молодой человек из толпы подходит ближе.

7-й испанец

Прелестные черты! когда б печаль
И смерть не истощили их
Красы до половины — что за бледность!

Сара берет ее за руку и вздрогивает.

Свинцу подобны сделалися губы,[1]

[1] На этом месте рукопись обрывается.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСНЯ

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят,
То тому, то сему по добру коню;
А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело — гусей пасти,
А второе дело — бел кужель прясти,
А третье дело — дитя качать.

И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-баю, мило дитятко,
Ты по батюшке злой татарчонок,
А по матушке родной внучонок,
У меня ведь есть приметочка,
На белой груди что копеечка.

Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
«Ты родная моя матушка,
Ах, ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованые ларцы

И бери казны сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра».

Ах ты милое моя дитятко,
Мне не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь;
Не слыхать здесь петья церковного,
Не слыхать звону колокольного.

1830 или 1831

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

НЕЗАБУДКА

(стр. 101)

Автограф. Вместо ст. 61—62

Вы верно спросите: девица
Жила, грустила мало дней?
Конечно ранняя могила
Горючи слезы осушила? —
Нет — беспристрастно посмотрев
На нынешних, прелестных дев
Вы это отгадайте сами:
Они (весь мир тому судья)
В своем характере, друзья,
Не изменяются веками!..

В АЛЬБОМ

(стр. 104)

1

Автограф. Первая редакция

Прими, хотя и без вниманья
Моей души печальный бред;
Чудак безумный, в цвете лет,
Я вяну жертвою страданья.

2

Пусть эти строки над собой
На миг удержат взор твой милый,
Как близ дороги столбовой
Пришельца памятник могилы.

10 ИЮЛЯ (1830)

(стр. 133)

Автограф, ст. 1—2, ст. 4.

Опять вы с кликами восстали,
Герои дальне<й стороны>
Тиранства низкие сыны.

СТАНСЫ

(«Взгляни, как мой спокоен взор. . .»)

(стр. 136)

Автограф, ст. 21—24

Люблю припомнить в тишине
Твой смех, твой взор и голос твой
И час воспоминанья мне
Час бесполезный, но святой! . .

ЧУМА

(стр. 137)

Автограф. После строфы 84

Когда ж потом в себя пришел живой
И увидал, что унесен мертвец,
Он завернулся в плащ широкий свой,
Чтоб ожидать бестрепетно конец.
И стал в глазах двоиться луч дневной,
Глава отяжелела как свинец,
И душу рок от тела оторвал
И будто сноп на землю он упал!

ВЕНЕЦИЯ

(стр. 148)

Копия. После ст. 40

Случалось, с вихрем и грозой
Носились тучи надо мной;
Хоть я один в челне моем,
Вас не боюсь я, дождь и гром.
Не так с душою! — Если в ней
Кипит опасный бой страстей,
Ты не мечтай, чтоб он затих,
И жалости не жди от них.

ПОТОК

(стр. 167)

Копия. После 2-й строфы

Пускай же мчится мой поток,
Неистовый и бурный,
Пускай от берега цветок
Отмоет он лазурный
И увлечет с собою в путь,
И с ним погибнут где-нибудь
Вдвоем, забыт вселенной
В пустыне отдаленной.

ВИДЕНИЕ

(стр. 202)

Автограф. После ст. 13

Не верил он — и как же мог он верить,
В тот самый миг, когда б решился бросить
К ногам любимого предмета жизнь,
Земное счастье и блаженство рая.
Увы! он был душой далек от неба:
Ужасные кипели страсти в ней,
И гордый ум мятежно восставал
Противу власти бога или рока.

Вместо А. ст. 22—23

Он ищет переправы — не находит,
И сердце жмет досада. Видит он,
На берегу другом давно знакомый
Чернеет дом, в одном окне свеча,
И чья-то тень проходит. — Может быть
Она? — Ужели воротиться? как

Б. И как утес чернеет дом... но мост
Изломан... и пеняся волны плещут.

«МЕТЕЛЬ ШУМИТ, И СНЕГ ВАЛИТ...»

(стр. 209)

Автограф. Вместо ст. 9—12

Нет не меня зовет сей звук;
Я для могилы не созрел;
Ей надо много, много мук,
Но столько же преступных дел.

К ***

(«О, не скрывай! ты плакала об нем...»)

(стр. 215)

Автограф. После ст. 4

Все, все улыбки, виданные мной,
Ничто против одной слезы твоей.
Однако ж, плакать я б не смел с тобой,
Хотя б то было о судьбе моей;

О, если бы слеза твоя могла
Скатиться на чело мое, в тот час,
Когда луна сребристая плыла
Над нами. Свет не разлучил бы нас! ..

АНГЕЛ

(стр. 215)

Песнь ангела

Автограф. После ст. 12

Душа поселилась в твореньи земном.
Но чужд был ей мир. Об одном
Она всё мечтала, о звуках святых,
Не помня значения их.

«ПУСТЬ Я КОГО-НИБУДЬ ЛЮБЛЮ...»

(стр. 219)

1

Автограф. Стихотворение состояло из трех строф

Гляжу вперед сквозь сумрак лет,
Сквозь луч надежд, которым нет
Определенья, и они
Мне обещают годы, дни,
Подобные минувшим дням,
Ни мук, ни радостей, а там
Конец — ожиданный конец:
Какая будущность, творец!

3

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском
Младая ветвь на пне сухом; —
В ней соку нет, хоть зелена, —
Дочь смерти — смерть ей суждена! —

СИЛУЭТ

(стр. 227)

Черновой автограф. Первая редакция

Есть у меня твой силуэт;
На память я его чертил,
И мнится, этот черный цвет —
Родня с моей душою был;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней;
Души в глазах, ланит огня
Не различите вы на нем,

Зато он вечно близ меня,
И взор его не на другом;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

БАРТЕНЬЕВОЙ

(стр. 230)

Черновой автограф. Другое начало

Ужели ты посланник рая,
Минутный гость в толпе людской,
Ужель ты дева неземная,
Как говорит нам голос твой! ..
О нет, ты создана для света!
И лишь умела перенять

ДОДО

(стр. 231)

Автограф. После ст. 8

Опасна ты, как вспоминанье,
Как неизменная любовь,
И как безумное желанье
Того, чего не будет вновь;

ЩЕРБАТОВОЙ

(стр. 232)

Автограф. Первая редакция

Вам знакома вся Москва,
Все московские паркеты:
Вас взлелеяла молва
Под названием Анеты;
Близ Невы не встретят Вас
Как московские проводят:
Там прекрасным не находят,
Что божественно для глаз! ..

Вторая редакция.

Вы уезжаете — напрасно!
Здесь понимают, что прекрасно.
Здесь ваш наряд — для всех закон;
Здесь вам привыкли уж дивиться! —
Примите общий наш поклон...
Зачем хотите Вы, чтоб он
Не знал, чем даже похвалиться?

«ВРЕМЯ СЕРДЦУ БЫТЬ В ПОКОЕ...»

(стр. 237)

Автограф. Между 1-й и 2-й строфой

Мой проступок перед миром,
Пред людьми моя вина.
Для которых ты кумиром,
Но не другом быть должна;
И поклонников ты встретишь
И, блистая пред толпой,
Меж рабов ты не заметишь
Для себя души родной.

К *

(«Я не унижусь пред тобою...»)

(стр. 242)

Автограф. После ст. 40 были ст. 29—32. После ст. 32 следовали еще 8 ст.

Но время сердцу быть в покое
От счастья, муки, от всего
С того мгновенья, как другое
Не бьется больше для него?
И если снова затрепещет
Оно, — то прежнего лишь след:
Так всё волнами море плещет,
Хотя над ним уж бури нет!

ПРЕЛЕСТНИЦЕ

(стр. 245)

Черновой автограф. После ст. 4

А. Пускай ни дочери, ни сына
Ты вечно не прижмешь <к> груди:
И с нищетой тебя судьбина
Ждет неизбежно впереди.

Б. Пускай ни к дочери, ни к сыну
Ты груди вечно не прижмешь
За то, что каждого мужчину
За кучу злата обоймешь.

ЖЕЛАНЬЕ

(«Отворите мне темницу...»)

(стр. 255)

Автограф, ст. 5—8

Чтоб я с ней по синю полю
Ускакал на том коне.
Дайте волю — волю, волю —
И не надо счастья мне!

Копия альбома А. М. Верещагиной, ст. 5—8 ст. 14—15

Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цепи
И вериги бытия.
Я пущуся в сине море
Вдаль от сонных берегов
И натешусь в буйном споре
С злобной прихотью валов.

После ст. 21

Бил жемчужный водопад;
Перед звучными струями
Я лениво растянусь
И над прежними мечтами
Засыпая посмеюсь.

ДВА ВЕЛИКАНА

(стр. 257)

Автограф ст. 5—6

А. Бедных карлиц между ними
Видел их орлиный глаз
Б. Равных силой между ними
Не встречал еще их глаз.

После ст. 8

Страшны миру были оба
С гордым пасмурным челом;
Но в одном кипела злоба,
А презрение в другом.

«ЧТО ТОЛКУ ЖИТЬ!.. БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ...»

(стр. 261)

Автограф ГПБ. Ст. 1—14 отсутствуют. После ст. 23

Отслужит в церкви панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услыхать;
И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Названье ваше сохранит
С двумя плачевными стихами,
Которых, к счастию, вы сами
Не прочитаете вовек.
Когда ж чиновный человек
Захочет место на кладбище,
То ваше тесное жилище
Разроет заступ похорон
И грубо выкинет вас вон;
И может быть, из вашей кости
Подлив воды, подсыпав круп,
Кухмейстер приготовит суп —
(Всё это дружески, без злости).

А там голодный аппетит
Хвалить вас будет с восхищеньем;
А там желудок вас сварит,
А там — но с вашим позволеньем
Я здесь окончу мой рассказ;
И этого довольно с вас.

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

(стр. 269)

Рукописный журнал. После ст. 4

Вели день целый
На койке спать,
И каши белой
Мне не давать.

В парадировку
Меня не ставь,
От маршировки
Меня избавь.

Еще моленье:
Дай позволенье
Раз в воскресенье
Мне опоздать. . .

КАЛЛЫ́

(стр. 366)

Копия П. А. Висковатова, ст. 94—105

Но не стряхнувши грезы ночи,
Мгновенно вновь сомкнулись очи. . .
Увы! ни радость, ни любовь
И грусть их не откроют вновь!
Аджи глядит. И в думах тонет
Его душа. Урочный час!
Раздался стон. Кто так простонет, —
Тот простонал в последний раз.
Кому ж пришлось такие звуки
Услышать, их не позабыть
И никогда не заглушить
Воспоминанья тяжкой муки.

Ст. 114—121

Окаймлена волос волнами
Лезгинки юной голова.
Свершилось. «Вот тебе, мулла,
Подарок. Как верны удары
Мои. — Аджи ему сказал, —
Ну что ж! узнал, узнал ли старый?»
И взмах руки, и уж торчал
В груди дымящийся кинжал.

Вместо ст. 141—152

И след Аджи простыл. Катился
За годом год, и вот в горах
Абрек чужой всем появился.
Вселяя суеверный страх.
Как зверь, он от толпы таился,
Встречаться с женщиной не мог!
Быть может совести упрек
В ее чертах найти страшился...
Следы страданья и тревог
Не укрывались от вниманья;
Под башлыком упорный взор
Внушал лишь страх... Ни состраданья,
Ни сожаленья — лишь укор
Судьбы читался в нем... Никто
Не признавал в Абреке друга.
Он поражал как бич недуга...
Встречал ли ночью он кого,
Встречал ли днем — всегда его
Все сторонились, избегали,
Как дней проклятья иль печали.
Ему открыт был всюду путь;
Хранил он вечное молчанье;
Но не затем, чтоб подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье;
Но знал один он почему
Каллы́ ужасное прозванье
В горах осталося ему.

АНГЕЛ СМЕРТИ

(стр. 378)

Черновой автограф. После ст. 99

Его пронзительные взоры
Из-за бровей как из-за туч
Свинцовый изливали луч,
Когда нечаянно встречали
Глаза беспечной красоты
Глаза, где весело пылали
Надежды, чувства и мечты!
И часто, часто над несчастным
Он с сожаленьем ненапрасным
Кляня судьбину, слезы лил
В те дни... когда ребенком был
Одно сокровище, святыню
Теперь имел под небом он;
С ним раем почитал пустыню

После ст. 205

Но как помочь?.. душа ее
Приняв иное бытие
Теперь вольна, как мысль, как пери, —

Пред ней отверзты рая двери,
Блистая чудной красотой;
И как ей можно возвратиться
Чтоб в этом теле поселиться?
И кто оставит край святой
Где не живет никто тоскуя,
Для гордых ласк — и поцелуя
Обманчивой любви земной?

Вместо ст. 395—402

Давно уж кончилась борьба
Между отважными войсками,
Давно решилась их судьба...
Одними мертвыми телами
Долина смерти устлана...
Их смерть ужасна быть должна:
Им нет последнего лобзанья...
Нет... ангел смерти молодой
Сам мучим страстию земной,
Он не услышит их призванья...

Вместо ст. 488—500

И отвечал изгнанник страстно
Как только мог, в последний раз
Тревожим ласкою напрасной
Любви молящих томных глаз
И ласке нежной, но напрасной;
Вдруг на светило он взглянул

После ст. 515

Всё ту же власть имеет он
Какой был прежде одарен.
И так же может в бесконечность
Полет отважный устремить
И взором как поток следить
Непроницаемую вечность,
Но к людям чувствовать любовь
Не может гордый ангел вновь,
К слезам и просьбам стал он камень
И если б ненависти пламень
Знаком был ангелам святым,
Он ненависть питал бы к ним

ИЗМАИЛ-БЕЙ

(стр. 404)

Черновой автограф. После ст. 12

И ты, звезда любви моей,
Товарищ бурь моих суровых,
Послушай песни прежних дней...
Давно уж нет у сердца новых,
Ни мрачных дум, ни дум святых
Не изменила власть разлуки —
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты в других!

Копия Хохрякова. После строфы 25 (1 части) вычеркнута строфа 26

Я сам знавал когда-то в старину
Подобную волшебницу одну.
И от нее оторван был я роком,
И за нее творца благословил;
В объятиях, напитанных пороком,
Я б ангела, быть может, осквернил!
Но в час ночной, когда воспоминанье
Приводит к нам минувшего скелет,
И оживляет прежние страданья,
И топит в них всё счастье прежних лет, —
Тогда, тогда порою нахожу я
В душе, как бога в храмине пустой,
Тот милый взор, с улыбкою святой;
И мнится, я храним ее рукой,
И жду, безумец! ласки, поцелуя. . .
Бледнеют грезы мрачные мои,
Всё исчезает, кроме дум любви;
Но с ней, хоть образ узнаю прекрасный,
Сравнить мечту стараюсь я напрасно;
Заснул? — передо мной во время сна
Опять, опять она — и всё она!

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый сборник стихотворений Лермонтова вышел в 1840 году. Лермонтов произвел строгий отбор и включил в него только двадцать шесть стихотворений и две поэмы. Из юношеских стихотворений в сборник вошла лишь «Русалка» (1832).

Ранее из юношеских произведений было напечатано только три: «Весна» («Атеней», 1830), «Ангел» («Одесский альманах» на 1840 г.) и без разрешения автора «Хаджи-абрек» («Библиотека для чтения», 1835). Все остальные юношеские стихотворения Лермонтова были опубликованы посмертно.

После выхода сборника «Стихотворения М. Лермонтова» 1840 г. поэт продолжал печатать свои стихотворения в журнале «Отечественные записки»; одно стихотворение («Спор») было опубликовано в «Москвитянине». На страницах «Отечественных записок» печатались посмертно стихотворения Лермонтова, написанные в последние месяцы его жизни.

Первой попыткой дать наиболее полный свод стихотворений Лермонтова были «Сочинения Лермонтова», в двух томах, С. С. Дудышкина (1860), включавшие ряд юношеских стихотворений. Однако отбор стихотворений был сделан произвольно и часть из них печаталась сокращенно, без каких-либо указаний на это. С наибольшей полнотой стихотворения Лермонтова были представлены в «Первом полном издании» сочинений Лермонтова в шести томах, под редакцией П. А. Висковатова (1889—1891). Сюда вошли все стихотворения, появившиеся к этому времени в печати.

В 1910—1913 гг. выходит первое академическое издание сочинений Лермонтова под редакцией Д. И. Абрамовича, самое полное из дореволюционных. Однако в этом издании содержалось множество текстологических ошибок.

Большую работу проделали советские текстологи, заново проверив тексты Лермонтова по всем авторитетным источникам: первопечатным изданиям, автографам, авторизованным копиям, спискам. В 1926 г. появилось Полное собрание сочинений Лермонтова под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума (6-е издание этого однотомника вышло в 1934 г.). В 1935—1937 гг. выходит пятитомное Полное собрание сочинений Лермонтова в издании «Academia» — одно из лучших изданий сочинений поэта, снабженное обширным текстологическим и историко-литературным комментарием.

Это издание было положено в основу последующих изданий под редакцией Б. М. Эйхенбаума (Гослитиздат, 1939—1940, и Гослитиздат, 1947—1948).

В 1937 г. «Стихотворения и поэмы» Лермонтова были изданы под редакцией Б. М. Эйхенбаума в Малой серии, а в 1940—1941 гг. — в Большой серии «Библиотеки поэта». Последнее издание отличалось своеобразной композицией. Все стихотворения были разбиты на несколько циклов (автобиографический, философский, гражданский и балладно-фольклорный), причем к каждому из них был дан комментарий, представляющий единый текст, перерастающий в исследование.

В 1954—1957 гг. Институтом русской литературы Академии наук СССР было осуществлено академическое издание сочинений Лермонтова. Важное достоинство этого издания — наиболее полный и точный свод вариантов, выполненный под руководством Б. В. Томашевского.

В настоящем издании дается текст, подготовленный к печати Б. М. Эйхенбаумом для Полного собрания сочинений Лермонтова (Гослитиздат, 1947—1948) с включением всех стихотворных текстов Лермонтова, выявленных за последние годы, а также с учетом тех уточнений, которые были произведены в академическом и других изданиях.[1] Не принимаются только недостаточно обоснованные текстологические решения (см. стихотворения «Волны и люди», «Не верь хвалам и увереньям...», «А. О. Смирновой», «Я к Вам пишу...» и др.). Поэма «Сашка» рассматривается в данном издании как законченное произведение. Текст этой поэмы сверен со считавшимся утраченным и лишь недавно выявленным списком Н. Н. Буковского, содержащим (хотя и в искаженном виде) неизвестный ранее эпиграф к поэме.

В издание включены три стихотворения Лермонтова, выявленных недавно в ФРГ и опубликованных И. Андрониковым: «Один среди людского шума...», послание («Катерина, Катерина!..») и французское стихотворение «Ma cousine...».

Впервые уточнены в настоящем издании датировки эпиграмм Лермонтова на Кукольника (1835 вместо 1837) и на Сенковского (1836 вместо 1841), указана точная дата и связь стихотворения «Любовь мертвеца» со стихотворением «Влюбленный мертвец» Альфонса Карра. В раздел стихотворений, приписываемых Лермонтову, впервые включено стихотворение «Любить вас долго было б скучно...». При комментировании сделана попытка уточнить адресаты ряда стихотворений.

В издание включены все стихотворные произведения Лермонтова, за исключением юнкерских поэм, неудобных для печати. В первый том вошли юношеские сочинения 1828—1834; во второй — произведения 1835—1841 гг. Внутри каждого тома произведения расположены по жанрам: лирические стихотворения, поэмы, драмы в стихах; в пределах каждого жанра — по возможности, хронологически.

Большая группа юношеских стихотворений Лермонтова хра-

---

[1] Вся необходимая дополнительная работа, связанная с подготовкой текста, выполнена Э. Э. Найдичем.

нится в рукописных тетрадях Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. К 1828—1829 гг. относятся тетради 2, 3; к 1830 г. — 5, 6, 7, 8; к 1831 г. — 10, 11; к концу 1831 — началу 1832 тетрадь 4. Среди входящих сюда стихотворений есть и точно датированные. Эти стихотворения печатаются в порядке их расположения в названных тетрадях.

Наиболее трудно датируются стихотворения, тексты которых известны лишь по тетради 20, представляющей копию избранных юношеских стихотворений поэта. Это большая группа стихотворений 1830—1831 гг. Кроме тех стихотворений, которые содержат даты написания в заглавии («1831-го января», «1831-го июня 11 дня»), все эти стихотворения печатаются в данном издании после стихотворений 1830 г. Часть стихотворений 1832 г. содержится в автографах в так называемой «Казанской тетради», представлявшей ранее единое целое с тетрадью 20, последние листы которой Лермонтов использовал для черновиков. Эти стихотворения печатаются в порядке их расположения в этой тетради.

Датировка зрелых стихотворений определяется по авторским пометам в автографах, палеографическим признакам, по прижизненным публикациям, мемуарам современников, по содержанию.

Ряд стихотворений датируется по сборнику «Стихотворения М. Лермонтова» 1840, хотя в нескольких случаях даты в этом сборнике обозначены неточно и исправляются по другим источникам (с обоснованием в комментариях). Порядок стихотворений, относящихся к последним месяцам жизни поэта, определяется их местом в записной книжке Лермонтова, подаренной ему В. Ф. Одоевским 13 апреля 1841 г. Датировка стихотворений, содержащихся в тетради Чертковской библиотеки (ныне библиотеки Государственного исторического музея в Москве), представляет сложность, поскольку здесь переплетены автографы Лермонтова разных лет.

Даты первой публикации или год, не позднее которого написаны данные произведения, заключены в угловые скобки; предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком.

Источником текста для стихотворений, напечатанных при жизни Лермонтова, обычно служит последняя прижизненная публикация. Однако порою приходится отступать от этого принципа. Последний прижизненный текст «Песни о купце Калашникове» (Сборник стихотворений 1840 г.) напечатан с пропуском отдельных строк и множеством неисправностей, которые объясняются тем, что Лермонтов не вел корректуры. Автограф «Песни...» отсутствует, поэтому наиболее авторитетна первая публикация в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“».

В разделе «Ранние редакции и варианты» приводятся все наиболее существенные редакции произведений Лермонтова, отличные от окончательных, а также наиболее значительные варианты, отброшенные строфы, первоначальные альбомные редакции ряда стихотворений. Вместе с тем, учитывая особенности Лермонтова, его частые возвращения к своим ранним замыслам, ряд стихотворений, связанных темой и отдельными текстуальными повторениями, приводятся в основном тексте в качестве самостоятельных произведений.

Список сокращений, принятых в примечаниях

БдЧ — «Библиотека для чтения»
БЗ — «Библиографические записки»
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ЗО — Записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским.
ЛН — «Литературное наследство».
ОЗ — «Отечественные записки».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
ПСС1 — Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под ред. П. А. Висковатова, тт. 1—6. М., 1889—1891.
ПСС2 — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, тт. 1—5. Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1910—1913 (Акад. библиотека русских писателей).
ПСС3 — М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, тт. 1—5. Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М. — Л., «Academia», 1935—1937.
РА — «Русский архив».
РВ — «Русский вестник».
РМ — «Русская мысль».
РС — «Русская старина».
СВ — «Северный вестник».
СЛ — «Саратовский листок».
С — «Современник».
Соч. 1860. — Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным, тт. 1—2. СПб., 1860.
Соч. 1873. — Сочинения Лермонтова, тт. 1—2. Изд. 3-е. Под ред. П. А. Ефремова.
Соч. 1880. — То же. Изд. 4-е.
Соч. 1887. — То же. Изд. 6-е.
Соч. 1891 — Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под редакцией П. А. Висковатова, тт. 1—6. М. 1889—1891.
Соч. АН — М. Ю. Лермонтов. Сочинения, тт. 1—6. М. — Л., Акад. наук СССР, 1954—1957 (Ин-т русской лит-ры Академии наук СССР).
Стих. 1840 — «Стихотворения М. Лермонтова». СПб., 1840.
Тетр. — Тетрадь.
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства.
Чертк. б-ка — Чертковская библиотека.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Осень. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 1. Печ. по автографу ПД, тетр. 2, дата рукою Лермонтова; сохранилось неполностью (следующий лист тетради вырван).

Заблуждение Купидона. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 1. Печ. по автографу ПД, тетр. 2, дата рукою Лермонтова. Относится к числу ученических упражнений на заданную тему. Поэтические опыты «в древнем роде» (см. ниже «Цевница», «Пир», «Пан»), очевидно, связаны с уроками А. Ф. Мерзлякова и, как это доказано В. Вацуро, ориентируются на антологические стихи Пушкина.

Цевница. Впервые — БЗ, 1861, № 16, стлб. 487. Печ. по автографу ПД, тетр. 2, дата рукою Лермонтова. *Цевница* — свирель.

Поэт. Впервые — PC, 1872, № 2, стр. 294. Печ. по автографу ГПБ (в письме Лермонтова к М. А. Шан-Гирей от декабря 1828 г.). Автограф второй половины — ПД, тетр. 2. В стихотворении говорится о «Сикстинской мадонне» Рафаэля. Тема, по-видимому, была предложена в пансионском литературном кружке С. Е. Раича. В альманахе «Цефей», составленном из произведений участников этого кружка, имеется стихотворение, написанное другим пансионером, — «Видение Рафаэля» (подпись — «К»).

К П......у. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 26. Печ по автографу ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого. Обращено к Дмитрию Васильевичу *Петерсону* (р. 1813), воспитаннику университетского Благородного пансиона, учившемуся в одном классе с Лермонтовым.

К Д....ву («Я пробегал страны России...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 27. Печ. по автографу ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого, с исправлением описок по копии ПД. Обращено к Дмитрию Дмитриевичу *Дурнову* (р. 1813), однокласснику и самому близкому из пансионских друзей Лермонтова. Стихотворение является подражанием посланию Рылеева к А. А. Бестужеву (посвящение к поэме «Войнаровский»).

Посвящение N. N. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 22. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая приписка: «(При случае ссоры с Сабуровым)». Сабуров Михаил Иванович (р. 1813) — воспитанник университетского Благородного пансиона, одноклассник Лермонтова. Этим посвящением открывается рукописная тетрадь Лермонтова, озаглавленная «Мелкие стихотворения. Москва, в 1829 г.».

Пир. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 14. Печ. по автографу ПД, тетр. 2, с позднейшей пометой Лермонтова: «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)». Сабуров — см. выше. *Под сень черемух и акаций.* Цитата из «Евгения Онегина» (гл. VI, строфа VII).

Веселый час. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 24. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Написано, по-видимому, в связи с известием об осуждении французского поэта Пьера-Жана Беранже, привле-

ченного к суду за свободолюбивые песни. В конце 1828 г. Беранже был приговорен к тюремному заключению.

К друзьям. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 25. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Автограф — ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого.

Эпиграмма («Дурак и старая кокетка — всё равно...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 27. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Эпиграмма представляет стихотворное переложение афоризма, напечатанного в альманахе «Цефей» на 1829 г. См. примеч. к стих. «Эпиграммы», стр. 668.

Мадригал. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 27. Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

Романс («Коварной жизнью недовольный...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 28. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Написано, очевидно, по случаю отъезда в Италию в феврале 1829 г. С. П. Шевырева — поэта и критика, в те годы сотрудника журнала «Московский вестник». С. П. Шевырев участвовал в 1829 г. в полемике с Ф. Булгариным, принявшей острые формы. *Клевета* Булгарина была, по-видимому, одной из причин, вызвавших отъезд Шевырева за границу. Лермонтов был внимательным читателем «Московского вестника», об этой истории он мог узнать от С. Е. Раича, близкого к редакции журнала. *Гельвеция* — древнее название сев.-зап. части современной Швейцарии.

Портреты. Впервые — (первое стихотворение) — ОЗ, 1859, № 7, стр. 15; остальные — РС, 1881, № 12, стр. 5. Печ. по автографу ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого. Первое стихотворение имеет вариант в автографе ПД, тетр. 2 и позднейшую приписку: «(Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня, — вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта)». Во втором «портрете», судя по строке «он добр, член нашего Парнаса», изображен пансионский поэт. Скорее всего это И. Р. Грузинов (см. стр. 668). *Перун* (слав. миф.) — молния, гром.

К Гению. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 15. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(Напоминание о том, что было в Ефремовской деревне в 1827 году, где я во второй раз полюбил 12 лет и поныне люблю)». Ефремовская деревня — имение отца Лермонтова Кропотово в Ефремовском уезде Тульской губернии. *Цевница* — см. стр. 665. *Тирс* (греч. миф.) — жезл бога вина и веселья Диониса.

Покаяние. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 32. Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

Письмо. Впервые — РС, 1872, № 2, стр. 290. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая приписка Лермон-

това: «Это вздор». *Парка* (римск. миф.) — здесь: угроза смерти. Парки — богини судьбы, прядущие и перерезающие нить человеческой жизни.

Война. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 35. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «(В пансионе)». Является откликом на начало русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Русская мелодия. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 18. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг — которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний)». С. Е. Раич — поэт и переводчик; преподавал в университетском Благородном пансионе и руководил пансионским литературным кружком, в котором участвовал Лермонтов. О Дурнове см. стр. 665. Стихотворение связано с широко распространенным в те годы жанром «мелодий» («Ирландские мелодии» Томаса Мура, «Еврейские мелодии» Байрона).

Песня («Светлый призрак дней минувших...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 37. Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

К ... («Не привлекай меня красой!..»). Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 18. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)».

Романс («Невинный нежною душою...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 38. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «(Дурнову)», — см. стр. 665.

Три ведьмы. Перевод отрывка из шиллеровской переделки трагедии Шекспира «Макбет» (I акт, 4 явл. — без трех первых и трех последних реплик). Впервые — в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей», т. 8. СПб., 1860, стр. 325, с редакторской правкой Н. В. Гербеля. Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

К Нине. Перевод стихотворения Шиллера «An Emma». Впервые — в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей», т. 8. СПб., 1860, стр. 316. Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

К N.N. («Ты не хотел! но скоро волю рока...»). Впервые — с искажением стихов 5—8 — РМ, 1881, № 12, стр. 12. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(К Сабурову — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем невеселы. — Этот человек имеет женский характер. — Я сам не знаю, отчего так дорожил им)». О Сабурове см. стр. 665.

Эпиграммы. Впервые — 1 и 6 — РМ, 1881, № 12, стр. 6 и 13; 2 и 4 — ПСС1, т. 1, стр. 39; 3 — РС, 1872, № 2, стр. 291; 5 — ОЗ, 1859, № 7, стр. 19. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Другой автограф последней эпиграммы — ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого. Эпиграммы 1, 2, 5 представляют собою стихотворное переложение афоризмов, напечатанных под заглавием «Мысли, выписки и замечания» в альманахе «Цефей» на 1829 г., составленном из сочинений воспитанников университетского Благородного пансиона. Кто был автором афоризмов (подписанных псевдонимом NN), не установлено.

К Грузинову. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 19. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Автограф — ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого. *Грузинов* Иосиф Романович (1812—1858), одноклассник Лермонтова, писал стихи (в 1830 г. вышел сборник его стихотворений «Цитра»).

Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...»). Впервые — отрывки — РМ, 1881, № 11, стр. 152; полностью — ПСС1, т. 1, стр. 362. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. *Где бьет волна* и т. д. Наполеон был сослан на о. Св. Елены, где умер в 1821 г. *Диана* — здесь: луна.

Пан. Впервые — БЗ, 1861, № 16, стлб. 488. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая помета Лермонтова: «(В Середникове)». Середниково — подмосковное имение брата бабушки Лермонтова Дмитрия Алексеевича Столыпина. В Середникове Лермонтов проводил летние каникулы 1829, 1830 и 1831 годов.

Жалобы турка. Впервые — без заглавия и последних четырех стихов — Стихотворения М. Ю. Лермонтова. Берлин, 1862, стр. 6; полностью — ПСС1, т. 1, стр. 41. Иносказательное описание России под видом Турции было широко распространено в передовой русской литературе первой трети XIX века.

К N. N.*** («Не играй моей тоской...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 42. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Очевидно, обращено к Михаилу Сабурову, к которому относятся «Посвящение. N. N.» и «К N. N.», находящиеся в одной рукописной тетради с настоящим стихотворением («Мелкие стихотворения. Москва, в 1829 г.»).

Черкешенка. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 42—43. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В стихотворении отразились воспоминания Лермонтова о поездке на Кавказ в 1825 г.

Ответ. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 43. Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

Два сокола. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 20. Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

Грузинская песня. Впервые — стихи 1—13 — ОЗ, 1859. № 7, стр. 21; окончание (стихи 13—32) — Стихотворения М. Ю. Лер-

монтова. Берлин, 1862, стр. 128. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(Слышано мною что-то подобное на Кавказе)».

Мой демон. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 21. Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Связано с началом работы Лермонтова над поэмой «Демон». Образ Демона возник у Лермонтова под влиянием пушкинского стихотворения «Демон», первоначально напечатанного в альманахе «Мнемозина» (1824) под заглавием «Мой демон». В 1831 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Мой демон», стр. 684).

Жена севера. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 46. Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...»). Впервые — окончание (стихи 17—24) — Соч. 1873, т. 2, стр. 28; полностью — РМ, 1881, № 12, стр. 13. Первоначальное заглавие: «Эпилог (к Д.....у)», т. е. к Дурнову (см. стр. 665).

Элегия («О! Если б дни мои текли...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 9. Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

«Забывши волнения жизни мятежной...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 9. Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Набросок не окончен и зачеркнут. Написано, по-видимому, по мотивам баллады Гете «Der Fischer».

К С. С...ой («Глядися чаще в зеркала...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 20. Печ. по автографу ГБЛ (архив А. М. Верещагиной). Автограф — ПД, тетр. 3, озаглавленный К ***. Посвящено Софье Ивановне Сабуровой, сестре пансионского товарища Лермонтова. См.: Ираклий Андроников. М. Ю. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964.

В день рождения N. N. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 27. Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Обращено к приятелю Лермонтова (очевидно, к М. Сабурову) — ср. со стихотворениями, озаглавленными теми же буквами.

К *** («Мы снова встретились с тобой...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 64. Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

Монолог. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 28. Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Стихотворение представляет собой как бы первый набросок «Думы» (1838).

Встреча. Вольный перевод двух первых строф четырехстрофного стихотворения Шиллера «Die Begegnung». Впервые — в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей», т. 8. СПб., 1860, стр. 321. Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

Баллада («Над морем красавица дева сидит...»). Впервые — в издании «Разные сочинения Шиллера в переводе русских писателей», т. 8. СПб., 1860, стр. 327. Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Подражание балладам Шиллера: «Der Taucher» и «Der Handschuh».

Перчатка. Перевод баллады Шиллера «Der Handschuh». Впервые — в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей», т. 8. СПб., 1860, стр. 319. Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Известный перевод Жуковского сделан через два года после Лермонтова (в 1831 г.).

Дитя в люльке. Перевод стихотворения Шиллера «Das Kind in der Wiege». Впервые — в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей», т. 8. СПб., 1860, стр. 321. Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

К* («Делись со мною тем, что знаешь...»). Вольный перевод стихотворения Шиллера «An*» («Teile mit mir, was du weißt»). Впервые — в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей», т. 8. СПб., 1860, стр. 322. Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...»). Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 11. Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

«Один среди людского шума...». Впервые — «Известия», 1962, 15 декабря (в статье И. Андроникова «Сокровища замка Хохберг»). Печ. по автографу ГБЛ (архив А. М. Верещагиной). В автографе помета Лермонтова: «1830 года в начале».

Кавказ. Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 11. Печ. по автографу ПД, тетр. 5. Датируется весной 1830 г., так как находится в одной тетради с поэмой «Джюлио», имеющей дату: «(1830 года. Великим постом и после)». Датировка подтверждается строкою: «Пять лет пронеслось: все тоскую по вас». На Кавказе Лермонтов был летом 1825 г. В заметке 1830 г. Лермонтов писал: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских...» (Соч. АН, т. 6, стр. 385).

К*** («Не говори: одним высоким...»). Впервые — Соч. 1887, т. 2, стр. 83. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. На первом листе тетради надпись рукою Лермонтова: «Разные стихотворения (1830 год)».

Опасение. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 76. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. *Летун седой* — время.

Стансы («Люблю, когда, борясь с душою...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 77. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Н. Ф. И....вой. Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 250. Обращено к Наталии Федоровне *Ивановой* (1813—1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова. История отношений Лермонтова с Н. Ф. Ивановой отразилась в «цикле» стихотворений 1830—1832 гг. и в юношеской драме «Странный человек».

«Ты помнишь ли, как мы с тобою...». Вольный перевод стихотворения английского поэта-романтика Томаса Мура (1779—1852) «Вечерний выстрел». Впервые — ОЗ, 1842, № 3, стр. 203. Датируется 1830 г. на основании свидетельства В. С. Межевича, который писал, что в одном из рукописных журналов, издаваемых воспитанниками Московского университетского пансиона, находился перевод Лермонтова из Томаса Мура под названием «Выстрел» («Северная пчела», 1840, № 284, стр. 1134). Лермонтовский перевод очень близок к прозаическому переводу, помещенному в журнале «Атеней» (1829, ч. 3).

Весна. Впервые — «Атеней», 1830, ч. 4, стр. 113, подпись: L. Печ. по копии ПД, тетр. 20, представляющей более позднюю редакцию. Это первое стихотворение Лермонтова, появившееся в печати. Обращено к Екатерине Александровне Сушковой. Отношения Лермонтова и Сушковой нашли отражение в повести «Княгиня Лиговская» (1835). «Весна» — единственное юношеское стихотворение, напечатанное самим поэтом в 30-х годах, — очевидно, представляет собой «акт мести» Лермонтова, над чувством которого в 1830 г. Е. А. Сушкова смеялась. В своих записках Сушкова писала, что поэт хотел этим стихотворением высказать «едкую» правду (см.: «Записки». Л., 1928, стр. 123).

Ночь. I. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 361. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Разлука. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 82. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Возможно, что стихотворение обращено к М. Сабурову. Об отношениях с ним см. примеч. к стих. «Пир», «К N. N.» (стр. 665, 667).

Ночь. II. Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 251. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Черновой автограф — ПД, тетр. 6.

«В старинны годы жили-были...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 85. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Стихотворение не закончено. *Сион* — гора в Палестине, на которой были расположены крепость и храм; в переносном смысле — Палестина.

Незабудка. Впервые — ОЗ, 1843, № 11, стр. 194. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Переделка стихотворения немецкого поэта Августа Платена (1796—1835) «Vergißmeinnicht».

Совет. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 87. Печ. по автографу ПД. тетр. 6.

Одиночество. Впервые — «Нива», 1884, № 12, стр. 270. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

В альбом («Нет! — я не требую вниманья...»). Впервые — БдЧ, 1844, № 5, стр. 6. Печ. по автографу ПД, тетр. 6, где имеется еще одна редакция. Стихотворение навеяно произведением Байрона «Lines written in an Album, at Malta». В 1836 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «В альбом. Из Байрона», т. 2, стр. 9), приблизив его к оригиналу.

Гроза. Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 129. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

«Гроза шумит в морях с конца в конец...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 90. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Звезда («Светись, светись, далекая звезда...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 91. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...»). Впервые — БдЧ, 1844, № 5, стр. 8. Печ. по автографу ПД (из собр. Н. И. Шенига). Черновой автограф — ПД, тетр. 6.

Вечер после дождя. Впервые — СВ, 1891, № 8, стр. 5. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой...»). Впервые — РМ, 1881, № 11, стр. 152. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Стихи 9—10 и 49—50 перефразируют стихи из VII главы (строфа XIX) «Евгения Онегина», вышедшей из печати в марте 1830 г.

Эпитафия Наполеона. Впервые — РМ, 1881, № 11, стр. 154. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

К глупой красавице. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 95. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...»

Очи. N. N. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 95. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Кавказу. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 96. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Утро на Кавказе. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 96. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Крест на скале. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 57. Печ. по копии ПД, тетр. В. Х. Хохрякова. Датируется предположительно 1830 г.,

когда Лермонтов познакомился с семейством Сушковых. В копии стихотворения — надпись: «M-lle Souchkoff». Биограф Лермонтова П. А. Висковатов предполагал, что оно адресовано Е. П. Сушковой, впоследствии Ростопчиной (см. примеч. к стих. «<Графине Ростопчиной>», т. 2, стр. 77).

Стансы («Я не крушуся о былом. . .»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 97. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В 1831 г. Лермонтов вписал в альбом М. Д. Жедринской «Стансы» («Мгновенно пробежав умом. . .»), использовав для этой альбомной записи три строфы данного стихотворения.

«Прости, мой друг!.. Как призрак я лечу. . .». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 98. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Челнок («Воет ветр и свистит пред недальной грозой. . .»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 98. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Отрывок («На жизнь надеяться страшась. . .»). Впервые — три последние строфы — ОЗ, 1859, № 11, стр. 253; полностью — ПСС1, т. 1, стр. 99. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

«Оставленная пу́стынь предо мной. . .». Впервые — первая часть — ОЗ, 1859, № 11, стр. 253; вторая часть без последней строфы — РМ, 1882, № 2, стр. 179. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе пометы Лермонтова: «(В Воскресенске). (Написано на стенах жилища Никона), (1830 года)». Перед второй частью стихотворения — помета: «(Там же в монастыре)». Монастырь в Воскресенске (ныне г. Истра) назывался «Новый Иерусалим» и был основан патриархом Никоном. *Паникадило* — большая люстра со свечами в церкви. *Лик* — хор. *Клобук* — монашеский головной убор.

К . . . («Простите мне, что я решился к вам. . .»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 103. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Ночь. III. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 104. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(Сидя в Середникове у окна)».

Farewell. Перевод стихотворения Байрона «Farewell! if ever fondest prayer. . .». Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 253. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черновой автограф — ПД, тетр. 6.

Элегия («Дробись, дробись, волна ночная. . .»). Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 10. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. *Для добровольного изгнанья* — цитата из поэмы Пушкина «Цыганы».

Эпитафия («Простосердечный сын свободы. . .»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 254. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. По-видимому, посвящена памяти Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805—1827), поэта и философа, умершего в возрасте двадцати двух

лет. *Для чувств он жизни не щадил.* Перефразировка стиха из предсмертного стихотворения Веневитинова «Поэт и друг»: «Кто жизни не щадил для чувства». *Он верил темным предсказаньям, И талисманам, и любви.* Подразумевается «цикл» стихотворений Веневитинова, посвященных кн. З. А. Волконской (она подарила поэту перстень-талисман).

Sentenz. Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 254. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Гроб Оссиана. Впервые — PC, 1873, № 4, стр. 562. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(Узнав от путешественника описание сей могилы)». *Оссиан* — легендарный поэт, которому шотландский писатель Макферсон приписал созданные им самим в духе народных шотландских песен поэмы; они были изданы в 1760—1763 гг. *В горах Шотландии моей.* По преданию, один из предков Лермонтова был выходцем из Шотландии.

Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 254. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Вероятно, это посвящение к трагедии «Испанцы». В рукописи Лермонтова на одном листе с этим стихотворением находится список действующих лиц трагедии.

Кладбище. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 107. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе приписка: «(на кладбище написано) 1830».

Посвящение («Тебе я некогда вверял...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 255. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Моя мольба. Впервые — ОЗ, 1843, № 12, стр. 279. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном)». *Грандисон* — герой сентиментального английского романа С. Ричардсона (1689 — 1761) «История кавалера Грандисона».

К Су... Впервые — БдЧ, 1844, № 5, стр. 5. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова: «(При выезде из Середникова к Miss black-eys. Шутка, преположенная от M. Kord)» Miss black-eys (черноокая) — так называли Е. А. Сушкову. Мистер Корд — гувернер Аркадия Столыпина, двоюродного брата матери Лермонтова. Е. А. Сушкова в своих «Записках» (Л., 1928, стр. 113) датировала стихотворение 12 августа 1830 г. Однако в тетради Лермонтова оно находится среди более ранних стихотворений.

Гость («Как прошлец иноплеменный...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 109. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

1830. Маия. 16 число. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 112. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья. . .»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 255. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черновой автограф — ПД, тетр. 6. В автографе приписка Лермонтова: «Прочитав жизнь Байрона, <написанную> Муром». Под текстом дата: «1830». Биография Байрона, составленная его другом поэтом Томасом Муром, вышла в 1830 г. в Лондоне.

Эпитафия («Кто яму для других копать трудился. . .»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 113. Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

Дереву. Впервые — РМ, 1882, № 2, стр. 170. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе дата: «1830». На следующем листе прозаический текст: «Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим; я любил под ним и слышал волшебное слово: люблю, которое потрясло судорожным движеньем каждую жилу моего сердца. В то время это дерево, еще цветущее, при свежем ветре, покачало головою и шепотом молвило: безумец, что ты делаешь? — Время постигло мрачного свидетеля радостей человеческих прежде меня. Я не плакал, ибо слезы есть принадлежность тех, у которых есть надежды, но тогда же взял бумагу и сделал следующее завещание: «Похороните мои кости под этой сухою яблоней; положите камень; и пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие! . .» «Мое завещание. (Про дерево, где я сидел с А. С.)».

Предсказание. Впервые — Стихотворения М. Ю. Лермонтова. Берлин, 1862, стр. 19. Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе — позднейшая приписка: «Это мечта». Написано под впечатлением крестьянских восстаний, участившихся в 1830 г. в связи с эпидемией холеры.

«Всё тихо — полная луна. . .». Впервые — РМ, 1882, № 2, стр. 172. Печ. по автографу ПД, тетр. 7.

«Никто, никто, никто не усладил. . .». Впервые — РМ, 1882, № 2, стр. 172. Печ. по автографу ПД, тетр. 7.

1830 год. Июля 15-го. Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 246. Печ. по автографу ПД, тетр. 7.

Булевар. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 119. Печ. по автографу ПД, тетр. 7. Под текстом стихотворения помета: «(Продолжение впредь)» — и запись: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал, и что, если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше». В четвертой строфе речь идет о князе П. И. Шаликове (1768—1852), поэте сентиментального

направления, издателе «Дамского журнала» и редакторе «Московских ведомостей». Сохранилась карикатура на Шаликова: на ней, так же как и в сатире Лермонтова, представлен человечек восточного происхождения, с лорнетом, на тоненьких ножках. *Мосолов* Ф. И. (ок. 1771—1844) — генерал, в то время шестидесятилетний холостяк, живший на Тверском бульваре в Москве. В 1828—1832 гг. председатель Комиссии военного суда при Московском ордонанс-гаузе. Кого имел виду Лермонтов под именем *Ч* **** и о каком *Башуцком* идет речь — не установлено.

Песнь барда. Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 86. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черновой автограф — ПД, тетр. 7.

10 июля (1830). Впервые — Стихотворения М. Ю. Лермонтова. Берлин, 1862, стр. 118. Печ. по автографу ПД, тетр. 7. Сохранилось лишь восемь начальных строк стихотворения — первая строфа (т. к. в рукописи над текстом стоят три звездочки); следующий лист рукописи, где, по-видимому, находилось продолжение, оторван. По положению в рукописных тетрадях устанавливается, что стихотворение написано не ранее второй половины июля (после стихотворения, озаглавленного «1830 год. Июля 15-го») и не позднее 15 августа 1830 г., времени, которым датировано стихотворение «Чума в Саратове». Из этого также следует, что название стихотворения означает не дату его написания, а дату события. Наиболее крупным революционным событием в этот период была июльская революция во Франции, начавшаяся 27 июля (15 июля по старому стилю) и закончившаяся 30 июля победой восставшего народа, отречением короля Карла X. Сведения о событиях в Париже стали известны в Москве в начале августа 1830 г. и были в центре внимания русской общественности. Лермонтов до 12 августа находился в Середникове и, очевидно, узнал об июльской революции на несколько дней позже, чем, скажем, К. Я. Булгаков, писавший брату 4 августа: «Здесь в субботу ввечеру уже говорили о возмущении в Париже». Стихотворение, очевидно, написано 10 августа, как это предположил Б. М. Эйхенбаум (ПССЗ, т. 1, стр. 458). Отсюда описка — цифра 10 в заглавии — т. е. число написания стихотворения вместо числа события. Такое предположение необходимо сделать потому, что содержание стихотворения свидетельствует, что оно относится к июльской революции во Франции. Все другие попытки отнести его к какому-либо другому восстанию находятся в резком противоречии с текстом или со временем написания стихотворения. Восстание в Польше началось в ноябре 1830 г., на Кавказе никаких заметных побед горцев над русскими войсками в этот период не было, успехи албанских повстанцев против турецкого ига были временны и неустойчивы и не могли поэтому привлечь сколько-нибудь значительного внимания общественности. Кроме того, Суворов не был «сильнейшим врагом» ни кавказских горцев, ни албанцев. Каждая строка стихотворения получает исчерпывающее объяснение, если его отнести к Франции. Комментаторам казался не подходящим для июльской революции стих *За независимость страны.* Однако он хорошо

комментируется ходом июльской революции. Борьба против Бурбонов рассматривалась в июле 1830 г. как восстановление национальной независимости Франции. «Не было такой баррикады, не было такой группы или такого поста национальных гвардейцев, — писал один из современников, — где не вспоминали бы о том, что Бурбоны возвратились во Францию в обозе иностранцев, и как трехцветное знамя, эмблема завоеваний 1789 г. и национальной независимости, было растоптано ногами и заменено знаменем старого режима и эмиграции» (А. И. Молок. Июльские дни 1830 г. в Париже. — «Исторические записки», т. 20. 1946, стр. 206). Огромную роль в июльской революции играли национальные чувства, постоянно подчеркивалось, что режим Бурбонов был дважды навязан Франции силою иностранного оружия. *И снова знамя вольности кровавой Явилося, победы мрачный знак.* Появление трехцветного знамени произвело огромное впечатление на массы, не видевшие его с 1815 г. Трехцветное знамя водружалось всюду. В газетных отчетах о ходе восстания сообщалось, как вместо белого знамени Бурбонов появилось трехцветное знамя над зданием ратуши, над Собором Парижской богоматери, наконец над Тюильри. Не случайно, что и во втором стихотворении, посвященном июльской революции, — «30 июля. — (Париж) 1830 года», имеются строки «И знамя вольности, как дух, Идет пред гордою толпой». Знамя *вольности кровавой* потому, что это было знамя якобинского террора. (Об отношении Лермонтова к якобинскому террору см. примеч. к поэме «Сашка», т. 2, стр. 702.) *Оно любимо было прежде славой, Суворов был его сильнейший враг.* Слава — это, конечно, слава Наполеона, войска которого под трехцветным знаменем одержали множество побед. Суворов был врагом трехцветного знамени в итальянском и швейцарском походах, причем, по признанию самих французских военачальников, — сильнейшим. В Италии он разгромил французские армии Моро и Макдональда. Легендарная слава героев швейцарского похода облетела весь мир. Вполне объяснимы и стихи *Опять вы, гордые, восстали* и т. д. Опять — потому что июльская революция 1830 г. рассматривалась как продолжение Великой французской революции 1789—1794 гг. *Самодержавия сыны* (в черновом варианте — «тиранства низкие сыны»). Самодержавием в эти годы называли любую деспотическую власть (см., например, «Андрей Шенье» Пушкина, где эпитет «самодержавный» применен к якобинцам — «Казнил сих палачей самодержавных»).

Благодарю! Впервые — БдЧ, 1844, № 5, стр. 6. Печ. по «Запискам» Е. А. Сушковой. СПб., 1870, стр. 83. Под текстом дата: «Середниково 12 августа».

Нищий. Впервые — БдЧ, 1844, № 6, стр. 132. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. В «Записках» Е. А. Сушковой рассказано, что в августе 1830 г. большая компания молодежи отправилась пешком из Середникова в Троице-Сергиевскую лавру (ныне г. Загорск, Московской обл.). Сушкова вспоминала, что на паперти лавры стоял слепой нищий, который, услыхав звон монет, стал бла-

годарить за подаяние и рассказал о бессердечной шутке над ним «молодых господ», «наложивших полную чашечку камушков» («Записки». Л., 1928, стр. 114).

К... («Не говори: я трус, глупец!..»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 132. Печ. по автографу ПД, тетр. 8.

Чума в Саратове («Чума явилась в наш предел...»). Впервые — РМ, 1883, № 4, стр. 76. Печ. по автографу ПД, тетр. 8. В автографе рядом с заглавием помета рукой Лермонтова: «(Cholera-morbus)» и дата: «1830 года августа 15 дня». Написано в связи с появлением холеры в Поволжье. Вот как характеризовал один из очевидцев положение в Саратове: «С 7-го августа и до первого числа сентября Саратов был опустошаем ужасною холерою и представлял собою плачевную картину бедствий человеческих: большая часть жителей покинула город; многолюдные улицы опустели; одни только гроба встречались на каждом шагу». (Из письма к М. П. Погодину. — Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 3. СПб., 1911, стр. 197.)

«Плачь! плачь! Израиля народ...». Впервые — Соч. 1880, т. 2, стр. 176. Печ. по автографу ПД, тетр. 8. Первоначальный вариант песни для трагедии «Испанцы», замененный «Еврейской мелодией» («Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солим опустел!..»). Оба текста написаны Лермонтовым рядом, в одной тетради.

30 июля. — (Париж) 1830 года. Впервые — РМ, 1883, № 4, стр. 54 (с пропуском стиха 7 и некоторыми неточностями). Печ. по автографу ПД, тетр. 8. Стихотворение посвящено событиям июльской революции во Франции. *30 июля* Карл X отрекся от престола и затем бежал в Англию. *Ты полагал Народ унизить под ярмом.* Речь идет об ордонансах, ограничивающих права граждан, которые издал Карл X, вызвав тем самым стихийные выступления в Париже 27 июля. *И брызнула в Париже кровь.* 28 июля по распоряжению Карла X правительственные войска произвели массовые расстрелы, после чего и развернулось вооруженное восстание. *О! чем заплотишь ты, тиран, За эту праведную кровь* и далее перекликается с горячо обсуждавшейся в печати темой ответственности короля за кровопролитие. Так, например, составленный Тьером манифест, провозглашавший победу восстания, начинался словами: «Карл X не может вернуться в Париж: он пролил народную кровь». Известно, что победой восставшего народа воспользовались буржуазия и финансовая аристократия: вместо Карла X на престол вступил их ставленник — герцог Орлеанский Луи-Филипп.

Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...»). Впервые — БдЧ, 1844, № 5, стр. 7. Печ. по автографу ПД, тетр. 8. В автографе помета рукою Лермонтова: «(1830 года) (26 августа)». Рядом с текстом нарисован пером портрет девушки в профиль, по всей вероятности Е. Сушковой, к которой обращено стихотворение.

Чума («Два человека в этот страшный год...»). Впервые — РМ, 1883, № 4, стр. 77. Печ. по автографу ПД, тетр. 8. В автографе дата рукою Лермонтова: «(1830. Августа)». Написано в Москве во время холерной эпидемии.

«Нередко люди и бранили...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 134. Печ. по автографу ПД, тетр. 8.

Романс («В те дни, когда уж нет надежд...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 134. Печ. по автографу ПД, тетр. 8.

Отрывок («Приметив юной девы грудь...»). Впервые — Соч. 1891, т. 1, стр. 187. Печ. по автографу ПД, тетр. 8.

Баллада («Берегись! берегись! над бургосским путем...»). Вольный перевод баллады из XVI песни «Дон-Жуана» Байрона. Впервые — Стихотворения М. Ю. Лермонтова. Берлин, 1862, стр. 22. Печ. по автографу ПД, тетр. 8. После текста помета: «(Продолжение впредь)». Переведены строфы первая, третья и первая половина четвертой. *Бургос* — город в Испании.

Ночь («Один я в тишине ночной...»). Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 83 и ПСС1, т. 1, стр. 129. Печ. по автографу ПД, тетр. 8. Рядом с заглавием дата: «(1830 года ночью. Августа 28)».

«Когда к тебе молвы рассказ...». Впервые — РВ, 1857, № 2, стр. 405. Печ. по «Запискам» Е. А. Сушковой (СПб., 1870, стр. 95). Сушкова сообщает, что стихотворение написано через неделю после «Стансов» («Взгляни, как мой спокоен взор...»), которые в автографе датированы 26 августа.

«Передо мной лежит листок...». Впервые — РВ, 1857, № 2, стр. 406. Печ. по «Запискам» Е. А. Сушковой (СПб., 1870, стр. 97).

«Свершилось! Полно ожидать...» Впервые — РВ, 1857, № 2, стр. 407. Печ. по «Запискам» Е. А. Сушковой (СПб., 1870, стр. 98). По словам Сушковой, стихотворение написано 1 октября 1830 г. по поводу ее отъезда из Москвы в Петербург («Записки». Л., 1928, стр. 131).

«Итак, прощай! Впервые этот звук...». Впервые — БдЧ, 1844, № 6, стр. 129. Печ. по «Запискам» Е. А. Сушковой (СПб., 1870, стр. 99). Мемуаристка рассказывает, что стихотворение написано в день ее отъезда из Москвы 1 октября 1830 г.: «Когда я уже уселась в карету и дверцы захлопнулись, Сашенька <А. М. Верещагина> бросила мне в окно вместе с цветами и конфектами исписанный клочок бумаги, — не помню я стихов вполне» («Записки». Л., 1928, стр. 131). Очевидно, текст стихотворения записан Е. А. Сушковой по памяти.

Новгород. Впервые — РМ, 1883, № 4, стр. 55. Печ. по автографу ПД, тетр. 8. В автографе дата: «3 октября 1830». Стихотворение не закончено и зачеркнуто. *Сыны снегов, сыны славян.* Очевидно, относится к сосланным в Сибирь декабристам. *Бедный град* — по-видимому, Новгород. Древний Новгород в декабристской литературе был символом политической свободы.

Глупой красавице. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 130. Печ. по автографу ПД, тетр. 8. В автографе дата: «1830 года — 4 октября».

Могила бойца. Впервые — Стихотворения М. Ю. Лермонтова. Берлин, 1862, стр. 20. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черновой автограф — ПД, тетр. 8. В автографе помета: «1830 год — 5-го октября. Во время холеры-morbus».

Смерть («Закат горит огнистой полосою...»). Впервые — ОЗ, 1843, № 12, стр. 279. Печ. по копии ПД, тетр. А. А. Краевского. Под текстом дата: «1830, 9 октября». Относится к стихотворениям, написанным в связи с эпидемией холеры.

Черны очи. Впервые — ПСС2, т. 1, стр. 188. Печ. по автографу ГБЛ.

К *** («Когда твой друг с пророческой тоскою...»). Впервые — ПСС2, т. 1, стр. 188. Печ. по автографу ГБЛ. Первая строфа использована в стихотворении «Не смейся над моей пророческой тоскою...». Начало второй строфы — в стихотворении «Он был рожден для счастья, для надежд...».

Звезда («Вверху одна...»). Впервые — БдЧ, 1844, № 6, стр. 130. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Обращено, очевидно, к Е. А. Сушковой, см. ее «Записки» (Л., 1928, стр. 134), где стихотворение воспроизводится с несколькими разночтениями, совпадающими с текстом альбома А. М. Верещагиной (копия ПД).

Раскаянье. Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 5. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20.

Венеция. Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 81. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Вероятно, связано с поэмой «Джюлио», на что указывает совпадение места действия и действующих лиц (Мелины и чичизбея).

«Я видел раз ее в веселом вихре бала...». Впервые — СЛ, 1875, 29 ноября. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20.

Подражание Байрону. Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 121. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Подражание стихотворению Байрона «Послание к другу в ответ на стихи, увещевающие автора быть веселым».

К Дурнову («Довольно любил я, чтоб вечно грустить...»). Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 84. Печ. по копии ПД, тетр. 20. О Дурнове см. стр. 665.

Арфа. Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 122. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

«На темной скале над шумящим Днепром...». Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 84. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Песня («Не знаю, обманут ли был я...»). Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 85. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Пир Асмодея. Впервые — СВ, 1891, № 8, стр. 6. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Имя *Павел* (возможно, Павел I), в рукописи обозначенное звездочками, восстанавливается по рифме. *Фауст* нередко отождествлялся с Фаустом (Фустом), сподвижником Гутенберга, изобретателя книгопечатания. *Вино свободы* — намек на Июльскую революцию 1830 г. во Франции и революционное движение в Европе. Подарок третьего демона — стакан хлорной воды — отклик на эпидемию холеры в России в 1830 г.

Сон («Я видел сон: прохладный гаснул день...»). Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 122. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

На картину Рембрандта. Впервые — БдЧ, 1845, т. 68, № 1, стр. 6. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр 20. Картина Рембрандта, которая вдохновила Лермонтова, — «Молодой монах-капуцин в высоком капюшоне», находилась в 30-х годах XIX в. в художественной галерее Строгановых. *Быть может, ты писал с природы.* Предположение Лермонтова правильно: Рембрандту позировал его сын Титус.

К*** («О, полно извинять разврат!..»). Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 10 (с цензурным изъятием: слово «порфира» заменено точками). Печ. по копии ПД, тетр. 20. По-видимому, обращено к Пушкину. Лермонтов, высоко ценивший вольнолюбивую лирику и южные поэмы Пушкина, подобно многим другим современникам, не смог сразу правильно оценить пушкинские произведения второй половины 20-х годов. «Стансы», «Друзьям», «Чернь», поэму «Полтава», «Граф Нулин» он воспринимал как отход от традиций гражданской поэзии и называл этот период в творчестве Пушкина «продолжительным сном» (в стих. «Опять, народные витии...» он писал о Пушкине как о поэте, «восставшем в блеске новом от продолжительного сна»). Возможно, что непосредственным поводом для стихотворения явилось послание Пушкина «К вельможе» (1830), вызвавшее резкие нападки со стороны некоторых представителей прогрессивной журналистики. Под *изгнаньем из страны родной* Лермонтов разумел ссылку Пушкина в Бессарабию и Одессу.

Прощанье («Прости, прости! ..»). Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 85. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

К приятелю. Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 7. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Смерть («Оборвана цепь жизни молодой. ..»). Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 123. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Волны и люди. Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 8. Печ. по копии ПД, тетр. 20. В ряде изданий сделана конъектура в стихе 5: «воля» вместо «неволя». Это изменение производилось потому, что стихотворение написано дактилем, а стих 5 — амфибрахием. Для смыслового обоснования конъектуры сообщалось, что в представлении Лермонтова волны были символом свободы. Однако известно, что подобные ритмические переходы как раз характерны для юношеской лирики Лермонтова. У Лермонтова имеются строки, где сравниваются люди и волны, люди и море как раз в отношении «неволи» («Но волна ко брегу возвратиться не сильна» — «1831-го июня 11 дня»; «Нет, как оно, я не был волен» говорится про море в стихотворении «Примите дивное *посланье*. . .»). Кроме того, конъектура «воля» противоречит образной системе стихотворения. Второе четверостишие начинается противопоставлением — люди, в отличие от волн, которые дорожат своим холодом, «хотят иметь души». Если в стихе пятом «неволю» заменить «волей», то противопоставление потеряет смысл. Люди хотят иметь душу — т. е., в отличие от волн, которые «невольны и холодны», быть вольными, пылкими, теплыми — такова мысль Лермонтова.

Звуки. Впервые — СЛ, 1875, 29 ноября. Печ. по копии ПД, тетр. 20. По-видимому, посвящено известному гитаристу и сочинителю музыки для семиструнной гитары Михаилу Тимофеевичу Высотскому, у которого Лермонтов часто бывал в студенческие годы.

11 июля. Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 8. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Первая любовь. Впервые — СЛ, 1875, 29 ноября. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Поле Бородина. Впервые — Соч., 1860, т. 2, стр. 102. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Некоторые наиболее удачные поэтические образы этого стихотворения Лермонтов использовал в стихотворении «Бородино» 1837 г. Лермонтов уже в ранние годы стремился изучить обстановку Бородинского сражения. В материалах биографа Лермонтова В. Х. Хохрякова (ПД) вслед за копией «Поле Бородина» имеется запись: «К обработке этого сюжета относится и сохранившаяся записка о Бородинском сражении „Le champ de Borodino“». Затем на французском языке приводится сама записка,

содержащая рассказ о Бородинской битве. Та же записка с подписью «M. Lermantoff» имеется и в другой тетради В. Х. Хохрякова (ПД).

Мой дом. Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 88. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами...»). Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 124. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Вторая половина стихотворения (стихи 70—109) совпадает со стихотворением «Ночь. I» — начиная со слов «И я сошел в темницу».

Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено!..»). Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 127. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Солнце осени. Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 88. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Поток. Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 9. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

К*** («Не ты, но судьба виновата была...»). Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 18. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. стр. 671).

Ночь («В чугун печальный сторож бьет...»). Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 10. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Относится к стихотворениям, связанным с Н. Ф. Ивановой. В стихе 25 сделана конъектура: восстановлено по размеру слово «шуми».

К себе. Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 19. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

«Душа моя должна прожить в земной неволе...». Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 19. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Песня («Колокол стонет...»). Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 89. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

«Пускай поэта обвиняет...». Впервые — СЛ, 1876, 26 февраля. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Слава. Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 90. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Вечер. Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 15. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

«Унылый колокола звон...». Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 11. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Возможно, что стихотворение связано с «Вечерним звоном» Козлова (из «Ирландских мелодий» Т. Мура) и представляет своеобразную разработку той же темы. В 1831 г. появился текст этого стихотворения и авторский обратный перевод на английский язык («Телескоп», 1831, № 8, стр. 567).

«Хоть давно изменила мне радость...». Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 16. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Русская песня («Клоками белый снег валится...»). Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 91. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Другая копия, датированная 1830 г., — ПД, собрание А. А. Краевского.

Звуки и взор. Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 20. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Земля и небо. Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 92. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

К *** («Дай руку мне, склонись к груди поэта...»). Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 20. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Из Андрея Шенье. Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 12. Печ. по копии ПД, тетр. 20. У французского поэта А. Шенье такого стихотворения нет, но общие мотивы его предсмертного лирического цикла близки к стихотворению Лермонтова. Возможно, что это название дано Лермонтовым для того, чтобы зашифровать политический смысл стихотворения. Он следовал Пушкину, который выступил с элегией «Андрей Шенье», воспринятой современниками как отклик на декабрьские события 1825 г.

К *** («Не медли в дальной стороне...»). Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 130. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Сосед («Погаснул день на вышинах небесных...»). Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 13. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Стансы («Не могу на родине томиться...»). Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 16. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Посвящено Н. Ф. Ивановой (см. стр. 671).

Мой демон. Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 13. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Переработка одноименного стихотворения 1829 г.

Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...»). Впервые — БдЧ, 1844, № 6, стр. 131. Приведено в «Записках» Е. А. Сушковой, где датировано 1831 г. (Л., 1928, стр. 152).

Гость («Кларису юноша любил...»). Впервые — РС, 1882, № 8, стр 389. Печ. по копии ПД.

1831-го января. Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 15. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Копия — ПД (альбом Ю. Н. Бартенева) с датой 15 августа 1831 г.

«Послушай! вспомни обо мне...». Впервые — РС, 1875, № 4, стр. 872. Печ. по автографу ПД (альбом Н. И. Поливанова). Вслед за этим стихотворением в альбоме приписка рукою Н. И. Поливанова (1814—1874), товарища Лермонтова по университету: «23 марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания. Н. Поливанов». Университетская шалость, о которой пишет Поливанов, — это известная «маловская история»: 16 марта 1831 г. студенты выгнали из университетской аудитории «глупого, грубого и необразованного» профессора М. Я. Малова. (Об этом подробно рассказано А. И. Герценом в «Былом и думах», ч. 1, гл. 6.) Лермонтов принимал участие в «маловской истории», но тогда, по-видимому, не пострадал за нее.

1831-го июня 11 дня. Впервые — Соч., 1860, т. 2, стр. 105. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. В строфе пятой поэт обращается к Н. Ф. Ивановой, которой посвящен ряд стихотворений 1830—1832 гг. (см. о ней стр. 671). Строфы 1, 2, 5 вошли в драму «Странный человек» как стихотворение героя драмы Владимира Арбенина. *Аквилон* — холодный, жестокий ветер.

Романс к И... («Когда я унесу в чужбину...»). Впервые — ОЗ, 1843, № 12, стр. 280. Печ. по авторизованной копии ПД. Автограф — ПД. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. стр. 671). В измененном виде включено в драму «Странный человек».

Завещание («Есть место: близ тропы глухой...»). Вольный перевод завещания Вертера из романа Гете «Страдания молодого Вертера». Впервые — СЛ, 1876, 26 февраля. Печ. по автографу ПД, тетр. 10. В автографе приписка «(Середниково, ночью, у окна)». Копия — ПД, тетр. 20, с подзаголовком «Из Гете».

«Сижу я в комнате старинной...». Впервые — РМ, 1882, № 2, стр 167. Печ. по автографу ПД, тетр. 10. В автографе приписка рукой Лермонтова: «(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили попа пугать)».

К *** («Всевышний произнес свой приговор...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 259. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Обращено к Н. Ф. Ивановой (ср. стих. «К Н. Ф. И...»).

Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 259. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

К стр. 195—205

В автографе приписка: «(Средниково. Вечер на бельведере 29 июля)». Здесь развита тема о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

К деве небесной. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 179. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

Св. Елена. Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 260. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Черновой автограф 2-й строфы — ПД, тетр. 10.

К другу В. Ш. Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 261. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Обращено к Владимиру Александровичу *Шеншину* (1814—1873), одному из друзей Лермонтова университетской поры.

«Блистая, пробегают облака...». Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 261. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. В автографе на месте заглавия — надпись «(7-го августа. В деревне на холме; у забора)».

Атаман. Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 262. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Написано по мотивам народных песен о Степане Разине.

Исповедь («Я верю, обещаю верить...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 264. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

Надежда. Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 127. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

Видение. Впервые — в другой редакции — в драме «Странный человек». — РВ, 1857, № 6, стр. 321. Полностью, как самостоятельное произведение, — ПСС3, т. 1, стр. 200. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Относится к Н. Ф. Ивановой. В драме «Странный человек» дано как стихотворение Владимира Арбенина и сопровождается словами студента Заруцкого: «Этот отрывок тем только замечателен, что он картина с природы... Все, что тут описано, было с Арбениным...» В стихотворении описана поездка Лермонтова в Клязьму, в подмосковное имение, где находилась семья Ивановых.

Чаша жизни. Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 264. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

К Л. — .Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 265. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Стихотворение напоминает «Stanzes to a lady on leaving England» Байрона. В «Записках» Е. А. Сушковой сообщена краткая редакция этого стихотворения, якобы обращенного к ней, причем оно датировано осенью 1830 г. Очевидно, как это предполагает в примечаниях к «Запискам» Сушковой Ю. Оксман, Сушкову

сознательно мистифицировала А. Верещагина, переслав ей стихотворение, посвященное другой женщине. (В альбоме Верещагиной имеется сокращенная редакция стихотворения.) Предположение о том, что буква «Л» означает фамилию Варвары Александровны Лопухиной, не имеет оснований. Стихотворение связано с «циклом», посвященным Н. Ф. Ивановой. «Л» — может означать любовь, любимую.

К Н. И....... Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 187. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. стр. 671).

А. Д. З..... Впервые — «Русский библиофил», 1913, № 8, стр. 79. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. *А. Д. З.....* Андрей Дмитриевич Закревский (р. 1813), товарищ Лермонтова по университету. Упоминаются также другие товарищи Лермонтова — студенты словесного отделения князь *Валерьян* Павлович Гагарин и Дмитрий Павлович Тиличеев *(Теличеев)*. О группе молодежи, ближайших друзьях Лермонтова, прозванных в Москве «la bande joyeuse» (веселая компания), см. статью Н. Бродского «Лермонтов-студент и его товарищи». — «Жизнь и творчество Лермонтова». М., 1941. *Ярыга* — пьяница, беспутный человек. *Алырь* — гуляка, лентяй, любящий жить на чужой счет.

Воля («Моя мать — злая кручина...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 265. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Написана в подражание народным песням. С некоторыми изменениями вошла в роман «Вадим», где ее поет пугачевский казак.

Сентября 28. Впервые — БЗ, 1861, № 16, стлб. 495. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Относится к стихотворениям, связанным с Н. Ф. Ивановой (см. стр. 671).

К * («Не верь хвалам иувереньям...»). Впервые — БдЧ, 1844, № 6, стр. 129. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Копия — ПД, альбом А. М. Верещагиной, где стихотворение начинается третьей строкой, а первая строка стала третьей. Сообщение Е. Сушковой о том, что стихотворение обращено к ней и написано осенью 1830 г. («Записки». Л., 1928, стр. 124), не соответствует действительности. Оно написано в сентябре 1831 г. и, очевидно, связано со стихотворениями, посвященными Н. Ф. Ивановой. К Сушковой стихотворение могло попасть от А. М. Верещагиной, которая передала ей и текст другого стихотворения из своего альбома — «К Л. —» («У ног других не забывал...»), также не относящегося к Сушковой, но фигурирующего в ее записках как обращенное к ней. Что касается текста стихотворения, то в «Записках» Сушковой (и соответственно в БдЧ) в первом четверостишии воспроизводится перестановка строк, как в альбоме Верещагиной, а во втором текст расходится со всеми другими источниками и, очевидно, дается мемуаристкой по памяти. Сушкова не поняла, что во втором четверостишии речь идет о героине, а не о герое, и, изменив местоимения, уничтожила тем са-

мым основной образ стихотворения — образ женщины, в глазах которой невольно отражается вера в то, что она любима. Первая строфа стихотворения, как установлено Б. М. Эйхенбаумом, представляет переложение четверостишия Гамлета, обращенного к Офелии:

Не верь, что огнь горит в звездах,
Что солнце ходит в небесах,
Неправдой истину зови,
Но верь, о верь моей любви.

(Гамлет. В переводе М. В. Вронченко. СПб., 1828, стр. 55.)

«Прекрасны вы, поля земли родной...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 191. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. *Могильная гряда И позабытый прах.* Могила отца поэта — Ю. П. Лермонтова, умершего 1 октября 1831 г. и похороненного в с. Кропотово, Ефремовского уезда, Тульской губ. Памяти отца посвящены также стихотворения «Ужасная судьба отца и сына...» и «Эпитафия».

«Метель шумит, и снег валит...». Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 266. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. По-видимому, связано со смертью отца поэта — Ю. П. Лермонтова.

Песня («Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 176. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

Небо и звезды. Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 9. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

Счастливый миг. Впервые — «Русский библиофил», 1913, № 8, стр. 79. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

«Когда б в покорности незнанья...». Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 267. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

К кн. Л. Г—ой. Впервые — ОЗ, 1859, № 12, стр. 383. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. По-видимому, обращено к кн. Елизавете Павловне *Горчаковой* (1812—1889), двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой.

«Кто видел Кремль в час утра золотой...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 194. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

«Я видел тень блаженства; но вполне...». Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 267. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. В стихотворении Лермонтов говорит о своей любви к Н. Ф. Ивановой.

К *** («О, не скрывай! ты плакала об нем...»). Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 128. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. По-видимому, обращено к Н. Ф. Ивановой.

К ** («Ты слишком для невинности мила...»). Впервые — РМ, 1881, № 12, стр. 30. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Перед стихотворением в автографе немецкий оригинал первых четырех стихов:

> Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
> Um treu zu lieben, ist zu lieblich sie;
> Wohl tausend Herzen könnte sie erfreuen,
> Doch selbst, — selbst glücklich wird sie nie.

Автор немецкого текста не установлен. На полях приписка рукой Лермонтова: «L'âme de mon âme» («Душа моей души»).

«Кто в утро зимнее, когда валит...». Впервые — «Русь», 1881, от 17 января. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

Ангел. Впервые — «Одесский альманах» на 1840 г. Одесса, 1839, стр. 702. Авторизованная копия — ПД, тетр. 15. Автограф первоначальной редакции — ПД, тетр. 11. Копия — ПД (альбом А. М. Верещагиной). Автограф — ГБЛ. Это единственное юношеское стихотворение Лермонтова, напечатанное при его жизни с подписью его имени.

Стансы («Я не могу ни произнесть...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 268. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Имеется автограф ПД, тетр. 11, где после заглавия написано: «К Д ***».

«Ужасная судьба отца и сына...». Впервые — РА, 1872, № 9, стлб. 1850. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Автограф — ПД, тетр. 11. Отец Лермонтова умер 1 октября 1831 г. Биография Юрия Петровича Лермонтова из-за полного отсутствия материала не изучена, поэтому ряд строк стихотворения остается не до конца ясным. *Свершил свой подвиг.* Завершил жизненный путь, умер.

«Пусть я кого-нибудь люблю...». Впервые — Соч., 1880, т. 2, стр. 253. Печ. по автографу ПД, тетр. 11. В автографе имеются вычеркнутые строфы.

К другу («Забудь опять...»). Впервые — РМ, 1884, № 4, стр. 59. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

«Пора уснуть последним сном...». Впервые — РМ, 1882, № 2, стр. 180. Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

Из Паткуля. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 203. Печ. по автографу ПД, тетр. 18. *Паткуль* Иоганн Рейнгольд (1660—1707) — лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII. В августе 1831 г. вышел из печати 1-й том романа Лажечникова «Последний Новик», в котором Паткуль изображается как борец за свободу своей страны. Лермонтов, по всей вероятности, был знаком и с романом Лажечникова, и с книгой «Письма несчастного графа Иоганна Рейнгольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого» (М., 1806).

«Я не для ангелов и рая...». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 48. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Судя по расположению автографа в тетради, это стихотворение написано по окончании второй редакции «Демона» и является своего рода послесловием к поэме.

Портрет («Взгляни на этот лик; искусством он...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 48. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Пред картиною моей.* Лермонтов говорит здесь о каком-то своем живописном произведении.

«Настанет день — и миром осужденный...». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 49. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

К Д. («Будь со мною, как прежде бывала...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 49. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

Песня («Желтый лист о стебель бьется...»). Впервые ОЗ, 1859, № 7, стр. 50. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

К Нэере. Впервые — Стихотворения М. Ю. Лермонтова. Берлин, 1862, стр. 17. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Нэера* (греч. миф.) — нимфа, страстно любимая Аполлоном; в поэзии часто — возлюбленная поэта.

Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 50. Печ. по автографу ПД, тетр. 4, где первоначально озаглавлено «Монолог». Относится к задуманной Лермонтовым в 1831 г. исторической поэме о Мстиславе Черном. Сохранился набросок плана этой поэмы, где записано: «Мстислав три ночи молился на кургане, чтоб не погибло любезное имя России» (Соч. АН, т. 6, стр. 379).

Баллада («В избушке позднею порою...»). Впервые — РМ, 1881, № 12, стр. 20. Печ. по копии ПД, тетр. А. А. Краевского. Очевидно, связана с замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном (см. выше).

Силуэт. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 53. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Черновой автограф — ПД, тетр. 4.

«Как дух отчаянья и зла...». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 53. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

«Я не люблю тебя; страстей...». Впервые — без последней строчки — БдЧ, 1844, № 6, стр. 132. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. В 1837 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Расстались мы, но твой портрет...»).

Стансы («Мгновенно пробежав умом...»). Впервые — «Лит. газета», 1939, 15 окт., № 57. Печ. по копии ЦГАЛИ (альбом М. Д. Жедринской). Стихотворение представляет переделку «Стансов» («Я не крушуся о былом...») 1830 г. Однако нет оснований стихотворение 1830 г. печатать лишь в вариантах, как первоначальную редакцию. Стихотворение 1831 г. не отменяет раннее, а является новой ступенью в разработке темы с использованием отдельных строф, что встречается у Лермонтова весьма часто.

<НОВОГОДНИЕ МАДРИГАЛЫ И ЭПИГРАММЫ>

Написаны Лермонтовым к маскараду в Московском благородном собрании под новый 1832 г.

Н. Ф. И. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 54. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. стр. 671).

Бухариной. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 54. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Вера Ивановна *Бухарина* (1812—1902) была дочерью московского сенатора И. Я. Бухарина. В 1832 г. она вышла замуж за Н. Н. Анненкова.

Трубецкому. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 54. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Трубецкой* — вероятно, Николай Николаевич (1812—1879), служивший в это время в Межевой канцелярии. В 1833 г. он женился на Е. А. Лопухиной (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 4 августа 1833 г.).

Г<-ну> Павлову. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 58. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Павлов* Николай Филиппович (1805—1864) — писатель, автор «Трех повестей». В начале 30-х годов Павлов был известен как переводчик и поэт. Лермонтов был знаком с ним и его женой, поэтессой Каролиной Павловой (Яниш).

Алябьевой. Впервые — Соч., 1880, т. 2, стр. 70. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Александра Васильевна *Алябьева* (1812—1891) славилась в Москве своей красотой (см. строки Пушкина в стихотворении «К вельможе»).

Л. Нарышкиной. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 54. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. О какой Л. Нарышкиной идет речь, не установлено.

Толстой. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 55. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. О какой Толстой идет речь, не установлено.

Бартеньевой. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 55. Печ. по автографу ПД (альбом П. А. Бартеневой). Автограф — ПД, тетр. 4. Лермонтов ошибся, написав «Бартеневой» через «ь». *Бартенева* Прасковья Арсеньевна (1811—1872) — известная певица (см. т. 2, стр. 681).

Мартыновой. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 55. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Мадригал адресован одной из сестер Н. С. Мартынова — Елизавете или Екатерине.

Додо. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 55. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Додо* — Евдокия Петровна Сушкова-Ростопчина (1811—1858), поэтесса. В 1830 г. Лермонтов посвятил ей стихотворение «Крест на скале». В этом же году П. А. Вяземский напечатал в «Северных цветах» ее стихотворение «Талисман», о котором Лермонтов и упоминает в своем мадригале. О первых московских встречах с Лермонтовым Ростопчина рассказала в своем письме к А. Дюма (см. «Записки» Сушковой. Л., 1928, стр. 343).

Башилову. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 55. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. В копии ПД, тетр. В. Х. Хохрякова. Озаглавлено: «A Son Ex<cellence> M-r Bachiloff» («Его превосходительству г-ну Башилову»). *Башилов* Александр Александрович (1777—1847) — тайный советник, сенатор, директор Комиссии строений в Москве.

Кропоткиной. Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 56. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. О какой Кропоткиной идет речь, не установлено.

Щербатовой. Впервые — РМ, 1882, № 2, стр. 174. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Относится к кн. Анне Александровне *Щербатовой* (1808—1870), славившейся своей красотой.

Булгакову. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 56. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Булгаков* Константин Александрович (1812—1862) — сын московского почт-директора А. Я. Булгакова, гуляка и повеса. Лермонтов учился с ним в московском университетском Благородном пансионе. *Класс* — гражданский чин; чиновники делились на 14 классов, 14-й был низшим.

Сабуровой. Впервые — РМ, 1882, № 2, стр. 173. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Посвящено Софье Ивановне *Сабуровой,* сестре пансионского товарища Лермонтова (см. стр. 669).

Уваровой. Впервые — РМ, 1882, № 2, стр. 173. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. О какой Уваровой идет речь, не установлено.

«Вы не знавали князь-Петра...». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 56. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Эпиграмма относится, вероятно, к кн. П. И. Шаликову (см. стр. 675—676).

<Н. Н. Арсеньеву>. Впервые — РА, 1871, № 7—8, стлб. 1271. Печ. по автографу ЦГАЛИ, альбом Арсеньевой. *Арсеньев* Николай Николаевич (р. 1809) — родственник поэта по матери, двоюродный дядя Лермонтова.

«Люблю я цепи синих гор...». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 57. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Автограф ГБЛ.

Солнце. Впервые — ПСС1, т. I, стр. 60. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

«Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 60. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...»). Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 62. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

«Она была прекрасна, как мечта...». Впервые — Стихотворения М. Ю. Лермонтова. Берлин, 1862, стр. 26. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Использовано в стих. «Девятый час; уж тёмно; близ заставы...».

«Время сердцу быть в покое...». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 58. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Первые шесть стихов являются вольным переводом начала стихотворения Байрона 1824 г. «On this day I complete my thirty-sixth year».

«Склонись ко мне, красавец молодой!..». Впервые — в отрывках — ОЗ, 1859, № 7, стр. 58; полностью — Стихотворения М. Ю. Лермонтова. Берлин, 1862, стр. 24. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Авторизованная копия — ПД, тетр. 20.

«Девятый час; уж тёмно; близ заставы...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 63. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Парни* Эварист-Дезире де Форж (1753—1814) — французский поэт, автор эротических стихотворений.

«Как в ночь звезды падучей пламень...». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 59. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

К*** («Я не унижусь пред тобою...»). Впервые — без стихов 21—38 — ОЗ, 1859, № 7, стр. 59; полностью — ПСС1, т. 1, стр. 68. Автограф ПД, тетр. 4. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. стр. 671).

<В альбом Н. Ф. Ивановой> («Что может краткое свиданье...»). Впервые — «Лит. газета», 1939, от 15 октября. Печ. по копии ЦГАЛИ (альбом М. Д. Жедринской).

<В альбом Д. Ф. Ивановой> («Когда судьба тебя захочет обмануть...»). Впервые — «Лит. газета», 1939, от 15 октября. Печ. по копии ЦГАЛИ (альбом М. Д. Жедринской). Обращено к Дарье Федоровне Ивановой, сестре Н. Ф. Ивановой.

«Как луч зари, как розы Леля...». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 60. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Лель* (слав. миф.) — бог-покровитель брака и любви.

«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..». Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 60. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Вы взлелеяли детство мое.* Лермонтов в детские годы несколько раз проводил лето на Северном Кавказе у своих родственников Хастатовых (в 1818, 1820, 1825 гг.).

Романс («Стояла серая скала на берегу морском...»). Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 61. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

Прелестнице. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 61—62. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Черновой автограф — ПД, тетр. 4. В 1841 г. Лермонтов переделал это стихотворение (см. «Договор»).

«Ты молод. Цвет твоих кудрей...». Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 11. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

Had we never loved so kindly. Перевод эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого из стихотворения Роберта Бернса («Parting song to Clarinda»). Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 62. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Черновой автограф — ПД, тетр. 6. В первом стихе Лермонтов слово «kindly» перевел — «дитя», произведя его от немецкого слова «Kind». По-английски «kindly» — «нежно».

Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?..»). Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 62. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Посвящена отцу Лермонтова (см. примеч. к стих. «Ужасная судьба отца и сына...», стр. 689).

«Измученный тоскою и недугом...». Впервые — РМ, 1884, № 4, стр. 60. Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. стр. 671).

«Когда последнее мгновенье...». Впервые — ПСС I, т. 1, стр. 75. Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

«Нет, я не Байрон, я другой...». Впервые — БдЧ, 1845, № 1, стр. 12. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Романс («Ты идешь на поле битвы...»). Впервые — СЛ, 1876, 26 февраля. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

Сонет («Я памятью живу с увядшими мечтами...»). Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 21. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

«Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья...». Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 17. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Относится к стихотворениям, связанным с Н. Ф. Ивановой.

К * («Мы случайно сведены судьбою...»). Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 21. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Первое стихотворение, обращенное к Варваре Александровне Лопухиной (1815—1851).

«Поцелуями прежде считал...». Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 93. Печ. по копии ПД, тетр. 20.

«Послушай, быть может, когда мы покинем...». Впервые — СВ, 1889, № 1, стр. 22. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20.

К * («Оставь напрасные заботы...»). Впервые — СЛ, 1876, 26 февраля. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Обращено к В. А. Лопухиной.

Баллада («Из ворот выезжают три витязя в ряд...»). Впервые — СВ, 1891, № 8, стр. 10. Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Первые два стиха являются переводом начальных стихов старинной немецкой народной песни «Die drei Ritter».

Бой. Впервые — СВ, 1889, № 3, стр. 94. Печ. по автографу ПД, тетр. 20.

«Я жить хочу! хочу печали...». Впервые — С, 1854, № 1, стр. 6. Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Отрывок стихотворения процитирован в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от августа 1832 г. после фразы: «Странная вещь, только месяц тому назад я писал...». Следовательно, стихотворение написано в июле.

«Смело верь тому, что вечно...». Впервые — СЛ, 1876, 1 января. Печ. по автографу ПД, тетр. 20.

«Приветствую тебя, воинственных славян...». Впервые — С, 1857, № 10, стр. 190. Печ. по автографу ПД, тетр. 20. См. примеч. к стих. «Новгород», стр. 680.

Желанье («Отворите мне темницу...»). Впервые — ОЗ, 1841, № 11, стр. 1. Печ. по копии ПД, тетр. 15. Автограф ст. 1—8— ПД, тетр. 20. В 1837 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Узник»).

К * («Мой друг, напрасное старанье!..»). Впервые — СВ, 1889, № 2, стр. 128. Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Копия — ПД, альбом А. М. Верещагиной.

К * («Печаль в моих песнях, но что за нужда?..»). Впервые — СЛ, 1876, 1 января. Печ. по автографу ПД, тетр. 20.

Два великана. Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 1. Печ. по копии ПД, тетр. 15. Ранний автограф — ПД. тетр. 20. Авторизованная копия — ГИМ. *Трехнедельный удалец* — Наполеон. *Неведомый гранит* — о. Св. Елены.

К * («Прости! — мы не встретимся боле...»). Впервые — СЛ, 1876, 1 января. Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Вторая строфа использована в стих. 1840 г. «Есть речи — значенье...».

«Слова разлуки повторяя...». Впервые — СЛ, 1876, 1 января. Печ. по автографу ПД, тетр. 20.

«Безумец я! вы правы, правы!..». Впервые — СЛ, 1875, 16 ноября. Печ. по автографу ПД, тетр. 20. В автографе вычеркнуто заглавие «Толпе».

«Она не гордой красотою...». Впервые — СЛ, 1876, 1 января. Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Относится к В. А. Лопухиной.

«Примите дивное *посланье*...». Впервые — РС, 1873, № 3, стр. 402. Печ. по автографу ПД. Приведено в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от начала августа 1832 г. *Павлово писанье* — писание апостола Павла. *Павел* — родственник поэта Павел Александрович Евреинов. *Красный ворот.* Мундиры полицейских были с красным воротом.

«Что толку жить!.. Без приключений...». Впервые — РС, 1872, № 2, стр. 289. Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. Автограф — ГПБ (письмо к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г.).

«Для чего я не родился...». Впервые — РА, 1863, № 3, стлб. 265. Печ. по автографу ГПБ (письмо к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г.).

Челнок («По произволу дивной власти...»). Впервые — РС, 1873, № 3, стр. 403. Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. Автограф — ПД (письмо С. А. Бахметевой). Копия — ПД (по альбому А. М. Верещагиной).

Парус. Впервые — ОЗ, 1841, № 10, стр. 161. Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. Автограф — ГПБ (письмо к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.).

«Он был рожден для счастья, для надежд...». Впервые — РА, 1863, № 4, стлб. 293. Печ. по автографу ГПБ (письмо к М. А. Лопухиной от октября 1832 г.). Черновой автограф — ПД, казанск. тетр. Первые четыре стиха первой строфы с небольшими изменениями перенесены в стихотворение 1839 г. «Памяти А. И. Одоевского», вторые — использованы в «Думе».

Тростник. Впервые — СЛ, 1875, 16 ноября. Печ. по автографу ПД, казанск. тетр.

Русалка. Впервые — ОЗ, 1839, № 4, стр. 131. Печ. по Стих. 1840, стр. 49, где датируется 1836 г. Однако автограф (ПД, казанск. тетр.), с незначительными разночтениями, относится к 1832 г.

Баллада («Куда так проворно, жидовка младая?..»). Впервые — СЛ, 1876, 1 января. Печ. по автографу ПД, казанск. тетр.

Гусар. Впервые — СЛ, 1876, 1 января. Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. *Красные доломаны* и шитые золотом *ментики* — форма лейб-гвардии гусарского полка, в который Лермонтов был зачислен по вступлении в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; все кони в этом полку были серые.

«Non, si j'en crois mon espérance...». Впервые — РС, № 8, стр. 391. Печ. по копии ПД.

Юнкерская молитва. Впервые — «Атеней», 1858, № 48, стр. 289. В другой редакции — «Звезда», 1936, № 5, стр. 184, по рукописному журналу «Школьная заря». Печ. по копии ПД. *Алёхин глас.* Алёха — преподаватель юнкерской школы Алексей Степанович Стунеев.

«На серебряные шпоры...». Впервые — СЛ, 1876, 1 января. Печ. по автографу ПД, тетр. 21.

«В рядах стояли безмолвной толпой...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр. 243. Печ. по копии ПД. Речь идет, видимо, о похоронах Егора Сиверса, обучавшегося одновременно с Лермонтовым в юнкерской школе. Сиверс умер 5 декабря 1833 г. В стихотворении ощущается воздействие стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура».

ПОЭМЫ

Черкесы. Впервые — отрывок — Соч., 1860, т. 2, стр. 3; полностью ПСС1, т. 3, стр. 164. Печ. по авторизованной копии ГПБ. В копии имеется надпись рукою Лермонтова: «В Чембар за дубом». В Чембарах (уездный город Пензенской губ., ныне город

Белинский) Лермонтов мог бывать в летние месяцы 1828 г. Близ Чембар находилось имение Е. А. Арсеньевой — Тарханы. «Черкесы» — одно из самых ранних поэтических опытов Лермонтова. В тетради ПД с автографами поэм «Кавказский пленник» и «Корсар» Лермонтов нарисовал титульный лист поэмы «Черкесы» — лира с венками по сторонам, под заглавием — ядра и скрещенные пистолеты, ниже — эпиграф из эпилога поэмы Пушкина «Кавказский пленник»:

Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет брани вещий глас,
Оставит стрелы боевые...
...И к тем скалам, где крылись вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы!..

В поэме отразились детские воспоминания Лермонтова о Кавказе и рассказы его родственников Шан-Гиреев и Хастатовой, переехавших в 1825 г. с Кавказа в Пензенскую губернию. В свою поэму Лермонтов включил ряд стихов из произведений Пушкина («Кавказский пленник»), Байрона («Абидосская невеста» в переводе И. И. Козлова), И. И. Козлова («Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»), И. И. Дмитриева («Причудница», «Ермак», «Освобожденная Москва»), К. Н. Батюшкова («Сон воинов»). *Лоар* — р. Луара во Франции.

Кавказский пленник. Впервые — отрывки — Соч., 1860, т. 2, стр. 5; полностью — ПСС1, т. 3, стр. 133. Печ. по беловому автографу ПД. В альбоме, где находится автограф, имеется помета: «Москва. 1828». На обороте листа — рисунок Лермонтова, изображающий конного черкеса, который тянет на аркане русского пленника. Поэма представляет подражание пушкинскому «Кавказскому пленнику», откуда заимствован сюжет, ряд стихов и отдельные поэтические выражения. Эпиграф взят из стихотворения немецкого поэта Карла Филиппа Конца (1762—1827) «Das Orakel der Weisheit». *Сайгаки* (сайга) — разновидность диких коз. *Тулук* — бурдюк.

Корсар. Впервые — отрывки — ОЗ, 1859, № 7, стр. 11. Полностью — ПСС1, т. 3, стр. 152. Печ. по беловому автографу ПД. Эпиграф взят из романса Лагарпа «Héro et Léandre». Французский текст эпиграфа изменен применительно к содержанию поэмы. Начало поэмы написано под воздействием «Братьев разбойников» Пушкина, как продолжение пушкинской поэмы. Название восходит к одноименному произведению Байрона. Так же как в «Черкесах» и «Кавказском пленнике», в «Корсаре» много текстуальных заимствований из Пушкина (помимо «Братьев разбойников» — из «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана»), из А. А. Бестужева-Марлинского («Андрей, князь Переяславский»), И. И. Коз-

лова («Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»), Байрона («Абидосская невеста» в переводе И. И. Козлова). *Геллеспонт* — древнегреческое название Дарданелльского пролива. *Афос* — Афон фракийский — гора в Греции. *Лемос* (правильно Лемнос) — остров в северной части Эгейского моря. С Афона видны башни Кастрона — крепости на западном берегу Лемноса.

Преступник. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 22. Печ. по автографу ГБЛ (тетр. А. С. Солоницкого). В поэме заметно влияние поэмы Пушкина «Братья разбойники». *Служитель Аарона* — т. е. еврейский священнослужитель; *Аарон* (библ.) — первосвященник у евреев.

Олег. Впервые — вариант III — ОЗ, 1859, № 7, стр. 34; отрывок из варианта I — РМ, 1881, № 12, стр. 23; полностью — ПСС1, т. 1, стр. 17. Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Текст представляет три варианта начала поэмы. *Олег* — киевский князь (ум. в 912 г.). В 907 г. совершил победоносный поход на Царьград (Константинополь). *Лада* (слав. миф.) — мать бога любви Леля; милая, возлюбленная. *Стрибог* (слав. миф.) — бог ветра. *Пред кем дрожали печенеги.* Историческая неточность: столкновения с печенегами начались уже после смерти Олега. *Казары* — хазары, тюркские племена, жившие в низовьях Волги, на Дону и в Прикарпатье.

Два брата. Впервые — РМ, 1881, № 12, стр. 30. Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Отрывок представляет начало поэмы. На полях рукописи против стихов 19—24 сделана чьей-то рукою помета «Contre la moral» (против нравственности). В сюжете и отдельных стихах отразилось чтение VI главы «Евгения Онегина» («Давно ль? давно ли друг без друга. . .» и т. д.).

Две невольницы. Впервые — «Русское слово», 1910, от 21 марта. Печ. по авторизованной копии ГБЛ. Эпиграф — из трагедии Шекспира «Отелло», действие III, сцена 3, слова Яго. На замысле поэмы сказалось влияние «Бахчисарайского фонтана».

Джюлио. Впервые — отрывок — Соч., 1860, т. 2, стр. 91; полностью — ПСС1, т. 3, стр. 184. Печ. по автографу ПД, тетр. 5. В автографе на первом листе рукою Лермонтова написано: «Вступление (1830 года)». Рядом приписка: «(великим постом и после) (Я слышал этот рассказ от одного путешественника)». Предпоследний лист рукописи утерян, поэтому после стиха «Отдохшие под свежею росой» следует строка точек. Некоторые стихи из «Джюлио» Лермонтов использовал в стихотворении «1831-го июня 11 дня», поэмах «Литвинка» и «Измаил-Бей». Стихи, заключенные в кавычки, — вольное переложение двух строф оды XVI Горация (II книга). *Чичисбей* — в XVI—XVIII вв. в Италии постоянный спутник богатой знатной женщины во время прогулок; здесь: любовник. *Аквилон* — см. стр. 685. *Сайгак* — см. стр. 698.

Последний сын вольности. Впервые — «Русское слово», 1910, от 20 марта. Печ. по автографу ПД. Датируется второй половиной 1830 — первой половиной 1831 г. О герое поэмы Вадиме Храбром имеются краткие сведения в Никоновской летописи под 864 г.: «Уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев советников его» («Русская летопись по Никонову списку», ч. 1. СПб., 1767, стр. 16). Образ Вадима привлекал внимание русских писателей XVIII — начала XIX в. В 1793 г. по распоряжению Екатерины II была конфискована и сожжена трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», где главный герой был изображен революционером-республиканцем, поднявшим восстание против поработителя славян варяжского князя Рюрика и павшим в неравной борьбе. Новгородская вольница и подвиг Вадима были излюбленной темой поэтов-декабристов (К. Ф. Рылеев, В. Ф. Раевский). Пушкин в 1822 г. задумал трагедию о Вадиме и начал писать о нем поэму. *Шеншин* Николай Семенович (1813—1835) — в автографе Шиншин, которому посвящена поэма, друг Лермонтова, один из участников «лермонтовской пятерки» (друзей Лермонтова университетской поры). Учился одновременно с Лермонтовым в университете, затем в Школе гвардейских подпрапорщиков; служил в лейб-гвардии Преображенском полку, затем поступил в Военную академию, но, не окончив курса, умер. Эпиграф — из поэмы Байрона «Гяур» (стих 6). Заключительная цитата — из поэмы Оссиана «Картон». (Ее приводит Пушкин в поэме «Руслан и Людмила»: «Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой».)

Каллы. Впервые — начало поэмы — Соч., 1860, т. 2, стр. 292. Полностью — РМ, 1882, № 2, стр. 697. Печ. по авторизованной копии ПД. Последний лист отсутствует. Поэтому заключительные строки печатаются по копии В. Х. Хохрякова (ГПБ), скопировавшего этот лист, когда он еще находился на месте, хотя и был дефектным. Приводим одиннадцать строк, поврежденных в тексте и обозначенных на стр. 370 рядом точек:

Быть может
В его чертах
Следы страда
Но укрывал
Под башлы
И больше
Он не госп
И верно б
На том к
Встречал ли
Ему открыт был

Копия П. А. Висковатова, сделанная, по его словам, со списка А. М. Верещагиной, представляющего первоначальную редакцию текста, — ПД. Поэма основана на черкесском предании (см.: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии.

М., 1954, стр. 62), ср. также подзаголовок рукою Лермонтова — «Черкесская повесть». Слово *каллы́* происходит от тюркского канлы́ — кровный, кровник, т. е. человек, на котором лежит обязанность кровной мести. *Белеет памятник простой: Какой-то столбик округленный! Чалмы подобие на нем.* Над могилами убитых, кровь которых осталась неотомщенной, ставились такие столбики. Чалма высекалась над могилой хаджи, т. е. мусульманина, совершившего паломничество в Мекку.

<Азраил>. Впервые — СЛ, 1876, № 43. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Название поэмы в копии отсутствует. Начало поэмы вписано А. Закревским, приятелем Лермонтова, в альбом Ю. Н. Бартенева (ПД), с датой 15 августа 1831 г. *Азраил* — в мусульманской мифологии — ангел смерти, принимающий вместе с последним вздохом умирающего его душу.

Ангел смерти. Впервые — в изд. «Ангел смерти. Восточная повесть. Соч. М. Ю. Лермонтова». Карлсруэ, 1857. На титульном листе примечание: «Печатано с тетради, писанной собственною рукою автора и хранящейся у одной из его родственниц, имени которой и посвящена эта повесть. 1831 года сентября 4-го дня». Поэма посвящена Александре Михайловне Верещагиной (р. 1810), кузине и приятельнице Лермонтова, впоследствии баронессе Гюгель. Автограф — ГБЛ (архив А. М. Верещагиной). Черновой автограф — ПД, тетр. 11, с заметками, относящимися к работе над поэмой: «Написать поэму — Ангел смерти. Ангел смерти при смерти девы влетает в ее тело из сожаления к любезному и раскаивается, ибо это был человек мрачный и кровожадный, начальник греков. — Он ранен в сражении и должен умереть; ангел уже не ангел, а только дева, и его поцелуй не облегчает смерти юноши, как бывало прежде. <Демон> Ангел покидает тело девы, но с тех пор его поцелуи мучительны умирающим». «Ангел говорит: Море колеблется, и цветок, отраженный его волнами, должен колебаться; скажи, отчего ты так беспокоен. — Повесть кончается вот чем: ... С тех пор хладнее льда его объятье, И поцелуй его — проклятье!»

Исповедь. Впервые — РС, 1887, № 10, стр. 112. Печ. по копии ПД, тетр. 2, а отсутствующие в ней первые 60 стихов по черновому автографу ПД. Датируется предположительно второй половиной 1831 г., т. к., по-видимому, связано с прозаическим наброском: «Написать записки молодого монаха 17-ти лет — с детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. Страстная душа томится. Идеалы...» (Этот набросок находился в тетради после текста драмы «Странный человек», датированной 17 июня 1831 г.) Замысел «Исповеди» получил развитие в поэмах «Боярин Орша» и «Мцыри». Черновой вариант стиха 2 «Шумел, бежал Гвадалквивир» восходил к строкам Пушкина из стихотворения «Ночной зефир», поэтому Лермонтов, чтобы избежать дословного повторения, заменил «шумел» на «крутясь».

Моряк. Впервые — в сокращенной редакции — в сб. «Раут». М., 1851, стр. 197; полностью — ПСС2, т. 5, стр. 236. Печ. по факсимиле авторизованной копии («Русский библиофил», 1913, № 1, стр. 14). Здесь рукою Лермонтова написаны название поэмы, эпиграф (из «Корсара» Байрона, стихи 1—4), дата (1832), латинское изречение «Sic transit gloria mundi» (так проходит слава мира).

Измаил-Бей. Впервые — с неточностями и цензурными исключениями — ОЗ, 1843, № 3, стр. 1. Печ. по авторизованной копии ПД. Заголовки частей, эпиграфы и стихи 33—36 — по выпискам В. Х. Хохрякова (ГПБ). На обложке копии В. Х. Хохрякова надпись, воспроизводящая почерк Лермонтова: «Измаил-Бей. Восточная повесть. 1832 год 10 мая». В копии Хохрякова имеется исключенная позднее строфа, следующая после XXV строфы первой части. В черновом автографе посвящения к поэме (ПД, казанск. тетр.) имеется 8 стихов, не вошедших в окончательный текст, относящихся к В. А. Лопухиной и имеющих интимный характер. Посвящение написано в октябре — ноябре 1832 г. Сюжет поэмы связан с действительными историческими событиями, происходившими на Кавказе в начале XIX в. *Измаил-Бей* реальное историческое лицо — кабардинский князь Измаил-Бей Атажуков. Он получил военное образование в России, служил в русской армии, участвовал в штурме Измаила. В 1804 г. в Кабарде происходили волнения, возбуждаемые кабардинскими феодалами и мусульманским духовенством. Именно в это время правительство Александра I отправило на родину Измаила Атажукова с тем, чтобы он вел переговоры с восставшими, во главе которых был князь Росламбек Мисостов, двоюродный брат Измаил-Бея (прототип Росламбека). Подробно об исторической основе поэмы и о народных преданиях об Измаил-Бее, которые, очевидно, знал Лермонтов, см.: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, стр. 16. Личность Измаила Атажукова, а также политическую ситуацию, сложившуюся в Кабарде в первое десятилетие XIX в., освещают интереснейшие документы, опубликованные в труде: М. О. Косвен. Кабардинский патриот Измаил Атажуков. — «Ученые записки адыгейского научно-исслед. ин-та», т. 1. Майкоп, 1957, стр. 43. Версия о том, что Измаил-Бей погиб от руки Росламбека, имела широкое распространение на Кавказе. В одном из писем декабриста А. И. Якубовича, знакомого с родственниками Измаила, имеются строки о «братоубийстве Росламбека Мисостова» (М. К. Азадовский. О литературной деятельности А. И. Якубовича. — ЛН, т. 60. М., 1956, стр. 278). *Джяуры* — иноверцы. *Царь их пятиглавый* — Бештау, самая высокая из всех гор Минераловодского района с пятью вершинами (по-татарски «бештау» значит «пять гор»). *Шат* — Эльбрус. *Байран* (байрам) — название мусульманского праздника. *Оссаевское поле* — в начале XIX в. так называли равнину, по которой протекает река Асса (Оссая). *Питомец смелый трамских табунов.* Аул Трам в Пятигорье, уничтоженный в 1818 г., славился своими конями. *И белый крест на ленте полосатой.* Речь идет о георгиевском кресте, который носили на полосатой

черно-оранжевой ленте. Измаил-Бей был награжден орденом Георгия 4-й степени за участие в штурме Измаила.

Литвинка. Впервые — отрывки — Соч., 1860, т. 2, стр. 287; полностью — РС, 1882, № 12, стр. 685. Печ. по авторизованной копии ПД, казанск. тетр. Действие поэмы происходит во время русско-литовских войн XV — начала XVI в.

Аул Бастунджи. Впервые — отрывки — Соч., 1860, т. 2; полностью — РМ, 1883, т. 2, стр. 3. Печ. по автографу ПД. *Аул Бастунджи* находился в районе Пятигорья между Машуком и Бештау и был разрушен после 1804 г., когда его жители ушли в горы. В 1825 г. во время поездки на Кавказ Лермонтов мог видеть развалины этого аула. Возможно, что Лермонтову было известно популярное черкесское предание о двух братьях Канбулате и Атвонуке (в других записях Антиноко), враждовавших из-за жены Канбулата (С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, стр. 60). *Арчаг* (арчак) — деревянный остов седла. *Симун* — самум.

Хаджи Абрек. Впервые — БдЧ, 1835, т. 11, стр. 81. Это первое произведение Лермонтова, появившееся в печати с его подписью. А. П. Шан-Гирей рассказывает: «С нами жил в то время дальний родственник и товарищ Мишеля по школе, Николай Дмитриевич Юрьев, который, после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи, передал тихонько от него поэму «Хаджи Абрек» Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению, в одно прекрасное утро появилась напечатанная в «Библиотеке для чтения». Лермонтов был взбешен; по счастью, поэму никто не разбранил, напротив, она имела некоторый успех...» («Русское обозрение», 1890, № 8, стр. 737). В поэме использованы имена и названия, которые Лермонтов мог узнать от своих родственников, приезжавших с Кавказа, или от юнкеров-дагестанцев Шах Вали и Мехти Ассан-Хана. В 1831 г. был убит своим «кровником» известный чеченский наездник Бей-Булат Таймазов (упоминается Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»). *Абрек* — здесь: изгой, исключенный из семьи и рода. «Абреком делался по преимуществу убийца, от которого отказывался род...» (Л. П. Семенов. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, стр. 30). *Велик, богат аул Джемат.* Очевидно, карачаевский аул Джемат, в Теберде у горной реки Джемаат.

ДРАМЫ

Цыганы. Впервые — ОЗ, 1859, № 7, стр. 26. Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Начало либретто для оперы по одноименной поэме Пушкина. Песня «Мы живем среди полей...» заимствована из оперы «Пан Твардовский» А. Н. Верстовского (либретто М. Н. Загоскина). Песня была напечатана отдельно в «Драматическом альманахе для любителей и любительниц театра». СПб., 1828. *Из «Московского вестника» песнь.* Имеется в виду «Цыган-

ская песня» С. П. Шевырева, напечатанная без подписи в «Московском вестнике», 1828, № 12, стр. 320. Стихи 17—29 — цитата из поэмы Пушкина «Цыганы».

Испанцы. Впервые — в отрывках — «Русский вестник», 1857, № 5, кн. 2, стр. 233; полностью — «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова». СПб., 1880, стр. 1. Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 17, с исправлениями по отрывкам чернового автографа ПД, тетр. 9. Последний лист рукописи утрачен, поэтому заключительные строки трагедии до нас не дошли. Датируется 1830 г. (дата на обложке в копии ПД). «Испанцы» — самое раннее из законченных драматических произведений Лермонтова. Сохранился ряд планов и набросков, дающих представление о развитии замысла трагедии (Соч. АН, т. 5, стр. 605). На одном листе с заметкой, относящейся к «Испанцам», записан сюжет трагедии из современной русской жизни: «Молодой человек в России, который недворянского происхождения, отвергаем обществом, любовью, унижаем начальниками... — Он застреливается» (Соч. АН, т. 6, стр. 375). Этот замысел может служить своего рода комментарием к испанской теме. «Испанцы» — агитационная пьеса, продолжающая традиции поэзии декабристов в условиях последекабрьского политического гнета. Лермонтов не стремился воссоздать конкретные черты какой-либо определенной эпохи (в трагедии упоминаются лица и события XV, XVI и XVII вв.) — он дает обобщенную романтическую картину Испании времен инквизиции. Шестнадцатилетний поэт обращался в трагедии к классическим образам и ситуациям мировой литературы: ночной разговор Сары и Ноэми (действие II, сцена 2) подсказан разговором Татьяны с няней в «Евгении Онегине»; похищение Эмилии близко к аналогичной интриге в «Эмилии Галотти» Лессинга (возможно, что Лермонтов заимствовал отсюда и имя героини), образы Моисея, Сары и Ноэми возникли при воздействии «Айвенго» Вальтера Скотта и «Натана Мудрого» Лессинга. В ряде эпизодов отразилось увлечение юного Лермонтова трагедиями Шекспира и Шиллера. Однако все эти несомненные связи нисколько не умаляют самостоятельности Лермонтова в разработке основных социальных и философских вопросов, затронутых в пьесе; они лишь свидетельствуют о том, что Лермонтов осваивал опыт великих европейских писателей для создания русской романтической трагедии. *Бургос* — главный город провинции того же названия в Кастилии; до XVI в. резиденция кастильских королей. *Карл I* (1500—1558) — испанский король с 1516 г.; под именем Карла V — император священной Римской империи с 1519 г. *Доминик* (Доминго) де Гусман (1170—1221) — католический святой, основатель монашеского ордена доминиканцев, проповедник беспощадного истребления еретиков. *Армида* и *рыцари-вожди* — персонажи поэмы Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим». *Авраам* — библейский патриарх, которому бог, желая его испытать, велел принести в жертву сына Исаака; в момент жертвоприношения ангел, явившийся Аврааму, остановил его руку. *Солим* — одно из названий Иерусалима. *Сион* — см. стр. 671.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Песня («Что в поле за пыль пылит...»). Впервые — СЛ, 1875, № 256. Печ. по копии ПД, тетр. 20. Связана с замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном. Стихотворение представляет запись народной песни, широко распространенной в крестьянской среде и имеющей много вариантов (см., например: И. Сахаров. Песни русского народа. СПб., 1839, ч. 4, стр. 398; П. Якушкин. Сочинения. СПб., 1884, отд. «Исторические песни», № 8, стр. 532). Запись Лермонтова отличается от известных нам вариантов. По-видимому, поэт подверг народную песню некоторой литературной обработке

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ПОЭМЫ

Лермонтов Михаил Юрьевич
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 25/III 1964 г. Подписано в печать 12/V 1964 г. Бумага $84 \times 108\ ^1/_{32}$. Печ. л. $22\ ^3/_8$ + 5 вкл. (37,21). Уч.-изд. л. 35,11. Тираж 40 000. Заказ № 529.
Цена 1 р. 25 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати,
Красная ул., 1/3